

БИБЛИОТЕКА
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
в 20-ти
ТОМАХ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АЛИБЕКОВ ДЖАМИЛЬ
АЛИЕВ РУСТАМ
АМЛИНСКИЙ ВЛАДИМИР
АНАР (РЗАЕВ АНАР)
АХМЕДОВ САБИР
АХУНДОВ АГАМУСА
ГАДЖИЕВ АРИФ
ДАДАШЗАДЕ АРАЗ
ИБРАГИМБЕКОВ МАКСУД
ИБРАГИМОВ МИРЗА
ИБРАГИМОВ НАЗИМ
КАРАЕВ ЯШАР
КАФАРОВ ВЛАДИМИР
МУСТАФАЕВ ФАИК
САДЫХОВ МУРТУЗ
САМЕДОГЛЫ ЮСИФ
ТАИРБЕКОВ БАЙРАМ

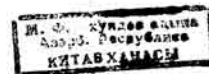
М. Ф. АХУНДОВ

КОМЕДИИ
ПРОЗА
ПОЭЗИЯ
ЛИТЕРАТУРНО-
КРИТИЧЕСКИЕ
СТАТЬИ

2. 67.5248

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Баку — 1987

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Баку — 1987

Ш/6(2 Аз)

С(Аз)I
А 95

Подготовка к печати,
вступительная статья и комментарии

Надира Мамедова

**ВЕЛИКИЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ И ФИЛОСОФ**

Богатое и многогранное творчество Мирзы Фатали Ахундова, великого сына азербайджанского народа, выдающегося писателя, философа-материалиста и крупного общественного деятеля занимает особое место в истории литературной, общественно-политической и философской мысли Азербайджана XIX века. М. Ф. Ахундов по праву считается родоначальником национальной драматургии, художественной прозы и литературной критики, основоположником реалистического художественного метода в азербайджанской литературе. Велика его заслуга и в формировании и развитии идеологии просвещения в Азербайджане.

Весь свой яркий талант, всю свою кипучую энергию М. Ф. Ахундов отдал великому и благородному делу возрождения и процветания социальной и духовной жизни родного народа. «Я хочу, — писал он в одном из своих писем, — продолжить своему народу путь к образованию, науке, просвещению и цивилизации»!

М. Ф. Ахундов родился в 1812 г.* в Нухе (ныне Шеки) в семье мелкого торговца. Когда Фатали исполнилось семь лет, мать его расходится с отцом и воспитание его переходит к дяде матери Ахунду Хаджи-Алескеру, являвшемуся одним из образованных людей того времени.

Как писал М. Ф. Ахундов впоследствии в своей автобиографии, под руководством опекуна, «второго отца», отличавшегося глубокой ученостью, благородным характером и горячо любившего своего юного питомца, Фатали изучает персидский и арабский языки, мусульманское богословие, знакомится с творчеством видных представителей классической литературы Востока.

В духовной школе (медресе) Гянджи (ныне Кировабад), где в 1832 г. учился Фатали, среди преподавателей был видный азербайджанский поэт-вольнодумец Мирза Шафи Вазех (1792 — 1852). Заметив одаренность, любознательность юноши, Мирза Шафи ведет с ним откровенные беседы, пробуждая у него неприязнь к схоластическому учению, интерес к светским наукам.

В 1833 г. Ахундов поступает в русскую школу в Нухе, а через год приезжает в Тифлис, тогдашний административный и культурный центр Закавказья, и поступает на государственную службу в канцелярию Главного управляющего гражданской, а впоследствии и военной частью Кавказа в качестве переводчика с восточных языков, где он проработал до конца своей жизни. Во время своей продолжительной, непрерывной службы в Тифлисе М. Ф. Ахундов принимает активное участие во многих военно-дипломатических переговорах между Россией и Ираном, Россией и Турцией, находится в действующей армии во время войны России против горских народов Дагестана, принимает участие в Крымской кампании 1853 — 1856 гг., выполняет ряд ответственных административных поручений высшей царской власти и т. д.

* Месяц и день рождения М. Ф. Ахундова не известны. Юбилейные даты его рождения в Азербайджане и во всем Советском Союзе, по традиции, отмечаются в конце октября.

Ахундов М. Ф.

А 95 Избранные произведения.—Б.: Азернешр, 1987, с. 294

В однотомник выдающегося азербайджанского писателя вошли его комедии, некоторые поэтические произведения, повесть «Обманутые звезды», литературно-критические статьи. Книга составляет один из томов двадцатитомника «Библиотека азербайджанской классической литературы». Она снабжена предисловием и комментариями.

А 4702060000—192 РК—87
М—651—87

С(Аз)I

© «Художественная литература», 1963

© Азернешр, доп. перераб.

В Тифлисе у М. Ф. Ахундова складываются дружеские отношения с известными азербайджанскими писателями — А. Бакихановым, И. Куткашениским, К. Закиром, а также с родоначальником новой армянской литературы Хачатуром Абовяном, с видными грузинскими писателями Г. Эристави, Г. Орбелиани, А. Чавчавадзе, писателями-декабристами А. А. Бестужевым-Марлинским и А. Одоевским, находившимися в ссылке на Кавказе, с поэтом И. И. Князьевым, участником польского восстания Фадеем (Гадеуш Ладдо) Заблониным, а впоследствии с видными русскими востоковедами А. Берже, Н. В. Ханьковым, писателями Я. Поленским и В. А. Соллогубом, историком Н. Ф. Дубровиным и т. д.

С первых лет жизни в Тифлисе М. Ф. Ахундов уделяет особое внимание углублению своих знаний; наряду с восточной литературой и философией последовательно, неустанно и с большим интересом изучает творчество выдающихся писателей и мыслителей России и Западной Европы, в частности французских и русских просветителей. Он проявляет большой интерес к истории стран мусульманского Востока, России, Западной Европы и Америки, знакомится с трудами видных европейских историков и естествоиспытателей. Все это оказывает громадное, благотворное влияние на расширение мировоззрения М. Ф. Ахундова, на его многогранную деятельность.

На протяжении более 30 лет Мирза Фатали занимался художественным, научным и общественно-политическим творчеством. В 30—40-е годы им был написан по традиции классической и народно-ашугской поэзии на персидском и азербайджанском языках ряд стихотворений — «Жалоба на время», «Поэма на смерть Пушкина» и гошмы (четверостишия).

Наиболее интенсивное, плодотворное творчество М. Ф. Ахундова началось в 50-е годы. В 1850—1856 гг. он пишет одну за другой шесть оригинальных комедий, заложив этим основы драматургии в азербайджанской литературе, а также в литературе Ближнего Востока.

Свои комедии М. Ф. Ахундов сам перевел на русский язык и опубликовал их в те годы на страницах газеты «Кавказ». В 1853 г. был издан на русском языке сборник его пьес в Тифлисе, в типографии наместника Кавказа, под названием «Комедии Мирзы Фет-Али Ахундова». Появление комедий Мирзы Фатали Ахундова на русском языке было благожелательно встречено многими русскими писателями и критиками. На страницах многих журналов и газет, а также в Берлинской периодической печати были напечатаны положительные рецензии на них¹. Некоторые комедии М. Ф. Ахундова в 1852—1853 гг. были поставлены на сценах Петербурга и Тифлиса.

В 1857 г. М. Ф. Ахундов написал повесть «Обманутые звезды» и в том же году перевел ее на русский язык для опубликования в газете «Кавказ». (Однако газета ее напечатала только в 1864 г.) В 1859 г. в Тифлисе, в той же типографии наместника Кавказа, он издает на азербайджанском языке сборник своих комедий и повесть «Обманутые звезды» с небольшим предисловием под названием «Темсилат».

М. Ф. Ахундов видит, что арабский алфавит является очень серьезным препятствием на пути просвещения азербайджанского и других мусульманских народов Востока, в 1857 году написал специальный труд, в котором подробно и научно обоснованно разбирает недостатки этого алфавита, рассказывал о сложности его усвоения и на его основе составил проект нового алфавита.² (Впоследствии он отказывается от своего первоначального проекта и на основе латинских букв создает новый алфавит.) На протяжении более 20 лет М. Ф. Ахундов вел смелую, последовательную борьбу за реформу арабского алфавита, однако реакционные иранские и турецкие правители, представители мусульманского духовенства всячески ему в этом препятствовали и он не смог осуществить свое намерение. Только после победы Совет-

¹ «Библиотека для чтения», 1851, т. 110, ч. I, отд. VI, с. 15—20; там же, т. 112, ч. II, отд. VI, с. 204—239; «Отечественные записки», 1854, XCIII, с. 24—28; «Кавказ», 1853, 19 августа; «Закавказский вестник», 1853, 20 августа; «Magazin für die Literatur des Auslandes», 1852, 14 августа; Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, 1852, № 11.

ской власти азербайджанский народ, как и другие тюрко-татарские народы Советского Союза, претворил в жизнь замечательные идеи М. Ф. Ахундова.

В 1863—1865 годах М. Ф. Ахундов пишет философский трактат «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле к персидскому принцу Джелал-уд-Довле и ответ на них последнего», являющийся одним из ярких, острых и глубоких произведений просветительно-демократической, атеистической и материалистической литературы на Ближнем и Среднем Востоке. Этот философский трактат М. Ф. Ахундова может быть поставлен в один ряд с философскими трудами выдающихся французских просветителей XVIII века.

В «Письмах Кемал-уд-Довле» азербайджанский философ выступает против феодально-деспотического строя Ирана, показывает его экономический, политический, социальный и культурный упадок, подвергает резкой критике произвол, гнет, самодурство и невежество феодальных правителей и критике духовных лиц, раскрывает отсталость, бесправие и нищету широких слоев населения, пропагандирует просветительно-демократические и атеистическо-материалистические идеи.

Осуждая феодально-деспотический строй М. Ф. Ахундов настоятельно рекомендует высшим феодальным правителям Ближнего Востока провести в государственной системе своих стран коренную перестройку и создать в них конституционную монархию «...государственный строй, — писал он в своем философском трактате, — должен быть основан на тех началах, на которых зиждется английская государственность, то есть должен быть конституционным государственным строем, быть на законных началах. Только в этом случае государственный строй может долго продлиться и народ всей душой будет стремиться к тому, чтобы власть падишаха была прочной»¹.

Проблемы коренной перестройки феодального общества, установление в странах Ближнего Востока нового государственного строя, который способствовал бы их экономическому, политическому, социальному и культурному развитию и отвечал бы насущным интересам широких слоев их народов, серьезно занимали М. Ф. Ахундова и в последующие годы. После долгих раздумий и глубокого знакомства с историей революционного движения Западной Европы, он в начале 70-х годов окончательно освобождается от иллюзий насчет коренного изменения феодально-деспотического строя мирным путем и приходит к убеждению, что его можно свергнуть только насильственным путем — вооруженным восстанием народных масс. В одном из писем видному общественному деятелю и ученому Ирана Мирзе Юсиф-хану (1871 г.), затрагивая этот вопрос, он писал: «Для устранения угнетения существует два средства: или угнетатель должен прекратить угнетение, или же угнетенные, не вытерпев угнетения, сами должны уничтожить его... Для устранения угнетения не следует читать иравоучения угнетателю, а наоборот, надо сказать угнетаемому: почему же ты, во много раз превосходя в силе и способностях угнетателя, так терпеливо все выносишь? Проснись и уничтожь угнетателя»².

Эта концепция получила свое яркое выражение и в его статье «Критика «Ек кельме» («Одно слово»», написанной в 1875 г.

Призывая народ к вооруженной борьбе против феодально-деспотического строя, против угнетателей и притеснителей и к созданию демократической республики, Ахундов заложил основы революционно-демократической идеологии в Азербайджане и в странах Ближнего Востока.

Выступая как востужающий материалист и атеист он все религии считал «абсурдом и вымыслом», орудием в руках господствующих слоев для эксплуатации народных масс. Он рассматривает многообразие вещей и явлений как различные проявления единой, вечной и бесконечной материи, а движение, пространство и время — как известные формы ее существования.

В философском трактате «Письма Кемал-уд-Довле», в других философско-критических статьях, а также в письмах к современникам М. Ф. Ахундов

¹ Ахундов М. Ф. Избр. философ. произв. — Б.: Азернешр, 1982, с. 302.

² Ахундов М. Ф. Собр. соч., т. III (на азерб. языке). — Б., Изд. «Наука», 1962, с. 257—258.

смело выступает за просвещение народа, за его человеческие права, за его светскую и духовную свободу: «Наука и просвещение, — писал он, — должны распространяться сверху донизу, без исключения среди всех, — от богатого до бедного. И пастух, и земледelec, и купец, и лавочник — все должны обладать властью, равной министрам. Весь народ должен принимать участие в мероприятиях, проводимых государственными властями»¹.

В 60—70-е годы М. Ф. Ахундов принимал горячее участие в научной, культурной и общественной жизни родного народа и всего Закавказья. Он был активным сотрудником газеты «Кавказ», где печатались его комедии и повесть «Обманутые звезды», стихотворение «Письмо известному карабахскому поэту Касумбеку Закиру», статья «Положение турецкой армии под Багдадом в 1618 году», он был сотрудником Кавказского отделения Российского географического общества, членом археографической комиссии для обследования закавказских и кавказских архивов, по его инициативе было открыто татарское (азербайджанское.—*Сост.*) отделение Горькой учительской семинарии. Большое содействие оказал Ахундов в организации и издании первой азербайджанской газеты «Экинчи» («Пахарь»), на страницах которой он опубликовал ряд статей, посвященных образованию и просвещению родного народа.

Мирза Фатали Ахундов на протяжении двадцати лет вел переписку с видными учеными, просветителями, общественными и государственными деятелями, писателями, историками и мыслителями Азербайджана, России, Ирана и Турции. Письма, докладные записки, прошения, проекты М. Ф. Ахундова представляют большой интерес для изучения его жизни и творчества, его многолетней общественной деятельности.

Великий азербайджанский писатель и мыслитель М. Ф. Ахундов умер 27 февраля (9 марта) 1878 г. и похоронен в Тифлисе.

Первым художественным произведением М. Ф. Ахундова, дошедшим до нас в рукописи, является стихотворение «Жалоба на время», написанное на персидском языке примерно в 1832—1833 гг., накануне приезда Мирзы Фатали из Шеки в Тифлис, для поступления на службу.

«Жалоба на время» написана в традициях классической восточной поэзии, в форме месневи. По идейно-художественному содержанию стихотворение напоминает широко распространенные в восточной литературе стихотворения, известные под названием «шикает-наме» — жалобы поэтов на свою жизнь, на свое время.

Вторым дошедшим до нас поэтическим произведением М. Ф. Ахундова является «Восточная поэма на смерть Пушкина». Она же — первое его печатное произведение (1837 г.).

Злодейское убийство в январе 1837 г. великого русского поэта А. С. Пушкина возмутило и опечалило всех мыслящих и прогрессивных людей России. Весть о трагической гибели А. С. Пушкина глубоко потрясла и молодого азербайджанского поэта. Под впечатлением этой вести М. Ф. Ахундов и написал свою известную поэму, где он выразил горячую любовь к великому русскому поэту, гневно клеймил его убийц и вместе со всеми честными людьми России горько оплакал его безвременную смерть.

Азербайджанский поэт почувствовал преемственную связь поэзии А. С. Пушкина с творчеством его предшественников, верно определил огромное значение и роль русского поэта и в истории развития русской литературы.

Форма поэмы характеризуется отчетливо выраженным восточным романтическим духом, сравнениями, метафорами и эпитетами, присущими восточной классической поэзии, яркостью и причудливостью орнамента стиха. Она представляет большую ценность по новизне и действительности материала, глубине чувств, эмоциональности.

«Восточная поэма на смерть Пушкина» в подстрочном переводе, выполненном самим Ахундовым в том же году, была опубликована в мартовском

номере журнала «Московский наблюдатель». В небольшом примечании редакция журнала дала высокую оценку стихотворению молодого азербайджанского поэта, подчеркнув его тягу и любовь к русской литературе и культуре.

Известен целый ряд лирических стихотворений-гошм М. Ф. Ахундова, написанных им в 40-е годы на азербайджанском языке, на которые оказала влияние письменная народно-ашугская поэзия, в особенности творчество М. П. Вагифа (1717—1795) и К. Закира (1784—1857). В лирических стихотворениях поэт воспевае влюе и любовь к женщине, человеческие тревоги и переживания. Тесная связь с реальной жизнью, естественность и искренность чувств, живость, сочность и простота языка составляют отличительные черты этих стихов М. Ф. Ахундова. И в последующие годы М. Ф. Ахундов время от времени возвращался к поэтическому творчеству, он написал целый ряд стихотворений как в классическом стиле, так и в традициях народной поэзии. Среди них особый интерес представляют стихотворения «О новом алфавите», «Хаджв Абдулрасулхана» и «Ванда».

Некоторые стихотворения М. Ф. Ахундова носят дидактическо-назидательный характер. Однако поэтические произведения составляют лишь небольшую часть его богатого и многогранного творческого наследия. Хотя поэтический талант М. Ф. Ахундова был, безусловно, незауряден и он создал целый ряд стихотворений, отличавшихся художественными достоинствами, как поэт он не сыграл большой роли в истории азербайджанской литературы. В истории азербайджанской художественной литературы большую, широкую известность М. Ф. Ахундов приобрел, прежде всего, как замечательный, оригинальный драматург, как родоначальник драматургии.

Знакомство с лучшими постановками тифлиского русского театра, который был открыт в 1845 г., и с произведениями видных представителей мировой драматургии, в частности Мольера и Гоголя, оказало сильное влияние на М. Ф. Ахундова, и вызвало у него большой интерес к драматическому искусству. Особую любовь он питал к жанру комедии. Дело в том, что М. Ф. Ахундов обладал тонким чувством юмора, имел яркий критический ум, острую наблюдательность, он умел видеть комическую сущность реальных событий и явлений, людей и характеров.

Считая драму самым действенным средством в борьбе с феодально-патриархальным миром, великолепной трибуной для распространения просветительских идей среди широких слоев народа, М. Ф. Ахундов в начале 50-х годов, написав шесть оригинальных комедий: «Молла-Ибрагим-Халид, адхик», обладатель философского камня» (1850), «Мысье Жордан, ботаник и дервиш Мاستалишах, знаменитый колдун» (1850), «Медведь, победитель разбойника» (1851), «Везир Ленкоранского ханства» (1851), «Приключение скряги» («Хаджи Кара», 1852) и «Правозаступники в городе Тавризе» (1855), заложил прочные основы нового жанра в азербайджанской литературе. Своими комедиями М. Ф. Ахундов совершил коренной переворот в азербайджанской литературе, направив ее на новый путь развития.

М. Ф. Ахундов как писатель отличался глубоким знанием жизни, быта, нравов, дум и чаяний народа, живого народного языка. Он взял сюжеты и темы своих комедий из самой жизни, изобразив широкую реалистическую картину быта родного народа 30—50-х годов XIX века. Его комедии совершенно свободны от каких бы то ни было абстрактных, религиозно-мистических мотивов и влияний. Лишены они приукрашивающих жизнь романтических красок. Жизненная правда является основным принципом художественного творчества азербайджанского комедиографа.

М. Ф. Ахундов в своих комедиях отразил азербайджанскую действительность в ее существенных чертах, показал не частное и не случайное, а общее и характерное, воспроизвел действительность, показал типические характеры в типических обстоятельствах. Тесная связь драматического творчества писателя с действительностью, жизнью народа еще в 50-е годы прошлого столетия высоко была оценена русскими критиками.

В основе каждой из комедий М. Ф. Ахундова лежит социально-значимый и жизненный конфликт между старым и новым, между различными уклада-

¹ Ахундов М. Ф. Собр. соч., т. III с. 257—258.

ми и принципами жизни, между сторонниками феодально-патриархального общества, мира невежества, произвола, застоя, косности и зарождающейся передовой интеллигентной, между господствующими и привилегированными слоями и широкими народными массами. В комедиях М. Ф. Ахундов раскрывает основные пороки и противоречия отсталого феодального общества, резко выступает против средневековых нравов и обычаев, против схоластических наук и мышления, пропагандирует идеи просвещения.

В комедиях созданы реалистические образы представителей различных слоев азербайджанского общества первой половины XIX века.

Как просветитель Ахундов полагал, что носителями, основными виновниками всех пороков и противоречий общества являются феодальные правители, помещики, духовенство, представители схоластических наук, купцы и другие представители паразитических социальных кругов. Поэтому в своих комедиях драматург с особым вниманием выписывал образы представителей именно этих слоев.

Основным сатирическим героем первой комедии М. Ф. Ахундова является алхимик Молла-Ибрагим-Халил, в образе которого получили яркое и правдивое отражение характер, нравы и поведение представителей схоластических наук. Во второй комедии, в образе дервиша Масталишаха, драматург воплотил существенные черты другого паразитического круга азербайджанского общества — колдунов, которые, ловко и нагло обманывая простых, доверчивых людей, обирали их, вели паразитический образ жизни. В комедии «Медведь, победитель разбойника» (первый вариант) создан образ деревенского моллы, символизирующий мир невежества, религиозного фанатизма, отсталости и косности. В образах хана и везира Мирзы Габига из комедии «Везир Ленкоранского ханства» были обобщены типические черты высших феодально-деспотических правителей. Среди отрицательных героев М. Ф. Ахундова особое место занимает помещик Гейдар-бек и купец Хаджи Кара из комедии «Приключение скряги», являющейся венцом его драматического творчества и одной из лучших комедий в азербайджанской драматургии.

Гейдар-бек происходит из старинного знатного рода, его отец Курбан-бек был одним из самых богатых и влиятельных помещиков Карабаха. Но сам Гейдар-бек разорен. Окончательно разорившись, Гейдар-бек занимается грабежом, угоном скота, контрабандой. Праздный образ жизни Гейдар-бека, его тунеядство, его пристрастие к разбойничеству, пренебрежительное отношение к честному труду расцениваются М. Ф. Ахундовым не как личные черты отдельного помещика, а как специфические, типические черты всего класса помещиков. Вот так характеризует драматург устами самого Гейдар-бека это привилегированное сословие феодального общества: «...Начальник вызывает меня и говорит: «Гейдар-бек, сиди смирно, не занимайся грабежом и разбоем, брось воровство». Я ему ответил: «Господин начальник, мы сами не охотники до таких дел, но вы бы показали таким, как мы, благородным людям, как зарабатывать на жизнь». ...Ты только послушай, что он мне ответил: «Гейдар-бек, ...пашь землю, разводи сад, займись торговлей». Как будто я какой-нибудь баназурский армянин, чтобы с утра до вечера ходить за сохой! Я не ланбарский мужик, чтобы разводить шелковых червей, не лякский разносчик, чтобы таскаться с лотком по деревням. Я ему так и сказал: «Господин начальник, никто из джеванширских беков никогда землю не пахал, мой отец, Курбан-бек, не занимался этим, и я, его сын, этим заниматься не буду»».

В образе Хаджи Кары драматург воплотил основные черты купцов, приобретших в середине XIX века черты нарождающейся буржуазии. Образ Хаджи Кары прежде всего символизирует страсть к наживе, скупость. Ахундовский купец очень живой, энергичный, предприимчивый человек, он умело отступает свои интересы, стремится везде и из всего извлечь выгоду. В зависимости от собеседника, от конкретной ситуации его характер и поведение резко меняются: то он лицемерен и ласков, то груб и нагл, то деланно бескорыстен, то хитер и осторожен, то он хвастан, то трус. Сталкивая Хаджи Кара о другими персонажами комедии и ставя его в ряд комических

ситуаций, Ахундов раскрывает комическую сущность своего героя, его характер и психологию и создает полнокровный, колоритный художественный тип. Без преувеличения можно сказать, что Хаджи-Кара Ахундова стоит в одном ряду с образами скупцов, созданными в мировой драматургии. Наконец, в образе адвоката Ага Мардана в последней комедии «Адвокаты города Тебриза» Ахундов представил нам типичного представителя судебных чиновников, характерными чертами которых являлись произвол, беззаконие, взяточничество. Считая профессию адвоката лишь «испечеряемым источником» легкой наживы, хитрый, бесстыжий Ага Мардан нагло попирает закон, справедливость, мошеничит, обманывает своих наивных, глупых клиентов, берет взятки, бесчинствует. Характер и внутренний мир «героя» своего времени Ахундов обрисовал очень убедительно и ярко.

Отрицательные герои М. Ф. Ахундова имели большую социальную значимость и стали нарицательными в азербайджанской литературе.

В комедиях М. Ф. Ахундов, подвергая резкой критике пороки и пережитки феодального общества, горячо пропагандирует идеи просвещения. Он высоко ценит человеческий разум, призывает к овладению светскими науками и к приближению к передовой европейской культуре, выступает за свободу человеческой личности. Как у всех просветителей, у М. Ф. Ахундова в его творчестве важное место занимает тема труда, общественно полезной деятельности человека. Рупором этих просветительских взглядов М. Ф. Ахундова являются его положительные герои. В комедии «Молла-Ибрагим-Халил, алхимик» в образе поэта Хаджи-Нури он воспевает разум и честный, полезный для общества труд. Образ французского ученого-естествоиспытателя мусье Жордана из комедии «Мусье-Жордан и дервиш Масталишах» символизирует успехи передовой европейской науки и просвещения. В образе молодого героя той же комедии — Шахбаз-бека М. Ф. Ахундов с большой симпатией отразил тягу образованной азербайджанской молодежи к европейской культуре. В комедии «Везир Ленкоранского ханства» образам невежественных и глупых правителей противопоставлен образ молодого принца Теймур-аги, отличающегося умом, честностью и храбростью. Резко осуждая в комедии «Приключение скряги» помещика Гейдар-бека, кичащегося своим высоким происхождением и презирающего любой труд, М. Ф. Ахундов в лице крестьян прославляет труд земледельца. В последней же комедии, в образах молодых героев Секини-ханум и Азиз-бека, он запечатлел борьбу азербайджанских молодых людей против представителей старого мира за свою любовь, за свое человеческое право, свободу и счастье.

В годы написания своих комедий Ахундов стоял на позициях умеренного просветительства и полагал, что путем приближения к светским наукам, к европейской культуре, путем реформ сверху можно ликвидировать пороки старого феодального мира и направить народ на путь прогресса, экономического и социального развития.

В своих комедиях М. Ф. Ахундов затрагивал и вопросы взаимоотношений между местным населением и царскими чиновниками, проблемы политической власти царизма в Азербайджане. В комедии «Медведь, победитель разбойника» представителем царской власти в стране выступает русский заседатель, а в «Приключении скряги» — уездный начальник. Они занимают существенное место в идейно-художественной структуре обеих пьес. И в «Медведе, победителе разбойника» и в «Приключении скряги» образы местных царских чиновников в основном даны в положительном ключе. Они олицетворяют закон и порядок, справедливость и гуманность в сверенных им провинциях Азербайджана. Заседатель и начальник — честные, добросовестные чиновники, питающие добрые чувства к местному населению и стремящиеся поддержать в крае спокойствие и порядок. Необходимо отметить, что образы царских чиновников в обеих комедиях обрисованы автором односторонне и несколько идеализированы.

К чести М. Ф. Ахундова надо отметить, что в обеих пьесах он устами своих персонажей подвергал резкой критике пороки царской бюрократической власти в Азербайджане: произвол, взяточничество и беззаконие.

Комедии М. Ф. Ахундова отличаются высокими художественными качествами. Он искусно подчинил форму, композицию, структурные особенности своих комедий раскрытию содержания, изображению характеров, поступков и психологии персонажей. В его комедиях основные черты характеров образов выявляются не в словесных характеристиках, а в действии, в столкновении персонажей друг с другом.

М. Ф. Ахундов для более глубокого изображения жизни смело развешивал действие во времени и пространстве, как и русские писатели-реалисты, не признавал никаких ограничительных правил и канонов, присущих драматургии классицизма. Он включал в свои пьесы отступления, вводил лиц, которые, не участвуя в сюжетной интриге, помогали созданию жизненного фона, глубокому раскрытию как характеров основных образов, так и идей комедии. Эту особенность комедий М. Ф. Ахундова еще в 1852 году высоко оценил видный русский критик А. В. Дружинин: «Мирза Фет-Али Ахундов не придерживается единства места и времени, мало того, пьесы его не разделены на явления, в чем мы тоже его почти совершенно оправдываем»¹.

Комедии Ахундова были очень примечательным явлением и с точки зрения языка.

М. Ф. Ахундов все комедии написал живым, гибким, метким и выразительным народным языком. Язык его комедий богат народными словами и выражениями, пословицами и поговорками, идиоматическими оборотами и фразеологизмами. Особо следует отметить, что большая часть этих лексических и фразеологических новшеств была введена в азербайджанскую литературу впервые именно М. Ф. Ахундовым, что расширило выразительные средства и возможности национального литературного языка, предопределило направление его будущего развития.

Создавая в своих комедиях образы представителей разных слоев и социальных кругов азербайджанского общества, М. Ф. Ахундов мастерски наделял их колоритным и выразительным языком. Он очень правдиво и верно передал их лексику, речевые манеры, их стиль. Каждый его персонаж обладает индивидуализированной, присущей только ему речью. Глубокое знание родного языка, умение пользоваться неиссякаемым богатством народной разговорной речи, особенностями языка, стиля и жаргона разных слоев населения дали возможность Ахундову искусно, метко и верно типизировать и индивидуализировать речь своих персонажей. В комедиях Ахундова язык и манера речи всех персонажей соответствуют их характеру, социальному положению и культурному уровню. М. Ф. Ахундов был великим, непревзойденным мастером речевой характеристики своих героев в азербайджанской драматургии.

Велика заслуга М. Ф. Ахундова в развитии азербайджанской художественной прозы. Смело преодолевая традиции средневековой прозы, идя по пути новой западноевропейской и русской просветительско-реалистической прозы, Ахундов в 1857 году создал повесть «Обманутые звезды», отвечающую духу времени, социально-культурным потребностям азербайджанского народа и отличающуюся высокими идейно-художественными качествами. Надо сказать, что, по существу, именно с повести «Обманутые звезды» начинается формирование и развитие современной азербайджанской художественной прозы.

В основу сюжета повести М. Ф. Ахундов положил событие, происшедшее в Иране во времена правления Шах-Аббаса (1557—1629), о котором подробно было рассказано в книге иранского историка Искендер-бека Мунши «Тарихи-алем-арайи-Аббаси». Само собой разумеется, что повесть Ахундова не является простым переложением этого исторического события. Исходя из исторических свидетельств, носящих несколько неправдоподобный, можно сказать, анекдотический характер, однако вполне соответствующих нравам средневекового Ирана, Мирза Фатали создал замечательную, оригинальную художественную повесть, наделив ее глубоким общественно-политическим содержанием.

Хотя сюжетом повести «Обманутые звезды» послужил исторический эпизод, ее нельзя считать историческим художественным произведением в подлинном смысле этого слова. В ней не нашли достаточно полного и глубокого отображения особенности социально-политической жизни и колорит Ирана конца XVI и начала XVII века¹.

В повести «Обманутые звезды» основная цель М. Ф. Ахундова заключалась в изображении государственной и социально-политической жизни Ирана середины XIX века. В ней автор дает глубоко реалистическую картину феодально-деспотического строя Ирана, раскрывает основные его пороки и противоречия, высмеивает высших феодально-деспотических правителей и выдвигает идеи просвещенной монархии.

Пороки и противоречия феодально-деспотического строя Ирана писатель раскрывает в образах высших иранских правителей — Шах-Аббаса, главного везира Мирза-Мохсуна, государственного казначея Мирза-Яхья хана, главнокомандующего иранской армией Заман-хана и главного моллы Ахунд-Самеда. Они же являются основными отрицательными образами повести. В этих персонажах писатель правдиво, полно и мастерски обобщил типические черты феодально-деспотических правителей. Кроме того, писатель наделил их рядом индивидуальных черт.

В центре события повести находится образ Шах-Аббаса. Он — типичный феодальный правитель. Писатель не уделял большого внимания подробному описанию жизни, поведения и характера шаха. Его личность показана лишь в общих чертах, начертана скупыми, но достаточно выразительными красками. Очень примечательно, что, рисуя Шах-Аббаса, автор не подвергает его прямой, открытой критике. Разоблачает шаха весь контекст произведения. Только в самом конце повести М. Ф. Ахундов открыто выразил свое мнение о Шах-Аббасе и едко высмеял его невежество, деспотизм и жестокость.

Резко отрицательными чертами наделены в «Обманутых звездах» и другие высокопоставленные иранские правители. Жизнь, характеры, поведение и этих персонажей писатель не описывал подробно. Их поступки и нравы раскрываются фактически в единственном выступлении в высшем государственном совете во время обсуждения вопроса о спасении шаха от смертельной опасности, которая нависла над ним в результате рокового сближения звезд.

Выступая в высшем государственном совете, каждый из них говорит о своих «великих заслугах» перед шахом и страной. Однако из этих выступлений министров читатель делает вывод, что именно они являются основными виновниками всего зла в иранском государстве и всех несчастий иранского народа. Противопоставляя внешнее благообразие высших правителей их подлинным качествам — невежеству, тупости, убогости и никчемности, М. Ф. Ахундов добивается поразительного комического эффекта.

В повести М. Ф. Ахундов подробно излагает свой положительный идеал — идею просвещенной монархии. Он смело и открыто поднимает свой голос в защиту разума, просвещения и науки.

Рупором передовых идей М. Ф. Ахундова в «Обманутых звездах» является седельник Юсиф. В его образе писатель отобразил черты передовых людей Азербайджана и Ирана середины XIX века, их мечты и чаяния, их стремление к социальному, духовному и культурному развитию своей страны.

Став по воле случая верховным правителем Ирана, шахом, Юсиф немедленно приступает к активной деятельности, претворяя свои идеи в жизнь путем реформ во всех сферах государственной системы Ирана. Благодаря этим реформам Иран вскоре вступает на путь развития и прогресса. В жизни Ирана начинается период «рассвета и благоденствия», как подчеркивает М. Ф. Ахундов в своей повести. Однако полезная и благотворная деятельность нового верховного правителя продолжается недолго. Сторонники и приближенные бывшего шаха, устраненные Юсиф-шахом со службы, поднимают бунт и свергают его.

М. Ф. Ахундов в лице Юсифа-реформатора создает идеальный образ правителя нового типа, выразителя и защитника идей просвещения. Писатель

¹ Подробно об этом см.: *Надир Мамедов. Реализм М. Ф. Ахундова*. Б., «Маариф», 1982, с. 233—242.

тель мечтал, чтобы страной правил разум и в своей повести набрасывает конкретную программу устройства такого государства. В годы написания «Обманутой звезды» он был убежденным сторонником идей просвещенной монархии. Как мы отметили выше, в конце жизни М. Ф. Ахундов совершенно отошел от этих иллюзий и пришел к революционно-демократическим выводам.

Повесть «Обманутой звезды» отличают высокие художественные достоинства. Здесь новая тема, новое содержание, новые идеи получили свое воплощение в оригинальной и художественно впечатляющей форме. Полное единство и редкая гармония между содержанием и формой являются одной из примечательных черт «Обманутой звезды».

Мирза Фатали Ахундов вошел в историю азербайджанской литературы и как основоположник литературной критики. Именно его написанные в 60—70-е годы XIX века литературно-критические статьи заложили основы литературной критики в Азербайджане.

Критические взгляды М. Ф. Ахундова тесно связаны с его художественной и общественно-политической деятельностью, с его борьбой за просвещение, прогресс и процветание родного народа и народов всего мусульманского Востока.

Литературно-критические и эстетические взгляды М. Ф. Ахундова получили свое отражение в его статьях. Имеются ценные высказывания о различных проблемах художественной литературы и в его философском трактате «Письма Кемал-уд-Довле» и в его письмах к современникам.

Смелая и последовательная критика реакционной сущности придворно-эпигонской и религиозно-мистической поэзии, горячая защита принципов материалистической эстетики и реалистического художественного метода в литературе составляют основное содержание литературно-критических и эстетических воззрений М. Ф. Ахундова. Он первым в истории азербайджанской эстетической мысли выступил за тесную связь литературы с действительностью, с жизнью народных масс и актуальными запросами современного общества. Говоря об идейно-воспитательном значении искусства, он подробно излагал вопросы содержания и формы, языка и стиля художественного произведения, выступал за развитие новых видов и жанров в литературе, в частности романа и драмы, доказывал важную роль и значение литературной критики.

Отстаивая материалистический взгляд на искусство, М. Ф. Ахундов подвергал критике эстетические концепции восточных мыслителей-идеалистов о божественном, сверхъестественном начале творчества. М. Ф. Ахундов утверждал, что литературные произведения являются плодом деятельности одаренных природным талантом людей: «Всякое изящное и красноречивое творение есть непременно плод врожденного таланта какого-нибудь человека»¹. И далее: «Изящная проза и изящная поэзия, не относясь к разряду сверхъестественных явлений, вполне доступны человеческому таланту. Подтверждением этому могут служить Гомер, Шекспир и другие знаменитые европейские писатели, ораторы и поэты, которые были не сверхъестественными существами, а подобными нам людьми»².

Раскрывая реакционную сущность природно-эпигонской поэзии, ее оторванность от действительности, от злободневных запросов жизни, М. Ф. Ахундов последовательно разоблачал ее враждебность интересам широких народных масс, социальному, духовному и культурному развитию народа. Об авторах подобных произведений М. Ф. Ахундов писал: «Поэзией у них считается и всякое любое поизведение... написанное с соблюдением известного размера и рифмы, содержание которого, по их мнению, должно преимущественно заключаться в прославлении красивой различными неестественными похвалами или же в воспевании красот весны и осени неправдоподобными сравнениями»³.

¹ Ахундов М. Ф. Избр. философ. произв., с. 45.

² Там же, с. 44—45.

³ Там же, с. 44.

М. Ф. Ахундов подвергал резкой критике также антинародную сущность религиозно-мистической поэзии, которая, по его словам, «вертелась вокруг разных религиозных обрядов и правил», или состояла «из отвратительных легенд о мнимых чудесах двенадцати имамов, потомков пророка и других лжесвятых мужей»².

Считая религию «вымыслом», орудием угнетения и эксплуатации народных масс в руках господствующих слоев феодального общества, М. Ф. Ахундов подчеркивал, что религиозно-мистическая поэзия уводит читателя от реальной действительности, отвращает его от всего прекрасного, воспитывает фанатизм, терпимость к несправедливости и произволу, способствует духовному закабалению личности.

М. Ф. Ахундов утверждал, что писатель должен в своих произведениях отображать реальную действительность, повседневную жизнь, живого человека — «правдиво», «естественно», «как в самой жизни». Литература, писал он, должна отражать «действительную жизнь народа», «характеры и действия людей», человеческую природу и психологию, заключать в себе глубокое и правдивое содержание, быть насыщенной социальными идеями, показывать события, дух современности.

Таким образом, М. Ф. Ахундов важнейший вопрос художественного творчества — отношение к реальной действительности — решал с позиций материалистической эстетики и реалистического искусства.

М. Ф. Ахундов в своих литературно-критических статьях особое внимание уделял идее искусства, его общественно-воспитательному значению и роли в пробуждении сознания народа. Он подчеркивал огромную роль всех видов искусства в духовном и культурном развитии человека.

Выступая против сторонников теории «чистого искусства», М. Ф. Ахундов утверждал, что задача искусства заключается не в развлечении кучки представителей господствующих классов, оно должно защищать интересы широких народных масс, содействовать их освобождению от влияния средневековых предрассудков и религиозного фанатизма, пробуждать в них собственное сознание, способствовать их духовному и культурному развитию. Назначение искусства: «просветить память и разум», «исправлять нравы и характеры людей».

Среди литературно-критических статей М. Ф. Ахундова большое значение имеет статья «Критика газеты «Миллет» Высокого Ирана». В этой статье, анализируя творчество современного ему персидского придворного поэта Суруша, М. Ф. Ахундов подверг сокрушительной критике придворно-эпигонскую и религиозно-мистическую поэзию, обнажив ее антинародную, антигуманную сущность, и изложил свои передовые взгляды на роль художественной литературы в жизни общества.

В статье М. Ф. Ахундов подчеркивает, что Суруш не обладает ни природным поэтическим даром, ни подлинным вкусом, ни умом и образованностью, ни добрым характером — всеми чертами, необходимыми истинному поэту; «он и поэт самый заурядный, у него нет ни призвания, ни даже умения писать стихи. И напрасно он выбрал себе в качестве псевдонима имя ангела небесного, а название великого святилища небесного превратил в свое прозвище»³.

М. Ф. Ахундов резко осуждает Суруша за религиозный фанатизм, за враждебное отношение к европейским народам, за нежелание приобщиться к передовой европейской науке, культуре и просвещению. Убедительно показав отсутствие каких бы то ни было достоинств в стихах Суруша, М. Ф. Ахундов заключает: «Назвать стихами подобный сунбур, а их творца поэтом уж никак нельзя».

Большое внимание уделял М. Ф. Ахундов проблеме взаимосвязи содержания и формы в художественном произведении. Он пишет об этом почти

¹ Ахундов М. Ф. Избр. философ. произв., с. 43.

² Там же, с. 44.

³ Там же, с. 225.

во всех своих статьях, а также в «Письмах Кемал-уд-Довле», высказывая при этом суждения, не утратившие своего значения и по сей день. В литературном произведении главным М. Ф. Ахундов считал содержание, те идеи, мысли и чувства, которые оно выражает. «Если в поэзии, — писал он в своей статье «Критика газеты «Миллет» Высокого Ирана», — имеется глубокая мысль, но отсутствует изящество изложения, как, например, «Месневи» Моллай-Руми, то такие стихи приемлемы, но в стихосложении в данном случае имеется недостаток»¹.

Особо важное значение, придаваемое М. Ф. Ахундовым содержанию литературных произведений, их социальной значимости, воспитательному воздействию на читателя, определялось просветительскими взглядами писателя.

Примечательно и отношение М. Ф. Ахундова к художественной форме литературного произведения. Он органически не приемлет произведений, в которых «красоты изложения» являются самоцелью: «Если... стихи обладают достаточным изяществом изложения, но лишены смысла, подобно стихотворениям тегеранца Гаани, то такие стихи слабы и наводят тоску»².

М. Ф. Ахундов неоднократно и настойчиво подчеркивал, что литературное произведение обязательно должно обладать силой художественного воздействия, «оставлять сильное впечатление, возбуждать чувства, оно должно быть интересным и выразительным по форме и по содержанию».

Совершенными произведениями искусства М. Ф. Ахундов считал те, в которых содержание и художественная форма составляли органическое целое: «Поэзия, где имеется полная гармония, где наряду с художественным изяществом изложения, красотой, имеется и глубокая мысль... такая поэзия способна вызвать у читателя восторг, она может взволновать читателя, она нравится всем»³. Творения великих классиков восточной литературы — «Шахнаме» Фирдоуси, «Хамсе» Низами, «Диван» Хафиза он считал именно такими произведениями.

М. Ф. Ахундов был убежденным сторонником критического отображения действительности в художественных произведениях. Литература должна, считал он, содействовать совершенствованию нравственных устоев общества, обличать его пороки и недостатки, широко используя прием сатирического осмеяния и иронии. Эти суждения М. Ф. Ахундова перекликаются с идеями западноевропейских философов-просветителей и русских писателей — революционных демократов.

«Опыт европейских философов и целый ряд неопровержимых жизненных доводов, — писал М. Ф. Ахундов, — подтвердили тот факт, что кроме критики, иронии и смеха, никакими другими средствами нельзя искоренить дурные и низменные склонности человеческой природы. Если бы наставления и проповеди оказывали влияние на людей, то почему население Ирана, которое вот уже более шестисот лет читает произведения Шейха Саади «Гюлистан» и «Бустан», не придает никакого значения содержащимся в них проповедям и наставлениям — ведь в них все от начала до конца является сплошным поучением! И в конце концов угнетение и деспотизм, изо дня в день увеличиваются, нежели уменьшаются»⁴.

Причину большей действенности критики, чем проповедей и наставлений, М. Ф. Ахундов видел в наличии в сатирических произведениях иронии и насмешки, обычно сильно воздействующих на ум и чувства читателя: «Природа людей создана так, что они испытывают отвращение от чтения и слушания проповедей и наставлений и с большой охотой читают произведения, написанные в критическом стиле». И далее: «Эту тайну разгадали европейские ученые. А народы Ближнего Востока до сих пор еще не ведают об этой тайне»⁵.

М. Ф. Ахундов решительно выступал за утверждение критического, ре-

листического направления в азербайджанской и персидской литературе, противопоставляя традиционным, устаревшим видам и жанрам классической восточной поэзии новые литературные формы — роман и драму: «Времена «Гюлистана» и «Зинатуль-меджалиса», — писал он в своей статье «Критика пьес Мирза-Ага Тебризи», — канули в вечность. Сегодня такие произведения не могут уже принести народу пользу. Ныне полезными, отвечающими вкусу читателя и интересам нации произведениями являются драма и роман»¹.

Хотя в литературно-критических высказываниях М. Ф. Ахундова нет прямых определений жанра романа, автор повести «Обманутые звезды», восходившей по своему идейно-художественному содержанию к европейской философско-публицистической прозе Вольтера, Руссо и других писателей-просветителей, несомненно, был отлично знаком с сущностью и спецификой жанра романа. Не случайно, он в своих статьях и письмах, наряду с Вольтером, Руссо, Монтескье, упоминает имена Вальтера Скотта, Жорж Санд, Александра Дюма и других романистов. Подробно говорит о сущности драматического искусства, его задачах, специфике, большом общественном значении.

Вслед за французскими просветителями и передовыми русскими критиками, М. Ф. Ахундов считал драму самым «почетным» и «благословенным» видом искусства, игравшим важную роль в общественном, духовном и эстетическом воспитании народа. Он подчеркивал демократический характер драматического искусства, его доступность всем слоям населения. Особенно велико значение театра, считал М. Ф. Ахундов, для стран, где большая часть населения неграмотна.

М. Ф. Ахундов писал, что в драматических произведениях находят глубокое отображение повседневная жизнь народа, его нравы и обычаи, людские характеры, в них воспроизводятся типичные явления и события в жизни общества, поднимаются актуальные современные проблемы. Основная цель драматического искусства, как и всей передовой литературы, утверждал М. Ф. Ахундов, состоит в обнажении социальных язв, в осмеянии и разоблачении реакционных сил общества.

Подразделяя драматическое искусство на трагическое и комическое, М. Ф. Ахундов вместе с тем утверждал, что и перед трагедией, и перед комедией стоят одни и те же задачи: «Польза рассказа о горе и радости, — писал М. Ф. Ахундов, — заключается в изображении человеческой природы и характеров с тем, чтобы слушатель радовался и подражал хорошему, страдал и отворачивался от дурного, а также чтобы человек, одолеваяемый жизненными страстями, получая удовольствие от слушания подобных рассказов, не становился на путь порока»².

М. Ф. Ахундов подчеркивал, что в странах мусульманского Востока получил развитие только жанр трагедии, имея при этом в виду религиозные мистери, широко распространенные на Востоке, к которым писатель относился резко отрицательно за их идейную и художественную убогость. М. Ф. Ахундов отдавал предпочтение комедии, как более демократическому виду драматического искусства. Комедия была ближе и доступней широким массам, что писатель считал крайне важным.

Взгляды М. Ф. Ахундова на драму и театр нашли наиболее четкое отображение в статье, посвященной четырем комедиям Мирза-Ага Тебризи, положившим начало развитию драматургии в Южном Азербайджане и Иране. Идейно-художественный анализ комедий Мирза-Ага сочетается с теоретическими обобщениями и выводами М. Ф. Ахундова относительно природы, целей и общественно-воспитательного воздействия драматического искусства в целом.

В литературно-критических статьях М. Ф. Ахундова имеются ценные высказывания и о критике, о ее целях и задачах, о стиле и языке художественных произведений.

¹ Ахундов М. Ф. Избр. философ. произв., с. 257.

² Там же, с. 209.

¹ Художественное наследие М. Ф. Ахундов сыграло огромную роль в развитии азербайджанской реалистической литературы. Последователи великого писателя-реалиста Н. Везиров (1854—1926), Н. Нариманов (1870—1925), А. Ахвердов (1870—1933), Р. Эфендиев (1863—1943) и Дж. Мамедкулизаде (1866—1936), опираясь на его плодотворные реалистические традиции и творчески осваивая опыт русской и мировой реалистической литературы, укрепили и развили реалистическое направление в азербайджанской литературе.

² Большое и очень благотворное влияние оказало многогранное наследие М. Ф. Ахундова на развитие новой литературы и просветительской мысли народов стран Ближнего Востока, в особенности Ирана. Внимательно изучая передовые традиции М. Ф. Ахундова, южно-азербайджанские писатели Мирза-Ага, З. Мараган, А. Талыбов и другие, писавшие свои произведения на персидском языке, заложили основы новой литературы и просветительской мысли в Южном Азербайджане и Иране.

Большую роль сыграло художественное творчество М. Ф. Ахундова в формировании и развитии азербайджанской советской литературы. Его наследие навсегда вошло в золотой фонд азербайджанской литературы.

НАДИР МАМЕДОВ

КОМЕДИИ

МОЛЛА-ИБРАГИМ-ХАЛИЛ, АЛХИМИК

*Представление о происшествии,
которое излагается и завершается
в четырех действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Молла-Ибрагим-Халил — алхимик, из Калдака.
Молла-Хамид — его ученик, из Самуха.
Дервиш Аббас — его служитель, из Ирана.
Хаджи-Керим — золотых дел мастер, из Нухи.
Ага-Заман — лекарь, из Нухи.
Молла-Салман — сын покойного ученого Молла-Джалиля, из Нухи, цветущий мужчина, крепкого сложения.
Мешади-Джаббар — купец, из Нухи.
Сафар-бек — помещик, из Нухи.
Шейх-Салах¹ из Хачмаза.
Хаджи-Нури — поэт, из Нухи.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Происходит в городе Нухе, в доме золотых дел мастера Хаджи-Керима в 1248 году во втором месяце весны². В связи с приездом в Нуху Шейх-Салаха из Хачмаза, золотых дел мастер Хаджи-Керим пригласил к себе своих друзей — лекаря Ага-Замана, Молла-Салмана, купца Мешади-Джаббара, помещика Сафар-бека и Шейх-Салаха из Хачмаза. Поэт Хаджи-Нури явился случайно, без приглашения. Все действующие лица сидят в своих обычных костюмах, кроме Шейх-Салаха, у которого на голове чалма, он перебирает длинные четки. Хозяин дома, золотых дел мастер Хаджи-Керим, начинает разговор, обращаясь к гостям.

Хаджи-Керим. Знаете ли вы, господа, для чего я вас пригласил?

Мешади-Джаббар. Нет, не знаем.

Хаджи-Керим. У меня есть интересная новость. Говорят, Молла-Ибрагим-Халил из Калдака ездил в Тифлис, получил там разрешение, приехал в Хачмаз, раскинул в горах шатер и за-

нялся алхимией. Например, он добыл вещество, которое называется эликсиром. Примешивает к целому батману меди золотник эликсира — получается чистое серебро.

Ага-Заман. Я тоже об этом слыхал.

Хаджи-Керим. Шейх-Салах собственными глазами видел, как акулисские армяне привезли к Молла-Ибрагим-Халилу двадцать пять тысяч рублей чеканной монетой, купили у него пятьдесят пудов чистого серебра и увезли. Правда, шейх?

Шейх-Салах. Да, клянусь на Коране, который я изучил досконально, я своими глазами видел, как люди привозили Молла-Ибрагим-Халилу чеканную монету и увозили чистое серебро без чекана ровно вдвое больше по весу.

Сафар-бек. Давайте и мы поедem за серебром.

Молла-Салман. Наличных денег у нас нет, но у меня есть друг Хаджи-Рахим, богат. Если вы не против уплатить десять — двенадцать процентов годовых и дадите залог, я могу у него взять — и для вас и для себя — какую угодно сумму.

Мешади-Джаббар. Молла, у меня деньги есть, но я их все отдал займам, срочно их получить трудновато. Если можно, возьми для меня у Хаджи-Рахима тысячу рублей. А две монетки пусть останутся ему в залог.

Хаджи-Керим. И для меня возьми тысячу рублей под залог моего дома.

Ага-Заман. И мне возьми тысячу, я отдам в залог сад моей жены.

Сафар-бек. Возьми тысячу и для меня, залогом будет моя деревня.

Хаджи-Нури (*достает из кармана лист бумаги*). Я сложил стихи об одном интересном событии: шестьдесят лет назад аварские лезгины под командованием Хан-Бутая напали на Нуху и ограбили ее. Послушайте, как я описал это событие.

Ага-Заман. Ах, оставь, Хаджи-Нури, тут не собрание поэтов. Мы говорим о серьезном, совещаемся, а ты, видишь ли, сложил стихи о том, что было шестьдесят лет назад. Лезгины пришли, лезгины ушли. Какое нам до этого дело и что за польза от чтения стихов?

Хаджи-Нури (*обиженно*). То есть как, что за польза? Вы узнаете о том, как жестоко обошлись лезгины с вашими дедами, как безжалостны были к ним. Разве не полезно знать о минувших событиях?

Хаджи-Керим (*ласково*). Хаджи-Нури, сейчас не время читать стихи. Прочитаешь в другой раз, на досуге. А теперь лучше скажи: ты советуешь нам ехать к Молла-Ибрагим-Халилу за серебром? Наверное, и ты одобришь это?

Хаджи-Нури (*с горечью*). Нет.

Молла-Салман. Почему же?

Хаджи-Нури. Потому что для каждого человека эликсир, источник его благополучия — его ремесло. К чему гоняться за

алхимиками? Молла-Ибрагим-Халила я не видел, но догадываюсь, что он ловкий плут. Говорят, он недавно ездил в Тифлис. А кто дал ему разрешение заниматься алхимией и кто это разрешение видел? Подобного эликсира в природе не существует. Но Шейх-Салах из Хачмаза, до такой степени сбил вас с толку, что вы, конечно, не поверите мне.

Хаджи-Керим. Что эликсир существует, тому есть много доказательств. Об этом толковать нечего! Ты лучше объясни нам, почему ремесло каждого — его эликсир? Вот я — золотых дел мастер, но не могу заработать даже на пропитание.

Хаджи-Нури. Это потому, что ты потерял доверие народа и никто тебе ничего не заказывает. Раньше, когда приносили тебе золото и серебро для изготовления разных изделий, ты присваивал добрую половину, а взамен добавлял медь и бронзу. В конце концов твои аферы открылись, и никто больше у тебя ничего не заказывает. Если бы ты работал честно, то, несомненно, был бы теперь богат.

Ага-Заман. Ну, а почему я не имею состояния?

Хаджи-Нури. Потому что бросил свое ремесло и занялся незнакомым тебе делом. Ведь лечение людей — не твоя профессия. Твой отец, мастер Рахим, цирюльник, заработал бритвой и рожком приличное состояние³, а ты промотал его. Немало потрудился покойный, чтобы и тебя обучить ремеслу цирюльника, но ты не удовольствовался этим и решил, подобно тифлисским цирюльникам, стать еще и лекарем. Ты погубил столько людей, что хватит на целое кладбище; народ раскусил тебя и отвернулся от такого горе-лекаря. Теперь ты и не цирюльник и не лекарь... Сколько раз я говорил тебе, чтобы сходил ты к русскому врачу и узнал у него лекарство хотя бы против лихорадки, сколько раз я говорил тебе, чтобы ты перестал лечить больных малярией арбузным соком, но ты не слушал меня.

Ага-Заман (*недовольно*). Мне сказали, что русский врач применяет против лихорадки «хлеб-соль». Я спросил у знающих русский язык, что такое «соль». Они мне объяснили. Ну, как же лечить лихорадку солью?

Молла-Салман (*закрывает рот Ага-Заману*). Помолчи, ради бога, не показывай своего невежества. Это совсем другая соль. (*Обращаясь к Хаджи-Нури*). Хаджи-Нури, если верить тебе я должен быть Каруном⁴, но почему же все мое богатство состоит из цинковки и глиняного кувшина?

Хаджи-Нури. И на это есть причина. Из тебя вышел бы хороший погонщик муллов, но ты вбил себе в голову, что тебе надо стать моллой, и это только потому, что отец твой был моллой. Но ведь отец твой учился, имел знания, потому и был моллой. А ты не умеешь правильно написать даже свое имя, как же ты хочешь стать моллой? Образованность — это ведь не отцовская шуба, чтобы перешла к сыну по наследству. Вот почему ты не имеешь веса в глазах людей... Как же ты можешь быть бо-

гатым? При таких плечах и силе будь ты погонщиком муллов, зарабатывал бы в год больше ста пятидесяти рублей.

Сафар-бек. А почему я не богат?

Хаджи-Нури. Ты помещик, тебе надо наблюдать за посевом, косьбой, копить богатство. Ты же затевал всякие пустые дразни, ссорился то с одним, то с другим, ругал всех последними словами. Надоедал начальству жалобами на виновных и невинных. Наконец прослыл кляузным человеком. Три года был под судом, три года провел в ссылке. Так прошла лучшая пора твоей жизни. А теперь думаешь с помощью прохвоста алхимика сразу разбогатеть, вроде Мешади-Джабара, который по своей жадности весь свой небольшой капитал роздал займам разным людям под проценты — рубль за рубль, чтобы стать богатым. А теперь рад был бы получить хоть свои собственные деньги.

Хаджи-Керим. Допустим, господин поэт, что каждому из нас свойствен недостаток, мешающий использовать свое ремесло. Но почему же ты не имеешь всех благ от своего ремесла? Если сыт зимой — голоден весной, а если сыт весной — голоден зимой. Если верить тебе, так твой талант — складывать стихи — должен был стать для тебя самым лучшим эликсиром.

Хаджи-Нури. Верно. И в самом деле мой талант — эликсир. Но как вы сами говорите, когда есть эликсир, нужен еще какой-нибудь металл, чтобы он мог подвергнуться воздействию эликсира. Так и для моего таланта нужны люди со вкусом, с умом и пониманием, которые могли бы оценить мои стихи. Но, к несчастью, у моих сограждан, то есть у вас, нет ни ума, ни чуткости, ни способностей. Какая же может быть польза от моего таланта, кому нужны мои стихи в такой среде?

Хаджи-Керим. Какая дерзость! Что за глупости он болтает? Кто тебя звал в наше общество? Подумаешь, какой учитель объявился! И когда это он стал таким философом? Ступай отсюда, нам не нужны твои поучения.

Все вместе. Ступай, ступай, обойдемся без твоих наставлений!

Хаджи-Нури (*поспешно сует стихи за пазуху*). Ухожу, видно, горька вам правда! (*Уходит.*)

Хаджи-Керим (*обращаясь к присутствующим*). Господа, что решили — то решили. К началу будущей недели деньги должны быть у нас, отправимся к Молла-Ибрагим-Халилу в Хачмазские горы.

Все вместе. Да, да, ршено!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Происходит в Хачмазских горах. На склоне горы, поросшем пестрыми, душистыми цветами и травами, разбиты на расстоянии пятидесяти шагов друг от друга два шатра. Пониже их, под дощатым навесом, поставлена большая лавильная печь с мехами. Возле печи сложены в кучу куски меди, которые должны быть расплавлены и превращены в серебро. Вблизи одного из шатров находится еще один небольшой деревянный навес. Вдали видны высокие снежные горы. Впереди ущелье, по которому протекает небольшой ручей. Легкий ветер шевелит ветви столетних дубов и буков, растущих по обеим сторонам ущелья; птицы порхают с ветки на ветку, оглашая ущелье пенем. Напротив лужайки пробивается из скалы родник, с тихим журчанием он стекает в ущелье. К востоку от лужайки простирается насколько может охватить глаз степь. В одном шатре живет Молла-Ибрагим-Халил, алхимик, в другом — его ученик Молла-Хамид. Под маленьким навесом расположился со своим скарбом деревни Аббас, слуга алхимика. Вот уже два часа, как рассвело. Над туманом, медленно поднимающимся из ущелья, сияет солнце. Из своей палатки выходит Молла-Ибрагим-Халил, алхимик, и, повернувшись к палатке Молла-Хамида, зовет его. Молла-Хамид показывается из палатки, подходит к алхимику и почтительно останавливается перед ним.

Молла-Ибрагим-Халил. Молла-Хамид, Шейх-Салах лишет, что люди из Нухи приедут сегодня к вечеру.

Молла-Хамид. Да, господин, даже раньше.

Молла-Ибрагим-Халил. Молла-Хамид, когда они приедут, прими их почтительно, усади в палатке, расспроси, зачем они приехали. Скажут, что приехали с деньгами — купить серебро, ты им ответь, что, мол, учитель отдал все серебро прежних выплавок акулисским армянам, и все наличное серебро тоже им продал. А чтобы изготовить эликсир для следующей выплавки, нужен целый месяц. Напрасно, мол, беспокоил себя приездом. Учитель ни денег у них не возьмет, ни серебра им не может отпустить. А если они захотят меня видеть, скажи, что учитель уединился на три дня, молится. И эти три дня он не может ни видиться, ни разговаривать с кем бы то ни было⁵.

Молла-Хамид. Почему вы так изволите говорить, господин? Если я так скажу, они возьмут да уедут с деньгами обратно!

Молла-Ибрагим-Халил. Ну и глуп же ты! Будешь меня учить! Будто я не знаю, что за народ нухинцы! Хоть убей их — не уедут отсюда, пока меня не увидят и денег не отдадут. Как я сказал, так и делай! (*Уходит в свою палатку.*)

Молла-Хамид (*вслед ему*). Слушаю, господин!

После этого разговора за два часа до захода солнца появляются нухинцы. Молла-Хамид выходит из своей палатки им навстречу.

Нухинцы (*Молла-Хамиду*). Салам-aleyкум!

Молла-Хамид. Алейкум-салам! Добро пожаловать, рад вас видеть! Пожалуйте в палатку, посидите, отдохните!

Нухинцы. Мы жаждали повидаться с вами. Как изволите поживать? Как ваше самочувствие?

Молла-Хамид. Слава аллаху, можно ли чувствовать себя плохо в таком живописном месте, в горах? А особенно на службе у такого достойного человека, как Молла-Ибрагим-Халил!

Нухинцы. Таких живописных мест, конечно, можно найти немало, но где найдешь такого достойного человека, как Молла-Ибрагим-Халил? Скажите, можем ли мы сегодня удостоиться чести лицезреть его милость?

Молла-Хамид. Мой учитель уединился на три дня, он занят молитвой. В эти дни он не может общаться с людьми, разговаривать с ними, даже выходить куда-нибудь. Его можно будет увидеть только через три дня. Но скажите, пожалуйста, что заставило вас причинить себе беспокойство? Только ли желание лицезреть его милость или у вас какая-нибудь иная цель?

Нухинцы. Первое и главное наше желание—это лицезреть его милость. Во-вторых, каждый из нас принес для его особы ничтожный подарок, если только он изволит его принять и пролить на нас свое сияние.

Молла-Хамид. Понимаю. Очевидно, вы привезли деньги и желаете получить серебро. Но дело в том, что его милость, Молла-Ибрагим-Халил, не примет от вас денег, потому что все серебро прошлых плавов и последней плавки он отдал целиком акулисским армянам—обменял его на половинный вес чеканной монеты. А эликсир для следующей плавки будет готов только через месяц. Поэтому его милость не может принять деньги и отпустить вам серебро. И то сказать, покупателей так много, что серебро каждой плавки оплачивается за месяц и за два месяца вперед.

Нухинцы. Наша преданность его милости Молла-Ибрагим-Халилу не идет ни в какое сравнение с преданностью других людей. Мы очень хотели бы лично повидаться с ним.

Молла-Хамид. В таком случае вам придется подождать три дня, пока его милость кончит свои молитвы. Эти три дня вы будете моими дорогими гостями.

Нухинцы. Очень хорошо, прекрасно!

В этот момент выходит из своего шалаша дервиш Аббас, смуглый, высокого роста мужчина, лет тридцати, с длинными, до плеч, волосами, подстриженной бородой и густыми усами; на голове у него корона, на плечах тигровая шкура; в руке кривой рог, под мышкой большой красный петух. С пронзительным криком: «Я-ху, я-хагг!»⁶ он отходит за палатки, и, выбрав удобное место, вонзает в землю кол, трижды громко трубит в свой рог, так, что звук разносится по горам, и привязывает петуха к колу. Затем приятным голосом произносит, нараспев, три двустишия Саади⁷:

Пришла весна. Спешите как наслаждаться.
Жизнь коротка. Безвестен час конца.

Вставай, проснись, дыши весенним ветром,
Дыханьем розы, щелканьем скворца.

Для мудреца любой листок древесный—
Страница в книге нашего творца.⁸

Потом дервиш снова трижды трубит в рог, расстилает на траве, в десяти шагах от петуха, тигровую шкуру, опять выкрикивает громко и пронзительно: «Я-ху я-хагг!»—и садится на шкуру, обняв колени. Нухинцы, потрясенные выкриками дервиша и звуками рога, выскакивают из палатки и с беспокойством, пока не умолкает эхо в горах, следят за этой сценой, которая их поражает и наводит на них ужас. Удивленные всем виденным, они обращаются к Молла-Хамиду.

Нухинцы (*Молла-Хамиду*). Молла-Хамид, что это за дервиш и что это за петух?

Молла-Хамид (*с хохотом*). Ха-ха-ха!.. Да, ваш вопрос вполне естествен; ведь вы, бедняги, не ведаете тайн природы, не разбираетесь в алхимии. Травка, входящая главной составной частью в эликсир, растет в этих горах и известна лишь его милости Молла-Ибрагим-Халилу; по мнению греческих ученых, она вырастает при крике петуха. Но дервиша Аббаса возложена обязанность приносить этого петуха. Совершив обряд, свидетелями которого вы были, он каждый вечер привязывает петуха на новом месте. Всю ночь он будет бодрствовать и охранять петуха от шакалов и лисиц. Так будет продолжаться до тех пор, пока ночью петух не прокричит и не вырастет травка для эликсира. Охрана петуха доверяется только дервишам и никому другому. Об этом имеется совершенно точное указание в книге «Диво дивностей».

Нухинцы (*с изумлением*). Великий аллах! Премудрый аллах!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Происходит там же, в палатке Молла-Ибрагим-Халила. Утром Молла-Ибрагим-Халил с чалмой на голове и длинными четками в руках сидит, поджав под себя ноги, на молитвенном коврике и читает молитвы. Его ученик, Молла-Хамид, стоит перед ним со скрещенными на груди руками.

Молла-Хамид. Прикажете, господин, позвать гостей?

Молла-Ибрагим-Халил. Поди позови.

Молла-Хамид, поклонившись, выходит из палатки и возвращается с нухинцами.

Нухинцы (*обращаясь к Молла-Ибрагим-Халилу, все вместе*). Салам-алеikum!

Молла-Ибрагим-Халил улыбается и, не меняя положения, медленно раскачивается то в одну, то в другую сторону; отвечает на приветствие, перебирая четки.

Молла-Ибрагим-Халил. Алейкум-салам! Добро пожаловать. Рад вас видеть... Вы доставили себе беспокойство... (*Указывает, куда им сесть.*)

Один из нухинцев (*после того, как все садятся*). Счастье лицезреть вашу милость превращает это беспокойство в подлинное блаженство для нас.

Молла-Ибрагим-Халил (*с важной улыбкой*). Мой ученик, Молла-Хамид, очень доброжелательно отзывался о вас, и я весьма желал познакомиться с вами; только в одном деле — не знаю, как и сказать — мне очень неловко перед вами. Молла-Хамид говорит, что вы, кажется, привезли деньги, чтобы получить серебро.

Нухинцы (*подобострастно*). Да, господин, если вы будете так милостивы.

Молла-Ибрагим-Халил (*довольный*). Ей-богу, мне даже совестно перед такими дорогими гостями, как вы. Но просите-лей у меня столь много, что серебро каждой плавки покупаю вперед за месяц и даже за два месяца. Серебро прошлой и предстоящей плавки закупили уже акулисские армяне. А серебро следующей плавки — от эликсира, который будет готов к концу этого месяца, — меня упростили продать варташенские евреи. Недавно они уехали за деньгами. Об этом я Молла-Хамиду даже не говорил, потому что он терпеть не может евреев. Но мне стало жаль их. К тому же они живут в ближайшей деревне и оказывают мне большие услуги.

Молла-Хамид (*прерывая его*). Ваша милость, они...

Молла-Ибрагим-Халил. Постой!.. Короче говоря, так много охотников до серебра, что мне просто никак нельзя выдержать сроки изготовления эликсира. А ведь вещества, входящие в его состав, должны пролежать в особой глиняной посуде с серной кислотой двадцать дней, причем каждый день надо добавлять в этот сосуд определенное количество свежей серной кислоты. Затем эти вещества еще десять дней должны пролежать в особой жидкости, называемой в химии красным спиртом. Ее ежедневно надо выливать и заменять новой. По окончании этого химического круговорота вещества, входящие в эликсир, развиваются уже под воздействием огня. Состав, помещенный в специальный глиняный сосуд, подогревают в продолжение трех астрономических часов, постепенно добавляя к нему различные известные мне вещества. Так образуется жидкость, которая постепенно застывает и превращается в эластичное тело. Это и есть эликсир, тот самый эликсир, который превращает в чистое серебро зное количество расплавленного простого металла, как, например, меди. В этом и заключается мой секрет. А доверчивые люди, как я слышал, повсюду говорят обо мне, как о волшебнике. Это не так. Просто я человек благочестивый, веду праведный образ жизни. Прежде всего милостью всевышнего, а затем благодаря обширным познаниям в алхимии и долговременным опытам по части физики, я постиг тайны естества и открыл способ составления эликсира. Для его приготовления необходимо тщательно соблюдать множество условий и правил, которые обыкновенным людям с первого взгляда могут показаться весьма странными и загадочными.

Молла-Хамид. Я хотел доложить, господин, что все они — мусульмане, и надо отдать им предпочтение перед проклятыми евреями, если на то будет ваша милость...

Молла-Ибрагим-Халил (*привставая*). Нет, не так. Я уже дал слово и даже за миллион не изменю его. Но вот что пришло мне на ум: скажи-ка, какое количество меди может превратиться в серебро эликсир, когда он будет готов?

Молла-Хамид (*поднимает голову, смотрит на потолок палатки, подпирая подбородок большим пальцем правой руки, с полминуты думает, затем отвечает*). Эликсир этот рассчитан на тридцать два пуда; через тридцать дней он будет готов и, будучи примешан к тридцати двум пудам меди, превратит ее в чистопробное серебро. Два пуда уйдут на отходы. Таким образом, если принять во внимание количество эликсира и простого металла, к началу будущего месяца мы будем иметь тридцать пудов серебра.

Молла-Ибрагим-Халил. Сколько денег привезли эти господа?

Один из нухинцев. Пять тысяч рублей, господин.

Молла-Ибрагим-Халил. Хорошо. Вот что я думаю сделать, Молла-Хамид. Оказывается, у этих господ небольшая сумма. Им требуется всего десять пудов серебра. У нас остается двадцать пудов. Пусть их и заберут евреи, чтобы мое слово не было нарушено. Как ты думаешь, правильно ли я решил? И твое заступничество за единоверцев уважил, и свое обещание полностью.

Нухинцы (*кланяются с довольным видом*). Да приумножит аллах ваши богатства! Как прикажете? Вручить деньги вашей милости?

Молла-Ибрагим-Халил (*слегка мотнув головой, пренебрежительно*). Зачем отдавать деньги мне? Где у меня столько свободного времени, чтобы заниматься подобными мелочами? Деньги пересчитайте и отдайте Молла-Хамиду, а через тридцать дней снова приезжайте сюда и забирайте свои десять пудов серебра. Прощайте! Близится час полуденной молитвы.

Нухинцы (*удовлетворенные, кланяются*). Да продлит аллах вашу жизнь и умножит ваши богатства! (*Выходят из палатки.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Происходит там же в назначенный тридцатый день. Раннее утро. Вдали показываются нухинцы. Молла-Ибрагим-Халил в домашнем костюме, с ночным колпаком вместо чама на голове быстро подвязывает белый фартук, засучивает рукава и, став перед палаткой, зовет своего ученика Молла-Хамида. Подходит Молла-Хамид, Молла-Ибрагим-Халил отдает ему распоряжения.

Молла-Ибрагим-Халил. Молла-Хамид, скорее неси из палатки ручной горн, глиняный котелок и маленький мех. Поставь горн на землю, приделай к нему мех, разведи огонь, поставь котелок на огонь. Принеси из-за палатки мешок с углем, высыпь около горна. Ступай в палатку; там на подносе три разноцветные бутылки и три разноцветных пакета. Все это принеси сюда. Открой желтый пакет, высыпь содержимое в котелок. Вылей туда же жидкость из зеленой бутылки. А потом садись и раздувай огонь.

После того как все распоряжения исполнены, Молла-Ибрагим-Халил железными щипцами укрепляет котелок на огне. В этот момент из-за палатки показываются нухинцы, спешившиеся в отдалении. Молла-Ибрагим-Халил, занятый своим делом, «не замечает» нухинцев. Но те, застав Молла-Ибрагим-Халила за работой, приходят в возбуждение и громкими радостными головами приветствуют его.

Нухинцы. Салам-aleyкум!..

Молла-Ибрагим-Халил (*подняв голову*). Aлейкум-салам! Ах, зачем вы явились сюда сегодня? Что вы наделали со мной? В какую беду вы ввергли меня! Я хотел сделать вам добро, а вы свели на нет все мои труды! Вай, вай! Ах, ах, ах...

Нухинцы (*удивленно*). Что случилось, господин? В чем мы провинились? Что мы сделали?

Молла-Ибрагим-Халил (*в отчаянии*). Что вы могли сделать хуже? Вы появились здесь в тот самый момент, когда окончательно образуется эликсир и вещество вскипает в котелке. Одна из особенностей эликсира — чтобы во время его кипения в котелке на целую милю вокруг не было ни одного постороннего человека. В противном случае он потеряет свои свойства, взлетит в воздух и пропадет. Об этом имеется совершенно точное указание Саккаки — покровителя джиннов. Разве по доброй воле я удалился в такое безлюдное место, вдали от благоустроенных селений?

Нухинцы (*с удивлением*). Мы прибыли сюда, господин, по личному вашему повелению. Сегодня кончается тридцатый день.

Молла-Ибрагим-Халил. Но я ведь вам сказал — через тридцать дней. Это значит, что вы должны были оставаться дома тридцать дней и приехать сюда на тридцать первый день, когда эликсир был бы уже готов и серебро извлечено из горна. А вы приехали на тридцатый день, в тот самый момент, когда эликсир варится в котелке. Ах, ах, ах!..

Нухинцы. Так уж случилось. Мы не знали этого. Как же теперь быть? Чем можно помочь?

Молла-Ибрагим-Халил. Теперь ничем не поможешь. И эликсир не образуется, и серебро не получится, разве только вы... Имеется одно-единственное средство...

Нухинцы. Что мы должны сделать, господин? Какое это средство?

Молла-Ибрагим-Халил. Теперь, раз уж вы приехали, надо, чтобы вы не удалялись отсюда, пока варится в котелке эликсир. Этого требуют законы алхимии. Но только вот что: если вы желаете себе добра и не хотите, чтобы пропали мои труды, потраченные для вашей же пользы, вы не должны думать об обезьяне и оживлять в памяти обезьяний облик до той минуты, пока не образуется эликсир и не будет извлечен из котелка; он варится уже час и будет вариться еще два часа. Вот единственное средство. Иначе эликсир, над приготовлением которого я неустанно тружусь целый месяц, в мгновение улетучится. Такова его особенность, подробно описанная в трактате по алхимии ученого Чуллу-хакима⁹, неоднократно убеждавшего в этом на собственном опыте.

Нухинцы (*обрадованные — средство показалось им очень простым, — все вместе*). Прекрасно, господин! Это очень легко исполнимо. Как хорошо, что образование эликсира зависит только от этого.

Молла-Ибрагим-Халил. Да, только от этого и зависит. Да вознаградит вас аллах, я вами очень доволен. Молла-Хамид, раздувай меха!..

Молла-Хамид раздувает мех, Молла-Ибрагим-Халил поворачивает щипцами котелок на огне. Бросает в котелок какое-то вещество, потом наливает туда жидкость из бутылки и отходит в сторону. Вынимает из нагрудного кармана часы, смотрит. В эту минуту к нему обращается лекарь Ага-Заман.

Ага-Заман. Нет ли другого средства, господин, кроме этого?

Молла-Ибрагим-Халил. Кроме чего?

Ага-Заман. Кроме обезьяны?

Молла-Ибрагим-Халил. О чем ты? Что ты говоришь? Ужас!..

Ага-Заман. Но что мне делать, господин? Я никак не могу не думать об обезьяне!

Молла-Ибрагим-Халил (*в гневе*). Молчи же!.. Забудь!

Ага-Заман. Слушаюсь, господин!

Молла-Ибрагим-Халил (*сердито своему ученику Молла-Хамиду*). Раздувай сильнее!.. Спишь, что ли?

Склоняется над котелком, смотрит, потом бросает в него содержимое синего пакета. В эту минуту один из нухинцев, Молла-Салман, срывает шапку с головы.

Молла-Салман. Уф, как жарко! Уф, проклятые! Уф, не отстанут!.. Нет спасения!..

Молла-Ибрагим-Халил. Как ты проklinяешь? Кто не отстанет? От кого нет спасения? О чем ты говоришь?..

Молла-Салман. Уф, нет спасения... Нет спасения!..
Другие нухинцы. В самом деле, нет спасения!.. Совсем невмоготу стало!..

Молла-Ибрагим-Халил *(с гневом всем им)*. Как нет спасения? Что случилось? Что с вами?

Молла-Салман *(увидев, что его товарищи переживают то же самое и, осмелев, обращается к алхимику)*. Все звери в горах превратились в обезьян с длинными хвостами, пляшут у меня перед глазами, наступают на меня. Не знаю, как быть, куда бежать. Уф, проклятые обезьяны! Проклятые уроды!..

Другие нухинцы *(подняв головы)*. Уф, проклятые обезьяны! Проклятые уроды! Вот несчастье!..

Молла-Ибрагим-Халил быстро бросает в котелок какое-то вещество. Нухинцы, поднявшие головы вверх, ничего не видели. Внезапно из котелка во все стороны вылетают, как пули, искры, котелок взрывается. Минный эликсир вспыхивает, словно порох, ярким пламенем. Дым окутывает все вокруг. Молла-Хамид в ужасе отскакивает от горна. Молла-Ибрагим-Халил обеими руками рвет бороду, бьет себя по коленям и вопит.

Молла-Ибрагим-Халил *(кричит на нухинцев)*. Да разрушит аллах ваши дома! Что вы наделали? Пусть ваши двери будут всегда закрыты! *(Рвет на голове волосы, бьет себя по коленям.)*

Нухинцы. Успокойтесь, господин! Успокойтесь! Того, что предопределено, не избежать! Скажите лучше, что теперь нам делать?

Молла-Ибрагим-Халил *(в сильной досаде)*. Что нам делать? Вот что: сейчас же, пока не село солнце, отправляйтесь в ближайшее село — до окончания образования новой порции эликсира, то есть тридцать один день прождите там и снова вернитесь сюда, получите серебро, причитающееся вам за ваши небольшие деньги в пять тысяч рублей, которые уже полностью потрачены на необходимые материалы. Одно условие: не являться до тех пор, пока я заблаговременно не дам вам знать. Как бы вы не ошиблись опять в счете дней, а то явитесь раньше, чем образуется эликсир, и пропадет он так же, как этот. К причитающемуся вам серебру я добавлю и проценты за ваши деньги — мне ничего не стоит дать вам лишний кусок серебра, а для вашего брата и копейка — деньги! Прощайте и ждите моего оповещения! *(Уходит в свою палатку, тихо говорит про себя.)* Тешьте себя надеждой, что я пошлю вам оповещение... Аллах даст, до того времени я найду средство, чтобы больше не встречаться с вами.

Нухинцы в недоумении застыли на месте.

Занавес

КОНЕЦ

Иллюстрация к комедии «Молла-Ибрагим-Халил алхимик»

МУСЬЕ ЖОРДАН, УЧЕНЫЙ БОТАНИК,
И ДЕРВИШ МАСТАЛИШАХ,
ЗНАМЕНИТЫЙ КОЛДУН

*Представление об удивительном происшествии,
которое излагается и завершается
в четырех действиях.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мусье Жордан — ученый ботаник, парижанин, 40 лет.¹
Гатамхан-ага — владетель кочевья Текле-Муганлы, карабаец, 65 лет.
Шарафниса-ханум — его старшая дочь, 16 лет.
Гюльчохра — его младшая дочь, 9 лет.
Шахрабану-ханум — его жена, 45 лет.
Шахбазбек — его племянник, жених старшей дочери, 22-х лет.
Ханпери — кормилица Шарафнисы-ханум, 40 лет.
Дервиш Масталишах — знаменитый колдун, иранец, 50 лет.
Гуламали — его ученик, иранец, 30 лет.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Происходит в Карабахе в 1263 году в начале весны², через день после Новруз-байрама, в зимнем кочевье Текле-Муганлы. Во второй комнате Шарафниса-ханум расчесывает шерсть и тихо плачет. Ее младшая сестра Гюльчохра играет возле нее.

Гюльчохра. Почему ты плачешь, сестрица?

Шарафниса-ханум (*отталкивает протянутую руку сестры*). Отойди!

Гюльчохра (*шала, снова протягивает к ней руку*). Сестрица, ну, ради аллаха, скажи, почему ты плачешь?

Шарафниса-ханум (*снова отталкивает ее руку*). Отстань, говорю. Видишь, делом занята. Не мешай работать!

Гюльчохра (*по-прежнему*). Ты же не работаешь, а только плачешь. Скажи, почему плачешь? Если не скажешь, я маму позову. Ну, скажи, почему ты плачешь? (*Срывает с нее головной платок*).

Иллюстрация к комедии «Мусье Жордан, ученый ботаник,
и дервиш Масталишах, знаменитый колдун»

Шарафниса-ханум (*в сердцах, резко отталкивает ее. Гюльчохра падает*). Тыфу ты, пропасть! Ни за что не отвяжется! Не даст заниматься делом!..

Гюльчохра поднимается и с плачем уходит к матери в другую комнату.

(*Одна.*) Вот дура! Сейчас все скажет маме. Боже мой, если мама придет и спросит, почему ты плачешь, что я отвечу? А я ни за что не скажу. Лучше буду отпираться, будто вовсе не плакала. (*Тщательно вытирает глаза головным платком.*)

Открывается дверь, входит Шахрабану-ханум.

Шахрабану-ханум. Зачем ты толкнула девочку? С ног ее сбила!

Шарафниса-ханум. Провалиться бы ей сквозь землю! Ни минуты не сидит спокойно. С самого утра не дала мне расчесать и двух клоков шерсти. Все время балуется, то шерсть выхватит из рук, то платок с головы сорвет. Мне надоело, я и толкнула ее легонько. А она побежала к тебе с ревом. Можно подумать, она в кровь разбилась.

Гюльчохра. Ей-богу, мама, неправду она говорит. И вовсе она не расчесывала шерсть, а все время плакала. Я говорю — не плачь, а она как толкнет меня, я так упала и ушиблась.

Шахрабану-ханум. Почему это ты плачешь, Шарафниса? Что у тебя за горе, чтобы плакать? Слава аллаху, отец твой жив, мать жива. Жених — красавец. Ешь ты вдоволь, нарядов довольно. О чем же ты плачешь?

Шарафниса-ханум. Да не плакала я, мама; ей-богу, не плакала! (*Щиплет Гюльчохру.*) Чтоб тебе провалиться! Когда это я плакала?

Гюльчохра вскрикивает от боли.

Ей-богу же, я не плакала, мама. Слава аллаху, отец у меня жив, мать жива, с чего же мне плакать?

Шахрабану-ханум (*смеясь*). А почему про жениха не говоришь? Ведь и жених у тебя есть!

Шарафниса-ханум. Какой еще жених?

Шахрабану-ханум. Как это какой жених? А твой двоюродный братец Шахбаз-бек чей жених? Отец твой, бог даст, недели через три такую вам свадьбу справит, что молва о ней пойдет по всему Карабаху. Позавчера он написал письмо своему другу Курбан-беку в Зардаб, чтобы тот договорился с шемахинскими музыкантами и прислал их на свадьбу.

Шарафниса-ханум (*зажав большим и указательным пальцами нижнюю губу, оттягивает ее вниз, поднимает голову*). Ах, о чем ты говоришь, мама? Шахбаз-бек через десять дней уезжает. А к чьей свадьбе готовится отец, я не знаю.

Шахрабану-ханум (*с удивлением*). Шахбаз-бек уезжает? Куда? С кем? Ради аллаха, не выдумывай небылиц! Да, вижу, ты и вправду плакала. Оказывается, и в самом деле у девиц ума мало, слез много. А ну, говори, кто тебе сказал, что Шахбаз-бек уезжает?

Шарафниса-ханум (*опускает голову*). Он сам.

Шахрабану-ханум. И куда?

Шарафниса-ханум. Не знаю, не то во Францию, не то в Париж... Пропади они пропадом, и выговорить не могу.

Шахрабану-ханум. Хорошо, а с кем он едет в Париж?

Шарафниса-ханум. С нашим гостем, мусье Жорданом.

Шахрабану-ханум. С этим нашим франком, что всякие травы собирает? Зачем он едет? Какие у него во Франке дела? У него что, собака, что ли, заблудилась в Париже?

Шарафниса-ханум. Ничего не знаю. Шахбаз — молодой неопытный. Мусье Жордан вбил ему в голову, будто девушки и женщины в Париже появляются в обществе с открытыми лицами. И многое еще другое наговорил ему. А тот с ума сошел и все твердит, что он обязательно должен поехать и посмотреть Париж. Сначала, говорит, попрошу разрешения у дяди, а если не пустит, то ночью на коне переправлюсь через Аракс, найду там мусье Жордана, поеду с ним в Париж, посмотрю там все и погуляю.

Шахрабану-ханум (*откладывает в сторону чулок, который вязала и обращается к младшей дочери*). Гюльчохра, подика позови сюда Шахбаз из того дома. Посмотрим, что это еще за новости.

Гюльчохра убегает.

Говорила же я: Гатамхан-ага, послушай, поскорей справь эту свадьбу. Боюсь я за Шахбаз. Каждый день у него тысяча новых фантазий. Не послушался он меня, тянул, тянул, и вот что вышло.

Открывается дверь, и входит Шахбаз-бек.

Шахбаз-бек. Что случилось, тетушка? Ты меня звала?

Шахрабану-ханум (*нахмурившись*). Шахбаз, я слышала, что ты едешь во Франку, в Париж. Что это значит?

Шахбаз-бек (*улыбнувшись*). А что плохого, если я и поеду, тетушка? Съезжу и вернусь. Да еще привезу Шарафнисе в подарок шапочку, как у французских девушек.

Шарафниса-ханум. Мне не нужно шапочек, как у франкских девушек: купи эти шапочки в Париже и надевай их своим девушкам, если ты из-за них легче ветра летишь из Карабаха.

Шахрабану-ханум. Она права, надевай эти шапочки на франкских девушек. Шарафнисе они не нужны. Скажи-ка мне.

ты сам себе хозяин или есть старший, который заменяет тебе отца?

Шахбаз-бек. Конечно есть! Я не поеду, не получив разрешения у дяди. Мусье Жордан сам будет просить его согласия.

Шахрабану-ханум (*сердито*). Ладно, ступай. Ты совсем от рук отбился и переходишь всякие границы. Я позову сейчас Гатамхан-агу и спрошу у него, кто такой этот мусье Жордан, что подбивает его племянника поехать в Париж. Клянусь аллахом, я сыграю с ним такую шутку, что он забудет, по какой дороге явился, и Париж забудет. Очень хорошо! Ступай, а я поговорю с Гатамхан-агой, пусть он объяснит мне, как это ты поедешь в Париж, когда до твоей свадьбы осталось двадцать дней?

Шахбаз-бек. До моей свадьбы двадцать дней? Нет, я еще слишком молод и не женюсь так скоро. Я не соглашусь на свадьбу, разве только насильно меня женят...

Шахрабану-ханум (*кричит*). Да, именно насильно! Конечно, твою свадьбу надо было сыграть еще два года назад, да только Шарафниса была слишком мала. Молодых людей вроде тебя холостая жизнь портит, толкает на воровство и разбой.

Шахбаз-бек. На воровство и разбой толкают голод, нужда. А у меня, слава богу, всего вдоволь.

Шахрабану-ханум (*насмешливо*). Интересно знать, какие это нищие разбойничают и грабят на большой дороге? Не выдумывай, ради аллаха... Ты вконец с пути сбился... Ступай и займись своим делом.

Шахбаз-бек уходит с опущенной головой.

Как будто умерли Гатамхан-ага и Шахрабану-ханум! Неужели какой-то франк собьет Шахбазу с толку и увезет в Париж? Послушай, Шарафниса, я уже забыла, повтори-ка, какими посулами этот собиратель трав соблазнил Шахбазу, чтобы увезти его в Париж?

Шарафниса-ханум. Он говорил, что в Париже все красивые девушки и молодые женщины появляются в обществе с открытыми лицами.

Шахрабану-ханум. А еще что говорил?

Шарафниса-ханум. Что там девушки и молодые женщины бывают вместе с мужчинами, разговаривают с ними, смеются, танцуют.

Шахрабану-ханум (*с досадой*). А что еще? Это все одно и то же.

Шарафниса-ханум. Да много чего он рассказывал. Но все остальное у меня вылетело из головы, запомнилось только это. Откуда мне знать?

Шахрабану-ханум (*раздраженно*). Велик аллах! Как мне сказать Гатамхан-аге, что его племянник Шахбаз-бек, сидя в Карабахе, воспытал нежными чувствами к парижским девуш-

кам и решил ехать туда вместе с мусье Жорданом, а его шестнадцатилетняя дочь Шарафниса ни с того ни с сего проливает потоки слез и одевается в траур, ревнуя, видишь ли, Шахбазу к молоденьким парижанкам.

Шарафниса-ханум (*вскакивает*). Боже мой, почему меня не засыплет земля?! Что она говорит? Земли под ногами не чувствую, лучше уйти! (*Быстро выводит из комнаты.*)

Шахрабану-ханум (*Гюльчохра*). Гюльчохра, отец твой разговаривает во дворе с пастухами. Поди скажи ему, чтобы сейчас же шел сюда... Есть важное дело.

Гюльчохра убегает.

(*Одна.*) Какие, оказывается, неблагодарные люди эти франки. Никакого добра не помнят. А я, глупая, каждый божий день подавала мусье Жордану на завтрак сливки и масло, на обед — плов и жаркое, чтобы он, вернувшись на родину, не сказал, что женщины карабахских кочевий невежливы, не умеют принять и уважить гостя. Делай после этого добро людям! Все мои труды пошли прахом!

Открывается дверь.

Гатамхан-ага (*входя*). Что случилось, жена? Зачем ты меня так спешно позвала?

Шахрабану-ханум (*нахмурившись*). Что еще могло случиться?.. Сам посудни, говорят, что этот собиратель трав, твой гость, которого ты поил и кормил, сбил твоего племянника с толку и хочет увезти с собой в Париж.

Гатамхан-ага. Как? Мусье Жордан хочет увезти Шахбазу в Париж? Кто это сказал?

Шахрабану-ханум. Я сказала. Да и сам Шахбаз говорил Шарафнисе.

Гатамхан-ага (*с деланным смехом*). Ха-ха-ха! Шахбаз знает, что у твоей дочери чувствительное сердце, вот он и пошутит. А Шарафниса загрузила. Ха-ха-ха! У матери с дочерью ума ни на грош. Каждый пустяк выводит вас из себя.

Шахрабану-ханум (*кричит*). Для тебя все пустяк! Малый он неопытный, может, этот франк разными рассказами затуманил ему голову. Ты — мужчина. Ничего с тобой не сделается, если позовешь их обоих и спросишь, что это значит и что за разговоры.

Гатамхан-ага. Хорошо, жена, только не кричи, ради аллаха. Сейчас я позову их и при тебе же спрошу. Только ты не кипятись.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Происходит в тот же день в первой комнате. Весь пол комнаты устлан коврами, в одном углу сложены мешки с мукой, в другом — бурдюки с маслом, тюки с шерстью. Гатамхан-ага сидит в глубине комнаты на ковре, справа от него сидит его жена Шахрабану-ханум в белом головном платке, прикрывающем нижнюю часть лица. Напротив Гатамхан-аги сидит, положив ладонь на рукоять книжала, Шахбаз-бек и ждет с нетерпением, что скажет его дядя. Слева от него сидит на покрытом ковром тюке шерсти, перекинув ногу за ногу, мусье Жордан в европейском костюме, с непокрытой головой и курит сигару. Старшая дочь Гатамхан-аги Шарафни-саханум заблаговременно пробралась тайком за ковровый занавес, за которым сложены тюки с шерстью, и подслушивает. Гатамхан-ага обращается к мусье Жордану.

Гатамхан-ага. Господин ученый, до меня дошли слухи, что ты хочешь повезти нашего Шахбаза во Франкистан, правда ли это?

Мусье Жордан. Да, Гатамхан-ага. Я об этом сам с вами хотел поговорить. Жаль, если такой способный и образованный молодой человек, как Шахбаз-бек, не будет знать французского языка. Я обещаю повезти его в Париж, обучить французскому языку и отправить обратно. Ему очень хочется знать французский язык, и он быстро его усвоит. Даже теперь, общаясь со мной, он уже выучил несколько фраз.

Гатамхан-ага (*обращается к Шахбаз-беку*). Правда, Шахбаз, что ты хочешь поехать в Париж?

Шахбаз-бек. Да, дядюшка, если на то будет ваше согласие, я поеду с мусье Жорданом, а потом уж сам вернусь обратно.

Гатамхан-ага. Но для чего это, сын мой?

Шахбаз-бек. Чтобы выучить французский язык, дядя.

Гатамхан-ага. На что тебе французский язык, милый? Тебе нужны арабский, персидский, азербайджанский и русский языки, а их ты уже изучил в школах, о которых позаботилось правительство.

Шахбаз-бек. Французский язык мне очень нужен, дядя. В прошлом году, когда вы послали меня в Тифлис получить разрешение на прорытие канала, сын Аллахверди-бека, Гарверди-бек, который изучил в Варшаве французский язык, пользовался большим уважением, чем я, хотя, кроме французского и азербайджанского, никакого другого языка не знал.

Гатамхан-ага. Сын мой, ты еще ребенок и не понимаешь, что все это пустяки. Человеку нужен ум, а если будешь знать еще один язык, от этого ума не прибавится. На каком бы языке ни говорил человек, он прежде всего должен уметь рассуждать, правильно представлять себе нравы и обычаи людей своего времени — тогда он будет умело вести свои дела.

Шахбаз-бек. К людям нашего времени относятся и жители Парижа. Значит, дядя, необходимо знать и их обычаи и нравы.

Гатамхан-ага. Ну что ж, знай и их обычаи и нравы, если тебе так хочется.

Шахбаз-бек. Как же я могу узнать их нравы и обычаи, если не поеду в Париж?

Гатамхан-ага. Очень просто; так же, как их знаю я, встречаюсь только с мусье Жорданом и слушаю его речи. Хотя, кроме Карабаха, я нигде и не был.

Шахбаз-бек. Я не понимаю, дядя, каким образом вы составили себе представление об обычаях и нравах парижан?

Гатамхан-ага. Сейчас я объясню тебе, сын мой. Для меня совершенно ясно, что, каковы бы ни были наши обычаи и нравы, у парижан все наоборот. Например, мы красивы руки хной, а французы нет; мы бреем головы, а они отпускают волосы; мы сидим дома в шапках, а они с непокрытой головой; мы носим башмаки, а они ботинки; мы едим рукой — они ложкой; мы принимаем подношения открыто — они принимают их тайком; мы верим всему, а они ничему не верят; наши женщины носят короткие платья, а их женщины — длинные; у нас в обычае иметь много жен, а в Париже — много мужей...

Шахбаз-бек. Вот этого я не понял, дядюшка.

Гатамхан-ага. Почему же не понял, сын мой? Иметь много жен означает, что один мужчина не довольствуется одной женой, а иметь много мужей — это значит, что одна женщина не довольствуется одним мужем. Первый обычай существует у нас, второй — у парижан, если судить по тем книгам, содержание которых всю зиму подробно рассказывал нам мусье Жордан. Вот по такому образцу суди обо всем остальном и откажись от бесполезной мысли ехать в Париж.

Мусье Жордан (*насмешливо*). Ха-ха-ха! Гатамхан-ага, я удивляюсь, как это вы, пожилой человек, столь умный и здравомыслящий, столь искушенный в житейских вопросах, до сих пор не стали членом какого-нибудь государственного органа. Я не могу возразить против ваших суждений, а только хотел бы, с вашего разрешения, сказать несколько слов.

Гатамхан-ага. Извольте, господин ученый! Нам приятно каждое ваше слово.

Мусье Жордан (*серьезно*). Гатамхан-ага, я хотел взять Шахбаз-бека в Париж, чтобы, во-первых, лично заняться его воспитанием, научить его французскому языку и, по возможности, наукам, а во-вторых, представить его королю и в благодарность за ваше гостеприимство и ваши заботы исходатайствовать ему у короля какое-нибудь вознаграждение, а потом уже отправить его на родину. Ведь я как ученый и член Академии наук, находящейся под личным покровительством короля, пользуюсь благосклонностью и доверием его величества. Но, как это выяснилось из ваших слов, вы отрицаете пользу путешествий. Поэтому я считаю необходимым на примерах доказать вам всю их полезность. Если бы, например, я не приехал в Карабах (*достает из кармана записную книжку, раскрывает ее и берет несколько трав, аккуратно сложенных в ней*), если бы я не приехал в Ка-

рабах, кто бы узнал, что на карабахских горных лугах растут эти травы? До сих пор наши ученые и естественные исследователи, господина Линнея, Турнефор и Бертрам³, полагали, что эти травы растут только в Альпах, в Америке, в Африке и в горах Швейцарии, но теперь, после того как я съездил на Кавказ, я докажу Парижской Академии наук, что все перечисленные ученые, безусловно, ошибались, что эти растения широко распространены также в горах Карабаха. Определив значение этих трав и исследовав на опыте их природу, я издам новый труд, руководство для врачей, и прославлю эти травы на весь мир. Вот, к примеру, эта травка, которую вы видите (*показывает*), называется по-латыни аккантус и, согласно моим опытам, очень помогает при желудочных болях. Господин Линней относит ее к третьему классу, а господин Турнефор — к четвертому, я же помещу ее во второй класс. Вот эта травка называется по-латыни церастирум-альпинум и очень помогает при лечении глазных болезней. Господин Линней относит эту травку к седьмому классу, а господин Турнефор — к шестому, я же помещу ее в десятый класс. Эта травка по-латыни называется каммелина-африкана и является хорошим средством против зубной боли. Господин Линней помещает ее в пятый класс, господин Турнефор — в третьем, а я отнесу ее к восьмому классу. Эта травка, называемая по-латыни комбретум, до настоящего времени совершенно не была известна в Европе и считалась американским растением. Ныне я бесконечно рад, что обнаружил ее в Карабахских горах: она очень полезна при простудах. По господину Линнею, она находится в шестом, по Турнефору — в пятом, а я помещу ее в четвертый класс. Таким образом, я опишу свойства и характер всех найденных мною трав и растений, и о них узнает весь мир. Тогда слава моя в этой области затмит славу Георга Клиффорда⁴, покровителя господина Линнея, а заслуги мои перед наукой затмят заслуги германского ученого общества, открывшего болезнь картофеля и тем оказавшего своей родине большую услугу⁵.

Гатамхан-ага. Я решительно ничего не понял из того, что вы сказали, господин ученый. Кто такой Клиффорд, кто Линней и кто Турнеф? К чему они утруждали себя, устанавливая какие-то классы для растений? И что такое герман, кто такой картофель, и от чего он захворал, и что он за важная персона, что родина в такой степени заинтересована в его здоровье и долгой жизни?

Наступает короткое молчание, мусье Жордан смеется.

Может быть, и нашего Шахбаза вы для того хотите увезти, чтобы научить его подобным загадкам?

Мусье Жордан. Простите, Гатамхан-ага! Вы правы. Только теперь я понял, какие надо было приводить вам примеры. Вспомните, например, о том счастливице, — я забыл его

имя, — который приезжал к вам месяц назад на карабахском жеребце Альетмазе и гостил у вас; каким образом он нажил бы богатство, если бы не приехал в Карабах?

Гатамхан-ага. Вот это совершенно ясно, господин ученый. Правильно изволите говорить, если бы он не приехал в Карабах, то никогда бы не разбогател.

Шахбаз-бек. Милый дядюшка, если желаете мне счастья, разрешите мне поехать с мусье Жорданом. Такого благоприятного случая никогда больше не представится. Ведь оба вы признали пользу путешествий.

Гатамхан-ага (*немного подумав*). Господин ученый, за сколько времени Шахбаз сумеет съездить в Париж и вернуться?

Мусье Жордан. Эта поездка потребует год, не больше. Если он останется там меньше года, то не получит всей той пользы, ради которой он едет, ведь главная его цель — изучить французский язык.

Гатамхан-ага (*к жене*). Что делать, жена, пусть едет. Повернешь шапку, и год пройдет. Он молод, хочется ему, пусть поедет, посмотрит Париж. И господин ученый — человек хороший, при нем Шахбаз может многому научиться, увидит хорошее и дурное. Получит награду у короля. И к концу года будет снова в Карабахе. За это время и мы подготовимся к его свадьбе и справим ее, как только вернется.

Шахрабану-ханум (*вскакивает, громко*). Что ты говоришь, о чем ты думаешь, муж? Не желаю я, ни чтобы он ехал в Париж, ни чтобы получал образование, ни чтобы король ему подарки делал. Все это один предлог. Шахбаз хочет ехать в Париж лишь для того, чтобы весело проводить время, болтать и пересмешничать с девушками и молодыми женщинами, которые появляются в обществе с открытыми лицами. Вот и все.

Гатамхан-ага (*с досадой*). Довольно, жена! Не кричи, ради аллаха! Ну, что мне делать? Если можешь, не отпускай его. Если можно остановить на лету птицу, то можно и Шахбаза удержать насильно. Не разрешишь, вскочит на лошадь и перелетит на тот берег Аракса. Где мне тогда искать его? Разве ты не знаешь, как он упрям?

Шахрабану-ханум (*кричит еще громче*). Я упрямее его! Не позволю ему ехать! Если я пушу Шахбаза в Париж, то пусть мой платок достанется гулящим девкам! (*Протягивает руку к головному платку*.)

Шахбаз-бек (*со спокойной улыбкой*). Велик аллах! Не знаю, какую охрану собирается выставить тетушка, чтобы удержать меня под арестом.

Шахрабану-ханум (*кричит*). Узнаешь! Ты поступай, как хочешь, а я буду делать свое дело. (*Выходит*.)

Гатамхан-ага. Беда с женщинами.

Мусье Жордан в недоумении, Шахбаз-бек негодуя молчит.

Занавес

ДЕЯСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Происходит там же. В комнате сидит Шахрабану-ханум, поодаль от нее Шарафниса-ханум, расчесывает шерсть. Вдруг открывается дверь, и входит Ханпери, кормилица Шарафниса-ханум.

Ханпери. Салам-алеюкум!

Шахрабану-ханум. Алейкум-салам, Ханпери! Ты знаешь, чем кончилось дело?

Шарафниса-ханум прислушивается.

Дело кончилось тем, что Шахбаз едет в Париж. Я вот и позвала тебя, помоги нам, если у тебя имеются какие-нибудь средства. Ты ведь знаешь, что Гатамхан-ага мягок, как тесто. Начал он хорошо, но потом вдруг размяк, поддался пустым разговорам мусье Жордана и Шахбаза. Но я скорее умру, чем отпущу Шахбаза в Париж. По правде сказать, я не могу видеть слезы Шарафнисы. Потерпит ли аллах, чтобы Шахбаз в Париже получал удовольствия, а моя пятнадцатилетняя девочка, у которой щечки, как розы, вздыхала, кровью кашляла, блекла и таяла от горя?

Ханпери. Ханум, я уже говорила тебе, что есть единственное средство. Зачем тебе полагаться на Гатамхан-агу или на кого-нибудь другого. Пошли в соседнее селение Агджабеди за дервишем Масталишахом, что из Ирана приехал, он все устроит так, как душе твоей угодно. Он так здорово колдует, что, пожелай он, — даже меня с моим стариком мигом разведал.

Шахрабану-ханум. Ханпери, и я слышала о его колдовстве. Но все же никак не решусь. Не знаешь ли, что он такого сделал? Расскажи, может быть, я в него поверю. Ведь дело-то у нас очень трудное.

Ханпери. Ханум, не он ли разведал агджабединского старшину Керима с женой Селимназ и свел ее с любовником? Не он ли устроил брак дочери старика Сафарали из Муганлов с ее возлюбленным? Не он ли силой своего колдовства убил отца, который не соглашался выдать ее замуж? Не он ли раньше времени вернул уехавшего на год мужа Шахсенем, дочери Кербалай-Ганбара из Джавадлов, чтобы тот не женился на другой? Ничто не может спасти от его колдовства!

Шахрабану-ханум. Милая моя Ханпери, сейчас же пошли сына, Алимардана, чтобы он привез Масталишаха из Агджабедов. Пусть скажет, что ханум его зовет, и пообещает ему все, чего только он пожелает. Одним словом, к вечеру, когда зажгутся огни, Масталишах должен быть в нашем доме.

Ханпери. Слушаюсь, ханум, сейчас пошлю. Но только ни Гатамхан-ага, ни Шахбаз-бек не должны знать, что придет

Масталишах. Не дай бог, увидит его здесь Шахбаз-бек, тогда и колдуна убьет, и меня в живых не оставит.

Шахрабану-ханум. Ну конечно! Я выйду сейчас же и отправлю Гатамхан-агу с Шахбаз-беком посмотреть, как там табун, а когда вернутся, уложу их спать в комнате Шарафнисы, потому что ночью, скажу, мне нужно подогреть здесь воду, чтобы вымыть Шарафнисе голову и выкупать ее. Ступай и пошли сына за дервишем.

Обе уходят. Шарафниса-ханум, оставшись одна, встает.

Шарафниса-ханум. Благодарю тебя, боже, за милость. Немного успокоилось сердце. Да сгинет страна, в которой нет колдунов и чародеев. Если бы не было дервиша, о котором говорила моя кормилица, мусье Жордан непременно увез бы Шахбаза и одел бы меня в траур.

Открывается дверь и входит Шахбаз-бек.

Шахбаз-бек. Ты знаешь, Шарафниса, милая, какую бурю устроила сегодня тетушка? При мусье Жордане криком кричала на дядюшку и мне грозила.

Шарафниса-ханум. Ты не видишь, что сам делаешь, а видишь только, как тетушка кричит.

Шахбаз-бек. Что же такого я сделал, милая Шарафниса?

Шарафниса-ханум (бежит к ковровому станку, достает из-за него несколько сложенных листов и раскрывает их). Шахбаз, кто принес эти картинки? Не ты ли мне их принес да еще сказал, что это карточки молодых парижанок; посмотри, мол, какие красивые девушки в Париже; эти девушки и женщины с открытыми лицами бывают в обществе вместе с молодыми людьми. Я еще постыдилась показать эти картинки твоей тетушке.

Шахбаз-бек. Эх, Шарафниса, ты рассуждаешь, как ребенок. Эти картинки были в книге мусье Жордана. Он как-то перелистывал ее, увидел их и отдал мне. Отнеси, говорит, их своей невесте, покажи ей. В этом году, говорит, парижские девушки и женщины надевают такие платья, в прошлом году они носили другие, а в будущем году будут носить совсем иное. Каждый год в Париже меняется фасон платьев. Я их и принес тебе. Что же в этом плохого?

Шарафниса-ханум. Плохо то, что ты ради этих девушек готов на крыльях полететь в Париж.

Шахбаз-бек. Что ты говоришь, Шарафниса. Я не променяю всех парижских девушек на один твой волос. У меня такая красавица невеста, что я даже на райских гурий смотреть не захочу. Дня не могу прожить без тебя.

Шарафниса-ханум. Оставь, ради аллаха! Нечего меня обманывать! Если бы ты действительно не мог дня без меня

прожить, не стремился бы уехать в Париж. Совсем ты меня не любишь!

Шахбазбек (*бросается к ней, обнимает и целует*). Неужели ты настолько сомневаешься во мне, Шарафниса? Чем так говорить, лучше бы ты пронзила мне сердце стрелой. Ты бы спросила, узнала, для чего я еду в Париж.

Шарафниса-ханум (*с плачем вырывается из объятий Шахбаз-бека*). Зачем мне расспрашивать? Я хорошо знаю, что ты едешь вот для кого! (*Стиснув зубы, ожесточенно комкает картинку и бросает себе под ноги.*)

Шахбазбек. Клянусь аллахом, нет, не для них! Ничего ты не знаешь. Все мои сверстники получили образование, занимают хорошее служебное положение, им оказывают почести, их уважают, они счастливы. А у меня нет ни почета, ни уважения, потому что я застрял в этой дыре.

Шарафниса-ханум. Во-первых, это все неверно. Кто это из наших юношей добился успеха образованием и работой. Все эти счастливицы добились успеха совсем иным путем. А во-вторых, если ты хочешь служить, поезжай в Тифлис, поступи там на службу, а потом, если захочешь, поезжай в другие города, недалеко, чтобы руку можно было протянуть и голос подать. Никто из наших в Париж не ездит, да и из Парижа у нас никто не бывает.

Шахбазбек. Ты права, но в каждом деле человек должен иметь поддержку. В Тифлисе и в других городах никто меня не знает. Кто там поддержит меня, поможет устроиться на службу, внушит уважение ко мне? А этот француз — очень хороший человек и любит меня, знаком с нашей семьей. И я стану известен уже потому, что поеду в Париж с ним, научусь французскому языку и буду представлен королю. Когда же я вернусь, для меня везде найдется место.

Шарафниса-ханум. Все это твои выдумки, просто ты хочешь обмануть меня. Как это может быть, чтобы такой умный и способный молодой человек, как ты, не мог найти себе службу в Тифлисе?

Шахбазбек. По возвращении из Парижа я поеду в Тифлис и буду там служить.

Шарафниса-ханум (*отгалкивает ногой картинку*). Разве такой, как ты молодой человек уберется в Париже от этих развратниц и будет по возвращении вести себя по-человечески?.. В Париж ты никогда не поедешь. Не хвались раньше времени!

В эту минуту за сценой Гатамхан-ага громко зовет Шахбазу. Тот быстро выходит из комнаты.

Занавес

ДЕЯСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Происходит в комнате Гатамхан-аги. Сидят Шахрабану-ханум, Шарафниса-ханум и ее кормилица Ханпери. Прошло два часа после заката. Шахрабану-ханум поднимает голову и обращается к Ханпери.

Шахрабану-ханум (*нетерпеливо*). Что же это, Ханпери? Дервиша все нет?

Ханпери. Не беспокойся, ханум. Сейчас будет.

Открывается дверь, и входит знаменитый колдун Масталишах, нахмуренный и суровый.

Масталишах. Салам-aleyкум!

Шахрабану-ханум (*поднимая голову*). Алейкум-салам, дедушка дервиш! Добро пожаловать! Входи, садись!

Масталишах (*садится*). Что прикажете, ханум? Всей душой я готов исполнить любое ваше распоряжение.

Шахрабану-ханум. Я побеспокоила тебя по легкому и небольшому делу, дедушка дервиш. Наш Шахбаз совсем отбился от рук. У нас гостит один франк, с которым он решил ехать в Париж и оставить невесту, мою дочь-красавицу — вот она сидит здесь, в слезах и горе. А через двадцать дней должна состояться их свадьба. Сколько Гатамхан-ага и я ни уговаривали, ни просили его, он даже не хочет слушать. Надо сделать что-нибудь такое, чтобы наш Шахбаз не мог уехать в Париж. Пусть мусье Жордан оставит его в покое, не увозит с собой.

Масталишах. Ханум, это вовсе не так легко и просто. Наоборот, это очень трудное дело. Сила моих чар должна обрушиться на Париж, либо на мусье Жордана.

Шахрабану-ханум. Я не поняла, дедушка дервиш. Почему это сила твоих чар должна обрушиться либо на Париж, либо на мусье Жордана?

Масталишах. А как же иначе? Чтобы воздействовать на Шахбаз-бека, я должен буду вселить в него одного из моих джиннов, и джинн вылетит из его головы желание поехать в Париж. Но очень может быть, что Шахбаз-бек испугается джинна, это отразится на его рассудке, он может заболеть или стать калекой, потому что слишком еще молод.

Шахрабану-ханум. Что ты, дедушка дервиш, ради аллаха, не говори таких вещей. Все это для того и делаем, чтобы Шахбаз-бек ни на один день не отлучался и всегда был у нас на глазах. Как же мы можем согласиться, чтобы в него вселился джинн?

Масталишах. Тогда мне придется приказывать дивам и ифритам разрушить Париж, перевернуть его вверх тормашками, чтобы Шахбаз-бек отказался от своего желания ехать туда. Или повелеть звезде Меррих⁶ обезглавить мусье Жордана, чтобы некому было везти Шахбаз-бека в Париж. Других способов помочь вам нет.

Шахрабану-ханум. Как же это возможно, дедушка дервиш? Можно ли сделать такое?

Масталишах. Ах, ханум, это мое дело. Как вы можете сомневаться? Разве вы не слышали, что я приказал нескольким бесам сеять постоянно в крепости Шуше вражду и раздоры между моллами сект усуди и шейхи, никогда не оставлять их в покое, потому что эти моллы с кафедры мечети открыто призывали народ не верить колдунам и чародеям. Не я ли переселил невиданного интригана и ябедника, дьявола Кейледжана, в тело Ага-Вели-оглы и пустил его в Сальян, жители которого так его боятся, что ни днем, ни ночью не могут спокойно жить и спать в своих домах. И это еще я недостаточно отомстил сальянцам, ведь они в прошлом году не допустили меня в Сальян, прогнали, заявив, что их город — обитель благочестивых, а я дервиш и колдун, не смею ступить туда ногой. О каких еще моих делах вам поведать? Одиннадцать лет назад я прибыл на берег Аракса, чтобы проехать через Нахичеванский и Шарурский участки в Эривань. Жители обоих этих участков стали мне мешать, не пропустим, мол, тебя на эту землю, у тебя нет пропуска, а закон запрещает пропускать на эту сторону неизвестных людей без соответствующего разрешения. Сами они, мошенники, знают переправы и постоянно перевозят туда и обратно контрабандистов без всяких документов. Сколько я ни просил, ни умолял — не послушали. Я пошел вниз по реке, потом вверх, — нигде нельзя переправиться. Тут я вышел из терпения и приказал джиннам и ифритам сровнять с землей все дома Нахичеванского и Шарурского участков. Тут раздался такой удар, что треснула и обрушилась часть горы Арарат, похоронив деревню Акур. Несчастные невинные армяне, жители этой деревни, погибли, пострадав из-за своих злых соседей. А Мирав разве не разрушится, если я ему повелю: «Разрушься!»? А разве не останется Аракс, если я прикажу ему остановиться?

Шахрабану-ханум (*удивленно подносит руку к губам*). Упаси, аллах, от такой беды.

Масталишах. Ночь проходит, ханум. Медлить нельзя. Скажите, когда собирается ехать мусье Жордан?

Шахрабану-ханум. Через десять дней.

Масталишах. Очень хорошо! Сейчас я на ваших глазах, ханум, построю «Париж» и тут же разрушу его. А дивам и ифритам прикажу в ту же самую минуту разрушить настоящий Париж и в течение десяти дней известить об этом мусье Жордана, чтобы тот отказался от своего намерения увезти Шахбаз-бека. А то возьму большого петуха, назову его мусье Жорданом, тут же отрублю ему голову. А планете Меррих прикажу за десять дней точно так же отрубить голову подлинному мусье Жордану, чтобы Шахбаз-бека спасти от него. Скажите же, что вам угодно: разрушить Париж или отрубить голову мусье Жордану?

Ханпери (*радостно бьет в ладоши*). И то и другое, дедушка дервиш! Не станем же мы жалеть французов.

Шахрабану-ханум. Что ты, Ханпери! Каменное у тебя сердце, что ли? Что плохого сделали нам бедные парижане, и за что мы должны обрушить жилища на их головы, погубить тысячи и тысячи людей? Вся беда накликал на нас этот собиратель трав мусье Жордан. (*Обращаясь к Масталишаху*.) Дедушка дервиш, сделай с ним все, что умеешь. Отруби здесь голову петуху и прикажи планете Меррих отрубить голову мусье Жордану, когда тот уже переправится через Аракс, чтобы Шахбаз остался один и вынужден был вернуться обратно. Лучше умереть одному виновному, чем погибнуть тысячам невинных людей.

Шарафниса-ханум. Не говори так, мама! Жалко мусье Жордана. Он такой хороший. Все лето он каждый день присылал мне с Шахбазом букеты цветов и всякие растения и говорил ему: «Отнеси своей невесте, пусть полюбуется; сколько лет она гуляет по этим горным лугам, видела ли она эти цветы и растения?» Еще он подарил мне зеркальце; на его обороте изображены удивительные цветы, привезенные из Нового Света и растущие в парижском диковинном саду. Он любит меня как родную дочь. Скорее я убью себя, чем позволю отрубить голову мусье Жордану. Пусть будет разрушен Париж. Что нам до него? Если бы девушки и женщины не разгуливали там с открытыми лицами, то и Шахбаз никогда бы не вздумал ехать туда. Пусть будет разрушен Париж и погибнут его девушки и женщины.

Шахрабану-ханум. Клянусь аллахом, не знаю, на что согласиться. Но делать нечего. Шарафниса права. Жалко мусье Жордана. Хороший он человек. Он виноват лишь в том, что соблазнил Шахбазу, уговорил его поехать в Париж. Ясно, что в Париже много порочных людей. И сама судьба послала нам дервиша, который разрушит этот город, превратит его в развалины. (*Обращаясь к Масталишаху*.) Дедушка дервиш! Прикажи дивам и ифритам поднять и опрокинуть Париж.

Масталишах. Слушаюсь ханум. (*Обращаясь к Ханпери*.) Ханпери, выйди и скажи моему ученику Гуламали, чтобы снял с лошади мой хурджин и принес сюда.

Ханпери быстро поднимается и выходит.

Ханум, где сейчас находятся Гатамхан-ага и Шахбаз-бек?

Шахрабану-ханум. Они объезжали табун, а теперь вернулись и спят в другой комнате.

Масталишах. Ханум, об этой тайне не должны знать ни они, ни кто-либо другой, ни теперь, ни после, иначе чары будут иметь никакого действия.

Шахрабану-ханум. На этот счет будь покоен, дедушка дервиш!

В это время открывается дверь, и входит Гуламали с хурджином в руках и Ханпери.

Гуламали. Салам-алейкум!

Масталишах. Алейкум-салам! Положи хурджин, развяжи его и достань дощечки с картинками.

Гуламали (*говорит по-персидски, чтобы женщины не поняли его*). Что ты собираешься делать?

Масталишах. Я сложу из дощечек «город Париж», а потом прикажу дивам и ифритам в мгновение ока перевернуть настоящий Париж вверх тормашками, точно так, как на глазах этой госпожи (*взглядом указывает на Шахрабану-ханум*) я разрушу это подобие.

Гуламали (*улыбнувшись*). Ради чего это?

Масталишах. Ради сотни новеньких золотых, которые я получу от этой госпожи за свои труды.

Гуламали (*улыбнувшись*). Хорошо, но откуда у этой госпожи вражда к французской столице и ее населению?

Масталишах. Длинная история, сейчас некогда рассказывать. Доставай дощечки из хурджина!

Гуламали. Сейчас! Но я никак не могу поверить, чтобы эта трудная затея удалась. Не понимаю, шутишь ты, что ли? Как это можно в мгновение ока разрушить Париж?..

Масталишах. Чего же ты не понимаешь? Сейчас эта почтенная госпожа отчитает мне за такое дело сто новеньких золотых, а для действия моего колдовства имеется десять дней срока. Ни один человек не знает и не будет знать об этой тайне. Как только получу золотые, я отправлюсь отсюда; неужели же за десять дней я не успею переправиться на другой берег Аракса? А там кто меня найдет? Тогда будь что будет. Если за десять дней Париж будет разрушен, то золотые останутся при мне без всяких разговоров. Откуда нам знать, может быть, за это время Париж действительно будет разрушен по какой-нибудь причине. Разве мало бывает таких необыкновенных совпадений?

Гуламали (*вынимая дощечки из хурджина, улыбается*). Что-то трудно в это поверить. Выдумки какие-то.

Масталишах. Хорошо, а насчет денег? В это ты можешь поверить? Или это тоже выдумки?

Гуламали. Э нет, на этот счет не может быть сомнений.

Масталишах. Ну и хорошо. Не утруждай меня праздными вопросами. Ступай к лошадям. За час я закончу тут свое дело и выйду к тебе. Сядем на лошадей и уедем.

Гуламали выходит.

Тетушка Ханпери! Запри-ка дверь, чтобы никто сюда не вошел.

Ханпери встает, запирает дверь и садится на свое место.

(*Про себя, по-персидски.*) На редкость наивны и простодушны

эти женщины. Не задумываясь и не рассуждая, они верят тому, что я, сидя в Карабахе, могу в одно мгновение разрушить Париж, или что в назначенное мною время Меррих может снести голову мусье Жордану на том берегу Аракса.

Шахрабану-ханум. Что говоришь, дедушка дервиш?

Масталишах. Читаю заговор, ханум, чтобы наше дело увенчалось успехом, посвящаю дивов и ифритов в свои замыслы. (*Поднимает палас и чертит на полу круг.*) Это границы Парижа. (*Он складывает в кругу с десяток больших и маленьких дощечек из дощечек.*) А это парижские дома и здания. (*Обращается к Шахрабану-ханум.*) Итак, ханум, вы приказываете, чтобы я уничтожил Париж, превратил его в развалины?

Шахрабану-ханум. Что же делать?.. Да накажет аллах виновника. Вместе с сухими ветками сгорают и сырые. Бедные парижане! Они не сделали нам ничего плохого. Пусть грех этот падет на головы их девушек и женщин, которые с открытыми лицами сидят в обществе мужчин, болтают с ними, возвращают добрых людей, сводят их с верного пути. Дедушка дервиш, принимайся за дело.

Масталишах. Ханум, пожалуйста награду дивам за их труды.

Шахрабану-ханум. На что дивам награда, дедушка дервиш?

Масталишах. О ханум, разве мои дивы—иранские сарбазы, чтобы служить даром, и разве я—иранский везир Хаджи Мирза-Агаси⁷, чтобы ничего им не платить, а только бранить и страшать?

Мы рабы этого Али-шаха
Знаем все его секреты
Не хотим ни платы, ни еды,
Служим только для сближения с богом⁸.

Шахрабану-ханум. Дедушка дервиш, разве Хаджи Мирза-Агаси не платил своим сарбазам? Он только их ругал и пугал?

Масталишах. Ханум, ей богу, однажды в Тегеране я собственными глазами видел, как Мирза-Агаси на Площади пушек рассматривал пушку под названием Изумруд. Вдруг сел с сарбазов, окружив его, стали требовать свое жалованье. Хаджи Мирза-Агаси, нагнувшись, снял с ноги башмак, и, бранясь, бросился на них. Сарбазы в миг разбежались как стая испуганных куропаток. Не поймав ни одного сарбаза, он вернулся к пушке и, обращаясь к ханам из своей свиты, сказал: «Господа, вы видели? Не знаю как я с такой трусливой армией захвачу Герат⁹! Хорошо, что я еще не бросился на них с мечом. Тогда я не знаю, где бы они остановились. Однако этого нельзя объяснить только трусостью сарбазов. Их напугала моя рустемовская смелость. Я напал на них неожиданно и поэтому они позорно бежали. В

смелости полководца есть множество секретов»¹⁰. Не думайте ханум, что я кормлю моих дивов пустыми разговорами. Наоборот, мне приходится угощать их, ласкать и ублажать, пока не упадут и не истребят их шигаби-сакибы¹¹.

Шахрабану-ханум. Как это пока не упадут и не истребят их шигаби-сакибы? Что ты говоришь, дедушка дервиш? Неужели потом шигаби-сакибы упадут и истребят их?

Масталишах (смеясь). А как вы думали? Если дивы и ифриты погубят столько невинного народа и ни за что ни про что разрушат прекрасный город, так неужели же в наказание за такой великий грех их не постигнет божья кара?

Шахрабану-ханум. Хорошо, дедушка дервиш, но почему в таком случае они не дорожат своей жизнью и решаются на такое дело?

Масталишах. Во-первых, потому что я им приказываю это. А во-вторых, потому что они глупы и такова их природа: они теряют покой, если не творят зла. Не будь дьяволов, не было бы на свете никакого зла и никто бы не соблазнял потомков Адама на дурные дела.

Шахрабану-ханум. Ты прав, дедушка дервиш. Сколько же надо дать дивам в награду?

Масталишах. Я не хочу больше того, что вы обещали: сто золотых.

Шахрабану-ханум. Не много ли будет, дедушка дервиш?

Масталишах. Помилуйте, ханум, вы заставляете разрушить город, который стоит тысячи тысяч туманов; разве много будет, если вы заплатите за это сто золотых?

Шахрабану-ханум (обращаясь к дочери). Шарафниса, принеси-ка сундучок с деньгами.

Шарафниса-ханум проворно поднимается; достает из-под постели сундучок с деньгами и ставит его перед матерью. (Открывает сундучок и вынимает из него сто новеньких золотых.)

Смотри, дочка, на свадебные расходы совсем не остается денег.

Шарафниса-ханум. Ничего, мамочка, продадим сотню-две баранов, и опять будут деньги.

Шахрабану-ханум. Ты верно говоришь, дитя мое. Лучше потерять нос и уши, да сохранить голову. (Обращается к дервишу.) Получай, дедушка дервиш!

Шарафниса-ханум передает деньги Масталишаху. Тот берет их и прячет за пазуху. Затем он быстро засучивает рукава, достает из хурджина какую-то книгу и, перелистывая ее, разглядывает некоторые раскрашенные страницы.

Масталишах (подняв голову). Итак, оказывается, город Париж находится под созвездием Скорпиона¹². Все ясно: именно

это созвездие вечно посылает на Париж бедствия. (Поднимается, берет палку и обращается к Шахрабану-ханум и ее дочери.) Ханум, не пугайтесь! Соберитесь с духом! (После этого он поводит глазами вокруг, принимает грозный вид и читает заговор.)

Дегдегеха Фитее дл,
Туббел-Кера-Керенди,
Туббел-Куму-Кумуха,
Биенди, Енди, Енда.

(Дует налево, потом направо и страшным голосом начинает звать дивов и ифритов по именам, дает им распоряжения.) Эй, Мелиха, Селиха, эй, Белиха! Поднимите Париж! Опрокиньте наземь! Точно так, как сейчас я уничтожу его подобие! Отступает на шаг, потом кидается к кругу и ударом палки раскидывает дощечки, из которых были составлены домики. Затем на минуту останавливается и обращается к Шахрабану-ханум.) Поздравляю ханум, можете радоваться. Париж разрушен. Вы довольны?

Шахрабану-ханум. Да, дедушка дервиш, очень довольна. Только бы известие о разрушении Парижа поскорее дошло до мусье Жордана — занялся бы он собой, оставил бы Шахбаза в покое. Но я не представляю себе, кто бы мог так быстро доставить сюда это известие из Парижа.

Масталишах (громко смеется). Ха-ха-ха! Если человек, находясь здесь, в мгновение ока разрушает Париж, неужели он не сможет за минуту, за час, за день, за десять дней доставить сюда известие об этом? Как вы думаете?

Шахрабану-ханум. Верно, дедушка дервиш. Но как было бы хорошо, если бы это известие дошло до мусье Жордана сейчас же, — мы бы сразу избавились от него.

Внезапно раздается сильный стук, кто-то ломится в запертые двери, едва не сорвав их с петель. Из-за дверей взволнованный голос мусье Жордана. Дервиш Масталишах поспешно собирает дощечки, сует в хурджин, перебрасывает его через плечо, бросается к занавесу, за которым сложены поки и прячется там. Мусье Жордан продолжает неистово колотить в дверь и кричит.

Мусье Жордан. Гатамхан-ага! Шахбаз-бек! Откройте дверь!

Шахрабану-ханум поднимается, перепуганная, и нерешительно идет к двери. Ее дочь Шарафниса-ханум начинает дрожать. Ханпери ударяет по коленям и говорит тихо.

Ханпери. Ох, батюшки! Ох, матушки!

Шахрабану-ханум отпирает дверь.

Мусье Жордан (*задыхаясь от волнения*). Где Гатамхан-ага? Где Шахбаз-бек?

Шахрабану-ханум (*испуганно*). Оба они спят в комнате Шарафнисы. Сегодня ездили проверять табун, очень устали и с вечера легли спать.

Мусье Жордан (*громко, прерывисто*). Ханум, сейчас же надо разбудить их. Мне нужно ехать, не могу медлить ни минуты! Париж! Тюильри! Жаль красивой столицы, прекрасного королевства! Францию постигло великое несчастье! *Dompage Paris! Mon dieu!*¹

Шахрабану-ханум. Что случилось, господин ученый?

Мусье Жордан. Париж разрушен! Тюильри в развалинах! Франция погибла! *Dompage Paris! Dommage Tuileris!*²

Шахрабану-ханум. Слава тебе, аллах! То есть я хотела сказать — упаси, аллах!

Мусье Жордан. Прекрасный город, прекрасное королевство в одно мгновение превращены в руины! Уму непостижимо! Что это такое? Что это за колдовство? *C'est affreux! Mon dieu!*³

Шахрабану-ханум. Какое колдовство? Разве Париж разрушило колдовство, господин ученый? Что вы говорите?

Мусье Жордан (*взволнованно кричит*). Конечно, колдовство! Поразительно! В одно мгновение Париж разрушен!

От этих слов Шарафнису-ханум бросает в дрожь. Она не отрывает глаз от занавеса, за которым скрылся дервиш.

Ханпери (*тихо*). Ой, батюшки! Ой, матушки!..

В это время вбегают в одном нижнем белье Гатамхан-ага и Шахбаз-бек разбуженные шумом и криками мусье Жордана.

Мусье Жордан (*при виде их*). Ах, вы здесь!.. Гатамхан-ага, Шахбаз-бек, ради создателя, поскорее дайте мне лошадей. Я должен немедленно ехать, я не могу задерживаться. Прошу вас помочь мне переправиться через Аракс.

Гатамхан-ага (*пораженный*). Что случилось, господин ученый? Почему вы уезжаете так поспешно?

Мусье Жордан (*кричит*). Париж в развалинах, Тюильри разрушен, французское королевство погибло, король бежал! Ваш заседатель только что доставил мне письмо из Тебриза от английского консула. Консул сообщает об этих событиях и пишет, что сейчас отправляется в Лондон курьер с важными бумагами. Он будет ждать меня на берегу Аракса. До двенадцати часов я должен быть там. Если я опоздаю, курьер уедет, а один

¹ Жаль Париж! Боже мой! (*франц.*)

² Жаль Париж! Жаль Тюильри! (*франц.*)

³ Это ужасно! Боже мой! Боже мой! (*франц.*)

я не смогу быстро прибыть к королю. Луи Филипп бежал в Англию! *Mon dieu! Mon dieu!*¹

Гатамхан-ага (*в изумлении*). Господин ученый, кто разрушил Париж, кто превратил его в развалины?

Мусье Жордан (*взволнованно*). Черти, дьяволы, дивы, ифриты, злодеи! Кого еще назвать? Умоляю вас, Гатамхан-ага, приготовьте лошадей! Больше нельзя медлить! *Dompage Paris! Malheur! Mon dieu! C'est affreux!*²

Гатамхан-ага стоит пораженный. Шарафниса-ханум дрожит все сильнее. Шахбаз-бек замечает ее волнение и, удивленный, подходит к ней и тихо с улыбкой спрашивает.

Шахбаз-бек. А ты что дрожишь, плутовка? Уж не ты ли приказала разрушить Париж, чтобы я не мог поехать туда?

Шарафниса-ханум (*вся дрожит и не отрывает глаз от занавеса, за которым прячется дервиш. Тихо*). Клянусь аллахом, это не я! Клянусь Кораном, клянусь всем святым я тут совсем ни при чем, я ни в чем не виновата.

Шахбаз-бек (*с улыбкой*). Посмотри только как она клянется, как старается выгородить себя! Что ты дрожишь? Такой королеве красавиц, как ты, позволительно и Париж разрушить.

Шахрабану-ханум (*обращаясь к мусье Жордану*). Господин ученый, вы увезете и нашего Шахбаза?

Услышав свое имя, Шахбаз-бек отходит от Шарафнисы-ханум.

Мусье Жордан. Что вы, ханум? Я не знаю, где голову приклонить, как же мне везти еще Шахбаза? Умоляю вас, Гатамхан-ага, скорее седлайте лошадей и проводите меня. До полудня я непременно должен быть на берегу Аракса.

Гатамхан-ага. Пойдем, Шахбаз! Посмотрим, что можно предпринять. Какое несчастье.

Оба выходят из комнаты. За ними следует мусье Жордан. После их ухода осторожно выходит из-за занавеса дервиш Масталишах с перекинутым через плечо хурджином, и, не обращая внимания на находящуюся в комнате женщин, стремительно выбегает и скрывается.

Шахрабану-ханум. Видела, Ханпери, как все обернулось?!

Ханпери. Разве не говорила я тебе, ханум, что нет дела, с которым бы не справился этот дервиш? Я только боюсь, как бы от сотрясения, разрушившего его Париж, не пострадали какие-нибудь другие города. Ведь говорил же дервиш, что от страшного удара по Нахичеванскому и Шарурскому участкам отвалился целый кусок от горы Арарат³.

Шахрабану-ханум. Да. После всего, что случилось, уди-

¹ Боже мой! Боже мой! (*франц.*)

² Жаль Париж! Несчастье! Боже мой! Это ужасно! (*франц.*)

вительно лишь то, что мужчины вечно твердят нам: не верьте в колдовство. Но как можно не верить, когда собственными глазами видишь подобное.

Ханпери. Эх, ханум, как могли бы мы на каждом шагу обманывать мужчин и делать все, что нам вздумается, если бы у них был ум?

Шарафниса-ханум стоит, охваченная страхом и изумлением.

Занавес

КОНЕЦ

МЕДВЕДЬ, ПОБЕДИТЕЛЬ РАЗБОЙНИКА

*Представление об удивительном происшествии,
которое излагается и завершается в трех действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Заседатель.
Камалов — его переводчик.
Мешади-Курбан.
Тарверди — его сын.
Парзад — его племянница.
Наджаф.
Намаз.
Залха — его жена.
Байрам — молодой человек.
Вели Хатун-оглы.
Орудж Насиб-оглы.
Сона — мать Тарверди.
Староста.
Казак Матвей.
Франц Фок — содержатель зверинца.
Керим — есаул.
Крестьяне и казаки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Происходит в ущелье, под большим дубом. Парзад сидит на камне. Возле нее — подтянутый и вооруженный Байрам. Он не сводит глаз с Парзад.

Байрам. Наконец-то под этим дубом мне удалось увидеться с тобой, поговорить и облегчить душу. Почему ты оглядываешься?

Парзад. Боюсь!

Байрам. Не бойся. Я не задержу тебя долго. Скажи мне, Парзад, неужели ты выйдешь за Тарверди, станешь женой этого тата¹, а потом покажешься среди девушек и будешь хвастать: и у меня, мол, муж есть?

Парзад. А как мне быть? Что же мне делать? Отец умер, мы с матерью остались на попечении дяди. Брата у меня нет, нет никакой опоры! А разве дядя захочет выдать меня за постороннего? Ведь он должен будет передать моему мужу оставшиеся от отца табуны и стада.

Байрам. Выходит, что дядя твой не о тебе беспокоится, а о табунах и стадах. Из-за этого он и хочет выдать тебя за своего сына, за этого болвана и труса, который за всю жизнь ни одного воробья не подстрелил, ни одного барашка не украл.

Парзад. Что же мне делать? Значит, мне на руду написано стать женой труса.

Байрам. Нет, чем стать женой труса, лучше броситься в озеро и утопиться.

Парзад. Конечно, в сто раз лучше утопиться, чем быть женой Тарверди. Я только из-за тебя не решаюсь. Если ты решишь, я ни одного дня не буду жить на свете.

Байрам. Не дай бог! Я только так, к слову, сказал. Зачем мне жить на свете, если тебя не станет. Я никогда не соглашусь, чтобы ты умерла, но я не вынесу и того, чтобы ты стала женой Тарверди. Завтра же я всажу Тарверди пулю в бок, а там пусть делают со мной что хотят.

Парзад. Тогда другой пулей убей и меня. Без тебя мне незачем жить на свете.

Байрам. А почему тебе не жить? Ты останешься жива, а там выйдешь за какого-нибудь хорошего парня, смелого и ловкого молодца. По крайней мере не будешь слышать насмешек своих подруг.

Парзад. Ах, Байрам! Ради бога, не терзай мое сердце. С меня и так довольно. Если бы мне суждено было стать женой смелого и ловкого молодца, я досталась бы тебе.

Байрам. Это от тебя самой зависит, стоит только захотеть.

Парзад. Как, то есть, от меня зависит?

Байрам. Очень просто: разреши мне увезти тебя.

Парзад. Куда?

Байрам. В Карабах, в Эривань, куда-нибудь еще дальше.

Парзад (*после минутного раздумья*). Нет, мама на это не согласится. Я одна у нее. Если увезешь меня далеко, она будет в большом горе.

Байрам. Ну, в таком случае давай я увезу тебя на другой конец нашего участка.

Парзад. Это пустое дело. Дядя мой — человек богатый, сильный. Если мы будем близко от него, он ни за что не оставит нас в покое. Накличет тебе на голову сто тысяч бед, оклеветает, отдаст в руки властей, не знаю, чего он только не сделает.

Байрам. Так как же быть? Тебе выйти замуж за Тарверди, а мне спокойно смотреть на это со стороны?

Парзад. Не знаю, что делать. Посоветуй, и я поступлю так, как ты скажешь.

Байрам. Прекрасно. Хочешь я сделаю так, чтобы Тарверди удалили отсюда и ты стала свободна? Согласна?

Парзад. Да, но только чтобы Тарверди не убивали.

Байрам. Хорошо. Убивать его никто не будет, но Тарверди отправят отсюда подальше.

Парзад. На это я согласна.

Байрам. Тогда поскорее пришли сюда Залху, жену Намаза. Мне надо поговорить с ней.

Парзад. Сейчас пришлю.

Парзад хочет уйти. Байрам удерживает ее за руку.

Байрам. Постой, я хочу сказать тебе...

Парзад. Что хочешь сказать?

Байрам. Жестокая, сердце мое горит. Как же ты уходишь, оставляя меня в таком состоянии?

Парзад. А что мне делать?

Байрам. Хоть несколько капель брызни на пламя сердца, а потом уходи.

Парзад. Вот вода перед тобой, в речке, пей сколько хочешь.

Байрам. Разве можно погасить водой пламя моего сердца?

Парзад. А чем можно погасить его?

Байрам. Поцелуем.

Парзад (*вырывает руку*). Ах, полно тебе! Ради аллаха, не время шутить. Пусти меня. А то еще кто-нибудь войдет.

Байрам обнимает ее за талию, и, поцеловав дважды, отпускает. Парзад вприпрыжку бежит к кибитке.

Байрам (*кричит ей вслед*). Скорее пришли Залху, я буду ждать ее здесь. (*Один.*) Эх, Тарверди, Тарверди! Неужели ты думаешь, я допущу, чтобы Парзад вышла за тебя? Какой же дурак этот парень! И не соображает, что у него просто смелости не хватает пойти против меня. Стрелять, как я, он не может, драться как я, — тоже. Да он не умеет ячмень между двумя глазами поделить. Не отличился ни удалством, ни разбоем. За всю жизнь этот парень не украл ни одной лошади, не угнал ни одного быка. Ночью он от страха голову не высунет из кибитки. А еще осмеливается пилить глаза на возлюбленную такого удалца! Клянусь аллахом, если бы только позволила Парзад, он бы у меня и дня не оставался в живых.

За спиной Байрама появляется Залха.

Залха. Здравствуй, Байрам! С кем это ты разговариваешь?

Байрам (*поворачивается к ней*). Это ты, Залха? С кем я разговариваю? Ни с кем — просто ругаю Тарверди.

Залха. Что тебе сделал Тарверди?

Байрам. И ты еще спрашиваешь? Он омрачил мою жизнь, лишил меня покоя и радости. Я днем себе места не нахожу, ночи

провою без сна. Еще немного, и я сойду с ума, буду бродить, как Меджнун, по горам и долам, или, как Керем², сгорю от любви.

Залха. Да почему? Что случилось?

Байрам. А случилось то, что этот придурок, этот мямля вздумал стать мужем Парзад. Ради аллаха, Залха, скажи правду, будет ли справедливо, если такая девушка, как Парзад, выйдет за подобного труса?

Залха. А кто тебе сказал, что Парзад выходит за Тарверди? Я хорошо знаю сердце Парзад, она не выйдет ни за кого, кроме тебя. В ее глазах Тарверди — это муха, даже меньше мухи.

Байрам. Что с того, что Тарверди в ее глазах меньше мухи? Но он-то липнет к Парзад, как муха к сладкому. Не сегодня-завтра отец его, Мешади-Курбан, заключит брачный договор и женит на Парзад сына.

Залха. Если девушка не захочет, как же могут ее выдать замуж?

Байрам. Эх, Залха, о чем ты толкуешь, аллах с тобой? Что может сделать молодая девушка, да и кто посчитается с ее желаниями? Повздыхает да поплачет, а там, не найдя выхода, покорится судьбе. Только я останусь в печали и тоске.

Залха. Так что же ты думаешь делать?

Байрам. Я хочу найти средство, чтобы убрать Тарверди.

Залха. Ты хочешь убить его?

Байрам. Нет, на это Парзад не соглашается, да и я не хочу. Какой смысл в убийстве? Ведь после этого и я буду в бегах и лишусь Парзад.

Залха. Ты прав. Но как же ты хочешь убрать Тарверди?

Байрам. Вот послушай, как. Он часто бывает у вас, дружит с твоим мужем, Намазом. Если вы с Намазом захотите мне помочь в одном деле, я подарю Намазу курдскую лошадь, а тебе корову с теленком.

Залха. Неужели корову?

Байрам. Да, без обмана.

Залха. И с теленком?

Байрам. Да с теленком. Поверь моему слову.

Залха. А что же нам надо сделать?

Байрам. Надо под каким-нибудь предлогом позвать к себе Тарверди и уверить его, что Парзад от него без ума, но не хочет выходить за него, потому что боится насмешек своих подруг. Те говорят, что он трус и мямля, что он ни на что не способен, не отличился ни в воровстве, ни в разбое, ни в каком другом удалстве. Никто не слышал, чтобы он умел стрелять и рубить. Какая же девушка может полюбить такого? Пусть-де он проявит удаль, пусть ограбит кого-нибудь, принесет деньги или товар, украдет лошадь, угонит быка, чтобы о нем сказали: вот какой молодец! Тогда и девушка будет гордиться, что у нее

такой храбрый муж. Тарверди глуп, он всему поверит и по глупости своей попадет в беду. Тогда Парзад достанется мне.

Залха. Клянусь аллахом, хорошо придумано. Я поста-раюсь, ради такого молодца, как ты.

Байрам. А ты хорошо поняла все, что я сказал?

Залха. Будь покоен.

Байрам. Потом ты мне все расскажешь.

Залха. А ты сообщишь заседателю?

Байрам. О нет, доносчиком я никогда не буду. Дело раскроется само собой. Я хочу только знать, чтобы немного успокоиться.

Залха. Хорошо, я тебе обо всем расскажу. А теперь пойду, дел много. Скоро стадо вернется.

Байрам. Иди! Вот возьми в подарок этот платок.

Залха. Какой красивый платок! А что в нем?

Байрам. В нем изюм. Отдашь детям.

Залха. Всем молодцам быть такими, как ты! Пусть горе твое сразит Тарверди. За всю свою жизнь, я не получила от него и гнилого яблока. Будь здоров, желаю тебе исполнения желаний!

Байрам (*вслед ей*). Не забудь же своего обещания!

Залха (*оборачиваясь*). И ты не забудь о корове.

Байрам. Да, да, подарю тебе породистую дойную корову.

Залха. И с теленком.

Байрам. Ну конечно, с теленком.

Залха. Да можно ли не любить такого молодца, как ты?!

Будь здоров, мой сокол!

Байрам. Всего хорошего!

Залха уходит.

Господи, что мне теперь делать? Пойду-ка в ущелье, поохочусь, рассеюсь.

Сцена меняется. Дом Намаза. Намаз и Залха.

Намаз. Так ты говоришь, что за это Байрам обещал подарить мне свою курдскую лошадь?

Залха. Непременно подарит.

Намаз. Что-то не верится. При мне отсчитали Байраму пятьдесят золотых за эту лошадь, и он не отдал ее. Неужели он мне ее подарит?

Залха. Ради Парзад он готов сейчас отдать свою жизнь. Что для него лошадь или корова?

Намаз. А вдруг обманет и не даст?

Залха. Не обманет. Ты не знаешь Байрама! Такого хорошего, верного слову парня во всем кочевье не найдешь.

Намаз. Это дело очень кстати мне подвернулось. Я и сам не прочь втянуть Тарверди в какую-нибудь беду. Его отец, Мешади-Курбан, напустил на меня есаула и насильно отобрал

деньги, которые я был ему должен; я не успокоюсь, пока не отомщу.

Залха. Так что же ты медлишь? Подвернется ли еще такой случай? И лошадь получишь, и злобу сорвешь. Тарверди тут поблизости. Поди, позови его к нам закусить. А уж я сама все обделаю.

Намаз. Клянусь аллахом, ты права. Пойду.

Намаз уходит.

Залха (одна). Ей-богу, этот бедняга Тарверди не будет виноват, если послушается меня. Что же делать, если девушки нашего злополучного края не любят молодых людей, не способных ни воровать, ни грабить. Надо бы сказать заседателю, чтобы он не преследовал бедных парней за воровство и разбой; если может, пусть лучше запретит девушкам презирать парней, которые не занимаются разбоем. Я ручаюсь, что тогда волки будут пастись с овцами.

Входят Намаз и Тарверди.

Намаз. Подавай-ка, жена, что у тебя гам. Мы хотим есть.

Залха. А что у меня может быть? Почему не поели у Тарверди, если были голодны? Чего ко мне явились?

Намаз. Неси, что найдется, не разговаривай много. (Отходит в угол комнаты и начинает осматривать свое оружие.)

Залха. Все съедите, и на вечер ничего не останется.

Тарверди. Какая ты стала скупая, Залха!

Залха. А почему мне не быть скупой? Какой прок мне от тебя? Хотя ты обещал подарить мне что-нибудь на своей свадьбе!

Тарверди. Какая свадьба?

Залха. Не знаешь, какая свадьба? Твоя свадьба. Ну скажи, что ты мне подарить?

Тарверди. Хорошо. Подарю тебе пару башмаков. Вижу, ты давно ходишь босая.

Залха (в сторону). Противный скряга! (Громко.) Спасибо, очень тебе благодарна. А скоро свадьба-то?

Тарверди. Осенью.

Залха. Что так поздно?

Тарверди. Парзад все откладывает. Говорит, что приданое еще не готово.

Залха. А это правда? Может быть, есть другая причина?

Тарверди. Какая еще причина?

Залха. А может быть, девушка тебя не любит? Может быть, другому сердце отдала?

Тарверди. Нашла о чем толковать!.. Девушка меня не любит!.. Вздор ты мелишь! Какая девушка может не полюбить меня?

Залха. А что ты за добро такое, чтобы тебя любили? Что

ты сделал за всю свою жизнь, чем прославился, чтобы девушки любили тебя?

Тарверди. Чем прославился?

Намаз. О чем ты толкуешь, жена? Какое тебе дело?

Залха. Ты молчи! Не вмешивайся!

Тарверди. Не твое дело, Намаз. Она правду говорит. А ну, Залха, скажи, что значит, я не прославился? А чем я должен прославиться?

Залха. Ходил ты на воровство?

Тарверди. Нет, на воровство я не ходил. А зачем мне воровать? Мало у меня своего добра?

Залха. Добра-то у тебя много, да только храбрости в тебе нет. Ограбил ли ты кого-нибудь? Убил ли ты кого?

Тарверди. Нет, я не ограбил и не убил никого. Разве я не вижу, что за эти дела ссылают в Сибирь, а то и вздергивают на виселицу?

Залха. А храбрый человек никого не боится. Осторожность — удел трусов. Из-за этого Парзад и не решается выходить замуж за тебя. Все говорят о тебе, что ты трус и мямля.

Тарверди. Кто это говорит?

Залха. Все говорят. Женщины, девушки, мужчины, даже малые дети. Все жалеют: какой, мол, красивый парень Тарверди, нет ему равных! Но что толку, если он трус.

Тарверди. Кто это говорит, что я трус? Я вовсе не трус. Просто я человек осторожный, осмотрительный, но не трусливый.

Намаз. Да будет тебе, жена. Перестань!

Залха. Молчи, не твое дело.

Тарверди. Да ты тут при чем? Помолчи, дай послушать женщину. Значит, так? Парзад не хочет выходить за меня из-за того, что меня называют трусом? Клянусь аллахом, такое зло берет, что готов сейчас же выйти на дорогу, ограбить кого-нибудь и доказать всем, что зря болтают обо мне глупости.

Залха. А ты на деле докажи свою храбрость. Языком всякое можно болтать.

Тарверди. Ты только покажи мне место, и я сейчас же отправлюсь туда.

Залха. Выйди на Шемахинскую дорогу. Там сотни купцов проезжают. Ограбь одного, другого, принеси награбленное, и тогда увидим, храбрый ты или хвостун.

Тарверди. А хорошо бы знать, купцы ездят вооруженные или без оружия?

Залха. Ну, если даже вооруженные. Так ты же не с палкой выйдешь им навстречу. Конечно, и у тебя будет оружие.

Тарверди. Ясно, будет. Но разве можно идти на такое дело одному?

Залха. А ты возьми товарищей. Мало ли у нас молодцев? Да только куда тебе на такое дело?

Тарверди. Говоришь, куда мне? Посмотрим, как потом заговоришь! Намаз, прошу тебя, найди мне товарищей.

Намаз. На что тебе товарищи?

Тарверди. Разгуляться хочу!

Намаз. Не говори вздор! Какой из тебя грабитель караванов!

Тарверди. Ей-богу, правда! Найди товарищей!

Намаз. Не глупи, говорю. Не твое это дело.

Тарверди. Да что ты за человек, право? Тебе-то что? Ты найди мне товарищей, а там увидишь, мое это дело или нет.

Намаз. Ну, раз ты настаиваешь, мы позовем Вели Хатун-оглы и Оруджа Насиб-оглы, их и возьмешь с собой.

Тарверди. Только двоих?

Намаз. Двоих довольно.

Тарверди. И правда, довольно. Пусть будет так. Теперь пошли за ними.

Намаз. Залха, ступай позови их сюда.

Залха. Да что ты веришь ему, он все хвастает...

Намаз. Замолчи! Чем Тарверди хуже других молодцов? Что у него руки короче, что ли?

Залха. Я его знаю. Он никогда не решится на такое дело.

Тарверди. Я не решусь? Еще как решусь. Вот увидишь. Поскорее зови их, и все будет ясно.

Залха. Хорошо иду! *(В сторону.)* Всему поверил, болван. Кажется, пойдет. *(Выходит.)*

Намаз *(тихо)*. Знаешь, Тарверди, если тебе повезет, ты должен выделить мне половину всего, что добудешь. Стыдно тебе что-то утаить от меня. Я помогу тебе скрыть все следы, все уладить, но с условием: что половину всей добычи получу я.

Тарверди. Ишь ты какой! Чего ради делить шкуру неубитого медведя. Ты подожди, увидишь, что будет.

Намаз. Все будет, как надо! Я же не глупая женщина, я тебя знаю. Разве ты не внук Амир-Аслана, который в одиночку ходил на медведя?

Тарверди. Ради аллаха, скажи, Намаз, слышал ли ты о его делах?

Намаз. Как не слышать! Не мой ли дядя Сафар был его другом? Он и рассказывал мне обо всех его подвигах. Даст бог, и мы с тобой будем дружны, как они. И я очень надеюсь, что ты не скроешь от меня добычи.

Тарверди. Ладно, согласен, лишь бы люди не говорили обо мне глупостей. Да если хочешь знать, я все отдам тебе, на деньги я не падоку.

Намаз. Отдашь мне все? Ей-богу, ты хорошо говоришь, парень. Теперь я убедился, что в жилах твоих течет кровь Амир-Аслана. Не забудь же обещания!

Тарверди. Ты дай мне товарищей, тогда увидишь.

Намаз. А вот и товарищи идут.

Входят Залха, Вели Хатун-оглы и Орудж Насиб-оглы.

Вели и Орудж. Салам-алеик!

Намаз. Алейк-салам!

Вели. В чем дело, Намаз? Зачем ты позвал нас?

Намаз. А вот Тарверди приглашает вас пойти с ним на прогулку.

Орудж. На прогулку? Какую?

Намаз. Чего спрашивать? Не знаешь, какие бывают прогулки?

Вели. Я сроду не выходил на такие прогулки. Разве что стащить какого-нибудь барашка, или овцу, а на большее я не способен. Не знаю, как Орудж.

Орудж. Да ни за что на свете! Когда это я ходил на разбой? Я даже барашка или овцу не умею украсть.

Намаз. Да что вы болтаете? Разве вы не мужчины? Стрелять не умеете?

Вели. Стрелять-то мы умеем, но только дичь, а в людей стрелять не наше дело.

Намаз. Кто же говорит, чтобы в людей стреляли? Сядете на лошадей, выедете на почтовую дорогу. Вдруг навстречу вам верблужий караван или армянские купцы попадутся. Выстрелите в воздух, напугаете их. Какой вред от такой стрельбы? Они со страху разбегутся в разные стороны, бросят товары и деньги. Тут вы все заберете и вернетесь домой. Что тут трудного?

Вели. Ну куда нам на такое идти? Мы простые пастухи. Разбой не наше дело.

Тарверди. Послушай Намаз. Знаешь, принуждать их не надо. Сам видишь, боятся люди. Зачем их уговаривать? Не все же такие отчаянные, как я. Отпусти их, пусть идут.

Намаз. Нет, погоди. Вели, не стыдно ли тебе отказываться? Разве лишнее вам помешает? Во-первых, разбогатеете, во-вторых, прославитесь.

Орудж. Лишнее мне не помешает. А слава на что мне? Вели. В самом деле, очень нужна слава этому плешивому Оруджу!

Намаз. Какие же вы никудышные люди! Неужели вы с Тарверди хлеб-соль не ели? Разве вы не знаете, что в нашем козеве нет человека богаче его? Он всегда может вам пригодиться. Мало ли людей, которым он сделал добро?

Тарверди. Зачем ты их уговариваешь? Не надо принуждать. Да и мне хочется немного еще подумать.

Намаз. Да они просто неблагодарные. Младшие всегда должны слушаться старших.

Вели. Что скажешь Орудж? Может, пойдём?

Орудж. Клянусь аллахом, не знаю. Хочешь, пойдём.

Вели. Может, на лошадь добудем. Я уже два года хочу купить лошадь, да никак денег не соберу.

Намаз. Конечно. И на лошадь добудешь. Разве можно отказать от такого дела?

Вели. Ну, что делать! Раз Тарверди хочет, пусть так и будет. Я согласен.

Орудж. И я согласен. Нельзя же отставать от товарища. Тарверди. Но вы подумайте хорошенько...

Намаз (*перебивает его*). Тарверди доволен вами и просит вас, не теряя времени пойти за оружием и прийти сюда. Более удобного времени для прогулки не найти!

Вели. Пойдем, Орудж.

Вели и Орудж уходят.

Тарверди. Ты знаешь, Намаз, мы совсем упустили из виду, что отец мой почтенный человек, мешади³. Согласится ли он, чтобы я пошел на разбой?

Намаз. А ты попробуй попроси разрешения.

Тарверди. Пустое говоришь. Могу ли я сказать отцу: разреши мне пойти на разбой?

Намаз. Зачем же говорить так? Скажи, что едешь поливать посевы в долине. Это он, конечно, разрешит. А ты поезжай прямо на почтовую дорогу. Что тут особенного?

Тарверди. Как, то есть, что особенного?

Намаз. Я хочу сказать, что это легче легкого.

Тарверди. Нашел легкое дело. Но, клянусь аллахом, я боюсь только отца. И только из-за него это дело кажется мне таким трудным.

Намаз. Когда человек трусит, он всегда старается найти оправдание. Не хочешь идти, делай как знаешь.

Входит Залха.

Залха, поди скажи ребятам, чтобы не беспокоились зря. Тарверди раздумал.

Тарверди. Я же не говорю, что раздумал...

Залха. А я только что видела Парзад и успела шепнуть ей кое-что на ухо. Как же она обрадовалась, как обрадовалась! Слава аллаху, говорит, теперь уж никто не скажет про Тарверди, что он трус, теперь уж не будет мне стыдно признаться, что люблю его. До сих пор, говорит, девушки насмехались надо мной и я вынуждена была обходить их стороной.

Намаз. Известное дело, наша девушка никогда не полюбит человека, если он не ограбил кого-нибудь или не разбойничал на дороге. Взять хотя бы нашу Залху. Ведь и она слыла красавицей...

Залха. Ради аллаха, не болтай чепухи, противно слушать...

Намаз. Ей-богу, правда. Вот, к примеру, Залха, разве она

Иллюстрация к комедии «Медведь, победитель разбойника»

Иллюстрация к комедии «Везир Ленкоранского ханства»

вышла бы за меня, если бы я не занимался разбоем? Не так ли, жена?

Залха. Будет тебе болтать! Стоит ли вспоминать прошлое?

Тарверди. Да я бы не прочь пойти, но у меня с собой нет оружия. Не знаю, как быть. Если пойти за оружием домой, то отец догадается.

Намаз. Зачем тебе домой? Возьми мою саблю, ружье, пистолет. Кинжал на тебе есть. Дай-ка я сам тебя снаряжу (*надевает на него оружие*).

Тарверди. Что бы еще взять?

Намаз. Довольно и этого. При таком вооружении можно целое войско разогнать. Куда же больше?

Залха. Ах, боже мой! Какой ты стал страшный, Тарверди! Все разбегутся, как только увидят тебя.

Входят Вели и Орудж.

Орудж. Вот и мы!

Тарверди. Значит, идем?

Намаз. Идите, идите! Желаю вам удачи! Возвращайтесь с добычей.

Залха. Желаю тебе, Тарверди, прожить с Парзад до старости, народить детей. Пусть сыновья твои будут такими же храбрцами, как ты.

Тарверди. Будут, обязательно будут! Или замараю свое доброе имя, или вернусь не с пустыми руками.

Уходят.

Намаз. Знаешь, Залха, я договорился с ним, что половину добычи он отдаст мне.

Залха. Ты думаешь, Тарверди принесет что-нибудь, из чего можно будет отдавать половину? Какой же ты легковерный! А я не сомневаюсь, что ему руки и ноги перебьют да отправят домой.

Намаз. Ну, кто знает, может, ему и посчастливится. Трус всегда найдет человека еще трусливее себя. Во всяком случае, чем бы дело ни кончилось, мы будем не в накладе: с одной стороны лошадь, с другой — деньги. (*Уходит, потирая руки*.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Происходит в ущелье Шамшадинского участка⁴. С одной стороны виден холм.

Байрам (*один*). И охота не удастся... Ни джейрана, ни турача... Даже зайчишка не подвернулся, хоть разок бы выстрелил. Сердце сжимается. Горькая моя доля! Положим, Парзад

меня любит, но что она может сделать?.. Посмеет ли она пойти против дяди, против всего кочевья? Разве у нас считаются с желанием девушки? Нет, надеяться не на что, не будет у меня счастья. Залха побоятся исполнить обещание, а Намаз — он хитер и жаден — не захочет подвести такого богача, как Тарверди. Ах боже мой! Что мне делать, как перенести такое горе, чем успокоиться, как избавиться от печали?.. А!.. Что за шорох? Кажется, за тем кустом... Наверное, волк. Пойду, авось, застрелю его, вот и покажется, что всадил пулю в бок Тарверди. *(Уходит.)*

Через некоторое время появляется Тарверди с товарищами. Они идут согнувшись, осторожно, оглядываясь по сторонам.

Тарверди. Тс... тс... Осторожно! Кажется, кто-то едет по дороге.

Орудж. Да, да! Слышится лошадиный топот. Вели, взведи курок, чтобы всем выстрелить разом.

Тарверди. Погоди, погоди! Мне думается, что нам лучше не стрелять.

Вели. Как это лучше не стрелять? Как же мы сможем тогда ограбить? Вернемся в кочевье с пустыми руками, народ нас засмеет.

Тарверди. Почему это засмеет? А мы скажем, что вышли на дорогу, ждали-ждали и никого не встретили.

Вели. Никто не поверит. Я на это не пойду.

Тарверди. Ты не хочешь уйти без добычи, а я не могу напасть на беззащитных. Не решусь я на такой грех. Есть же жалость, сострадание... Право, я пойду отсюда... Я не останусь...

Вели. Постой, милый, постой! Поздно отступать. Клянусь алахом, сделаешь шаг назад, спущу курок, и застрелю тебя, как собаку. Дурак, сын дурака, ты же сам нас уговорил, привел сюда, а теперь хочешь бежать и нас бросить?

Тарверди. Да не хочу я вас бросать. Я ради вашей же пользы предлагаю вернуться обратно. А вдруг, проезжающих будет больше нас, а вдруг они такие же храбрые, как и мы? Вот и намнут нам бока, переломают руки-ноги.

Вели. Волков боишься — в лес не ходи. Поздно раздумывать. Надо остановить проезжающих. И ты будешь с нами, не то пожалеешь... Хочешь, чтобы мы были посмешищем? Если сделаешь хоть шаг назад, я тебя застрелю *(направляет на него дуло ружья)*.

Тарверди. Всемогущ аллах! Неужели мы должны лезть в беду только для того, чтобы нас не назвали трусами? Послушай же, братец, что я тебе скажу. Ты совсем неправильно понимаешь храбрость. Знаешь ли ты, что такое храбрость, удалство? Самый главный удалец Кероглы говорил, что имеется десять способов показать храбрость: девять из них — бежать от неприятеля, а десятый — вовсе не показываться ему. Теперь я и предлагаю вам на выбор один из способов, выбирайте любой.

Вели. Полно тебе проповеди читать. Видишь, что-то маячит там, наверху. Должно быть, кто-то едет.

Тарверди *(смотрит)*. И правда, кто-то едет. Кто бы это мог быть? Ей-богу, едет... Знаете что... Вы идите вперед, а я буду охранять вас с тыла.

Вели. Да, надейся на тебя!.. Пойдем, Орудж, посмотрим, кто это едет. Смотри, Тарверди, если убежишь, клянусь аллахом, я и в кочевье сумею с тобой разделаться. Запомни. *(Уходит.)*

Тарверди один. Потом — немец Фок.

Тарверди. Вот что может сделать с человеком любовь! Мог ли я когда-нибудь подумать, что буду разбойником, буду грабить на большой дороге, заставлю содрогнуться весь край... Ах, боже мой, какая сила в любви!

Фок. Как хорошо, что я сошел с повозки, прогулялся пешком. Вот и цветов набрал. Какие красивые цветы и как хорошо пахнут! Я повезу их в подарок Марье Адамовне! *(Замечает Тарверди.)* О ужас! Кто это? Бог мой, спаси меня!..

Тарверди. Никак не пойму, что они там делают... Остановили повозку... Кучер побежал, скрылся в кустах... Молодцы, ребята... Вот какое дело мы сделали! *(Замечает Фока.)* Ах, боже мой! Как неожиданно беда нагрянула!.. Кто это?!

Фок. Ай, ай! Это наверняка разбойник и непременно убьет меня! *(Дрожит.)*

Тарверди. Он, конечно, тоже вышел на разбой! У него и ружье за спиной... Ах, боже мой, если он выстрелит, я пропаю! *(Тоже дрожит.)*

Фок. Ах, Марья Адамовна, Марья Адамовна, где ты?

Тарверди. Вот тебе и женился на Парзад... Вот тебе и свадьбу справил... Ни за что ни про что в беду попал!

Фок. Господи, какой он страшный!

Тарверди. Боже мой, какое у него длинное ружье! Я такого длинного еще не видел.

Фок. Бежать, бежать скорей!

Тарверди. Надо бежать! Вдруг этот злодей прицелится да выстрелит... Пока есть время, лучше скрыться.

Оба бегут и нечаянно сталкиваются. Оба вынимают кошельки и протягивают друг другу.

Тарверди. Вот все, что у меня есть, ей-богу!.. Возьми и отпусти меня.

Фок. Клянусь, здесь все, что я заработал за эту поездку. Возьми и отпусти меня.

Тарверди. Ради аллаха, дай мне вернуться в кочевье...

Фок. Умоляю, не убивай меня! Пожалей!

Тарверди. Так ты не разбойник?

Фок. Я бедный немец. А ты кто?
Тарверди. Я кто? Не видишь, наглец, что я разбойник? Тут, в кустах, прячутся двести моих товарищей. А вас сколько человек?

Фок. Я один.
Тарверди. В таком случае беги скорее, не то сейчас убью тебя.

Фок. Ты, правда, не один?
Тарверди. Разве ты не слышишь, как мои товарищи шумят?

Фок. Ах, боже, все мое добро расхитят!.. Ах, Марья Адамовна, Марья Адамовна! Какое несчастье обрушилось на меня! Как мы будем жить после этого?.. (Плачет.)

Тарверди. Вот идут мои товарищи. Скорее же убирайся ко всем чертям! Беги скорее, а то застрелю, как куропатку.

Фок. Ах, ради бога, постой, сейчас уйду. (Убегает.)
Тарверди (Один.) И здорово же я его напугал! Какой же я, оказывается, страшный злодей! Если бы Парзад могла увидеть меня сейчас, у нее бы от страха сердце разорвалось.

Вели и Орудж ведут под уздцы лошадь,пряженную в телегу. На телеге два сундука.

Ну что, ребята, все разбежались?

Вели. Будь покоен, разбежались.
Тарверди (смеясь). Какие они трусы, оказывается! И бьют же на свете такие! А какая у нас добыча? Что на телеге?

Вели. Тут на телеге два таких сундука, что сдвинуть невозможно. Ты, Тарверди, поскорее их открой и сложи вещи в кучу, а мы с Оруджем пойдем за лошадьми. Там одна ранена, а две другие убежали в кусты. Мы их поймем, приведем, погузим на них вещи и отвезем.

Тарверди. Хорошо! Ступайте за лошадьми, а я сейчас открою сундуки и сложу вещи в кучу. Только возвращайтесь скорее, нельзя долго задерживаться. Боюсь, как бы не напали на меня, и придется тогда пролить невинную кровь.

Вели. Не говори глупостей, болван! Ты и курицу не способен убить. Лишь бы сам не сбежал, а если убьешь человека, то мы тебе заранее прощаем.

Орудж. Мы сейчас же вернемся, не беспокойся. Займись сундуками.

Тарверди. Ладно!

Вели и Орудж быстро удаляются.

(Одик.) Опять я один остался. Но ничего, кого мне бояться? Хозяева сбежали... Вот так сундуки! Не иначе, они набиты шелками. Пусть Парзад до конца жизни носит одни шелка. Наглец Намаз теперь будет требовать у меня половину. Черта с два! За

что это ему отдавать половину? А может, в сундуках персидские шали или деньги? Посмотрю-ка поскорее, что там такое? (Подходит к сундукам.) Как будто что-то шевелится. (Поднимает крышку сундука, из него выскакивает обезьяна.) Велик аллах, что это такое? Откуда в ящике обезьяна? Это что за товар? Бывают же на свете купцы, торгующие подобной дрянью!

Обезьяна скалит на него зубы.

Ах ты, негодная тварь, что ты скалишь на меня зубы?

Обезьяна передразнивает его.

Ты посмотри, еще передразнивает. Очень хорошо, я отнесу ее в подарок Парзад, пусть порадуетя. Но как мне поймать ее... Ты не бойся, обезьянка, подойди ко мне, моя милая обезьянка, подойди поближе!..

Подходит к обезьяне, но та отскакивает в сторону.

Ты посмотри! Чуть не задела меня. Постой же, увидишь, как я поймаю тебя!..

Бежит за обезьяной. Та куврыкается, прыгает. Потом карабкается на дерево и оттуда передразнивает его.

Ты посмотри! Хочет, чтобы я тоже полез за ней на дерево. Какая забавная обезьяна! Уф, как я уморился! Что это за глупый купец, катает обезьяну в телеге! А я-то думал, что этот плут купец развозит приличный товар для продажи; мы и напали на него и ограбили. Откуда мне было знать, что он обманщик. Из-за него все сорвалось! Вот досада! Нельзя же вернуться в кочевье с пустыми руками. Посмотрю-ка, что в другом сундуке. Какой большой сундук! Вот в нем-то небось и есть настоящий товар. А крышка какая толстая! (Взламывает крышку.) Ах, боже мой, кто там храпит? (Поднимает крышку.)

Из ящика вылезает медведь и наваливается на него.

Ай, беда! Медведь! Намаз! Залха! Парзад! Я погиб! Ай, спасите, помогите! Из любви к аллаху спасите меня! Зарекаюсь, никогда больше не буду выходить на разбой, никого не буду грабить, навсегда зарекаюсь! Каюсь! Каюсь! Ох аллах, помоги мне! Спаси! Никогда больше не буду заниматься такими делами.

Медведь царапает ему щеки, валит наземь и, подмяв под себя, начинает душить. В этот момент на вершине холма показывается Байрам.

Байрам. Что за крик? Кажется медведь душит человека.
Тарверди (кричит). Люди добрые, помогите! Спасите!

Байрам поднимает ружье, целится в медведя и стреляет. Раненый медведь оставляет Тарверди, бросается в сторону, откуда был выстрел, и скрывается.

(Лежа на земле.) Боже мой, не попала ли в меня пуля? Нет, слава аллаху, не попала! Надо бежать! (Быстро вскакивает и бежит.)

Байрам (спускается с холма и подходит к телеге). Что это за телега и как попали сюда человек и медведь? Кажется, я ранил медведя. Вот и кровь. Куда же убежал медведь? И куда делся человек, которого я спас?

В это время появляются участковый заседатель, казаки и переводчик.

Заседатель. Опять начали разбойничать! Эй, казаки! Двое осмотрите местность, двое поймите лошадей, остальные вяжите этого разбойника.

Байрам. Вязать меня? Ради аллаха, не говори так! Чем я провинился?

Заседатель. Не знаешь, чем провинился? А взломанные сундуки, телега, выстрелы — это что? До каких пор вы будете нарушать законы, не выполнять распоряжения властей? Как бы мало ни было у вас ума, поймите, что русское правительство охраняет вас от лезгин и разбойников⁵. Хотя бы за это подчиняйтесь законам. Да вы не признаете ни порядка, ни дисциплины, что с тобой говорить... Где твои сообщники?

Байрам. Никаких сообщников у меня нет.

Заседатель. А где лошади?

Байрам. Не знаю.

Заседатель. Старые ваши уловки: не знаю, не видел. Ты думаешь, этим спасти свою шкуру?

Байрам. Выслушай меня, господин заседатель. Я охотился тут неподалеку. Вдруг слышу крик. Кто-то зовет на помощь. Я прибежал и вижу: медведь душил человека. Я выстрелил, ранил медведя. Вот и все, больше ничего я не сделал.

Заседатель. Да, хорошо поешь! Хочешь обмануть меня этими сказками? Тебя застали на месте преступления. Дело ясное. Лучше назови мне своих сообщников.

Байрам. Я вам сказал всю правду.

Заседатель. Послушай, мне жаль тебя. На вид ты парень хороший. Ты же знаешь, какое наказание ожидает разбойника, пойманного с оружием в руках?

Байрам. Конечно, знаю. Виселица.

Заседатель. Виселица. Если тебе не жаль себя, пожалей хоть отца и мать. Любишь, небось, какую-нибудь девушку?

Байрам. Потому я и беспокоюсь, что у меня есть возлюбленная.

Заседатель. Значит, ты признаешься?

Байрам. Не в чем мне признаваться, не виноват я.

Заседатель. Право, не встречал еще такого упрямого человека. Ребята, свяжите-ка его покрепче и смотрите, чтобы не

убежал. Головой отвечаете мне за него. Скажи-ка, парень, далеко отсюда до вашего кочевья?

Байрам. Один агач⁶.

Заседатель. Мы сейчас отправимся туда и расследуем дело по горячим следам. Но надо еще в канцелярию заехать. Дело столько, что не знаешь, за какое братья. Где переводчик?

Переводчик. Я здесь, господин заседатель.

Заседатель. Едем. Что за должность, прости господи! За все отвечаешь, каждый день рискуешь жизнью. А эти дураки не понимают, что мы ради них терпим все эти беспокойства. Есаулы, ведите парня за мной.

Все уходят. Некоторое время сцена остается пустой. Потом обезьяна спускается с дерева, начинает прыгать, кувыркаться и исчезает

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Происходит в кочевье Шамшадинского участка. В кибитке сидят Тарверди, староста, Мешади-Курбан, Наджаф, Намаз и другие крестьяне. У Тарверди перевязана голова.

Наджаф. Расскажи-ка, Тарверди, что с тобой приключилось, кто тебя ранил?

Тарверди. Вот послушайте, как дело было. Я вместе с Вели и Оруджем спустился в долину, чтобы полить посевы. В Тавусском ущелье вдруг навстречу нам телега. Вели с Оруджем ради шутки решили напугать хозяев телеги и выстрелили. Люди разбежались. Телега осталась на месте. Вели с Оруджем пошли ловить лошадей, а я подошел к сундукам, что были на телеге. Из одного из них выскочила обезьяна, а из другого — вылез медведь, подмял меня под себя и стал душил. Вдруг раздался выстрел. Медведь отпустил меня. Я вскочил и бросился бежать. А теперь почему-то ни телеги, ни лошадей. Не пойму, что за чудеса.

Наджаф. Чудо, известно, какое. В Тавусском ущелье полно чертей. Вы наткнулись на их сборище, вот и все чудеса. Не в среду ли случилось все это?

Тарверди. В среду.

Крестьяне. И сомневаться нечего, вам повстречались самые настоящие черты, иначе, что делать обезьяне и медведю на телеге.

Наджаф. Вот что, Тарверди... Заседатель должен приехать, а ты ранен. Лучше уйди куда-нибудь. Посмотрим, что он сам скажет.

Тарверди уходит. В это время появляется участковый заседатель. Все встают.

Заседатель (*садится на лавку*). Староста, ты говоришь по-русски. Скажи-ка, что это за люди?

Староста. Это жители нашего кочевья. Вот это Намаз, это Наджаф, а это Мешади-Курбан, человек почтенный и богатый.

Заседатель. Очень мне нужно его богатство! С божьей помощью, я отучу вас от привычки представлять мне богатых. (*Обращается к переводчику.*) Камалов, поставь их в ряд по старшинству. Кто из них старше?

Переводчик. Мне кажется, ваше благородие, что все они одинакового возраста.

Заседатель. Хорошо, а кто из них считается умнее?

Переводчик. Я думаю, что все они одинакового ума.

Заседатель. Господи боже мой! Кто-нибудь из них должен же быть более сообразительным и толковым, чем остальные, чтобы я мог с ним поговорить, расспросить о деле. Я же не могу говорить сразу со всеми.

Переводчик. В таком случае, должно быть, сообразительнее и толковее других Наджаф, потому что он и по-русски немного знает.

Заседатель. Хоршо, поставь Наджафа первым.

Переводчик ставит Наджафа первым.

Выслушай меня до конца, а потом отвечай.

Наджаф. Слушаюсь, господин!

Заседатель (*вынимает из-за пазухи лист бумаги*). Господин Фок, из иностранных подданных, содержатель зверинца, подал мне заявление. Он пишет, что позавчера он проезжал со своими зверьми по Тифлисской дороге и немного отстал от телеги. Вдруг на телегу напало несколько разбойников. На телеге находились американский медведь, бразильская обезьяна, две крупные гиены и другие звери. Напавшие разбойники стреляли, одну лошадь убили, медведя ранили, обезьяна исчезла. Можно предположить, что имевшиеся на телеге вещи растасканы. Раненого медведя удалось найти в кустах. Один из грабителей задержан. Уже есть достоверные сведения, что в день происшествия были замечены трое вооруженных всадников, выехавших из этого кочевья. Несомненно, они из ваших молодцов. Вы обязаны сейчас же их выдать мне, иначе я вас строго накажу.

Наджаф. Господин заседатель, ты, должно быть, человек умный, если тебе поручили такой обширный участок. Наши враги сообщили тебе неправду, и ты не должен верить этим сказкам.

Заседатель. Какие же это сказки? Разбой в центре моего участка, середь бела дня — это, по-твоему, сказки?

Наджаф. Господин заседатель, ты спроси у меня, я доложу всю правду.

Заседатель. Я только этого и хочу. Говори!

Наджаф. Несколько человек из наших ребят отправились

в среду поливать посева. По дороге они наткнулись на сборище чертей. Черты ехали в телеге. Парни по глупости своей выстрелили в сторону телеги, решив напугать чертей, чтобы те убежали. А ведь нужно было всего лишь сказать «бисмиллах»⁷. Черты рассердились. Они ведь могут принять любое обличье; вот они и превратились в медведей, напали на ребят и покусали их. А наши враги сочинили целую историю, назвали старшину чертей Поком и вводят тебя в заблуждение.

Заседатель (*сердито*). Послушай, что ты несешь?

Наджаф (*поворачивается к переводчику*). Я не понял. Что сказал господин заседатель?

Переводчик. Господин заседатель изволит спрашивать, что вы ему принесете?

Наджаф (*переводчику*). Милый мой, доложи господину заседателю, что нашу долину называют Ореховой. Здесь пропасть орехов. Бог даст, когда будет сбор, мы мешками будем носить орехи господину заседателю. Наш долг хорошо отблагодарить господина заседателя, проводить его.

Переводчик (*заседателю по-русски*). Ваше благородие, Наджаф говорит, что когда созреют орехи, они принесут их вам мешками, хорошо отблагодарят вас и проводят.

Заседатель (*сердито*). Что за глупости он говорит? На что мне орехи, к чему меня благодарить? Да и провозжать меня не надо, мне проводников не надо. Выдайте мне разбойников.

Наджаф. Каких разбойников, господин заседатель?

Заседатель. Как каких разбойников? Я тут целый час толкую с тобой, а ты еще спрашиваешь, каких разбойников.

Наджаф. Да я ведь доложил тебе, что наши ребята ни на кого не напали, только повстречались со сборищем чертей.

Заседатель. Глупость какая!

Наджаф. Ты много видел, господин заседатель, но прихотилось ли тебе слышать, чтобы медведи, обезьяны, гиены, шакалы развезжали в телеге из города в город?

Заседатель. Разве я сказал, что медведи и обезьяны развезжали в телеге?

Наджаф. А как же сказал?

Заседатель. Я сказал, что их владелец ехал.

Наджаф. В телеге?

Заседатель. Да.

Наджаф. Один?

Заседатель. Нет, со своими зверьями.

Наджаф. Он что падишах зверей?

Заседатель. Не твое дело задавать вопросы и рассуждать.

Наджаф. Я не рассуждаю. Но медведи и обезьяны не могут ездить в телеге. То были черты, принявшие их обличье.

Заседатель. Господи боже мой, что за народ такой? Поди растолкуй им. Байрам ни в чем не признается. А эти явно хо-

тят меня запутать... Хорошо, покажите мне тех ребят, что повстречались со сборищем чертей.

Наджаф. На что они тебе, господин заседатель?

Заседатель. Нужны.

Намаз. Не вовлекай нас в беду, господин заседатель. Не слушай наших врагов.

Заседатель. Каких врагов?

Намаз. Вокруг нас. Все амирлинцы наши враги.

Заседатель. Да послушайте, об этих всадниках мне сообщили не татары, а молукане.

Намаз. Самые лютые наши враги — молукане. С ними у нас вечные ссоры из-за земли. А теперь оказывается, что они к тому же мастера на ложные доносы. У мусульман не бывает таких дьявольских мыслей. Уж теперь мы покажем этим молуканам.

Заседатель. Черт с вами. Пока что выдайте мне разбойников, а потом делайте, что хотите.

Наджаф. Господин заседатель, если разбойников нет, не можем же мы их сделать. Наши ребята никого не грабили.

Заседатель (*переводчику*). Что мне делать, Камалов? Они что и вправду мне не верят?

Переводчик. Ей-богу, не верят, ваше благородие, ни на ногу не верят.

Заседатель (*обращаясь к казаку*). Матвей, поди скажи есаулам, чтобы привели сюда медведя.

Казаки. Слушаюсь! (*Уходит.*)

Заседатель (*Наджафу*). Сейчас я докажу вам, что говорю правду и молукане тут ни при чем.

Наджаф. Не беспокой себя напрасно, господин заседатель! Как можно доказать то, чего не было?

Есаулы приводят медведя.

Заседатель (*переводчику*). Камалов, скажи им: вот доказательство того, что я говорю правду.

Переводчик (*указывая на медведя*). Заседатель изволит говорить, что вот свидетель тому, что он прав.

Наджаф. Ну что ж. Пусть этот свидетель даст показания, а мы послушаем.

Переводчик (*заседателю*). Господин заседатель, он говорит, чтобы медведь дал показания, а они слушают.

Заседатель (*рассердившись*). Как это медведь может давать показания? А ты болван, Камалов, что передаешь мне это. Разве сам не можешь ответить? Матвей, ты знаешь по-татарски?

Казаки (*громко*). Никак нет, ваше благородие!

Заседатель. А кто-нибудь из казаков знает?

Казаки. Никак нет, никто не знает. Только казак Сотников, двадцать первого полка, желает учиться по-татарски.

Заседатель. Молчать! Очень мне надо, что кто-то хочет

учиться. (*Обращаясь к Наджафу.*) Послушай, ну как же может медведь давать показания?

Наджаф. Мы же не говорим этого, господин заседатель. Ты сам привел сюда медведя на очную ставку с нами. В шамшадинских лесах медведей сколько угодно. Каждый может поймать медведя. Из этого вовсе не следует, что медведи и обезьяны путешествуют по свету в телегах.

Заседатель. Значит, вы не назовете разбойников?

Наджаф. Господин заседатель, каких же разбойников вам назвать, если их у нас нет?

Заседатель. Следы разбойников обнаружены, и я найду средство для их поимки. Но вам плохо придется.

Наджаф. На все божья воля! От судьбы не уйдешь.

Заседатель. Ну, теперь убирайтесь с глаз долой! Зря я потерял с вами столько времени. Я сам решу, что делать.

Все выходят.

Как же теперь быть? Байрам, по-видимому, невиновен, хотя обстоятельства против него. Эй, староста, ты знаешь тех парней, что повстречались с чертями?

Староста. Нет, ваше благородие, не знаю.

Заседатель. А ты не слышал, кто они?

Староста. Мы люди простые, ваше благородие, откуда нам слышать.

Заседатель. А можно их разыскать?

Староста. Как их разыщешь, когда все наши парни попрятались.

Заседатель. Попрятались? Зачем же им прятаться, если они не виноваты?

Староста. Женщины подслушивали за кибиткой и распростули слух, что заседатель хочет арестовать тех, кто напал на сборище чертей. Вот парни и разбежались со страху.

Заседатель. Хорошо, ступай. Разговорами с вами ничего не добьешься. Все станут говорить, что никого не знают, ничего не понимают, никуда не ездили. Как же быть? Эй, казаки, приведите сюда арестованного.

Казаки вводят Байрама, у него связаны руки.

Чем можешь ты доказать, что не виновен?

Байрам. Ваше благородие, вы знаете наш край. Сами подумайте, мог ли я один выйти на разбой?

Заседатель. Так почему же ты не хочешь назвать своих товарищей?

Байрам. Я вам докладывал уже, что нет у меня товарищей. Заседатель. Они были у тебя, но бросили тебя и убежали.

Байрам. Ваше благородие, это никак не вяжется с правилами разбоя. Разбойник никогда не бросит товарища и не убе-

жит. А как закончат дело, то уже не расстанутся друг с другом... Да откуда вам знать все это? Вы, наверно, никогда не ходили на разбой.

Заседатель. Я поймал много разбойников, хоть и не разбойничал сам. Я знаю, что ты говоришь правду.

Байрам. И потом, ваше благородие, если бы я был виновен, то, по нашему обычаю, никогда бы не сдался без сопротивления.

Заседатель. Это тоже верно. Так кто же виноват?

Байрам. Этого я точно не знаю, но если бы и знал, то трудно было бы мне сказать.

Заседатель. Почему?

Байрам. Потому что человек не может выдавать своих братьев.

Заседатель. Значит, один ты и пострадаешь. Жалко тебя, а делать нечего. Есть у тебя какая-нибудь просьба, пожелание?

Байрам. Ваше благородие, есть у меня одна просьба, если только позволите.

Заседатель. Говори, какая просьба?

Байрам. Не знаю, могу ли я осмелиться?

Заседатель. Почему же нет? Говори. Слушаю.

Байрам. Ваше благородие, мне бы хотелось... если вы разрешите... проститься.

Заседатель. С отцом?

Байрам. Нет.

Заседатель. С родственниками?

Байрам. Нет... Впрочем, если нельзя, то воля ваша.

Заседатель (*в сторону*). Бедный, у него какое-то горе. (*Обращается к Байраму*.) Дай слово, что не сбежишь, я тебе позволю.

Байрам. Аллахом клянусь, что не сбегу.

Заседатель. Эй, есаул Керим! Развяжи ему руки и оставь при нем, чтобы не сбежал. Камалов! Я вернусь в управление, отдам кое-какие распоряжения о розыске разбойников. И потом надо привести еще немца Фока.

Переводчик. Да, господин, поедемте.

Все выходят.

Байрам (*Кериму*). Хороший человек этот заседатель. Но он не знает, что мы с тобой старые друзья.

Керим. Уж не хочешь ли ты сказать, что я должен отпустить тебя?

Байрам. Нет. Я дал слово заседателю и никуда не сбегу. У меня другое дело к тебе.

Керим. Какое дело?

Байрам. Я хочу просить тебя сходить скорее к Залхе и рассказать ей, что со мной случилось.

Керим. К жене Намаза?

Байрам. Да.

Керим. Рассказать, что с тобой случилось?

Байрам. Да.

Керим. А еще что?

Байрам. Больше ничего.

Керим. Хорошо (*в сторону*). Странный человек, ведь при желании мог сбежать. (*Уходит*.)

Байрам (*один*). Ах, боже мой! Поймет ли Залха? Догадается ли она? Увижу ли я еще раз Парзад? Залха — хитрая женщина, но можно ли на нее положиться? Ах, благодарю тебя, аллах, за милость. Парзад идет!

Входит Парзад. Залха сторожит в отдалении.

Ах, лань моя, джейран мой, ты ли это? Пришла? Дай обнять тебя, милая, дай наглядеться на тебя! Зачем ты плачешь, свет очей моих? Или ты боишься за меня? Не бойся. Правда откроется, меня освободят.

Парзад. Прежде чем откроется правда, все будет кончено! Почему тебя арестовали? Почему на тебя, невинного, обрушилась такая беда?

Байрам. Есть за мной одна вина — кто роет яму другому, сам в нее попадет. Я рыл яму другому, вот и угодил в нее сам. Неужели ты хочешь теперь, чтобы я покрыл себя позором, стал доносчиком и выдал Тарверди?

Парзад. Выдай его! Я его ненавижу!

Байрам. Не горюй, Парзад! Даст бог, я не умру, и ты будешь счастлива со мной.

Парзад. Ах, Байрам, не быть мне уже счастливой. Несчастье слишком близко.

Байрам. Что это значит, Парзад? Что ты говоришь? Ради создателя, скажи, какое еще несчастье?

Парзад. Мне объявили решение дяди. Все кончено, Байрам! Все уже приготовлено к свадьбе. Через день моя свадьба.

Байрам (*вскрикнув*). Так тебя выдают за Тарверди? Боже, не допусти этого! Злодей хочет всего меня лишить, сделать меня несчастным! Клянусь создателем, или я его убью, или пойду на смерть.

Парзад. И я тоже умру. Ни за что не стану женой Тарверди.

В это время входят Мешади-Курбан, Соиа и несколько крестьян.

Соиа. Ах ты бесстыдница! Что ты здесь делаешь с чужим мужчиной? Прочь отсюда, негодная!

Подходит Керим.

Керим. Молчи старуха. Я не позволю тебе прогнать эту де-

вущу. Она не любит Тарверди, и вы не посмеете выдать ее за него насильно. Девушка любит Байрама.

Мешади-Курбан. А ты что вмешиваешься не в свое дело? Ты кто такой? Она моя племянница и должна меня слушать! За кого захочу, за того и выдам. А ты знай-помалкивай!

Керим. Ты не имеешь права распоряжаться девушкой!

Мешади-Курбан. Я тебе покажу, имею я право или нет. Эй, Парзад, уходи отсюда.

Керим. Посмотрю, что ты мне покажешь. Не уходи, Парзад, стой на месте. Посмотрим, кто посмеет взять тебя из рук заседательского есаула.

Мешади-Курбан. Ты нас заседателем не страшай! Кишки тебе выпущу.

Обнажив кинжал, наступает на есаула; Керим тоже обнажает кинжал, и они бросаются друг на друга. Начинается драка. Крестьяне разнимают их. Бегают Тарверди, голова у него перевязана.

Тарверди. Кто смеет задерживать мою невесту? Клянусь аллахом, всех переблю, всех на куски изрублю!

Люди удерживают его.

Пустите меня, не то всех на куски изрублю!

Староста. Что ты говоришь, Тарверди? Хочешь изрубить на куски заседательского есаула?

Тарверди. А что за важная персона заседательский есаул? Я и заседателя не боюсь, и губернатора, и начальника не боюсь!.. Уф, как болит рана, как будто режут!

Мешади-Курбан. Эй, бабы, довольно шума! Ступайте отсюда.

Байрам (тихо Парзад). Выйди-ка, Парзад! Посмотрим, что будет дальше. Придет заседатель, я скажу ему.

В это время входит заседатель.

Заседатель (громко). Шашки наголо! Никто ни с места!

Наступает тишина.

Господин Фок, подойди ближе и посмотри, не узнаешь ли среди них человека, которого ты встретил в лесу?

Фок. Слушаюсь, господин заседатель, сейчас посмотрю.

Начинает разглядывать лица присутствующих. Тарверди поворачивается к нему спиной. Фок берет его за руку.

Тарверди. Ты что хватаешь меня?

Фок. Повернись-ка сюда! А голова почему перевязана?

Тарверди. Зуб болит.

Фок (посмотрев ему в лицо). Господин, заседатель, вот этот человек!

Тарверди. Не верьте, ваше благородие! Я два месяца хвораю! Три года я больной.

Заседатель. Сейчас увидим. (Срывает с него повязку и бросает наземь.) Что это за раны?

Тарверди. Ваше благородие, у меня зубы болят.

Заседатель. Нет, голубчик, это следы от когтей медведя. Казаки, вяжите его.

Тарверди (бросается к ногам заседателя). Ваше благородие, до сих пор я никогда не ходил на разбой и больше ни за что не пойду.

Казаки хотят вязать Тарверди.

Мешади-Курбан. Люди добрые, не допускайте! У меня единственное утешение — мой сын.

Крестьяне, женщины бросаются вперед, пытаются вырвать Тарверди из рук казаков.

Заседатель (поднимает пистолет над головой). Кто делает шаг, застрелю на месте.

Крестьяне, женщины отступают.

(Казакам.) Вяжите его.

Казаки вяжут Тарверди руки.

Байрам, ты свободен.

Байрам. Ваше благородие, я виновен. Выслушайте меня, ваше благородие!

Заседатель. Как так виновен? Что ты говоришь?

Байрам. Ваше благородие, это я подучил Тарверди пойти на разбой.

Заседатель. Зачем же?

Байрам. Он хотел отнять у меня мою возлюбленную.

Заседатель. Не это ли твоя возлюбленная? (Показывает на Парзад.)

Байрам. Да, ваше благородие, она.

Тарверди. Ваше благородие, меня сбили с толку. Я мирный, тихий человек. Мне сказали, что я трус. И я из страха, что будут считать меня трусом, пошел на разбой.

Заседатель. Глупец, что с того, если тебя называли трусом? Вот и попал теперь в беду.

Тарверди. Да ведь тогда ни одна девушка не захотела бы выйти за меня замуж. Вот эта девушка, которую ты видишь, моя двоюродная сестра и невеста. Мне сказали, что если я не покажу удалство и не прославлю своего имени, она ни за что за ме-

ня не пойдет. Вот я и поверил, пошел на разбой и, как назло, напоролся на этого проклятого медведя.

Заседатель. Ты, Байрам, поступил очень нехорошо. Но так как ты мужественно признал свою вину, я тебя прощаю. Больше так не делай. Камалов, спроси девушку за кого из этих молодых людей она хочет выйти.

Переводчик спрашивает у девушки.

Парзад (*переводчику*). Скажи заседателю, что я никогда за Тарверди не выйду. Если меня отдадут за него, я непременно покончу с собой.

Переводчик (*заседателю*). Девушка не любит Тарверди.

Заседатель. Ясно, что она предпочитает выйти за Байрама. Мешади-Курбан, откажись от своей затеи, пусть девушка выйдет за Байрама. Видно, что это крабрый парень. Я возьму его к себе в есаулы, и он вам еще пригодится.

Мешади-Курбан. Ваше благородие, я согласен, лишь бы вы сына от беды избавили.

Заседатель. Господин Фок, согласен ли ты кончить это дело миром?

Фок. Как миром, ваше благородие?

Заседатель. То есть получить деньги и оставить этого человека в покое.

Фок. Получить деньги и оставить его в покое? Хорошо, господин заседатель. Я согласен получить деньги. И очень даже доволен.

Заседатель (*Мешади-Курбану*). Мешади, твой сын провинился, и я не могу замять дело, но если ты удовлетворишь этого немца, я под каким-нибудь предлогом попрошу у правительства помилования для Тарверди. Я не сомневаюсь, что он будет помилован.

Тарверди. Какой же вы предлог найдете, ваше благородие?

Заседатель. Я напишу, что ты пошел на это дело по глупости.

Тарверди (*кланяется*). Да, ваше благородие, так оно и есть.

Заседатель. Слушайте все. Пусть это будет вам уроком. Пора вам понять, что вы не дикий народ. Стыдно вам заниматься дурными делами. Довольно заниматься воровством и разбоем. Неужели вы не знаете, сколько добра вам делает русское правительство, от каких бед оно вас охраняет? Надо всем знать, кто ваше начальство и выполнять его приказы.

Занавес

КОНЕЦ

ВЕЗИР ЛЕНКОРАНСКОГО ХАНСТВА

*Представление об удивительном происшествии,
которое излагается и завершается
в четырех действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хан провинции Ленкорань.
Мирза-Хабиб — его везир.
Зибаханум — первая жена везира.
Шолеханум — вторая, любимая, жена везира.
Нисаханум — сестра Шолеханум, девушка, живущая в доме везира.
Периханум — мать Шолеханум, также живущая в доме везира.
Теймур-ага — племянник хана, любящий Нисуханум.
Хаджи-Салах — купец.
Ага-Башир — управляющий везира.
Гейдар — фарраш (полицейский) при везире.
Керим — конох везира.
Хаджи-Масуд — араб, внук везира.
Селимбек — начальник наружной охраны хана.
Кадирбек — его помощник.
Самедбек — начальник полиции хана.
Азизага — начальник слуг хана.
Риза — молочный брат Теймур-аги.
Фарраши везира, беки. Фарраши хана, просители в ханском дворце.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Происходит пятьдесят лет назад¹, на берегу Каспийского моря, в городе Ленкорань, в доме везира Мирза-Хабоба. Везир сидит в комнате первой жены; перед ним, скрестив руки на груди, стоит Хаджи-Салах.

Везир. Я слышал, Хаджи-Салах, что ты едешь в Решт. Это правда?

Хаджи-Салах. Да, сударь.

Везир. У меня есть к тебе поручение, Хаджи-Салах. Затем я и вызвал тебя.

Хаджи-Салах. Приказывай, сударь. Всей душой я готов исполнить твое поручение.

Везир. Хаджи-Салах, ты должен заказать в Реште нимте-

не² из голубой парчи, да такое, чтобы подобного ему нельзя было найти в Ленкорани. Короче говоря:

Надо золотом светлым расшить нимтене воротник
И тончайшие выбрать шелка.
Чтоб старательный шов незаметно для глаза возник,
Как блестящая нить паука.
Чтоб любимый к любимой на вышивке нежно приник,
И любовь их тянулась века.
Чтоб рисунок, похожий на лунный сияющий лик,
Проплывал, озарив облака.
Чтоб ценитель иной в кропотливую вышивку вник
И промолвил: работа тонка!
Этот ласковый шелк, словно солнца трепещущий блик,
Тут прошла чародейки рука!
Покрывало Каабы — чудесной одежды двойник.
К нимтене прикоснувшись слегка,
Улыбается юноша и молодеет старик,
Исчезает печаль и тоска...³

Когда оно будет готово, закажешь ювелиру двадцать четыре золотые пуговицы поменьше куриного яйца, но крупнее голубиного, дашь пришить их к бортам и привезешь нимтене, когда вернешься. Вот тебе пятьдесят золотых. (*Кладет перед ним деньги, завернутые в бумагу.*) Если не хватит, добавлю, когда вернешься, рассчитаемся. Скоро ли ты обратно?

Хаджи-Салах. Через месяц. Еду с наличными деньгами закупить шелк и вернуться. Других дел у меня нет. Но хорошо было бы, сударь, знать размер нимтене. Я закажу, а оно вдруг тесно или широко, длинно или коротко. Тогда перед вашей милостью буду виноват я.

Везир. Это ничего. Закажи немного пошире и подлиннее. А если будет не впору, переделаем.

Хаджи-Салах. А нельзя ли, сударь, привезти материю и пуговицы, чтобы уже тут выкроили и сшили по фигуре той, для кого нимтене предназначено.

Везир. Какой ты невозможный человек, право! Привык много разговаривать, чтобы похвастаться своими познаниями. Ты хочешь, чтобы я посвятил тебя во все тонкости? Да знаешь ли ты, сколько будет у меня неприятностей, если я решу кроить и шить это нимтене здесь?

Хаджи-Салах. Нет, сударь, откуда мне знать?

Везир. В таком случае придется заранее объяснить тебе в чем дело, иначе ты, ей-богу, пойдешь и протрубишь на базаре всем и каждому, что везир дал тебе такое-то поручение, и мне придется распрощаться со спокойной жизнью. Дело в том, мой дорогой, что до Новруз-байрама осталось всего два месяца, а я хочу к празднику преподнести это замечательное нимтене Шоле-ханум. Если заказать его здесь, то Зиб-ханум потребует такое же себе. Заказывать и для нее — ненужная трата денег, потому что ей оно ни к чему. Не заказывать — нажить бесконечные неприятности и головную боль.

Хаджи-Салах. Но, сударь, Зиб-ханум может захотеть нимтене и в том случае, если ты подаришь Шоле-ханум привезенное нимтене.

Везир. Велик аллах! Вот еще беда! Да что тебе за дело? Исполни то, что тебе приказывают.

Хаджи-Салах. Слушаюсь, сударь!

Везир. Когда буду отдавать, скажу, что нимтене прислала в подарок Шоле-ханум моя сестра, жена Идаят-хана; Зиб-ханум и поверит, что я тут ни при чем. Но смотри, не сболтни об этом никому!

Хаджи-Салах. Нет, сударь, разве я посмею разгласить твою тайну?

Везир. Ну ступай. Ты свободен.

Хаджи-Салах, поклонившись, уходит, Зиб-ханум быстро с шумом распахивает обе половины другой двери и с криком врывается в комнату. Вздрогнув от неожиданности, везир оглядывается.

Зиб-ханум. Заказываешь для любимой жены нимтене с золотыми пуговками? Bravo, bravo такому муженьку! А мне скажешь, что его прислала в подарок Шоле-ханум твоя сестра? Хорошо придумано. Мне ли не знать твою сестру? Из скупости она кладет сыр в банку и только снаружи прикасается хлебом к ее стенкам. И она-то расщедрится настолько, что пришлет твоей жене в подарок нимтене стоимостью в пятьдесят-шестьдесят туманов!

Везир. Что ты болтаешь, жена? Какое нимтене? Какой подарок? Не с ума ли ты сошла?

Зиб-ханум. Не хитри! Нечего меня дурачить! Я слышала весь разговор с Хаджи-Салахом от начала до конца. Еще когда ты послал за Хаджи-Салахом, я сразу догадалась, что это неспроста. Тихонько подкралась и стала подслушивать за дверью. Ну что ж, поздравляю! Твоя жена в нимтене с золотыми пуговицами. Пусть радуется Теймур-ага, что его возлюбленной заказывают новое нимтене; нарядится и будет кривляться перед ним.

Везир. Какие ты дерзости говоришь, жена! Как тебе не стыдно при мне клеветать на другую жену, оскорблять мою честь?

Зиб-ханум. Я оскорбила бы твою честь, если бы тоже завела себе молодого возлюбленного. Твою честь пятнает Шоле-ханум, которую день и ночь держит в объятиях Теймур-ага. Моя служанка не раз видела это своими глазами.

Везир (*меняясь в лице*). Никогда я не поверю ни тебе, ни твоей служанке.

Зиб-ханум. Не мы одни говорим это. Вся Ленкорань об этом знает. Только ты закрываешь глаза на коварство этой негодяйки, из-за которой потерял и честь и доброе имя.

Везир. Откуда Шоле-ханум знает Теймур-агу, где она могла его увидеть?

Зиба-ханум. Ты его сам ей показал, сам их познакомил.

Везир (*громко*). Я показал? Я познакомил?

Зиба-ханум. Да, да! Ты показал, ты познакомил. Не ты ли в праздник поста пришел и сказал своей жене, что хан устраивает за крепостной стеной борьбу бекских сыновей, и предложил ей с сестрой Нисой-ханум пойти туда в сопровождении евнуха и служанки, расстелить ковры на крепостной стене и полюбоваться зрелищем. Они и отправились туда. Теймур-ага, двадцатипятилетний очаровательный красавец, поборол всех бекских сыновей. Шоле-ханум влюбилась в него. Кто знает, какие употребила она хитрости, чтобы завлечь Теймур-агу в свои сети, но только он теряет покой, если хоть день не видит ее. Не я ли говорила, что неприлично тебе в пятьдесят лет жениться на молодой девушке! Ты не послушался меня, вот и мучайся теперь. Ты заслужил это!..

Везир. Довольно, ступай отсюда! У меня дела, надо письма написать.

Зиба-ханум выходит.

(*Один.*) Не верится, чтобы Шоле-ханум была способна на такое коварство. Очень может быть, что Теймур-ага поразил ее своей силой — ведь она неопытна, почти девочка. Она похвалила его при Зибе-ханум, а эта сварливая баба приписала все любовному увлечению и роет бедняжке яму. На всякий случай надо будет уверить Шоле-ханум, что Теймур-ага не такой уж силен и что бекские сыновья, которых он победил в единоборстве, просто желторотые птенцы. Может быть, мне удастся ее переубедить и она разочаруется, забудет о нем. Однако нужно идти к хану. Когда вернусь, зайду к ней и что-нибудь придумаю.

Встает, собираясь уходить. Входит Зиба-ханум.

Зиба-ханум. Что ты закажешь на обед и на ужин? Велю приготовить.

Везир. Змеиный яд, адские плоды! Ты уже накормила меня таким блюдом, что я целый месяц не почувствую голода.

Направляется к выходу. Идет задумавшись и глядя на дверь, наступая на ребро случайно брошенного в комнате решета; противоположное ребро поднимается и с силой ударяет его по колену. Вскрикнув от боли, везир хватается за колено. Потом с искаженным лицом бросается к жене и кричит.

Откуда здесь это решето?!

Зиба-ханум (*удивленно*). Не знаю.

Везир. Фарраш!

Фарраш Гейдар появляется из прихожей и кланяется, сложив руки на груди. Зиба-ханум прикрывает лицо платком и отходит в угол комнаты.

(*Сердито.*) Гейдар, как очутилось в комнате это решето?

Гейдар. Утром, когда я подметал комнату, ваша милость, сюда пришел конюх Керим с решетом в руках. Он немного поговорил со мной и ушел. Вероятно, когда уходил, забыл решето здесь.

Везир. Сейчас же позвать сюда конюха!

Фарраш уходит

Что нужно было конюху в моей комнате? Да еще с решетом? Сегодня со всех сторон на меня одни неприятности сыплются. Каждый раз, как приду в эту проклятую комнату, не обходится без какой-нибудь беды.

Зиба-ханум. Конечно! Это потому, что в этой комнате нет Шоле-ханум. Если так, то зачем ты ходишь сюда? Ходи в комнату Шоле-ханум.

Входят фарраш и конюх.

Везир (*сердито*). Слушай, Керим, зачем ты входил в мою комнату? Твое место на конюшне. Да как ты посмел войти в мою комнату?

Керим. Ваша милость, я зашел сюда только на минутку, спросить у Гейдара, будет ли ваша милость выезжать сегодня или нет. Я спросил и тотчас же ушел.

Везир. А зачем ты бросил здесь решето.

Керим. Решето было у меня в руке. Мне нужно было просеять ячмень для лошадей... Я забыл решето здесь.

Везир. А почему потом его не забрал?

Керим. Мне и на ум не пришло, что оно могло остаться здесь. Я искал его всюду.

Везир. Откуда я тебя ум, негодяй! (*К фаррашу.*) Гейдар! Позови сейчас же управляющего Ага-Башира. Да принеси палки и фалаку⁴. Позови еще трех фаррашей из наружной охраны.

Гейдар уходит.

Керим (*дрожит и плачет*). Ваша милость, простите меня, ради хана!

Везир (*гневно*). Молчи, собака, сын собаки!

Керим (*всхлипывая*). Ваша милость, я виноват, ради могилы отца, простите меня! Пусть я буду проклят вместе с отцом и дедом, если еще раз ступлю сюда ногой.

Везир. Молчи, осел, ослиное семя!

Входят управляющий Ага-Башир, фарраш Гейдар со связкой палок под мышкой и с фалакой в руке, трое фаррашей. Все кланяются.

(*фаррашам.*) Повалите управляющего, вложите ноги в фалаку!

Фарраши валят управляющего из пол, вкладывают его ноги в фалаку. Двое держат за концы фалаки. Двое берут по палке.

Бейте!

Фарраши бьют.

Ага-Башир. Ради аллаха, ваша милость, в чем я провинился?

Везир (*гневно указывает рукой на решето*). Что это за решето в моей комнате?

Ага-Башир. Какое решето, ваша милость?

Везир. Вот почувствуешь палку, поймешь, какое решето.

Фарраши бьют.

Ага-Башир. А-а-ай! Спасите! Караул! Ну, в чем моя вина? Скажите, в чем моя вина, а там хоть убейте.

Везир (*фаррашам*). Стойте! Ага-Башир, ты виноват в том, что не объяснил каждому служащему в моем доме его обязанностей. Все служащие в этом доме подчинены тебе, и ты должен каждому из них указать его место, дать работу. Конюх, кроме конюшни, нигде не должен шататься, решето никогда не должно валяться в моей комнате. Сегодня конюх Керим зашел в мою комнату с решетом, бросил его здесь и ушел. Я нечаянно наступил на решето, и оно такхватило меня по колену, что я и сейчас от боли не могу поднять ногу. Я — везир, управляю большим краем, забочусь о нем, а ты, болван, не можешь уследить за одним моим домом и управлять моими слугами.

Ага-Башир. Ваша милость, аллах дал тебе большую голову и глубокий ум. Как я могу равняться с тобой?

Везир (*фаррашам*). Бейте!

Ага-Башир. Умоляю, ваша милость, на этот раз простите меня. Такого беспорядка никогда больше не будет.

Везир (*фаррашам*). Отпустите! На этот раз я тебя прощаю, Ага-Башир. Но если решето еще раз окажется в моей комнате, считай себя мертвым.

Ага-Башир (*встает*). Да, ваша милость, будьте покойны.

Везир. Ну, ступайте.

Керим (*тихо*). Слава тебе, господи!

Выбегает раньше всех, унося решето. За ним уходят остальные. После всех уходит везир.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Происходит в комнате Шоле-ханум. Теймур-ага и Ниса-ханум разговаривают наедине.

Теймур-ага. Что нам делать? И что за фантазия появи-

лась у везира? Разве я умер, что везир решил отдать тебя замуж за другого? Зачем он добивается этого родства?

Ниса-ханум. Зачем? Разве ты сам не знаешь? Конечно, он добивается власти, ищет почестей.

Теймур-ага. А разве ему недостаточно власти и почестей, которыми наделил его хан?

Ниса-ханум. Может быть, и достаточно, но само его положение ненадежно. Этим родством он хочет упрочить и свою власть и свое место при хане.

Теймур-ага. Какой глупец! Разве он сам не видит, как расправляется хан даже с родственниками? Но так или иначе нам надо найти какой-нибудь выход из положения. Напрасно ты не разрешила мне до сих пор известить везира. Завтра же пошлю к нему человека и объявлю, чтобы он отказался от своего намерения, не то будет худо.

Ниса-ханум. Ни за что, Теймур-ага! И думать не смей об этом! Ни в коем случае нельзя ничего сообщать везиру, ведь он всегда говорит, что хан ищет только повод, чтобы погубить тебя. И поэтому, как мне известно, он не раз советовался с везиром. Если везир узнает, что мы любим друг друга, он немедленно пойдет к хану и, чтобы выслужиться, доложит ему, что ты покушаешься на его нареченную. А к тому же и сам везир очень обижен на тебя.

Теймур-ага. Разве мало хану, что он захватил страну и власть, которые по праву должен был унаследовать я? Теперь он добивается и моей гибели? Это ему не удастся.

Ниса-ханум. Он боится, как бы ты не попытался отобрать страну, которой владел твой отец. Он видит в тебе соперника. Говорят, что он только при людях проявляет уважение к тебе, а если подвернется удобный случай, он ни дня не оставит тебя в живых.

Теймур-ага. Никаким ханам не удастся меня убить. И народ, и беки помнят благодеяния моего отца, они преданы мне. Я не та птица, чье мясо едят. А что же все-таки я сделал везиру, почему он в обиде на меня?

Ниса-ханум. Ты взял Мирзу-Селима, сына старого везира, в секретари; везиру кажется, что если ты добьешься власти, то Мирза-Селим, несомненно, выдвинется и займет место своего отца. Поэтому везир хочет подговорить хана, чтобы тот выслал Мирзу-Селима из страны.

Теймур-ага. Не добиться ему, чтобы моего секретаря выслали. Пусть благодеяния моего отца не пойдут ему впрок, если он затевает против меня такое зло. С помощью аллаха я построю его козни и достигну цели. Но ты права, пока везир не должен знать о нашей любви. Где Шоле-ханум? Мне нужно с ней поговорить.

Ниса-ханум. Она в комнате матери.

Теймур-ага. Не можешь ли ты ее позвать?

Ниса-ханум. Матери нет дома, пойдем туда.
Теймур-ага. Пойдем.

Оба уходят. Входит Зиб-а-ханум.

Зиб-а-ханум. Ах, бесстыдница! До чего же ты обнаглела! Как посмела ты обругать и прогнать мою служанку? Так-то везир тебя избаловал! *(Никого не найдя в комнате, начинает оглядывать ее.)* Где же эта бесстыдница? Пусть развалится дом везира Мирзы-Хабипа, который довел нас до такого унижения. *(Хочет уйти, но слышит мужской голос, вздрагивает и останавливается.)* Ой, посторонний мужчина! О горе, сейчас войдет сюда! Выйти я не успею... Как же быть?

Мечется по комнате и наконец прячется за занавес. Входят Теймур-ага и Шоле-ханум.

Теймур-ага. Как жаль, что твоя мать так скоро вернулась из бани и не дала нам поговорить. Здесь неудобно, разговор у меня долгий, как бы везир не пожаловал сюда.

Шоле-ханум. Не беспокойся, сегодня везир не может прийти сюда.

Теймур-ага. Почему не может?

Шоле-ханум. Потому что сегодня очередь Зибы-ханум. Он побойтся, что Зиб-а-ханум устроит ему скандал, и не решится даже показаться здесь.

Теймур-ага. Это ты правильно говоришь, но полагаться целиком на это нельзя. Лучше соблюдать осторожность. Везир может явиться сюда по какому-нибудь неожиданному поводу.

Шоле-ханум. Не беспокойся. Я поручила Нисе-ханум сидеть снаружи и сторожить. Если покажется везир, она тотчас же даст нам знать. Или ты боишься?

Теймур-ага. Я не из трусливых. Но по многим соображениям не хочу, чтобы везир застал меня здесь и сообщил об этом хану. Я прежде хочу кое-что сделать.

Шоле-ханум. Конечно, везир не должен знать об этом, иначе он сообщит хану, и тогда все у нас расстроится.

Ниса-ханум просовывает голову в дверь.

Ниса-ханум. Ой, беда, везир идет.

Шоле-ханум *(взволнованно выглядывает за дверь)*. Ах, везир приближается. Теймур-ага, тебе не удастся выйти.

Теймур-ага. Как же быть? Уж не донес ли ему кто-нибудь, что я здесь? Клянусь аллахом, я всажу этот кинжал в грудь тому, кто дал ему знать... *(Берется за кинжал.)*

Шоле-ханум. Сейчас не до разговоров. Пока спрячься за этот занавес, а я что-нибудь придумаю, может быть, сумею выводить его отсюда.

Теймур-ага прячется за занавес. В комнату входит везир, хромая и опираясь на палку. С ним внук Хаджи-Масуд.

Везир. Что подельываешь, Шоле-ханум? Как твое самочувствие?

Шоле-ханум. Слава аллаху, благодаря твоей милости я всегда чувствую себя хорошо. То же и тебе желаю. Но почему ты насупился? Отчего хромаешь?

Везир. Ох, сегодня со мной приключилось неожиданное происшествие. Я очень расстроен. *(Евнуху.)* Хаджи-Масуд, принеси-ка мне чашку кофе.

Хаджи-Масуд кланяется и выходит.

Шоле-ханум. Расскажи, что это приключилось с тобой? Впрочем, может быть, долго рассказывать, я не хочу утруждать тебя.

Везир. Нет, не долго. Дело было так: с несколькими беками мы сидели у хана. Речь зашла о силе Теймур-аги. Беки стали утверждать, что во всей Ленкорани не найдется человека сильнее Теймур-аги. Хан тоже подтвердил это. А я говорю: нет, не так уж силен Теймур-ага. Правда, он поборол во время праздника поста нескольких мальчиков, но то были желторотые юнцы. Тут же находился и Теймур-ага. Хан со мной не согласился, спрашивает, как я могу доказать свою правоту. Я отвечаю: если бы для моего сана было прилично, я в мои пятьдесят лет вступил бы в единоборство с Теймур-агой и положил бы его на обе лопатки. Хан — большой охотник до подобных развлечений — приказывает мне схватиться с Теймур-агой. Делать было нечего. Я поднялся, и мы схватились. Не прошло и минуты, как я поднял Теймур-агу и бросил его оземь так, что бедный мальчик растянулся без чувств. Только через полчаса он пришел в себя. От натуги у меня разболелась нога — вот я и хромаю.

Шоле-ханум *(с улыбкой)*. Ах, боже мой, что же ты натворил! А если бы этот бедняжка умер и его матери пришлось носить по нему траур?

Везир. Да, и сам я очень раскаивался, но что было делать? Так уж получилось.

Шоле-ханум. Неужели несчастный так и остался лежать на земле, а ты взял и ушел, чтобы рассказать мне о своей победе?

Везир. Нет. Фаррашн отнесли его к матери.

Теймур-ага, не в силах сдержаться, громко смеется за занавесом. Везир быстро поднимает занавес. Увидя Теймур-агу и Зибу-ханум остолбенел от удивления. Изумлена и Шоле-ханум.

Аллах премудрый, что это? *(Затем обращается к Теймур-аге, громко.)* Ты что здесь делаешь, сударь?

Теймур-ага опускает голову.

Отвечай же, что ты здесь делаешь?

Теймур-ага, не отвечая, выходит из-за занавеса и, не поднимая головы, направляется к выходу.

(Хватает его за руку.) Не пушу! Скажи, что ты здесь делал?

Теймур-ага (вырывая руку). Пусти!

Везир (крепко цепляется за него). Не дам уйти! Отвечай мне!

Теймур-ага, всплыв, хватая его одной рукой за шею, другой за ногу, поднимает и бросает в сторону. Везир, точно палас, расплывается посередине комнаты. Теймур-ага быстро выходит. Через минуту везир приходит в себя..

(К Зибеханум.) Ах, негодная, так-то ты хитришь и обманываешь меня.

Зибеханум. Это я хитрю и обманываю тебя? Несчастный! Жалкий человек, ты ничего не видишь.

Везир (сердито). Замолчи, бесстыжая! Не мели языком. Теперь я узнал, на какие подлости ты способна. С помощью аллаха я расправлюсь с тобой.

Зибеханум. Несчастный, за что ты хочешь расправиться со мной?

Везир. Изменница, ты еще спрашиваешь? Разве мало того, что ты прячешься за занавесом с посторонним мужчиной?

Зибеханум. Жалкий человек, ты спроси лучше у своей жены Шоле-ханум что делал этот посторонний мужчина в ее комнате.

Везир. Бесстыдница, прежде всего ты ответь мне: что ты делала за занавесом с посторонним мужчиной?

Зибеханум. Хорошо, я отвечу. Твоя жена Шоле-ханум обругала мою служанку. Я пришла сюда побранить Шоле-ханум, чтобы она не зазнавалась. Я ее не застала и собралась уже уходить, как вдруг из-за двери послышались голоса постороннего мужчины и Шоле-ханум. Они шли сюда, в комнату. Тогда я спряталась за этим занавесом, хотела посмотреть, что они будут делать, и потом передать тебе. К тому же я не могла показаться мужчине с открытым лицом. Тут неожиданно явился ты, и этот человек тоже зашел за занавес и спрятался.

Везир. Почему же ты сразу не вышла и не сказала мне, если все это правда?

Зибеханум. Как я могла выйти и сказать тебе, если он грозил вонзить кинжал в мое сердце?

Везир (задумавшись, обращается к Шоле-ханум). Скажи правду, Шоле, к тебе приходил этот человек?

Шоле-ханум. Твоя жена из породы попугаев, она мастерица болтать и врать. Этого человека я сроду не видела и даже не знаю: кто он такой.

Везир. Как не знаешь? Ты не знаешь Теймур-агу?

Шоле-ханум. Как мог Теймур-ага попасть сюда? Разве ты не повалил Теймур-агу и не отослал его со слугами к матери?

Везир. Ах ты проказница! Отвечай на мой вопрос! Теймур-ага к тебе приходил?

Шоле-ханум. Если бы Теймур-ага приходил ко мне, ты застал бы его со мной. Зибеханум знала, что сегодня я собираюсь в баню, и решила, что моя комната свободна. Вот она и пригласила своего возлюбленного сюда, чтобы отдаться удовольствиям. Она не могла встретиться с дружкой в своей комнате, потому что сегодня ее очередь принимать тебя. Случайно в бане не было воды, и нам пришлось вернуться раньше времени. Они не успели убежать и спрятались за занавесом — надеялись выбраться оттуда позже, когда я выйду из комнаты. Вот тебе вся правда. Одумайся! Не поддавайся козням этой бесстыдницы и зря не подозревай меня.

Зибеханум (к Шоле-ханум, кричит). Ах ты подлая! Что это ты выдумала? Ты хочешь приписать мне свои проделки? Ах, я наложу на себя руки!

Шоле-ханум. Сама ты подлая, изменница и распутница! Убивай себя, не убивай — как хочешь. Твои козни и плутовство известны всем и каждому в Ленкорани. Криком тебе не оправдаться. У твоего мужа есть глаза, и он сам видит, чьи это проделки — твои или мои.

Зибеханум. Боже мой, я покончу с собой! Муж, почему ты не дашь по губам этой клеветнице и позволяешь ей так нагло наговаривать на меня?

Шоле-ханум. Сама ты клеветница! За что это он должен дать мне по губам?! Если он мужчина, то должен тебя изрубить на куски за то, что поймал с посторонним мужчиной.

Везир (Зибеханум). Конечно, тебя надо изрубить на куски. Дай срок! Сперва я повываюсь с ханом и расправлюсь с твоим любовником, а потом и до тебя доберусь. Всю жизнь ты только и делала, что лгала и обманывала.

Зибеханум (сердито). Это я лгала и обманывала? А ты всегда говоришь правду? Ты это только что доказал нам, когда рассказывал, что произошло у хана.

Везир. Прочь с глаз, бессовестная!

Зибеханум выходит.

Скажи мне правду, Шоле, замешана ли ты в этом деле?

Шоле-ханум. Я ни в чем не виновата.

Входит Хаджи-Масуд с чашкой кофе и приближается к везиру, стоящему к нему спиной.

Хаджи-Масуд. Пожалуйста кофе, ваша милость!

Везир (поворачивается к нему и опрокидывает чашку, кофе проливается на Хаджи-Масуда). Провались ты, проклятый! Какой кофе, когда я так расстроен? Я сейчас же отправлюсь к хану. (В сильном раздражении.) Вели сейчас же подать мне красную лошадь и оседлать гнедую шубу, слышишь?

Хаджи-Масуд направляется к выходу, вытирая одежду, залитую кофе.

Хаджи-Масуд. Слышу, сударь! Будет исполнено в точности, как вы велели.

Выходит. Вслед за ним выходит и везир.

Шоле-ханум. Велик аллах! Ну и попала же я в историю! И как только удалось вывернуться! Слава тебе, господи!

Входит Ниса-ханум.

Какое удивительное происшествие, Ниса! Везир застал Зибуханум за занавесом вместе с Теймур-агой.

Ниса-ханум. Что ты говоришь? Как очутилась Зибуханум за занавесом?

Шоле-ханум. Не знаю. И когда успела эта несчастная прийти и спрятаться там? Ведь она спасла мне жизнь! Но теперь хан, без всякого сомнения, казнит Теймур-агу. Не знаю, что придумать и как его спасти.

Ниса-ханум. Не бойся, хан не осмелится казнить Теймура. Но было бы лучше, если бы всего этого не случилось. Теперь дело затянется. Мать зовет тебя. Пойдем к ней, а там пошлем Хаджи-Масуда во дворец узнать новости.

Обе уходят.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Происходит во дворце Ленкоранского хана, на берегу моря. Хан восседает в тронном зале на троне. Перед ним с дубинкой в руке стоит начальник наружной охраны Селим-бек. По обе стороны стоят в ряд ленкоранские беки. У входа начальник полиции Самед-бек, начальник слуг Азиз-ага и несколько молодых слуг. Ниже тронного зала стоят в ожидании просители, возле них помощник начальника наружной охраны Кадыр-бек. Тут же за дверью сидят фарраши.

Хан. Сегодня прекрасная погода. Как приму просителей, хочу покататься по морю, немного развлечься. Азиз-ага, прикажи матросам приготовить лодку.

Азиз-ага. Слушаюсь! (*Уходит.*)

Хан. Селим-бек, распорядись впустить просителей.

Селим-бек (*из зала*). Кадыр-бек, вводи просителей по очереди.

Кадыр-бек вводит двух просителей, которые низко кланяются.

Первый проситель. Милостивейший хан, у меня жалоба к тебе.

Хан. На что ты жалуешься?

Первый проситель. Сегодня я повел свою лошадь на водопой. Вдруг она вырвалась и убежала. Этот человек шел навстречу. Я крикнул ему: «Эй, ради аллаха, гони лошадь ко мне». Он нагнулся, поднял с земли камень, бросил в лошадь и выбил

ей правый глаз... Теперь лошадь ни на что не годна. Я требую, чтобы он возместил убыток, а он отказывается.

Хан (*ко второму просителю*). Правда это?

Второй проситель. Милостивый хан, это правда, но я ведь не нарочно так бросил камень.

Хан. Не говори вздор! Как можно поднять и бросить камень не нарочно? У тебя есть лошадь?

Второй проситель. Есть, милостивый хан!

Хан (*к первому просителю*). Ступай, выбей глаз у его лошади. Сказано в священном Коране: зуб за зуб, око за око, рана за рану⁵. При решении этого дела не может быть никаких поминовений. Самед-бек, снаряди стражника, пусть отправится с ними и помирят их.

Самед-бек, кланяясь, спускается вниз, выделяет одного из фаррашей и, отправив с ним просителей, возвращается наверх.

Селим-бек, вели впустить следующих просителей. Да поживее. Мне надо на прогулку.

Селим-бек. Кадыр-бек, введи следующих просителей!

Кадыр-бек вводит еще двух просителей.

Хан. Ах, ханская власть! Что может быть тяжелее тебя на свете? Каждый озабочен только мыслью о своей семье и детях, а мне приходится заботиться о тысячах людей, вникать в их горести. С тех пор, как принял ханство, по сей день не было случая, чтобы я прогнал просителей, не выслушав их.

Селим-бек. Молитвы стольких людей — награда за ваши заботы. Весь народ поистине считается вашей семьей. Своим благоустройством весь Ленкоранский край обязан вашему справедливому правлению.

Просители кланяются.

Первый проситель. Всемилоостивейший хан, у меня заболел брат. Мне сказали, что этот человек лекарь. Я пошел к нему, заплатил три тумана и привел к брату — надеялся, что он вылечит больного. Он пришел к больному и тотчас же пустил ему кровь. Как только прекратилось кровотечение, брат мой отдал богу душу. Теперь я говорю ему, чтобы он вернул хотя бы деньги. А он не только отказывается вернуть деньги, но еще спорит, уверяет, что если бы он не пустил кровь, могло быть еще хуже; и еще чего-то требует от меня. Помогите мне, милостивый хан!

Хан (*ко второму просителю*). Господин лекарь, как это могло быть еще хуже, если бы ты не пустил кровь?

Второй проситель. Милостивый хан! Его брат был поражен неизлечимой болезнью. Если бы я не пустил ему кровь, он, несомненно, умер бы, но через шесть месяцев. Пустив кровь,

я избавил этого человека от шестимесячных бесполезных трудов и затрат на неизлечимого больного.

Хан. Так ты полагаешь, господин лекарь, что этот человек обязан как-то отблагодарить тебя?

Второй проситель. Да, хан, именно так, если только у него есть совесть.

Хан (*обращаясь к бекам*). Клянусь аллахом, я не знаю, как их рассудить. Мне не приходилось еще сталкиваться с таким трудным делом.

Один из беков. Милостивый хан, сословие лекарей заслуживает уважения, они приносят пользу народу. Прикажи этому человеку сделать лекарю подарок, по заслугам отблагодарить его. Тем более, что я знаю этого лекаря как искусного мастера своего дела.

Хан. Если он тебе знаком, пусть будет по твоему. (*Обращаясь к первому просителю*.) Ступай и подари лекарю еще чоху, чтобы он остался доволен тобой. Самед-бек, выдели одного стражника, пусть возьмет у этого человека чоху и передаст лекарю.

Самед-бек спускается вниз. В это время, тяжело дыша, входит везир, подходит к хану и кладет перед ним свой каламдан.

Везир. Да буду я жертвой твоей, хан! Довольно мне быть твоим везиром. Я уже награжден за мою службу. Теперь передай обязанности везира тому, кого ты считаешь более достойным. Я же покину этот край и пойду скитаться по свету.

Хан (*удивленно*). Что с тобой случилось, везир? Чем ты так расстроен?

Везир. Хан, по всей стране до сих пор только и говорят в народе о твоей справедливости. Страшась твоего гнева, ни один человек не осмеливается протянуть руку к собственности самого бедного из твоих подданных или посягнуть на честь его близких. А твой племянник Теймур-ага несколько тебя не боится; среди бела дня врывается в дом такого человека, как я, и пытается посягнуть на честь его жены.

Хан (*в гневе*). Что ты говоришь, везир? Как может Теймур решиться на такую дерзость?

Везир. Пусть я буду проклят, если я сказал тебе неправду! Я видел своими глазами и даже схватил его, чтобы привести к тебе, но он вырвался и ушел.

Хан. Самед-бек, сейчас же ступай и позови Теймура сюда. Но не говори, зачем я его зову.

Самед-бек кланяется и уходит.

Везир, успокойся. Сейчас я учиню ему такой суд, который послужит назиданием для всех.

Везир. Да буду я жертвой твоей! В интересах справедливости падишахи никогда и прежде не щадили даже своих сыновей

и близких. Великие халифы жестоко наказывали своих сыновей за посягательства на супружескую часть подданных. За подобное преступление султан Махмуд Газневи⁶ собственноручно отрубил одному из своих ближних голову. Потому-то и слава об их справедливости известна всему миру.

Хан. Ты сейчас убедишься, везир, что в этом отношении твой хан не уступает великим халифам и султану Махмуду Газневи.

Входят Самед-бек и Теймур-ага. Оба кланяются.

Разве я тебе не приказывал, чтобы ты никогда не являлся ко мне с кинжалом?

Теймур-ага. При мне нет кинжала.

Хан. Мне показалось. Хорошо. По какому делу ты был в гареме везира?

Теймур-ага опускает голову.

Ты хочешь, чтобы из-за такого недостойного племянника, как ты, я был опозорен на весь мир? Я отказываюсь от такого племянника. Подать веревку!

В ту же минуту появляются несколько фаррашей с кашемировой шалью в руках.

Набросьте шаль ему на шею! Тащите его!

Фарраши готовятся набросить шаль. На глазах у всех беков появляются слезы. (Голоса Селим-бека и всех беков: «Всемилющий хан, он молод!», «Прости его на этот раз!»)

Хан. Клянусь душой деда, не прощу его! (*Поворачивается к фаррашам*.) Накиньте шаль!

Фарраши делают нерешительное движение. (Беки, не в силах удержать слезы, начинают громко плакать, падают ниц перед ханом и умоляют: «Пощади, хан!» «Он один у матери!» «Помилуй его!» Плачут.)

Нельзя! Ни в коем случае! (*Гневно кричит фаррашам*.) Я что, не вам говорю, собачьи дети? Вяжите!

Фарраши с шалью приближаются к Теймур-аге. Тот быстро выхватывает заложенный сзади за пояс пистолет и направляет его на фаррашей. Фарраши разбегаются. Теймур-ага беспрятственно уходит.

(*Вслед ему*.) Держите! Ловите!

Все приходят в движение, но никто не бросается за ним.

(*Сердито обращается к бекам*.) Ни один из вас не достоин моих милостей. Почему вы дали уйти этому негодяю?

Все молчат.

Самед-бек!

Самед-бек выступает вперед.

Сию же минуту возьми пятьдесят солдат, отыщи Теймура, где бы он ни был, задержи и со связанными руками приведи сюда. Пока я не казню его, в крае не будет спокойствия.

Самед-бек. Слушаюсь! *(Выходит.)*

Хан *(бекам)*. Разойдитесь!

Беки выходят.

Азиз-ага!

Азиз-ага выступает вперед.

Лодка готова?

Азиз-ага. Готова.

Хан *(встает)*. Везир, отправляйся домой и будь спокоен. Не расстранвайся. Я отомщу за тебя. Возьми этот перстень и передай Нисе-ханум. Я его сегодня велел взять у ювелира специально для нее. Займись приготовлениями к свадьбе. Через неделю надо ее отпраздновать.

Везир. Ваше приказание будет исполнено.

Кланяется и выходит. Хан вместе с Азиз-агой садится в лодку и отправляется кататься по морю.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Происходит в комнате Шоле-ханум. На сцене Шоле-ханум и Ниса-ханум. Они сильно обеспокоены.

Ниса-ханум. Что же там случилось? Хаджи-Масуд не вернулся, ничего нам не сообщил. У меня на душе очень тревожно.

Шоле-ханум. Что ты беспокоишься? Ты же сама говорила, что хан не может сделать ничего дурного Теймура-аге.

Ниса-ханум. Это верно, ничего дурного сделать ему он не может, но я боюсь, что он разлучит меня с Теймура-агой, ведь это хуже смерти.

Входит Хаджи-Масуд.

Шоле-ханум. Хаджи-Масуд, расскажи скорее, что там было?

Хаджи-Масуд. Что же там могло быть?.. Везир доложил хану. Хан велел привести Теймура-агу, хотел его удавить. Тот вытащил пистолет, разогнал фаррашей и ушел. Хан послал за ним пятьдесят солдат, велел найти его, где бы он ни был, и свя-

занного привести к нему. Теперь его разыскивают по всему городу, во всех домах.

Ниса-ханум горестно вздыхает. В это время открывается дверь и входит Теймура-ага.

Шоле-ханум. Ой, батюшки, как ты решился прийти сюда? Или ты львиное сердце съел? Или ты за жизнь свою не боишься?

Теймура-ага *(с улыбкой)*. А зачем мне бояться за жизнь?

Шоле-ханум. Как зачем? Хан послал за тобой, чтобы тебя разыскали, схватили и казнили. А ты как ни в чем не бывало приходишь сюда. Хаджи-Масуд, выйди во двор, посмотри, не идет ли кто.

Хаджи-Масуд выходит.

Теймура-ага. Ты думаешь, что я, испугавшись смерти, откажусь сегодня от свидания с Нисой-ханум? Я ради нее и жизни не пожалео. Но я пришел по делу: сегодня ночью я хочу забрать Нису-ханум и увести отсюда. Теперь уже нельзя оставлять ее здесь. Твой муж стал вести себя неблагородно. Я не могу дольше оставлять свою невесту в его доме и приходите сюда.

Шоле-ханум. Очень хорошо, я одобряю твое решение. Но тебе не надо было приходить сюда днем. Разве ты не знаешь, что Зиб-ханум повсюду расставила шпионов, чтобы выследить тебя, выдать солдатам, а нас опозорить. Тебе лучше всего сейчас как-нибудь выбраться отсюда, а в полночь привести лошадей и быть с верными людьми у наших ворот. Я выведу Нису-ханум, и ты увезешь ее.

Теймура-ага. Ты согласна, Ниса-ханум?

Ниса-ханум. Конечно, согласна. Другого выхода у нас нет.

В дверях появляется Хаджи-Масуд.

Хаджи-Масуд. Спасайтесь, везир идет.

Шоле-ханум *(побледнев)*. О горе! О ужас! Ради бога, Теймура-ага, спрячься за занавес, а мы попытаемся избавиться от этого злодея.

Теймура-ага *(нисколько не испугавшись, спокойно)*. Я ни за что не спрячусь за занавес. Пусть придет и увидит меня здесь.

Шоле-ханум и Ниса-ханум *(становясь перед ним на колени и, обнимая его ноги, в сильном волнении)*. Ради аллаха, не играй своей жизнью! Заклинаем тебя могилы твоего отца, спрячься за занавес!

Теймура-ага. Ни за что!

Хаджи-Масуд *(снова просовывает голову в дверь)*. Скорей же, везир совсем близко.

Шоле-ханум и Ниса-ханум. Умоляем тебя, сжался над нами, пощади нас! Если везир и на этот раз застанет тебя здесь, мы наверняка погибнем обе.

Теймура-ага. Хорошо. Только ради вас.

Теймур-ага проходит за занавес. В ту же минуту входит везир.

Везир. Очень кстати, что обе вы здесь. Мне надо с вами поговорить. Слушайте меня. Ты знаешь, Шоле-ханум, как возвышусь я и какой почет обретешь ты, когда мы выдадим твою сестру за хана? Поэтому ты обязана заботиться о своем добром имени, чтобы люди не смогли сказать: хан женится на сестре женщины, которая постоянно водится с посторонними мужчинами.

Шоле-ханум (*хладнокровно*). Изволь сказать, с какими посторонними мужчинами я вожусь?

Везир. Например, с Теймур-агой, которого я застал в твоей комнате...

Шоле-ханум. За одним занавесом с твоей женой Зибой-ханум.

Везир. Это верно, я не могу подозревать тебя в чем-либо дурном. Может быть, тут виновата Зиба-ханум. Но я только хочу предостеречь тебя; ты не должна вести себя так, чтобы о тебе могли сказать хану что-нибудь дурное и чтобы хан мог остыть к Нисе-ханум, от которой сейчас без ума. Хан приказал мне в течение недели закончить все приготовления к свадьбе. Вот он прислал ей в подарок перстень. Возьми, Ниса-ханум, надень на палец. (*Кладет перстень на ладонь Нисы-ханум.*)

Ниса-ханум. Девушка, чью сестру подозревают в дурном поведении, не достойна хана. Возьми перстень, найди достойную девушку и надень на ее палец. (*Кладет перстень перед везиром и выходит.*)

Везир (*вслед ей*). Дочь моя, разве я подозреваю твою сестру в чем-нибудь? Я только хотел дать ей совет.

Шоле-ханум. Нельзя ли дать эти советы твоей жене Зибеханум?

Везир. Конечно. Завтра я ее хорошенько поучу.

Шоле-ханум. Зачем же откладывать на завтра? Разве ты не можешь пойти к ней сейчас же?

Везир. Сейчас в этом нет надобности, потому что если Теймур-ага и был действительно ее любовником, так он уже получил по заслугам. Он будет пойман и казнен, или же будет изгнан и осужден на вечные скитания. После этого можно уже и не говорить об этом. Надо заняться приготовлениями к свадьбе Нисы-ханум.

Шоле-ханум. В таком случае пойди в комнату матери и договаривайся об этом с ней. Это не мое дело.

Везир. Поди позови ее сюда, здесь и поговорим.

В это время открывается дверь и входят Пери-ханум и Ниса-ханум.

Очень кстати пришла, матушка! Изволь сесть...

Пери-ханум. Милый мой, мне некогда рассиживаться. Ты опять ускользнешь из рук. Лучше послушай меня. Ты так занят, что невозможно поймать тебя.

Везир. Да, особенно в эти дни совсем не было минуты свободной. Говори, матушка, какое у тебя дело?

Пери-ханум. Дело небольшое, милый мой. Ходила я к гадалышке Курбану и просила его написать молитву, чтобы аллах даровал тебе наследника от моей дочери Шоле-ханум. Гадалщик написал молитву и велел раздать бедным «семени», для чего надо взять столько пшеницы, чтобы ее вес трижды превышал вес твоей головы. Теперь мне надо определить вес твоей головы, а то время варки «семени» на исходе.

Везир. Странное предложение у тебя, матушка! Как ты можешь определить вес моей головы, если она соединена с моим туловищем?

Пери-ханум. Милый, это очень легко сделать. Гадалщик научил меня. Мы наденем тебе на голову глубокую посуду и если твоя голова целиком в ней поместится, то вес пшеницы, наполнившей эту посуду, и будет равен весу твоей головы. Ниса-ханум, принеси-ка мне котелок из кухни.

Ниса-ханум выходит и приносит заранее приготовленный Хаджи-Масудом небольшой котел. Пери-ханум быстро и решительно снимает шапку с везира.

Везир. Хотя и не совсем подходящее предложение, но я согласен. Как тебе сказали, так и делай. Лишь бы аллах исполнил желание Шоле-ханум.

Пери-ханум. Конечно, дорогой. Ниса-ханум, надевай котел ему на голову.

Ниса-ханум надевает котел на голову везира, но котел застревает на бровях и не лезет дальше. Ниса-ханум силится нахлобучить его глубже.

Везир. Ай, что ты делаешь! Ты сломаешь мне нос! Потихе (*обеими руками снимает котел с головы*).

Пери-ханум (*не теряясь*). Принеси котел побольше.

Ниса-ханум выбегает и быстро приносит другой котел.

Везир. Ради аллаха, матушка, нельзя ли заняться этим как-нибудь в другой раз? Сейчас у меня к тебе важный разговор.

Пери-ханум. Нельзя, мой милый, потом будет поздно. Не беспокойся. Это — минутное дело. Мы ведь ради тебя и стараемся. (*Плаксиво*.) Мне осталось недолго жить, так неужели ты допустишь, чтобы я умерла, не увидев внука на руках Шоле-ханум? (*С глазами, полными слез, обращается к Нисе-ханум.*) Надевай котел, дочка. С самого начала надо было принести этот котел.

Ниса-ханум надевает котел, который доходит везиру до плеч. Пери-ханум указывает Шоле-ханум на занавес. Шоле-ханум бесшумно поднимает занавес, выпускает Теймур-агу и провожает его до двери. Когда Теймур-ага скрывается за дверью, Ниса-ханум снимает котел.

Везир. Ну, теперь садись, матушка! Я хочу поговорить с тобой о важном деле.

Пери-ханум. Изволь, сын мой!

Хочет сесть, но в это время во дворе поднимается сильный шум. Через минуту в комнату врывается Теймур-ага с пистолетом в руке. Везир при виде его дрожит.

Теймур-ага. Пусть не пойдут тебе впрок благодеяния моего отца. Ни за что ни про что ты хочешь предать меня смерти. Но раньше чем умереть, я убью тебя. *(Поднимает пистолет и целится в везира.)*

Шоле-ханум *(бросается к его ногам)*. Умоляю, Теймур-ага, оудмайся, останись!

Теймур-ага опускает руку. В это время входят в комнату и останавливаются в дверях Самед-бек с несколькими солдатами.

Теймур-ага. Что тебе надо, Самед-бек?

Самед-бек. Сударь, мы слуги твоего отца и твои. Как мы дерзнули бы быть непочтительными к тебе? Но сам ты знаешь, что по приказанию хана мы обязаны доставить тебя к нему.

Теймур-ага. Вы меня к нему живым не доставите. Разве что отнесете ему мою голову, но она вам достанется нелегко. Пожалуйста! Если хватит у вас духу, сделайте шаг вперед!

Самед-бек. Сударь, предположи, что своим оружием ты убьешь одного человека, но со мной пятьдесят солдат. Ты же не перебеешь их всех. К чему сопротивляться? Поверь, хан обещал ничего с тобой не сделать.

Теймур-ага. Я не верю его обещаниям. Какое обещание он исполнил, чтобы заслужить доверие? Я уже сказал свое слово.

В это время во дворе снова поднимается шум. Входят начальник охраны Селим-бек и Риза, молочный брат Теймур-аги.

Селим-бек. Отойти-ка, Самед-бек. Теймур-ага, прими наши соболезнования. Твой дядя, хан, катался на лодке в море. Внезапно поднялся ветер, опрокинул лодку, и хан утонул. Народ собрался перед ханским дворцом, он хочет видеть тебя своим ханом. Милости просим во дворец.

Теймур-ага. Это правда, Риза?

Риза. Да, дорогой, правда. Пожалуй во дворец. *(Падают ниц перед Теймур-агой.)*

Везир и Самед-бек *(падают ниц перед Теймур-агой)*. Помилуй нас, государь!

Теймур-ага. Самед-бек, встань и отойди в сторону.

Самед-бек отходит.

(Везиру.) Теперь пусть будет тебе известно, зачем я приходил в твой дом. Я люблю твою свояченицу Нису-ханум и, пусть на то будет воля аллаха, решил на ней жениться. Но ты ради собст-

венной выгоды замыслил выдать ее за хана, поэтому невозможно было сообщить тебе о нашем решении. Это обстоятельство подало тебе повод относиться ко мне с подозрением, и ты стал добиваться моей гибели. Но всевышний всегда покровительствует правде, и твой замысел обернулся против тебя же. Теперь я милую тебя и готов забыть все твои проступки. Вследствие твоих личных качеств и характера я не могу более оставлять тебя на посту везира, однако ты до конца своих дней будешь получать содержание и жить в полном покое. Займись приготовлениями к свадьбе Нисы-ханум, чтобы свадьба состоялась через неделю. До свидания, матушка Пери-ханум и сестрица Шоле-ханум!

Пери-ханум и Шоле-ханум. Да продлит аллах твои дни и укрепит твою власть! Сто лет быть тебе ханом!

Теймур-ага выходит в сопровождении беков. Везир стоит, застыв на месте от удивления.

Солдаты *(кричат)*. Да здравствует Теймур-хан!

Занавес

КОНЕЦ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ СКРЯГИ (ХАДЖИ-КАРА)

*Представление об удивительном происшествии,
которое излагается и завершается
в пяти действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гейдар-бек.
Аскер-бек.
Сафар-бек.
Сонаханум — невеста Гейдар-бека.
Тейбаханум — мать Соныханум.
Хаджи-Кара — купец.
Тюкез — его жена.
Бадал — его сын.
Керемали — его слуга.
Худаверди — муэдзин.
Охан — старшина караульных.
Саркис
Кахраман } караульные.
Карпет
Мкиртыч }
Аракел } крестьяне из Туга.
Участковый заседатель.
Уездный начальник.
Халил — старшина при заседателе.
Служащие при уездном начальнике и участковом заседателе.
Есаул.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Происходит в лунную ночь неподалеку от кочевья Гейдар-бека, под большим дубом. Сафар-бек, одетый по-дорожному и вооруженный, сидит на камне. Перед ним стоит Гейдар-бек, тоже вооруженный и одетый по-дорожному.

Гейдар-бек (*грустно*). Боже мой, что за пора настала, что

за времена? Ни верховая езда, ни меткость в стрельбе уже не в почете. С утра до вечера и с вечера до утра приходится сидеть в кибитке, словно арестант. Откуда же быть богатству? И как добыть деньги? Ах, минувшие дни, бывшие времена! Каждую неделю, каждый месяц можно было ограбить караван, рассеять целую армию. А нынче ни тебе каравана, ни тебе армии. Нет войны ни с Ираном, ни с Турцией¹. И если захочешь повоевать, то только с лезгинами², — а что с них взять? Если после ста тысяч усилий вытащишь одного из трещины в горах, кроме кожного мешочка и овчины, ничего не добудешь. Куда девались войны с кызылбашами и османами³, когда весь Карабах был наводнен золотом и серебром! Во многих домах и по сей день не иссякло богатство, доставшееся после разгрома Асландузского лагеря⁴. Еще вчера сыновья Амираслан-бека продавали на агджабединском базаре серебряную утварь, захваченную их отцом в турецкой войне. Случись теперь такая война, я пошел бы впереди всех, во главе отряда. Такую проявил бы отвагу, что и самому Рустему было далеко до меня. Вот в чем мое призвание! А тут начальник вызывает меня и говорит: «Гейдар-бек, сиди смирно, не занимайся разбоем и грабежом, брось воровство». Я ему ответил: «Господин начальник, мы сами не охотники до таких дел, но вы бы показали таким, как мы, благородным людям, как нам заработать на жизнь». И сам был не рад, что так сказал. Ты только послушай, что он мне ответил: «Гейдар-бек, говорит, паши землю, разводи сад, займись торговлей». Как будто я какой-нибудь баназорский армянин, чтобы с утра до вечера ходить за сохой, или же ланбаранский мужик, чтобы разводить шелковичных червей, или лякский разносчик, чтобы таскаться с лотком по деревням. Я ему так и сказал: «Господин начальник, никто из джеванширских⁵ беков никогда землю не пахал, мой отец, Курбан-бек, не занимался этим, и я, его сын, Гейдар-бек, этим заниматься не буду». Начальник нахмурился, повернул коня и уехал.

Сафар-бек. Все эти разговоры ни к чему. Пусть каждый болтает, что хочет, но если не есть краденого мяса и не скакать на краденой лошади, зачем тогда жить... Ночь проходит, а Аскер-бека почему-то все нет... Ах, вот и он!

Входит Аскер-бек.

Аскер-бек. Я готов, Гейдар-бек. Если хотите ехать, то давайте трогаться. Но что ты так задумчив?

Гейдар-бек. Не знаю, какой болтун донес на меня начальнику. Он объезжал участок и сегодня, проезжая мимо кочевья, позвал меня и говорит: «Гейдар-бек, брось заниматься разбоем и грабежом».

Сафар-бек. То есть, умри с голоду.

Гейдар-бек. Так оно и выходит. Как будто во всем Кара-

бахе один только Гейдар-бек и промышляет воровством и угонном скота, и если он перестанет этим заниматься, во всем крае наступит полное спокойствие. Стало трудно даже угнать скотину. Теперь не знаю, что делать. Если я увезу девушку, боюсь, что родители ее пожалуются, и мне снова придется бежать и скрываться от властей.

Аскер-бек. Гейдар-бек, всему Карабаху известно, что родители согласны выдать эту девушку за тебя. Я не понимаю, зачем ты хочешь увести ее тайком?

Гейдар-бек. Дело в том, что у меня нет денег на свадьбу. Потому Сафар-бек советует мне увести ее и избавиться от лишних расходов. Но для меня будет хуже смерти, если начнут говорить, что сын Курбан-бека не нашел денег на свадьбу и вынужден был увести свою невесту. А Сафар-бек заявил, будто с моей стороны это просто предлог и что я трушу. Это меня и разозлило, я вызвал тебя, чтобы ты мне помог.

Сафар-бек. Мне-то все равно. Ты при мне жаловался, что два года не можешь сыграть свадьбу и привезти невесту в свой дом. Я и предложил свою помощь тебе, чтобы увести невесту. А ты делай как знаешь.

Аскер-бек. Брось эту затею, Гейдар-бек. Дай мне пятнадцать дней срока, и я достану тебе денег. Сыграй как полагаешься свадьбу и приведи свою невесту.

Гейдар-бек. Где же ты достанешь деньги?

Аскер-бек. За пятнадцать дней мы успеем съездить в Тебриз и вернуться. Мы привезем контрабанду, заработаем рубль за рубль. На эту прибыль ты и сыграешь свою свадьбу.

Гейдар-бек. Твоими бы устами да мед пить! Разве в Тебризе выкинули даровой товар, чтобы мы могли поехать, набрать да привезти сюда?

Аскер-бек. Это верно, дарового товара нигде нет, но мы купим за деньги.

Гейдар-бек. Хорошо ты рассуждаешь, а где мы возьмем эти деньги?

Аскер-бек. У меня и у самого нет! Но я думаю взять взаймы у богатого купца Хаджи-Кары из Агджабедов. Поедем, привезем товар, продадим и вернем ему его деньги, а барыш останется нам.

Гейдар-бек. Говорят, этот Хаджи-Кара большой скряга. Даст ли он денег?

Аскер-бек. Я могу и его соблазнить, сделать его участником нашего предприятия. Человек он жадный, он и деньги даст и сам поедет.

Гейдар-бек. Ну что ж, если ты уверен в успехе, я согласен. Но мне надо сначала повидаться с девушкой и сообщить ей обо всем, потому что я с ней договорился, чтобы она меня ждала сегодня ночью.

Аскер-бек и Сафар-бек. Отлично!

Гейдар-бек. Тогда вы поезжайте. Я приеду к вам, и мы все вместе отправимся к Хаджи-Каре.

Аскер-бек и Сафар-бек. С богом. Мы едем. А ты приезжай утром пораньше.

Уходят. Место действия меняется. На заднем плане — кибитка. В десяти шагах от кибитки, притаившись за кустом, сидит одетая в хорошенский дорожный костюм и накрытая шелковой чадрой Сона-ханум. Она часто оглядывается по сторонам, встает и снова садится.

Сона-ханум. Боже мой, что еще могло случиться, почему его нет? Полночь прошла, а его все не видно. Вот уже восток бледнеет, скоро рассвет. Как быть теперь? Подожду еще немного, если не приедет, делать нечего, придется вернуться в кибитку. *(Поднимается и смотрит по сторонам.)* Нет, не едет. Наверное, уже не приедет... Конечно, не приедет. Видно, опять встретился с какими-нибудь сумасшедшими повесами и те уговорили его поехать с ними на угон чужой скотины. Иначе он уже давно приехал бы. Никак не могу с ним справиться. Если и в этот раз попадется, ему опять придется бежать и скрываться. Снова дни мои будут безрадостными. Еще на два года останусь узницей в отцовском доме. Ей-богу, не буду больше ждать, не буду снова столько терпеть из-за него, выйду за другого. Он хочет, чтобы я посела в родительском доме. *(Садится. После некоторого молчания.)* Ох, какие мрачные думы одолевают меня! Бог даст, никуда он не пойдет. Он ведь поклялся мне, что до свадьбы даже барашка не украдет. Он, конечно, по какой-нибудь другой причине опаздывает. Ах, если бы он сейчас сидел за этим кустом и слышал, как я говорю, что выйду за другого! Поверил бы он или нет? Нет, не поверил бы. Он хорошо знает, что все это неправда и что я говорю это со зла. Ай, какой-то шум!..

В это время из-за куста появляется Гейдар-бек верхом на коне и спрыгивает на землю.

Гейдар-бек. Сона-ханум!

Сона-ханум. Гейдар, это ты?

Гейдар-бек. Я.

Сона-ханум. Ты один? Где же твои товарищи?

Гейдар-бек. Товарищей нет. Я приехал один.

Сона-ханум. Что ты говоришь? Почему ты один? И отец и братья спят в кибитке. Ты приехал так поздно, скоро рассвет. Они не увидят меня в кибитке, и сразу догадаются, кинутся за нами в погоню и отобьют меня. Тогда тебе меня до самого Страшного суда не видать.

Гейдар-бек. Подожди, послушай, что я скажу.

Сона-ханум *(берет коня за повод)*. И слушать не желаю. Поддержи стремя, расскажешь по дороге.

Гейдар-бек *(берет ее за руку)*. Да ты раньше выслушай меня, не спеши так.

Сона-ханум. Уже заря занимается. Сейчас не до разговоров, расскажешь потом.

Гейдар-бек. Милая, пойми, я достал деньги и хочу сыграть настоящую свадьбу по нашим обычаям. Так зачем же мне увозить тебя тайком? Никто ведь не собирается отнимать тебя.

Сона-ханум. Все это неправда! Если бы ты был способен достать деньги, достал бы их за эти два года. Я не хочу свадьбы, я выйду замуж без свадьбы. Не одна я убегаю с возлюбленным. Что ни день, сто девушек поступают так. Что в этом постыдного? Из двадцати девушек едва ли одна справляет свадьбу.

Гейдар-бек. Душа моя, девушки убегают тайком с возлюбленными, потому что их родители не дают согласия. У девушки нет выхода, она и решается на такой шаг. Но твои-то родители сами выдают тебя за меня. А они когда-нибудь скажут мне: что это ты наделал, бесстыдник! За что нас оскрамил? Что я тогда отвечу?

Сона-ханум (*подумав*). Где же ты раздобыл деньги?

Гейдар-бек. Присядь-ка на минутку и выслушай меня, я расскажу, где я их раздобыл.

Сона-ханум (*садится*). Хорошо, говори, Я слушаю.

Гейдар-бек. Ты знаешь, как дорого ценится контрабандный товар, какую прибыль он приносит?

Сона-ханум. Какое тебе дело до контрабандного товара? Ты же не купец, чтобы все прикидывать да рассчитывать. Скажи лучше, сколько денег достал?

Гейдар-бек. Дослушай до конца! Русские запретили здесь французские ситцы⁶. Все боятся, никто не решается провозить их, разве что какой-нибудь отчаянный смельчак рискнет провезти тук, другой.

Сона-ханум. Да какое мне дело до того, что русские запретили французские товары. Пускай хоть вообще запретят людям носить ситец. Ты скажи мне, у кого ты взял деньги?

Гейдар-бек. Ты никак не даешь мне договорить. Ты пойми, французские ситцы так нравятся здешним жителям, что даже на цветные шелковые ткани никто смотреть не хочет. Аскер-бек говорит, что эти ситцы и дешевы, и красивы, и не линяют. Женщины без ума от них, а русских ситцев не признают.

Сона-ханум. Но мне-то что до всех этих ситцев? Да провались они — и те и другие. Говори толком, в чем дело?

Гейдар-бек. Рассказывают, что даже жена самого начальника тайком от мужа покупает только французский ситец и шьет из него платья. Недавно Хаджи-Азиз продал ей на двадцать туанов этого ситца.

Сона-ханум. К черту, к дьяволу, что бы он там ни продал! Никак не пойму, почему твоя голова забита всеми этими ситцами? Уж не помешался ли ты, Гейдар? Что ты болтаешь?

Гейдар-бек. Но ты-то по крайней мере понимаешь теперь, как дорого ценятся здесь французские ситцы?

Сона-ханум. На что мне понимать это? Что я, собираюсь торговать ими, что ли?

Гейдар-бек. Ну ладно, слушай дальше. Если я один раз съезжу, привезу французские ситцы и отдам их купцам, то хватит на две свадьбы.

Сона-ханум. Столько времени силится сказать, а сказал вздор. Вот так молодец! Мне-то в самом деле показалось, что человек достал деньги. Как будто французские ситцы валяются на улице; надо только нагнуться и взять. Вставай, едем. Довольно, вот-вот рассветет.

Гейдар-бек. Я не лгу, я достал денег.

Сона-ханум. Если достал денег, устраивай свадьбу. Зачем же тебе тратить их на ситцы?

Гейдар-бек. Но ведь я достал их взаймы — привезу французский товар и поделю барыш пополам с хозяином денег; он же не даст мне потратить их на свадьбу.

Сона-ханум. Я не хочу играть свадьбу на эти деньги. Вставай, едем. Если французский товар приносит такой барыш, почему же хозяин денег соглашается его делить? Пусть сам поедет за товаром и получит всю прибыль.

Гейдар-бек. Этот купец без такого человека, как я, не посмеет даже переплыть Аракс. Казаки голову с него снимут.

Сона-ханум. А тебе казаки не снимут голову?

Гейдар-бек. Я ходил на грабеж и разбой и знаю сотни хитростей. Разве я покажусь казакам на глаза, чтобы они сняли с меня голову?

Сона-ханум. Ты и раньше, когда грабил и разбойничал, всегда говорил, что тебя никто не увидит, никто не узнает. А тебя и видели и узнавали. Целых два года ты был в бегах, крыши не имел над головой. Теперь тебе разрешили жить свободно, а ты хочешь снова натворить что-нибудь такое, чтобы опять сбежать и оставить меня в слезах. Вставай, едем. Не хочу я свадьбы.

Гейдар-бек. Ну, хорошо, допустим, что ты не хочешь свадьбы. Но мне-то надо найти какое-нибудь дело, чтобы зарабатывать деньги. Разве ты есть не захочешь?

Сона-ханум. Аллах милостив, голодать не будем.

Гейдар-бек. Как то есть голодать не будем? Ты говоришь, на воровство не ходи, разбоем не занимайся, контрабандой товара не провози, а хлеб же с неба не падает.

Сона-ханум. Уже светает. Вставай, едем. Отвези меня к себе домой, а через две недели, если хочешь, поезжай за контрабандным товаром.

Гейдар-бек. Уж раз ты согласна, оставайся еще две недели в доме отца. И если я после этого не сыграю свадьбы и не привезу тебя к себе, как полагается, пусть я буду самым последним человеком.

Сона-ханум. Не хочу, не хочу! Я поеду сейчас! Вставай! Едем! *(Встает.)*

Гейдар-бек. Дорогая моя, умоляю тебя, хочешь, буду целовать тебе ноги? Потерпи еще две недели! Клянусь аллахом, через две недели я сыграю свадьбу и увезу тебя. Увезти тебя без свадьбы для меня хуже смерти. Не заставляй меня краснеть перед твоими родителями.

Сона-ханум. Ждать две недели хуже, чем терпеть муки ада. Я больше не в силах ждать. Вставай, едем!

Гейдар-бек. Ради аллаха, послушай меня.

Сона-ханум *(плачет)*. Гейдар, ты, видно, остыл ко мне?!

Гейдар-бек. Сона, не обжигай мне сердца! Раз ты не можешь терпеть, садись на лошадь, поедем.

Сона-ханум собирается поставить ногу в стремя. Небо на востоке светлеет. Мать Соны-ханум Гейба-ханум выходит из кибитки.

Гейба-ханум. Сона! Сона! Эй, Сона!..

Сона-ханум. Ой, батюшки! Мама зовет! Я уже не могу ехать. *(Садится на землю.)*

Гейдар-бек. А как быть мне?

Сона-ханум. Не задерживайся, уезжай скорей! Сейчас мама придет сюда.

Гейдар-бек. А когда мне приехать?

Сона-ханум. Никогда! Уезжай! Ты больше меня не увидишь.

Гейдар-бек. Не говори так, Сона, иначе я всажу этот кинжал себе в сердце.

Сона-ханум. Нет, нет, ради аллаха! Поезжай за контрабандой, а потом приезжай и сыграй свадьбу. Иди же скорей, чтобы мать тебя не увидела.

Гейдар-бек *(обнимает ее и целует)*. Сейчас уеду, милая! Не горюй! Помни, что ты сама мне разрешила.

Гейба-ханум. Эй, Сона, где ты?

Гейдар-бек быстро вскакивает на лошадь и уезжает.

Сона-ханум. Я здесь, мама. Сейчас иду.

Гейба-ханум *(подходит)*. Давно ты тут? И что ты делаешь здесь, в поле?

Сона-ханум. Днем я сидела на коврик. А ночью вдруг вспомнила, что коврик остался здесь. Я встала и пошла за ковриком, чтобы утром он не попался на глаза пастухам — не ровен час, утащат. Я уже шла домой, а тут башмак соскочил с ноги. Ищу в темноте и никак не могу найти. *(Наклоняется и начинает искать.)*

Гейба-ханум. Не могла ты разве ступить осторожно? Где он упал?

Сона-ханум. Вот здесь он и соскочил! *(Шарит по земле.)*

Гейба-ханум *(тоже нагибается)*. Если он соскочил здесь, то где же он?

Сона-ханум. Да вот он, нашла! *(Показывает башмак.)*

Гейба-ханум. Ну надевай, и идем!

Сона-ханум надевает башмак и уходит с матерью.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Происходит в селении Агджабеды. В углу базара стоит лавка; на полках кучи синего миткала, бязи, кумача, простых ситцев. Хаджи-Кара сидит с аршином в руках.

Хаджи-Кара *(расстроено)*. Пусть аллах разорит такой базар и уничтожит такую торговлю! Как свинец, была тяжела рука у этого собачьего сына, что продал мне бязь и бурмет. Три месяца назад я купил их в Шуше, а не продал и пяти кусков. Никто и смотреть на этот товар не хочет, даже близко не подходит, как будто он зачумлен. При такой торговле я и за год его не сбуду. Развалился мой дом. Что за несчастье постигло меня! Отдать пятьсот рублей наличными, отказаться от барыша и не суметь вернуть даже свой капитал! Где это видано! Пусть рухнет дом злодея, что всучил мне эти ситцы! Чтоб никогда не видел добра тот, кто подсунул мне бурмет и миткаль, чтоб не быть ему живым и здоровым, не воспользоваться барышом от проданного товара! Уф, уф! *(Бьет себя по колену.)* Злодей, сын злодея! Тысячу раз клялся Кораном и пророком, уверял меня, что этот товар самый ходкий и что я его в три дня распродам на агджабединском базаре. И вот три дня превратились в три месяца. Да не то что за три месяца, за три года этот товар не распродать. Здорово же он надул меня! У меня уже теперь сто рублей убытка! Горе сведет меня в могилу.

Подходит муэдзин Худаверди.

Худаверди. Салам-алейкум, Хаджи! Как звали вашего покойного родителя?

Хаджи-Кара. Алейкум-салам! Ты спрашиваешь, почему сок ситца?

Худаверди. Нет. Я спросил имя вашего покойного отца.

Хаджи-Кара. На что тебе его имя, любезный?

Худаверди. Как на что? Я прочитал из Корана главу о покойниках и хочу посвятить ее памяти вашего отца.

Хаджи-Кара. Очень благодарен, любезный! Но с чего пришла в твою благородную голову мысль об этом добром деле?

Худаверди. Как с чего? Разве вы сами, проходя сегодня утром мимо нашего дома, не наказали сыну вашего покорного

слуги передать мне, чтобы я сегодня прочитал главу о покойниках в память вашего благословенного родителя, а затем зашел к вам получить за это двадцать копеек?

Хаджи-Кара. Это я наказал? Что ты болтаешь? С ума, что ли, сошел?

Худаверди. Хаджи, пока у меня нет причины сходить с ума. Ты приказал сыну, он передал мне, а я прочитал главу. Вот если теперь ты мне не дашь двадцати копеек, тогда, быть может, я и сойду с ума.

Хаджи-Кара. Послушай, зачем тебе понадобилось самолично читать главу из Корана в память моего родителя?

Худаверди. Я читал ее не самолично. Ты сказал, я и прочитал.

Хаджи-Кара. Я никогда не сказал бы такого, это немислимая вещь. Коран в память моего отца я всегда читаю сам. За всю мою жизнь я еще никогда не наказывал за деньги читать Коран в память моего покойного отца.

Худаверди. Хаджи, разве двадцать копеек деньги, что ты столько споришь? Если ты даже и не заказал ничего, пожертвуй мне двадцать копеек, и я уйду. Хотя, судя по тому, что говорил мне сын, заказывал именно ты.

Хаджи-Кара. Твой сын ошибся, любезный. Должно быть, это кто-нибудь другой. Ступай, отыщи его и получи с него свои двадцать копеек. Торговля идет так плохо, что я и пятака не выручаю, где мне взять двадцать копеек, чтобы отдать тебе? Ради аллаха, не загораживай прилавка, покупатели подходят.

Худаверди уходит. Появляются Аскер-бек, Сафар-бек и Гейдар-бек.

Аскер-бек. Салам-aleyкум, Хаджи!

Хаджи-Кара (*подняв голову*). Ах, алейкум-салам! Да примет Хаджи на себя все ваши горести! Пожалуйста в лавку, садитесь!

Беки входят в лавку, садятся.

Добро пожаловать, мои дорогие! Осчастливили меня. Будьте здесь, как у себя дома. Что изволите курить: трубку или кальян?

Аскер-бек. Кальян.

Хаджи-Кара. Сию минуточку! Да перейдут ко мне ваши болезни! (*Поспешно заправляет кальян.*)

Аскер-бек. Хаджи, как идет торговля? Хорошо ли раскупаются товары?

Хаджи-Кара. По милости аллаха, любезный, очень хорошо. Когда товар хорош, торговля не может стоять. Разве сам не знаешь, что я не держу плохого товара? Покупают нарасхват. Вчера лавка совсем опустела. Я послал в Шушу срочный заказ, и вот мой сын, ваш покорный раб, только что прислал этот товар. Я только сегодня разложил его. (*Подает кальян, раскладывает*

вагет перед беками куски бурмета, бязи, ситца.) Да перейдут к Хаджи ваши болезни, забирайте сколько вам угодно. Клянусь священным храмом Қаабы, к которому я совершил паломничество, клянусь Кораном и пророком, пусть не увижу свадьбы моего сына Бадала, если говорю неправду: во всем Агджабеда ни в одной лавке не найдете лучшего бурмета и ситца, чем эти. Это особая расцветка! От покупателей отбою нет, из рук вырывают. Если завтра вам придется пройти мимо, ни одного куска не увидите в лавке. Берите и везите на здоровье!

Аскер-бек. На что нам это, Хаджи? Не трудись напрасно, не разворачивай.

Хаджи-Кара (*расстроенный, удивленно*). Как на что? Разве вы не хотите ничего купить? Впереди праздник, неужели вам не нужна обновка?

Аскер-бек. Нет, Хаджи. Мы пришли не за обновкой. У нас другое дело к тебе.

Хаджи-Кара. Если у вас нет наличных, я могу продать и за масло, с условием, чтобы оно было чисто коровьим.

Гейдар-бек. Да что ты! Будь у нас масло, сами бы ели. Ни коровьего масла у нас нет, ни овечьего. Послушай, что скажет Аскер-бек.

Хаджи-Кара (*нахмурившись*). Ради всевышнего, потрудитесь уйти. Потом как-нибудь зайдите, поговорим. Сейчас самое горячее время для торговли, а вы загораживаете вход в лавку.

Аскер-бек. У нас очень важное дело, Хаджи. Торговать будешь потом. Мы рассчитываем на тебя.

Хаджи-Кара. Клянусь создателем, сейчас мне некогда, как-нибудь потом поговорим. Пока что, пожалуйста, потрудитесь уйти.

Гейдар-бек. Послушай, уж не гонишь ли ты нас? Что ты за человек!

Хаджи-Кара. Не гоню, я вас, милые мои. Я просто прошу вас. Ведь я бедный человек, а вы не захотите же, чтобы я понес убытки. За то время, что я с вами говорю, распродал бы пятьдесят кусков ситца и бурмета.

Гейдар-бек. К хорошему же человеку привел нас Аскер-бек. Вставайте, идем. От него не будет проку.

Аскер-бек. Пожалуйста, Гейдар-бек, помолчи. Не обижайся, Хаджи. Дай-ка нам еще покурить кальян. Сейчас уйдем.

Хаджи-Кара. Пусть умрет мой сын, если в кисете еще остался табак, весь вышел. Последнюю шепотку я вытряс из кисета, чтобы заправить вам кальян. Прощайте!

Аскер-бек. Правду говорят, Хаджи, что когда аллаху не угодно одарить своего раба, то ни один человек его не одарит. Я-то знаю, что за три месяца ты не продал в Агджабедах и трех кусков ситца или бурмета и терпишь огромные убытки. Мы хотели за пятнадцать дней дать тебе сто рублей барыша, но, к сожалению, счастье отвернулось от тебя. Прощай!

Встают и собираются уйти.

Хаджи-Кара. Пойдите, пойдите. Как ты говоришь? За пятнадцать дней сто рублей?

Аскер-бек. Что же теперь говорить, когда ты не захотел нас выслушать и открыто гонишь нас?

Хаджи-Кара. Да что ты, когда это я гнал вас? Садитесь, ради создателя! Пусть провалится в ад торговец! Садитесь, пожалуйста! Мне и в голову не пришло, что вы обидитесь, иначе потерпел я и на сто туманов убытка, не сказал бы вам: уходите. До сих пор никто не слышал от меня слова тяжелее лепестка розы.

Аскер-бек. Ну, если так, пожалуй, мы сядем и расскажем тебе, в чем дело.

Все снова садятся.

Хаджи-Кара. Да падут все ваши болезни на Хаджи, скажите скорее, откуда получится барыш в сто рублей? Кто сделает это доброе дело?

Аскер-бек. Это доброе дело сделает Гейдар-бек. *(Указывает на Гейдар-бека.)*

Хаджи-Кара *(торопливо)*. Каким образом? Ах, любезный Гейдар-бек! Заправь тебе кальян, милый?

Гейдар-бек. У тебя ведь табак вышел, чем же ты заправишь кальян?

Хаджи-Кара. Есть в кисете, ты только пожелай! *(Торопливо достает из кисета табак, заправляет кальян, почтительно подносит Гейдар-беку, потом обращается к Аскер-беку.)* Ну, теперь расскажи, как это он делает?

Аскер-бек. Хаджи, получаешь ли ты хоть на грош выгоды от кучи товаров, которыми набита твоя лавка?

Хаджи-Кара. Не важно, получаю или нет. Говори о своем деле.

Аскер-бек. Хаджи, ты знаешь, какой храбрый человек Гейдар-бек?

Хаджи-Кара. Да, говорят, он очень храбрый.

Аскер-бек. Все знают, что во всем Карабахе при одном имени Гейдар-бека даже птицы со страха роняют перья на лету.

Хаджи-Кара. В наше время, любезнейший, лучше иметь полный карман денег, чем быть храбрым?

Аскер-бек. Без храбрости не будет и денег. Так слушай, Хаджи. Ты сам видишь, как дорого ценится нынче французский товар. Аршин ситца, купленный в Тебризе за двадцать копеек, продается здесь за тридцать. Чай, купленный там по рублю за фунт, берут здесь нарасхват по полтора рубля. И знаешь почему?

Хаджи-Кара. Нет, не знаю.

Аскер-бек. А потому, что из страха перед карабахскими

армянами-есаулами, таможенными караульными и пограничными казаками даже птица и та не решается перелететь через Аракс.

Хаджи-Кара. Хорошо, так вы хотите быть увертливее птицы и перейти Аракс?

Аскер-бек. Конечно! Нам Аракс по шиколотку, Кура по колено. Раз Гейдар-бек будет с нами, ни есаулы, ни караульные ничего с нами не сделают.

Хаджи-Кара. Оставь есаулов и караульных. Не будь казак, клянусь творцом, я бы сам дважды в месяц ездил в Тебриз и благополучно возвращался. Что мне есаулы и караульные? По милости всевышнего, я один справился бы с двадцатью есаулами. Но при имени русского у меня сердце замирает от страха. Не столько пугают меня их шашки и ружья, сколько приводят в ужас следствие да судебная волокита. По правде сказать, от казакон только и жди беды.

Аскер-бек. Эх, да мы полсотни переходов через реку знаем! Обманем казакон и перейдем в таком месте, что они и духа нашего не почувют.

Хаджи-Кара. Ну хорошо, а ко мне вы зачем пришли?

Аскер-бек. У нас такое предложение. Что ты заработаешь от этойкой торговли? Здесь тебя только мухи едят. Захвати с собой побольше денег, дай и нам, и поедем в Тебриз. В торговле мы ничего не смыслим. В Тебризе ты купишь товар и нам и себе, а мы благополучно перевезем тебя с твоим товаром сюда. За пятнадцать дней на сто золотых получится пятьдесят золотых прибыли. Прибыль с денег, которые ты дашь нам займы, достанется нам, а прибыль с твоих денег — тебе.

Хаджи-Кара. Хорошо, а как с процентами за деньги, которые я дам вам займы?

Аскер-бек. Но ведь вместо этих процентов мы оказываем тебе услугу, охраняем тебя от разбойников, даем тебе прибыль. Чего же ты хочешь еще? Не стыдно ли тебе за пятнадцать дней требовать с нас еще проценты за свои деньги? Ведь без нас ты ни поехать не можешь, ни товар привезти.

Хаджи-Кара. Почему не могу поехать? Захочу, хоть сегодня поеду. И никто не посмеет даже соломинку у меня отнять. Мне уже несколько раз случалось встречаться с разбойниками и сражаться с ними.

Аскер-бек. Послушай, будь ты хоть трехголовым драконом, все равно один не сумеешь поехать и вернуться. Мы же не отрицаем, что ты храбр.

Хаджи-Кара. Сказать правду, я не привык отдавать деньги без процентов. Я приму ваше предложение, если вы согласитесь уплатить проценты.

Аскер-бек. Сколько же ты возьмешь процентов за пятнадцать дней, если каждому из нас выдашь по сто золотых?

Хаджи-Кара. Я возьму пять золотых за сотню. Сколько вы заработаете сверх, пусть будет ваше.

Аскер-бек (*обращаясь к Гейдар-беку и Сафар-беку*). Что скажете, друзья, согласны?

Гейдар-бек и Сафар-бек. Делать нечего, согласны.

Аскер-бек. В таком случае готовь деньги, Хаджи!

Хаджи-Кара. Когда едете?

Аскер-бек. Сегодня же вечером надо выехать.

Хаджи-Кара. Отлично. Насчет денег не беспокойтесь. Идите, готовьтесь. Под вечер приезжайте ко мне домой. Я тоже приготовлю коня и снаряжение, и мы отправимся.

Беки (*встают*). До свидания, Хаджи!

Уходят.

Хаджи-Кара (*вслед*). С богом. Приезжайте вечером без опозданий.

Беки. Не беспокойся.

Удаляются.

Хаджи-Кара. Чуть не сошел в могилу, сидя над этим товаром, что подsunул мне собачий сын. Его до второго пришествия не распродать. Говорят, не торгуй французским товаром. Раз ты торговец, торгуй кызылбашским и русским товаром. Что же делать, если не продается этот кызылбашский и русский товар? Да нет, если не придумать чего-нибудь, я до самой смерти не покрою своих убытков. Пойду-ка домой и приготовлюсь в дорогу, иначе от раздумий я чахотку получу. Редко попадается такое прибыльное дело. (*Убирает товар, запирает лавку и уходит.*)

Место действия меняется, и показывается дом Хаджи-Кара. Хаджи-Кара открывает ключом сундук, достает из мешочка золотые деньги. Отсчитывает триста золотых, высыпает их в разные кошель. Затем приносит ружье, пистолет, кинжал, шашку, кладет их перед собой. Появляется его жена Тюкез.

Тюкез. Что это ты делаешь? Зачем тебе оружие?

Хаджи-Кара. В дорогу собираюсь.

Тюкез. Куда же?

Хаджи-Кара. Не могу тебе сказать.

Тюкез. Как это не можешь? Не на грабеж ведь едешь, — зачем же скрывать?

Хаджи-Кара. Не на грабеж, да похоже на то.

Тюкез. Если похоже на то, никуда не поедешь. Вставай и отправляйся в лавку, продавай свой товар. (*Забирает оружие.*)

Хаджи-Кара. Да разорит аллах лавку, да провалятся все товары! Разве их кто покупает? Неужели ты не хочешь, чтобы я спас свою голову?

Тюкез. Что ты болтаешь? Ничего не случилось с твоей головой, не от чего тебе искать спасения!

Хаджи-Кара. Что же еще должно случиться? Дом мой разрушен, я разорен. У меня уже сто рублей убытку. Кусок не идет в горло.

Тюкез. Пусть так перехватит тебе горло, чтобы и вода в него не шла! Жадный ты человек! Накопил денег, что мальчик бабок, а на что они тебе? Проживи ты сто лет, ешь, пей, одевайся, и то все деньги не потратишь. А ты убиваешься из-за ста рублей!

Хаджи-Кара. Тысячу раз говорил тебе: «Женщина, занимайся женскими делами, не приставай ко мне со своими советами». Оставь оружие! (*Протягивает руки и вырывает оружие.*)

Тюкез. Значит, ты хочешь обвеситься всем этим, чтобы пугать людей? Да если ты напаялишь на себя двадцать ружей и пистолетов, то даже я, женщина, тебя не испугаюсь. Пенел тебе на голову! (*Подняв обе руки с растопыренными пальцами, делает презрительный жест в его сторону.*)

Хаджи-Кара. Будь ты проклята, жена! Да исчезнет с лица земли вся ваша порода! Прочь отсюда! Убирайся сейчас же!

Тюкез. Ты что, с ума спятил? Куда это я уберусь из своего дома? Скажи сейчас же, куда собираешься?

Хаджи-Кара. В ад, в могилу! Отстань от меня! Что тебе надо?

Тюкез. Хоть бы ты раньше сгинул в ад и в могилу! Дождусь ли я такого праздника? Да будет проклят Азраил, демон смерти, который оставляет на земле такого паршивого человека, как ты, и берет в сырую землю красивых молодцов!

Хаджи-Кара. Это ты, негодница, все живешь да живешь и душишь меня! Я в жизни никого не обидел, ни одному человеку не причинил вреда, почему же я паршивый человек?

Тюкез. Никому вреда не причинил, но никому и пользы не принес. Ты уже потому негодный человек, что сидишь на своем добре, ни на себя, ни на семью не тратишь. Помрешь, так твою жену и дети хоть наедятся досыта.

Хаджи-Кара. Пусть они наедятся зменного яда!

Тюкез. В твоём доме и змеиного яда не найти, а найдись он, ты и его пожалел бы для нас!

Снаружи кричат беки: «Хаджи! Хаджи!».

Хаджи-Кара. Жена, уходи отсюда! Люди идут.

Тюкез быстро уходит и подслушивает за дверью. Входят беки, вооруженные и одетые по дорожному.

Беки. Салам-aleyкум, Хаджи!

Хаджи-Кара. Алейкум-салам, мои дорогие! Пожалуйте, садитесь!

Аскер-бек. Готов ли ты, Хаджи?

Хаджи-Кара. Да, любезный, готов. И деньги уже вынул.

Только вот что, мои дорогие! Триста золотых я на ваших глазах отдам в Тебризе за чай и ситец, вручу вам товар, вы и привезете.

Аскер-бек. Почему так, Хаджи? Что, если ты вручишь нам деньги здесь?

Хаджи-Кара. Так лучше, милый! А тебе это безразлично.

Аскер-бек. Ну хорошо, пусть будет так. Едем!

Хаджи-Кара. Погодите! Я послал сына, покорного вашего раба, за лошадьми и слугой.

Аскер-бек. Сколько лошадей берешь, Хаджи?

Хаджи-Кара. Трех, милый! На одной поедет сын, на другой — я, а на третью навьючим товары, и слуга поведет ее в поводу. А вы сколько лошадей взяли?

Аскер-бек. Каждый взял по две, одну для себя, другую для поклажи. А это оружие твое, Хаджи?

Хаджи-Кара. Мое.

Аскер-бек. Прекрасно! Ну одевайся!

Гейдар-бек. Ей-богу, Хаджи, если встретишь кого-нибудь, кто тебя не знает, у него сердце лопнет от страха.

Сафар-бек. Право, я и не думал, что Хаджи таков.

Хаджи-Кара. Человека узнают по делам, дорогой! Вы принимаете меня за аршинника и не считаетесь со мной. Но, даст бог, увидите сами, что я не из трусливых. Я удивляюсь некоторым контрабандистам, которые отдают свои товары первым встречным и возвращаются с пустыми руками.

Сафар-бек. Ты не знаешь, Хаджи, к каким только уловкам ни прибегают пограничники. Они даже не надевают форму есаулов или караульных. Другой раз смотришь, едут люди на лошадях с вьючными седлами, или на ослах, или просто идут пешком без всякого оружия. Как тут догадаешься? Думаешь, что это самые мирные прохожие. Но когда они оказываются совсем близко, сам не можешь понять, откуда появилось у них оружие. Не успеешь опомниться, а они уже отнимают у тебя все добро, обирают до нитки.

Хаджи-Кара. Все это бывает с трусливыми и неосторожными. Нельзя никого подпускать близко, в каком бы виде они не появлялись. Пусть только встретятся мне, увидят тогда, что я следаю с ними. Я им такое покажу, что зарекутся еще когда-нибудь останавливать на дороге контрабандистов.

Сафар-бек. Да, ты прав, человек не должен быть трусом. Нужно всегда быть начеку.

В это время входят Керемали — слуга, и Бадал — сын Хаджи-Кары.

Керемали. Лошади готовы, хозяин. Куда ты собираешься ехать?

Хаджи-Кара. В Тебриз.

Керемали. В Тебриз? Ты и меня хочешь взять?

Хаджи-Кара. Да.

Керемали. А зачем ты туда едешь, хозяин?

Хаджи-Кара. Это тебя не касается.

Керемали. Как это не касается? Сам же говоришь, что и меня хочешь взять с собой. Так разве не надо мне знать, для чего я понадобился?

Хаджи-Кара. Еду за товаром. Закуплю товар, навьючу на лошадь, и ты поведешь ее в поводу.

Керемали. Когда же ты успел получить паспорт для поездки в Тебриз?

Аскер-бек. Паспорт не нужен.

Керемали. Если так, я не поеду. Однажды я поехал отсюда в Сальян без билета, и по приказанию заседателя меня так били, что и теперь забыть не могу.

Аскер-бек. Не бойся, заседатель никогда не узнает, куда мы поехали.

Керемали. К тому же скоро кончается срок моей службы, я хочу уйти отсюда и поступить к другому хозяину. Хаджи мне очень мало платит и держит впроголодь. Я не поеду.

Аскер-бек. Поезжай на этот раз. В дороге мы будем кормить тебя вдоволь, и каждый из нас подарит тебе еще по куску ситца.

Керемали. А Хаджи тоже подарит?

Хаджи-Кара. Если ты доставишь тюки в целости и сохранности, я постараюсь как можно дороже продать в твою пользу ситец, который тебе подарят беки.

Керемали. Ну ладно, так и быть.

Хаджи-Кара (бекам). Пожалуйте! Едем!

Все выходят. Затем появляется Тюкез.

Тюкез (одна). Да разрушит аллах ваши дома! Соблазнили муженька и взяли с собой за контрабандой. Если с ним случится какое-нибудь несчастье, детишки мои останутся сиротами! О горе!.. (Ударяет себя по коленям и уходит.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Происходит на берегу Аракса, на иранской стороне. Беки и Хаджи-Кара, закупив в Тебризе товар, возвращаются домой. Спешившись, они собрались у берега реки. Аракс шумно катит свои волны. Туманная ночь. Изредка сверкают молнии.

Гейдар-бек. Здесь сейчас нельзя переправляться. Надо спуститься версты на четыре ниже, поднять шум и вызвать тревогу, чтобы казаки поспешили туда. А потом быстро возвратиться сюда и перейти реку.

Аскер-бек. В такую туманную ночь, в такое несчастье все

казаки спрятались. На берегу Аракса сейчас и джинов не найдешь. Раз уж мы подъехали, давайте переправимся.

Гейдар-бек. Никак нельзя. Я не раз переправлялся здесь через Аракс, когда ходил на грабежи. У казаков на берегу Аракса всегда кто-нибудь есть в секрете.

Хаджи-Кара. Гейдар-бек прав. Надо соблюдать осторожность. Сделаем, как он говорит.

Сафар-бек. Верно говорит Хаджи. Спустимся ниже и поднимем тревогу, а ты, Хаджи, оставайся здесь с вьюками.

Беки удаляются. Вскоре издали слышится шум. Вооруженные казаки по три, по пять человек спешат вниз по течению реки.

Один из казаков. Ах, проклятые! Верно, разбойники угнали лошадей и теперь хотят переправить через реку.

Второй казак. А мне думается, что это контрабандисты.

Третий казак. Кто бы там ни был, мы разделаемся с ними.

Казаки исчезают. Через некоторое время шум прекращается. Беки подходят к Хаджи-Каре.

Гейдар-бек. Ну, теперь переправляйтесь скорее. Медлить нельзя.

Все бросаются в реку. В середине реки лошадь Хаджи-Кары спотыкается. Хаджи-Кара падает в воду, и его уносит течением. Он хватается обеими руками за выступающую над водой ветку ракиты и повисает в воздухе.

Хаджи-Кара (*кричит*). Ай, беда! Гейдар-бек! Аскер-бек! Сафар-бек! Спасите, я тону!

Гейдар-бек. Где ты, Хаджи?

Хаджи-Кара. Здесь я! Уцепился за ракиту и повис.

Гейдар-бек. Ах, несчастный! Ты в таком глубоком месте, что никак тебя не вытащишь.

Бадал. Ради аллаха, вытащите отца!

Керемали. Пусть тонет, парень, все его богатство достанется вам, будете есть, пить, жить в свое удовольствие. Что тебе беспокоиться о нем?

Аскер-бек. Не болтай глупостей. Скорей достань веревку из сумки и подай сюда.

Керемали достает веревку.

Гейдар-бек. Аскер-бек, скорей дай сюда веревку!

Аскер-бек передает ему веревку.

Хаджи, бросаю тебе веревку, лови ее.

Хаджи-Кара. Да погибну я ради тебя! Как могу я поймать веревку? Течение сильное, если я отпущу ветку, вода унесет меня. Сделай петлю и накинь на меня.

Гейдар-бек делает петлю, набрасывает на Хаджи-Кару и начинает тянуть. Петля падает на шею Хаджи-Каре. Хаджи-Кара обеими руками хватается за веревку и кое-как вылезает на берег. С него стекает вода.

Хаджи-Кара. Пусть развалится дом того, кто довел меня до этого состояния! Пусть погибнет тот, кто увел меня из моей лавки!

Гейдар-бек. Ничего, Хаджи, в походе может всякое случиться. Не стоит расстраиваться. Сейчас не до ссор. Того и гляди казаки нагрянут. Надо поскорее уйти от берега и спрятаться в камышах. В полночь, когда все уснут, пустимся в дорогу.

Все быстро удаляются. Немного погодя с другой стороны появляются десять вооруженных есаулов.

Ожан (*старшина есаулов*). Мой храбрый Саркис, мой храбрый Карапет, мой храбрый Кахраман! Стойте рядом со мной. Приготовьте ружья. Как скамандую, тотчас стреляйте. Я называю вас всех заседателю и просил отрядить со мной. Когда вы при мне, я справлюсь с сотней контрабандистов. А остальные стойте за нами, не бойтесь! Бог даст, увидев нас, они убегут и вьюки побросают! А если не убегут и вздумают хоть рукой шевельнуть, клянусь богом, всех изрублю, как репейник!

Саркис. Скажи, старшина, с какой стороны они должны появиться?

Ожан. Вот оттуда. Разведчик донес, что другой дороги у них нет. Саркис, будь начеку! Если бог даст удачу, за отбитые вьюки каждый получит больше пяти-десяти рублей наградных.

Саркис. Старшина, неужели ты отнимешь все вьюки?

Ожан. Еще бы, даже сумки отниму.

Саркис. А не жалко тебе их, старшина? Как-никак они наши земляки — карабахцы. Если мы им не поможем, кто же им поможет? Надо хоть что-нибудь им оставить, иначе бог нас накажет.

Ожан. Что ты болтаешь, парень? Нам ли им помогать? Если ты будешь бояться божьего наказания и помогать таким, как эти, только потому что они карабахцы, никогда не выслужишься.

Саркис. Дай-ка старшина, я пройду немного вперед, посмотрю, не идут ли.

Ожан. Хорошо, только осторожней, не спугни их, а то повернут назад.

Саркис. Я им не покажусь на глаза. (*Уходит.*)

Ожан. Ребята, не зевать! (*Расставляет людей.*)

Саркис (*возвращается*). Старшина, честное слово, это контрабандисты. Впереди идет высокий мужчина, хорошо одетый, вооружен с ног до головы, да такой страшный! Глаза налиты кровью!

Ожан. Ты правду говоришь?

Саркис. Бог свидетель, что правду!

О х а н. Скажи: клянусь твоей жизнью.

С а р к и с. Клянусь твоей жизнью и головой.

О х а н. И на нем ружье, пистолет? Ты видел?

С а р к и с. Клянусь богом, видел.

О х а н. Сколькo их?

С а р к и с. Я заметил только троих. Но с тем мужчиной никто не сравнится.

О х а н. Не надо бояться. Пусть идут. Только, Саркис, мы слишком выдвинулись вперед. Здесь они прямо наскочат на нас. Лучше немного отойти назад и приготовиться к встрече.

Отводит людей назад. В это время помазываются беки, за ними Хаджи-Кара с вьюками. Гейдар-бек с ружьем в руках выступает вперед.

Гейдар-бек. Эй, что вы за люди? Почему стали на дороге? Убирайтесь прочь!

О х а н. Зачем это нам убираться прочь? И кто ты такой, что говоришь так смело?

Гейдар-бек. Ах, подлец! Ты что, следовательно или дорожный надзиратель, что стоишь на нашей дороге? Какое тебе дело до нас? Прочь с дороги, говорю тебе! Или хочешь, чтобы я напустил тебе в брюхо порохового дыма? (Поднимает ружье.) Аскер-бек, Сафар-бек, чего стоите? Почему не убиваете наглецов? Бейте их, пусть валяются на дороге!

О х а н (с товарищами в испуге шаркают в сторону). Да что ты, парень, с ума что ли сошел? Привык, видно, проливать невинную кровь. Но имей в виду, мы не из тех, кого можно перебить.

Гейдар-бек. Ах ты бездельник! Что это вы за герои, чтобы вас нельзя было перебить?! На, получай! (Направляет на них ружье.)

О х а н. Послушай, не сходи с ума! Мы же уходим. Иди себе своей дорогой. Не проливай ты, ради аллаха, невинную кровь! Мы же вас не трогаем!

Гейдар-бек. Нет, негодяи! Хвастовство тебе даром не пройдет! Я не отпущу тебя живым!

О х а н. Дорогой, я же не из хвастовства сказал, что нас нельзя перебить. Я хотел только сказать, что нас послал заседатель. Что вы ответите заседателю, если убьете нас?

Гейдар-бек. Мы сами знаем, что ответите заседателю, и не твое дело нас допрашивать. Ты что, следовательно? Прочь с дороги, иначе искрошу вас всех, как листья.

О х а н. Уходим, уходим! Не сердись! Ребята, Саркис, Карапет, Кахран, давайте уйдем! От этих людей кровью пахнет.

С а р к и с. Старшина, а что мы скажем заседателю?

О х а н. Что мы можем сказать? Не видишь разве что это настоящие разбойники? Разве такие бывают контрабандисты? Те заметят какую-нибудь тень, бросают вьюки и удирают. А эти

нас самих хотят ограбить и убить. Разведчик, собачий сын, по глупости принял их за контрабандистов. (Отступает назад.)

С а р к и с. А что мы ответим заседателю, если он спросит, кого мы встретили?

О х а н. Скажем, что контрабандистов не встречали.

С а р к и с. Скажем, что разбойников встретили?

О х а н. Зачем так говорить? Спросят: видели верблюда? «Нет, — скажем. — Даже помета верблюжьего не видели!»

К а р а п е т. Старшина, давай лучше скажем, что встретили разбойников, но их было много и мы не могли с ними справиться.

О х а н. Ладно, подумаем. Пока надо уходить.

С а р к и с. Постой, старшина, я спрошу их, нет ли у них контрабанды? (Оборачивается.)

Гейдар-бек. Ты обернулся? Клянусь аллахом, час ваш настал! Видно, пока я вас не перебыю, вы отсюда не уберетесь. (Наступает на них.)

Саркис бежит, роняет шапку.

О х а н (с досадой). Эй, Саркис, возвращайся скорее. Ты на всех нас беду накличишь.

С а р к и с. Старшина, у меня шапка упала, дай подниму...

О х а н (нетерпеливо). Да брось ты, парень! Пусть остается!

Саркис быстро отходит, и все они удаляются.

Гейдар-бек (вслед). Клянусь могилкой отца, если вы пробольтаетесь где-нибудь о том, что видели нас, если донесете на нас, я в ваших собственных домах перебыю всех, вплоть до грудных младенцев в люльках. Запомните это.

О х а н (издали). Что ты говоришь, братец? Разве мы не земляки, разве не придется нам еще встречаться? Зачем же доносить? Ты думаешь, мы против вас шли? Это мы пошутили, будто нас заседатель послал. Хотели посмотреть, что вы скажете. Мы из Гадрута, приходили купить у шахсеванов⁸ буйволиц, но торговля у нас не ладилась, вот мы и идем домой.

Гейдар-бек. Хорошо, уходите. (Сердито топает ногами.) Проваливайте живее!

Есаулы бегут и скрываются из глаз. Хаджи-Кара выступает вперед.

Хаджи-Кара. Зачем вы отпустили армян? Почему не связали им руки и не бросили в камышах?

Гейдар-бек. К чему это, Хаджи?

Хаджи-Кара. Чтобы они не вернулись к нам с казаками.

Гейдар-бек. Зачем людям, покупавшим буйволиц, брать на себя беспокойство за казаками ходить?

Хаджи-Кара. Много ты знаешь! Какие они покупатели

буйволиц! Тоже, поверил на слово! Говорил же Сафар-бек, что у них сто разных уловов.

Гейдар-бек. Я ручаюсь, Хаджи, что на этот раз от них никакого вреда не будет.

Хаджи-Кара. Зачем же только на этот раз? Таких проходмцев надо проучить хорошенько, чтобы не мешали контрабандистам. Если отпускать живым каждого встречного, то контрабандистам житья не будет. Теперь я ни за что не оставлю этого прибыльного занятия. Жаль, что я понадеялся на тебя и не вмешался вовремя, а то бы я им такое показал, что эти нечестивцы не смели бы показываться на дорогах.

Аскер-бек. Ладно, Хаджи, встретятся в другой раз, тогда и покажешь свою храбрость, а теперь уже поздно.

Хаджи-Кара. Аллах даст, вы об этом услышите. Ну едем, не время задерживаться! Сегодня же ночью нам надо попасть на Гарга-базар. Там я оставлю Бадала с вами, а сам с Керемали проеду в Агджабеды. Завтра — пятница. Надо поспеть к базару, чтобы распродать товар.

Гейдар-бек. Хаджи, ты сумеешь теперь проехать один?

Хаджи-Кара. А дальше казаков нет?

Гейдар-бек. Казаков-то нет, но ты можешь встретиться с заседательскими есаулами и будет плохо.

Хаджи-Кара. Да я сам моллю создателя, чтобы он свел меня с заседательскими есаулами, я покажу им тогда, где раки зимуют!

Гейдар-бек. Молодец, Хаджи, bravo! Ты, оказывается, храбрый малый.

Хаджи-Кара. Пусть только попадетса мне парочка заседательских есаулов, я такое с ними сделаю, что до конца жизни не забудут. Избавлю от них народ. Пока я не проучу хорошенько нескольких есаулов, они не оставят край в покое.

Гейдар-бек. И хорошо сделаешь, Хаджи. Мы еще услышим о твоей доблести.

Уходят.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Происходит в Хонашенском ущелье. Лунная ночь. Показываются двое армян — один на осле, другой пеший.

Аракед. Как ты думаешь, Мкиртыч, соберем мы в нынешнем году с божьей помощью мешков восемь-десять зерна?

Мкиртыч. Бог даст, соберем. Три года саранча пожирала наши посева, но в этом году бог послал нам такой урожай, что мы покроем потери прошлых лет.

Аракед. Мкиртыч, я думаю: как хорошо, что у нас в коллодах оставались старые запасы, не то в неурожайные годы мы натерпелись бы нужды.

Мкиртыч. Конечно, не будь запасов нашей деревни, весь Дизакский район погиб бы от голода.

Аракед. Да благословит бог земледелие! Нет в мире лучшего ремесла.

Мкиртыч. Я слышу конский топот. Пстой-ка, посмотрим, кто едет.

Останавливаются. Впереди показывается Хаджи-Кара.

Керемали. Пропали мы, хозяин! Впереди какие-то два человека. Говорил я тебе, не расставайся с товарищами. Но жадность одолела тебя, и ты ушел от них. Вот и продал свой товар на агджабединском базаре! Отберут у нас сейчас вьюки.

Хаджи-Кара. Ты что болтаешь, дурак? Кто посмеет отнять у меня мое добро?

Керемали. Вот эти самые люди! Пройди-ка вперед и погляди сам. Конечно, это есаулы заседателя. Посмотрим, как спасешь свои вьюки.

Хаджи-Кара. С помощью аллаха я им и соломинки не дам поковырять в зубах. Держись крепче за вьюки, не свались со страху. А я пойду навстречу, узнаю, что нужно этим людям, свяжу им руки и брошу в овраг. Пока я не покажу свою силу несколькими таким негодяям, на дорогах нам не будет покоя. С помощью всевышнего я такое сейчас устрою, что никто больше не посмеет покушаться на товары контрабандистов.

Керемали. Я, как гвоздь, прибит к вьюкам. Разве что кто-нибудь стащит, а сам не свалюсь.

Хаджи-Кара. Вот и хорошо. *(Бросается вперед и с ружьем в руках останавливается перед армянином.)* Эй, кто вы такие? Сейчас же отвечайте, не то застрелю.

Мкиртыч. Зачем стрелять, дорогой? Мы же тебе ничего плохого не сделали. Идем своей дорогой.

Хаджи-Кара. Не болтай! Много тут всяких шляется по дороге. Говорите правду, кто вы такие? Что вы здесь делаете ночью?

Мкиртыч. Мы крестьяне из селения Туг. Были в поле, убрали свой хлеб. Кончили уборку и теперь идем домой.

Хаджи-Кара. Меня не обмануть подобными разговорами! Я не из таких. Я хорошо знаю, что вы за люди: прохожим житья нет от вас! Пока не искалечу вас обонх, край не будет знать покоя!

Мкиртыч *(удивленно)*. Что это он говорит, Аракед?

Аракед. Расспроси хорошенько, чего он хочет?

Мкиртыч. Братец, мы бедняки, казенные крестьяне. Живем честным трудом и в жизни никому не причинили зла, не грабим,

не бунтуем. Почему ты говоришь, что край не знает от нас покоя?

Хаджи-Кара. Бросьте ваши уловки! Будь вы мирными людьми, то не оказались бы в ночное время на этой дороге. Все ваши помыслы — вредить людям, разорять народ. Бросайте оружие, не то стрелять буду!

Мкиртыч. Какое у нас оружие, дорогой? Нечего нам бросать. У нас два серпа, больше ничего нет. Если ты задумал ограбить нас, так прямо и скажи.

Хаджи-Кара. Я не грабитель. Я отнимаю души у таких, как вы, насильников, у тех, кто зарится на чужое добро.

Аракел. Мкиртыч, что это за разбойник? Я никак не могу понять, чего ему надо.

Мкиртыч. И я ничего не понимаю. Постой-ка, еще попробую расспросить. *(Обращается к Хаджи-Каре.)* Братец, на чье добро мы позарились? Мы простые земледельцы. Слава богу, платим подати и налоги, отбываем повинности и людям помогаем, как можем. Этой зимой, когда хлеб подорожал, мы одолжили его всем соседним мусульманским кочевьям, чтобы люди не погибли с голоду. Если до этого дня хоть один из тугских крестьян присвоил чужой грош, пролей нашу кровь!

Хаджи-Кара. Давно бы следовало пролить вашу кровь, но до сих пор никто этого не сделал. Теперь судьба привела вас сюда и столкнула со мной. Кто роет яму другому, сам в нее попадет. Вы многим принесли горе, а теперь получите по заслугам. Бросайте оружие, не то, клянусь аллахом, сейчас всажу пулю в самое сердце!

Армяне напуганы.

Мкиртыч. Братец, клянусь, землей и небом, у нас нет оружия. В чем мы провинились, что ты так гневаешься на нас?

Хаджи-Кара. Ни земля, ни небо не вместят ваших преступлений. Подлецы вы и дети подлецов! Не могли найти себе какое-нибудь другое занятие?

Мкиртыч. Душа моя, есть на свете лучшее занятие, чем наше? Не будь его, люди не имели бы хлеба.

Хаджи-Кара. Ты только посмотри на него? Каков смельчак! Он еще хвалит свое занятие! Плуты вы и дети плутов! Люди мучаются, в поте лица зарабатывают себе добро, а вы хотите задаром завладеть им?

Мкиртыч. Братец, если любишь бога, не мучай нас. Дай нам уйти своей дорогой. Ты, должно быть, решил пошутить над нами?

Хаджи-Кара. Клянусь аллахом, пошевелитесь — уложу вас на месте. Значит, вы принимаете мои слова за шутку? Так, так... И хотите, чтобы я поверил таким проходимцам, как вы? А потом подойдете поближе и делаете со мной все, что хотите? Бросайте оружие, говорят вам!

Мкиртыч. Что делать, Аракел?

Аракел. Ей-богу, я и сам ничего не пойму.

Мкиртыч. Господи, вот ведь в беду попали! Дорогой, не хочешь пускать нас вперед, так позволь уйти обратно поискать какую-нибудь другую дорогу.

Хаджи-Кара. Ни за что! Не смейте трогаться с места. Вы хотите пойти и сообщить заседателю, чтобы он сам захватил меня? С помощью аллаха, заседатель услышит о вашей гибели, и это будет уроком остальным вашим товарищам.

Мкиртыч. За кого же ты принимаешь нас, дорогой, за что так мучаешь?

Хаджи-Кара. Я принимаю вас за разбойников, грабителей, злодеев, преступников, дармоедов, достойных виселицы!

Мкиртыч. А сам ты кто?

Хаджи-Кара. Меня вы сами хорошо знаете. Иначе как это вы ночью посреди ущелья меня встретили?

Мкиртыч. Клянусь богом, мы и сами очень жалеем, что пошли этой дорогой и встретились с тобой. Мы вовсе тебя не знаем, да нам и в голову не могло прийти, что мы встретимся с тобой.

Хаджи-Кара. Все эти слова и копейки не стоят. Последний раз говорю: не задерживайте меня и сейчас же бросайте оружие!

Мкиртыч. Как нам быть, Аракел?

Аракел. Клянусь богом, у нас нет оружия. Нет у нас ничего острого, кроме этих двух серпов. Хочешь, бросим их... Вот!

Бросают серпы наземь.

Хаджи-Кара. Бросайте ружья, пистолеты, шашки, не то застрелю.

Аракел. Послушай, ну что ты за человек! Клянусь богом, клянусь пророком, нет у нас ни ружья, ни пистолета.

Хаджи-Кара. Лжете!. Вы их спрятали. Бросайте, сейчас же!

Мкиртыч. Ну, если не веришь, делай с нами что хочешь. Пусть накажет тебя бог.

Хаджи-Кара. Ах, так? Ну теперь увидите, что я сделаю.

Стреляет в воздух. Осел шарахается. Аракел со страху падает с осла. Хаджи-Кара, выхватив пистолет, подбегает к ним с криком.

Ни с места!

Бедные армяне в страхе, Аракел лежит, Мкиртыч стоит.

Мкиртыч. Божий человек, зачем ты убиваешь невинных людей?

Хаджи-Кара. Не шевелись! *(К Керемали.)* Эй, Керемали, я их держу, спасайся скорей!

Керемали. Куда мне скакать, хозяин, вперед или назад?

Хаджи-Кара. Болван, сын болвана! Куда же ты поскачешь назад! К берегу Аракса, что ли? Скачи вперед, спасайся! Живо Керемали. Ты говоришь, скакать с вьюками, да?

Хаджи-Кара. Фу ты, дурак, сын дурака! Как же ты поедешь без вьюков? Конечно, с вьюками.

Керемали. Я и сам так думаю. *(Ударяет лошадь плетью и скрывается.)*

Аракел хочет подняться.

Хаджи-Кара *(кричит громко)*. Не смей шевелиться, не то застрелю!

Аракел снова ложится на землю. В это время появляется заседатель с отрядом своих людей.

Халил *(заседателю)*. Ваше благородие, здесь они. Я поймал их! Сюда идите!

Мкиртыч. Идите скорее, освободите нас от этого злодея! Аракел *(встает с земли)*. На помощь, добрые люди! Избавьте нас от этого разбойника!

Хаджи-Кара. Кто бы вы ни были, идите скорее, милые! Они не смеют шевельнуться от страха. Скорее вяжите им руки и держите, чтобы я мог уйти.

В это время заседатель со своей командой окружает их.

Заседатель. Злодей! Решили уйти из моих рук! Мне донесли о вас, я шел за вами по пятам. Халил, не отпускай их!

Халил *(подходит близко к армянам)*. Не шевелитесь, а то всех перебьем. Бросайте оружие.

Мкиртыч. Миленький, мы не грабители. Это он на нас напал!

Показывает на Хаджи-Кара. Халил поворачивается к нему.

Халил. Эй ты! Не двигайся. Бросай оружие.

Хаджи-Кара. Братец, я мирный, тихий человек, занимаюсь торговлей. Когда я проходил здесь, они остановили меня, хотели ограбить, но я решил постоять за себя, не дал себя ограбить.

Заседатель. Халил, прикажи им всем бросить оружие. Потом разберемся, кто виноват.

Мкиртыч и Аракел. Клянусь богом, господин, у нас никакого оружия нет. Если не верите, подойдите ближе и обыщите.

Халил *(Хаджи-Каре)*. Эй, братец, бросай оружие! Заседатель приказывает.

Хаджи-Кара. Милый мой, разве заседатель здесь? Сейчас, сейчас, вот бросаю. Мою душу, мое добро пусть забирает заседатель. А они врут, они спрятали оружие! *(Бросает оружие.)*

Заседатель со своими людьми подходит к нему.

Заседатель. Три ночи я гоняюсь за тобой, злодей! Халил, свяжи ему руки.

Халил-старшина связывает Хаджи-Каре руки.

Хаджи-Кара. В чем я провинился, ваша милость?

Заседатель. Не разговаривать! Назови своих товарищей, не то завтра же велю вздернуть тебя на виселицу.

Хаджи-Кара. Господин заседатель, за что ты хочешь вздернуть меня на виселицу? Я не разбойник, не грабитель. Вздергивают на виселицу разбойников и грабителей.

Заседатель. Как это ты не грабитель? Разве ты не из той шайки, что ограбила акулисских армян и отняла у них шелк?

Хаджи-Кара. Господин заседатель, я мирный человек, купец, я не умею грабить людей. Пощади меня!

Заседатель. В таком случае, что ты делаешь здесь в ночную пору, вооруженный? Мирный человек не станет шляться здесь. Ребята, крепко его держите, я выясню, кто остальные. *(Поворачивается к армянам.)* Что вы за люди?

Мкиртыч. Пусть мы погибнем ради тебя, мы тугские крестьяне, возвращались с поля домой, как вдруг этот человек задержал нас и ни за что не хотел отпустить с миром. Если бы ты не подоспел, мы были бы у него в плену.

Заседатель *(Хаджи-Каре)*. Это ты их остановил здесь?

Хаджи-Кара. Я их остановил? Если это правда, пусть аллах разрушит их дома! Господин заседатель, это они отрезали мне дорогу и хотели ограбить.

Мкиртыч. Все он лжет, господин! Это он хотел нас ограбить.

Хаджи-Кара. Господин заседатель, не верь им, они очень хитрые. Они мне сказали, будто они твои есаулы. А теперь отказываются от своих слов.

Мкиртыч. Все это ложь, господин заседатель! Не верь ему. С самого начала мы ему твердили, что мы тугские крестьяне, жнецы, и умоляли его отпустить нас. С ним был еще товарищ, только он уехал.

Заседатель. Вот, старшина, попробуй, разберись, кто из них говорит правду. Сам черт ногу сломает. Кто знает, что это за люди? Забирайте всех троих. Завтра доложим начальнику, проведем следствие и поступим так, как прикажет начальник.

Халил берет всех троих под стражу.

Хаджи-Кара *(плачет)*. Пусть рухнет дом того, кто хочет разрушить мой дом! Пусть истечет кровью тот, кто хочет пролить мою кровь! Пусть умрет непокаявшимся тот, кто поверг меня в эту беду! Зачем было мне связываться с властями? Я бе-

жал от следствия и все же попал под него. Теперь начнут расспрашивать про все — от мошек до блошек. Поди-ка отвечай на пустые вопросы и жди, когда им будет конец.

Один из армян. Ах, злодей, чтоб душа твоя не знала покоя, а лицо — улыбки! Ни за что, ни про что накликал на нас несчастье. Кто знает, когда мы избавимся теперь от следствия! Русское следствие и за пять лет не кончится. Кто теперь уберет наш хлеб, кто наше зерно обмолотит? Ах, ах!..

Халил. Эй, вы! Довольно болтать! Идите!..

Все уходят.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Происходит в кочевье. Гейдар-бек сидит в кибитке с молодой женой на другой день после свадьбы. За кибиткой играет зурна, бьют в бубен. Молодежь поет песни и пляшет.

Гейдар-бек. Благодарю тебя, боже, за твою милость. Не знаю, Сона, во сне или наяву сижу с тобой рядом. Два года я томился по тебе, скитаясь по горам и долам. Наконец-то исполнилось мое желание. Не знаю, сумею ли я отблагодарить providение за такое благодеяние?

Сона-ханум. Заклинаю тебя аллахом, Гейдар-бек, не занимайся больше этими опасными делами. Я больше не выдержу разлуки с тобой. Если, не дай бог, что-нибудь случится и тебе придется скрываться или тебя арестуют, я умру. Я и дня не проживу без тебя.

Гейдар-бек. Не беспокойся. На разбой и воровство я больше не пойду. Сам начальник меня предупредил. Но мы нашли хороший источник наживы. Ты и сама не станешь возражать, потому что это не такое уж опасное дело.

Сона-ханум. Какое же это дело, скажи?

Гейдар-бек. Не догадываешься? Разве не говорил я тебе двадцать пять дней назад, что мы занимаем у Хаджи-Кары деньги и едем за контрабандой? Тогда ты не соглашалась. Теперь ты убедилась, как это выгодно? Привезли товар, в один день распродали его на Гарга-базаре, вернули долг сыну Хаджи-Кары, а барыш оставили себе. На этот раз товарищи мои уступили мне свою долю. За десять дней я устроил свадьбу по всем правилам и привел тебя в свой дом. А если б я послушал тебя и не поехал за контрабандой, то мне пришлось бы похитить тебя, иначе ты и по сей день сидела бы в отцовском доме.

Сона-ханум. Но говорят, что такая торговля запрещена и контрабандистов наказывают?

Гейдар-бек. Конечно, неловких ловят, товары отнимают,

а их самих наказывают. Но кто осмелится хотя бы близко подойти ко мне?

Сона-ханум. А тебя в пути разве никто не останавливал?

Гейдар-бек. Как же не останавливал? Сразу десять человек вышли навстречу. Я их припугнул, они и удрали.

Сона-ханум. Ах, боже мой, Гейдар-бек! Это дело тоже кажется мне опасным. По правде сказать, я и на это не могу дать согласие. Я пошлю предупредить Хаджи-Кару, чтобы он больше не давал тебе денег и чтобы не помогал вам в этом деле. Ей-богу, как подумаю об этом, у меня сердце начинает болеть.

Гейдар-бек. Почему это у тебя болит сердце? *(Обнимает Сону-ханум и целует в щеку.)* Милая моя, чем же мне тогда заниматься? На какие средства содержать тебя?

Сона-ханум *(плачет)*. Оставь, прошу тебя, оставь это занятие. Целый год мы можем свободно прожить на приданое, что я принесла из отцовского дома. А там уж, если не найдешь какого-нибудь приличного дела, то поступай, как знаешь.

Гейдар-бек. Разреши мне еще два раза съездить, чтобы вернуть долг товарищам, а потом, если не позволишь, не буду ездить.

Сона-ханум *(с плачем)*. Ни разу не разрешу! Ни полраза не разрешу! Пусть товарищи твои подождут.

Гейдар-бек. Но у нас ведь такой уговор был. Если я не поеду, они потребуют свои деньги, не согласятся ждать.

Сона-ханум. Ничего. Я поговорю с мамой, и она уговорит отца, чтобы он им заплатил. Только ты не вмешивайся.

Гейдар-бек. Ладно. Но я не могу понять, чего ты так боишься.

Сона-ханум. Я боюсь, что тебя снова впутают в какую-нибудь историю, и я буду несчастна.

Гейдар-бек. Не бойся, этого никогда не будет.

Сона-ханум. Что делать, не могу успокоиться. Сердце трепещет, как лист. Все боюсь, что тебя опять отнимут у меня.

В это время входит жена Хаджи-Кары Тюкез.

Тюкез. Гейдар-бек, что вы сделали с моим мужем? Что с ним приключилось? Вы все вернулись, а его и его слуги нет.

Гейдар-бек. Как, неужели они до сих пор не вернулись?

Тюкез. Нет. В какое дело вы его впутали? Обманули бедного человека, увели с собой и бросили на произвол судьбы! А может, вы его убили?

Гейдар-бек. Не бойся, женщина. Наверное, задержался в какой-нибудь деревне. Вернется. Ты не беспокойся.

Тюкез. Он бы не задержался в деревне. Будь он жив, то давно бы вернулся. Я требую, чтобы вы вернули мне моего мужа. Вы его увели, вы и верните его мне.

Гейдар-бек. Что ты пристала? Муж твой не ребенок, чтобы его могли ввести обманом. Мы ему предложили, он понял свою выгоду и присоединился к нам. Всю дорогу мы охраняли его, провели через все опасные места и отпустили. И если он не вернулся, нас это не касается. Ступай, не тревожь меня.

Тюкез. Я пойду и пожалуюсь заседателю и начальнику, что вы увели моего мужа и он пропал. *(Уходит.)*

В это время поднимается шум. Появляются начальник и заседатель, стража окружает кибитку.

Заседатель. Начальник приказал не трогаться с места.

Гейдар-бек *(выступает вперед)*. Что угодно начальнику, господин заседатель, пусть приказывает. Здесь нет преступников, никому бежать от него.

Заседатель. Есть здесь преступники или нет, но начальник требует Гейдар-бека.

Гейдар-бек. Гейдар-бек — это я. Готов к вашим услугам, приказывайте!

Начальник *(выступает вперед)*. Гейдар-бек, ты не послушался моего совета и опять занялся дурными делами. Теперь тебе придется отправиться со мной в крепость⁹.

Сона-ханум вздрагивает и плачет.

Гейдар-бек. Господин начальник, ты приказывал мне не заниматься воровством и разбоем. Если я нарушил твое приказание, мое место в Сибири.

Начальник. Да, нарушил. Десять дней назад недалеко от реки Аракс вы ограбили акулисских армян и отобрали у них шелк. Все это установлено. Лучше сознайся и назови своих сообщников, чтобы облегчить наказание.

Гейдар-бек. Ты изволишь говорить, господин начальник, что это выяснено. Но я никого не грабил. Если кто-нибудь уличит меня в этом преступлении, я готов ответить своей головой.

Начальник. Хорошо. Старшина, позови сюда тех армян.

Халил приводит Охана с его командой.

Охан, не этот ли человек повстречался вам?

Гейдар-бек. Господин начальник, не верьте словам всякого мужика и не делайте меня несчастным.

Охан. Ваше благородие, я вовсе не мужик. Я уже двадцать лет служу местным властям и имею двадцать письменных благодарностей. В прошлом году я был представлен к серебряной медали. Вот, извольте посмотреть мои документы. *(Показывает бумаги.)*

Начальник. Некогда мне сейчас разбираться в твоих заслугах. Говори по существу.

Охан. Ваше благородие, у меня есть даже свидетельство о том, что я бек. Вот, извольте прочесть. *(Достаёт свидетельство из кармана и протягивает начальнику.)*

Начальник. Послушай, Расскажи о деле. А доказательства твоего благородного происхождения отложи пока в сторону.

Гейдар-бек. Господин начальник, сотня таких удостоверений гроша ломаного не стоит. Люди сомнительного происхождения часто подделывают свидетельства, чтобы доказать благородство своего рода.

Охан. Если бы эти слова ты сказал не при господине начальнике, а в другом месте, я бы ответил тебе этим ружьем. *(Хлопает по ружью, потом обращается к начальнику.)* Ваше благородие, по последнему камеральному списку я записан беком, а он хочет теперь опровергнуть, что я бек. Будь справедлив, не давай меня в обиду.

Начальник. Если ты не ответишь на мой вопрос, я прикажу сейчас дать тебе пятьдесят розог, чтобы ты забыл о своем бедстве. Я спрашиваю тебя, не этого ли человека вы повстречали?

Охан. Так точно, ваше благородие, это он со своими товарищами хотел напасть на нас. Их было двадцать человек, хорошо вооруженных всадников, а нас было всего десять. Не будь их больше, чем нас, мы, с вашего разрешения, задержали бы их. После встречи с нами, они, видно, и ограбили акулисских армян.

Гейдар-бек. Господин начальник, все, что он говорит, клевета.

Начальник. Татары всегда врут, и ты тоже. Трудно поверить тебе. Вот еще один из вас, вооруженный, остановил двух тугских армян и хотел их ограбить. А теперь бесстыдно лжет, будто армяне хотели ограбить его.

Гейдар-бек. Я не знаю, кто он такой. Я в Карабахе знаю всех хороших и плохих людей. Если я увижу его, то сумею сказать, правду он говорит или лжет. Клянусь твоей головой, что я сказал всю правду.

Начальник. Халил, приведи сюда того арестованного.

Халил выходит и приводит Хаджи-Кару.

Скажи, кто это? Что это за человек?

Гейдар-бек. Господин начальник, я его знаю. Клянусь твоей головой, что он не способен грабить людей. Армяне сказали неправду.

Начальник. Халил, приведи армян.

Халил приводит тугских крестьян.

Вот почему я не верю твоим словам, Гейдар-бек. Посуди сам, похожи ли эти армяне на грабителей? А этот человек утверждает, будто они хотели его ограбить.

Гейдар-бек. Этот человек тоже говорит неправду.

Начальник (*рассердившись*). Так как же быть? Выходит, что вы все лжете и все вы заслуживаете наказания. Я должен забрать тебя.

Гейдар-бек. Воля твоя!

Сона-ханум дрожит.

Начальник (*Хадже-Каре*). Скажи, ну зачем ты остановил этих армян?

Хаджи-Кара. Ваша милость, я мирный человек, занятый своей торговлей, и не мое дело останавливать и грабить людей на дороге. Я только покупаю — продаю, оказал царю много услуг.

Начальник. Какие же услуги оказал ты царю?

Хаджи-Кара. Ваша милость, вот уже пятнадцать лет, как я ежегодно плачу в его таможеню пятьдесят туманов.

Начальник. В самом деле, велики твои заслуги! По справедливости, ты заслужил награду.

Хаджи-Кара. Конечно, ваша милость! За эти мои заслуги мне надо дать золотую медаль, а не то чтоб...

Начальник. Действительно, немного таких заслуженных людей, как ты. Надо бы уплачиваемые вами деньги расходовать на чеканку золотых медалей и раздавать вам же... Не болтай глупостей! Признайся лучше, зачем ты остановил этих армян?

Хаджи-Кара. Ваша милость, это они меня остановили. Мкиртыч. Пусть мы будем жертвами твоими, он лжет. Он хотел нас ограбить.

В это время появляется есаул джеванширского заседателя.

Есаул (*начальнику*). Ваше благородие, наш заседатель поймал разбойников, ограбивших акулисских армян, отобрал весь шелк, а самих арестовал. Он послал меня к вашему благородию доложить об этом. Позже он сообщит вам все в письменном донесении.

Заседатель. Наверное, и те разбойники татары.

Есаул. Так точно.

Начальник. А ты думал, что это англичане или французы?

Охан. Ваше благородие, разбойники всегда выходят из татар. Из нас никогда не бывает разбойников.

Начальник. Молчи, это не от честности вашей, а от того, что не хватает смелости и ловкости.

Есаул. Ваше благородие, заседатель задержал еще контрабандиста с товаром, и прислал сюда.

Хаджи-Кара бледнеет.

Начальник. Где он? Приведи сюда.

Есаул выходит.

Гейдар-бек. Вы теперь убедились, господин начальник, что я не грабитель?

Охан. Ваше благородие, те задержанные грабители наверняка его товарищи.

Начальник. Это все выяснится.

В это время есаул приводит Керемали. Хаджи-Кара кричит «вай» и падает без сознания.

(*В изумлении.*) Что с ним? Почему он лишился чувств? Помогите ему.

Заседатель брызгает на Хаджи-Кара водой, Гейдар-бек и Халил-старшина трут ему руки, Хаджи-Кара открывает глаза.

(*К Керемали.*) Эй ты, скажи правду, и я тебя отпущу. Почему при виде тебя этот человек упал в обморок?

Керемали. Не знаю начальника.

Начальник. А с кем ты ездил за контрабандой и когда?

Керемали. Ни с кем и никогда я не ездил за контрабандой.

Начальник. Что ты болтаешь? Тебя же схватили на выюке. Как ты можешь отрицать это?

Керемали. Я ничего не знаю об этом выюке.

Начальник. А чей же то товар?

Керемали. Не знаю.

Начальник. Ладно, разве ты не сидел на лошади?

Керемали. Да.

Начальник. А кто же положил на лошадь выюк?

Керемали. Черт положил, но я ничего об этом не знаю.

Начальник. Черта мы знаем лучше тебя, голубчик. На многие проказы он способен, но контрабандой не занимается. Говори правду, не то шкуру с тебя слышу.

Гейдар-бек. Я хочу сказать вам, господин начальник...

Начальник. Говори.

Гейдар-бек. Я очень виноват перед вами, но я сознаюсь в своей вине. Этого человека я с двумя моими товарищами брал с собой за контрабандным товаром. Этот задержанный парень — его слуга. Он крайне скуп, и увидя, что его товар за-

хвачен, упал в обморок. Армян тоже он, должно быть, остановил на дороге из боязни за свой товар.

Начальник. Теперь все ясно. (*Гейдар-беку*). А кто были твои товарищи?

Гейдар-бек. Аскер-бек и Сафар-бек.

Начальник (*заседателю*). Пошли за ними.

Заседатель. Сейчас. (*Посылает одного из есаулов*.)

Начальник (*Гейдар-беку*). Как же тебе было не стыдно говорить, что Охан лжет?

Гейдар-бек. Охан на самом деле лжет, господин начальник, потому что нас было всего шесть человек. Мы взяли контрабанду, и у нас было четыре вьюка. Встретившись с ними, мы пугнули и прогнали их, а сами поехали своей дорогой. Клянусь твоей головой, что об ограблении акулисских армян мы ничего не знаем.

Есаул приводит Аскер-бека и Сафар-бека.

Начальник. Это твои товарищи, Гейдар-бек?

Гейдар-бек. Да, они.

Начальник. Гейдар-бек, хотя ты и не виновен в ограблении, но так как вы перешли границу без паспорта, провезли контрабандный товар и подняли оружие на посланных заседателем стражников, я по закону должен вас сейчас же задержать и отвезти в крепость.

Гейдар-бек. Воля твоя, господин начальник.

Сона-ханум (*подходит к начальнику и берет его за полу сюртука*). Пусть я погибну за тебя, убей меня, но не уводи его, не оставляй меня без защитника.

Начальник. Гейдар-бек, кто она?

Гейдар-бек. Господин начальник, это моя жена. Вчера я справил свадьбу и привез ее в свой дом. Она и есть главная виновница моего несчастья.

Начальник. Как так?

Гейдар-бек. Господин начальник, мы очень любим друг друга. Два года мы никак не могли пожениться. У меня не было денег, чтобы справить свадьбу. Наконец мы привезли контрабанду, продали ее, и на эти деньги я сыграл свадьбу, привел в дом жену. Лучше бы мне умереть, чем дожить до этого дня!

Сона-ханум. Ваша милость, прости его, ради нашего царя. Не бывает раба без проступка и господина без милости. Напиши об этом деле высшему начальству, там, может быть, сжалятся, видя мои слезы. А я даю обещание удерживать Гейдар-бека от всяких дурных проступков.

Гейдар-бек. Господин начальник, я готов кровью смыть свою вину, сражаясь в Дагестане против врагов царя.

Начальник (*заседателю*). Ей-богу, мне жаль разлучать их. Не знаю, можно ли отдать их на поруки, пока я доложу высшему начальству.

Заседатель. Можно.

Аскер-бек. Господин начальник, и мы готовы сражаться против врагов.

Начальник (*заседателю*). Отдай их на поруки, пока не будет получен ответ свыше.

Заседатель. Слушаюсь.

В это время входит жена Хаджи-Кары Тюкез и бросается в ноги начальнику.

Тюкез. Ваша милость, и моего мужа верните мне.

Начальник (*Хаджи-Каре*). Скажи, не будешь больше заниматься контрабандой?

Хаджи-Кара. Зарекаюсь, господин начальник! Денно и ночью я буду молиться аллаху за тебя, потому что ты отвратил меня от этого дела.

Начальник (*заседателю*). Отдай и его на поруки.

Заседатель. Слушаюсь.

Хаджи-Кара. Да буду я жертвой твоей, я умру, если не получу товара.

Начальник. Ну, это твое дело. Халил-старшина, отпусти слугу Хаджи-Кары и тугских крестьян. (*К бекам*.) Недостойно нашего благородного происхождения позорить себя дурными поступками и чувствовать себя виновными и униженными перед властями. Контрабанда, как и воровство, запрещена правительством. Кто нарушает волю царя — тот нарушает божью волю. Кто нарушит волю бога, получит наказание на том свете, кто нарушит волю царя — на этом. Тех, кто исполняет веление бога, ожидает рай, тех, кто исполняет приказание царя — милость и награда. Начальство милостиво, возможно, оно простит вас. Но впредь вам надлежит проявлять по отношению к правительству полную искренность и благонадежность и выкинуть из головы всякие дурные мысли и намерения.

Беки. Душой и сердцем принимаем твое наставление, господин начальник!

Начальник (*берет Сону-ханум за руку*). Ради твоей красоты и из сочувствия к твоим слезам я не стану разлучать тебя с Гейдар-беком. Присматривай хорошенько за ним, чтобы он снова не совершил какого-нибудь дурного поступка, пока будет получен ответ свыше.

Сона-ханум. Будь покоен, господин начальник. Я скорее лишу себя жизни, чем позволю ему совершить дурной поступок.

Начальник. Очень хорошо. Твое поручительство вернее всякого другого. Прощай! (*Хочет уйти*.)

Хаджи-Кара. Ваша милость, господин начальник! Заседательские есаулы при аресте вытащили у меня из кармана пол-аббаса. Прикажи возвратить!

Начальник (*заседателю*). Вели сейчас же вернуть ему его деньги. Есаулов надо отучить от подобных поступков.

Хаджи-Кара. Да умножит всевышний богатства твоей жизни, господин начальник. Пока есть душа в моем теле, я никогда не забуду твоей милости.

Начальник удаляется, за ним и люди.

Занавес

КОНЕЦ

Иллюстрация к комедии «Приключения скряги»
(«Хаджи Гара»)

Иллюстрация к комедии «Адвокаты города Тегриза»

АДВОКАТЫ ГОРОДА ТЕБРИЗА

*Представление об удивительном происшествии,
которое излагается и завершается
в трех действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Секина-ханум — сестра покойного Хаджи-Гафура, девушка 18 лет.
Гюльсеба — ее служанка.
Азиз-бек — ее возлюбленный и жених.
Зейнаб — вдова Хаджи-Гафура, состоявшая с ним во временном браке.
Семимесячный ребенок — ее сын.
Ага-Аббас — ее брат.
Зубейда — тетя Секины-ханум со стороны отца.
Ага-Гасан — купец.
Ага-Мардан Халвачи-оглы — адвокат.
Ага-Салман Алекчи-оглы — адвокат.
Ага-Керим — посредник, старший маклер.
Бедель, Каграман, Кафар и Назар — сербазы¹.
Хаджи-Раджабали — смотритель тегризского базара.
Гапо, Шейда, Курбанали и Ганифа — его помощники.
Казий — духовный судья.
Ага-Рахим, Ага-Джаббар, Ага-Башир и Ага-Саттар — судебные заседатели.
Насир — ферраш.
Асад — слуга казия².
Старший ферраш.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Пронсходит в городе Тегризе, на улице Баги-Меше, в доме Хаджи-Гафура.
Его сестра Секина-ханум стоит у окна.

Секина-ханум. Гюльсеба! Эй, Гюльсеба!..

Гюльсеба входит.

Гюльсеба. Что прикажете, ханум?

Секина-ханум. Ты знаешь, Гюльсеба, что затеяла против меня моя бесстыжая невестка?

Гюльсеба. Нет, ханум, не знаю.

Секина-ханум. Она послала человека к казию с требованием, чтобы тот не выдавал мне оставшихся после брата денег. Она оспаривает мои права и заявляет, будто эти деньги принадлежат ей. Разве это возможно, Гюльсеба? В чем я провинилась перед аллахом, что каждый раз что-нибудь мешает моему счастью!..

Гюльсеба. Но почему вы так думаете, ханум?

Секина-ханум. Ты знаешь, Гюльсеба, — я без памяти люблю Азиз-бека. Бедняжка два года подряд просил у покойного брата моей руки, но тот отказывал ему как сыну служителя деспотов³. Теперь, когда брат умер и я могу распоряжаться своей судьбой, я хотела получить оставшиеся после брата деньги и устроить наконец свою жизнь. А бесстыжая моя невестка затеяла кляузу и задерживает получение денег. Придет-ся судиться.

Гюльсеба. А разве ваша невестка имеет долю в наследстве?

Секина-ханум. Никакой. Она не была законной женой брата и не имела от него детей. Не могу понять, с чего она вздумала затевать эту тяжбу.

Гюльсеба. Бог даст, она ничего не добьется, ханум. Обещайте мне что-нибудь, и я буду молиться, чтобы аллах поскорее разрешил ваше дело и привел вас к счастью.

Секина-ханум. А что тебе пообещать?

Гюльсеба. Обещайте выдать меня замуж и оплатить свадебные расходы, когда выиграете дело и получите деньги.

Секина-ханум. Согласна! Помолись, чтобы поскорее кончилась наша тяжба, тогда я и тебя выдам замуж... Теперь иди за Азиз-беком, надо принимать какие-то меры. Казий уже прислал ко мне человека с предложением послать в суд своего адвоката. Кроме Азиз-бека, у меня здесь нет близких людей. Ведь мы не коренные тебризцы. Правда, есть у меня тетка, сестра отца, но чем может помочь женщина?

Гюльсеба выходит и тут же возвращается.

Гюльсеба. Вот и сам Азиз-бек!

Секина-ханум закрывает окно. Входит Азиз-бек.

Азиз-бек (*возбужденно*). Вот до чего ты довела меня, Секина-ханум!

Секина-ханум (*удивленно*). А что случилось? Почему ты сердисься?

Азиз-бек. Ты хорошо знаешь, Секина-ханум, что вот уже

два года, как я кончил училище и, полюбив тебя, ни на шаг не мог удалиться из Тебриза. Чем больше твой брат мучил меня, стараясь разлучить с тобой, тем больше крепла моя любовь, и я терпеливо сносил все страдания, надеясь на соединение с тобой. А теперь, когда так близок час нашего счастья и я спокойно жду исполнения моей мечты, меня снова хотят обездолить.

Секина-ханум. Не понимаю, о чем ты говоришь? Скажи яснее.

Азиз-бек. Разве ты не знаешь? Вчера купец Ага-Гасан послал к твоей тетке жену купеческого старшины, жену частного пристава и жену Молла-Багира сватать тебя. И тетка твоя обещала выдать тебя за Ага-Гасана.

Секина-ханум. Обещание тетки ничего не стоит. Кто ее станет слушаться?..

Азиз-бек. Нет, этим ты меня не успокоишь. Или ты сейчас же позовешь свою тетку и при мне заявишь ей, что не пойдешь за Ага-Гасана, или я сегодня же убью его. Как смеет какой-то ничтожный аршинник³ добиваться моей невесты? Клянусь аллахом, сейчас же пойду и этим вот кинжалом выпущу ему кишки!..

Секина-ханум. Хорошо, я позову сейчас тетку и скажу, что не пойду за Ага-Гасана. Когда придет тетя, ты зайдешь в ту комнату и все услышишь собственными ушами, Гюльсеба!

Гюльсеба. Что вам угодно?

Секина-ханум. Ступай, позови тетку.

Гюльсеба выходит.

Ну, теперь посоветуй, кого нам взять защитником?

Азиз-бек. По какому делу?

Секина-ханум. Что значит, по какому делу? Разве ты не слышал, что моя невестка заявила о своих правах на наследство брата и вызывает меня в суд?

Азиз-бек. Да, слышал, но сейчас мне не до того — не могу собраться с мыслями. Вот поговоришь с теткой, тогда буду думать об адвокате.

Слышатся шаги. Азизбек уходит в соседнюю комнату. Входит тетка Секины-ханум — Зубейда.

Секина-ханум. Здравствуй, тетушка!

Зубейда. Здравствуй, Секина. Что подельваешь? Как проживаешь?

Секина-ханум. Плохо. Кто дал тебе право выдавать меня замуж? У меня нет ни отца, ни матери, ни брата, и я могу сама распоряжаться собой.

Зубейда. Стыдись, Секина! Не годится молодой девушке

так разговаривать со старшими. Не твоего ума дело — мужа искать. За кого выдадут, за того и пойдешь.

Секина-ханум. Нет, так не будет. Больше я не уступлю своих прав. Меня ни за кого выдать нельзя.

Зубейда. Ты что же, девочка, совсем не хочешь выходить замуж?

Секина-ханум. Не хочу.

Зубейда (*с усмешкой*). Многие вроде тебя говорили, да все замуж выходили.

Секина-ханум. Я не шучу, тетя! Клянусь аллахом, за Ага-Гасана я не выйду! Об этом даже не думай!

Зубейда. Нельзя, милая моя племянница! Самых уважаемых людей Тебриза ты сделаешь нашими врагами.

Секина-ханум. К черту! Пусть сделаю! Все равно не пойду за Ага-Гасана. У меня отвращение к нему.

Зубейда. Но почему?

Секина-ханум. Непорядочный он человек.

Зубейда. Для других он, может, и непорядочный, а для нас очень даже порядочный. Он опытный человек в торговле, богат, умеет зарабатывать деньги, в родстве и в дружбе со всеми почтенными людьми Тебриза. Где ты найдешь мужа лучше?

Секина-ханум. Пусть Ага-Гасан осыплет меня с головы до ног драгоценностями, я все равно не выйду за него. Скажи ему, чтобы он перестал и думать об этом.

Зубейда. Это невозможно. И как ты смеешь не слушаться меня?! Человек прислал ко мне жен самых влиятельных людей Тебриза. Я же не девчонка! Я посчитала, что тебе выгодно выйти за Ага-Гасана, и дала согласие. Неужели ты хочешь осрамить меня перед женщинами Тебриза? Ведь я тоже имею определенное положение, меня все уважают...

Секина-ханум. Выходит, что ради твоего положения я должна сделаться несчастной на всю жизнь? Странные вещи ты мне предлагаешь, тетя. Клянусь аллахом, пусть хоть весь мир перевернется, я за Ага-Гасана не пойду. Или ты сама предложи ему отказаться от своих притязаний, или я позову его сюда, обругаю и прогоню, как собаку.

Зубейда (*обеими руками царапает себе лицо*). Ай-яй-яй! Какое настало время! У нынешних девушек ни стыда, ни совести! И мы были молодыми, но мы не смели поднять головы, стыдились взглянуть на старших! Вот из-за вашего бесстыдства не прекращаются в Тебризе холера и чума.

Секина-ханум. Ничего подобного! Холера и чума не прекращаются в Тебризе из-за жульничества мужчин. Этот сын негодяя пронохал про шестьдесят тысяч туманов и загорелся желанием заполучить меня в жены. Не по любви же он хочет жениться на мне. Если он так хотел стать моим мужем, то почему при жизни брата ни разу не заикнулся об этом?

Зубейда. А может, при жизни брата он вообще не соби-

рался жениться. Да, кстати, о шестидесяти тысячах. А знаешь ли ты, что не выдать тебе этих денег, если не пойдешь за Ага-Гасана?

Секина-ханум. Почему же это?

Зубейда. А потому, что он примет сторону твоей невестки, вместе с друзьями и родственниками будет всячески помогать ей и ты проиграешь дело.

Секина-ханум. Ловко!.. Как это временная жена может иметь право на наследство?.. Разве нет в стране закона и справедливости?

Зубейда. Дитя мое, как ты разберешься во всех этих хитросплетениях?! Какие права имела вдова Хаджи-Рагима на его имущество, а у его сына Ага-Рзы отобрали двенадцать тысяч туманов наличными и баню и отдали этой женщине? Ее адвокат сфабриковал документ о том, что еще при жизни Хаджи-Рагим обязался отдать жене двенадцать тысяч туманов и баню. Это подтвердили еще пять-шесть свидетелей. И вырвали деньги у Ага-Рзы и отдали этой женщине. Всею Тебризу было известно, что тут сплошной обман. Разве ты сильнее Ага-Рзы, который криком кричал и ничего не добился. Кто разберется в дьявольских кознях тебризских адвокатов?

Секина-ханум. Пусть я потеряю все, но замуж за Ага-Гасана не пойду. Ступай и сообщи ему, что девушка не соглашается.

Зубейда. Что ты говоришь, Секина? Ты хочешь выйти замуж за Азиз-бека, сына слуги деспота, хочешь чтобы души наших предков прокляли тебя? Ты хочешь смешать нашу кровь с кровью слуги деспота. Такого никогда не было в нашем роду. Пристойно ли дочери честного и добродетельного купца выходить замуж за слугу деспота?

Секина-ханум. Все люди слуги аллаха. Слугою деспота был отец Азиз-бека, а сам он еще ведь не поступил на государственную службу. Откуда тебе известно, что и он будет служить деспоту?

Зубейда. Весь их род такой.

Секина-ханум. Но с чего ты взяла, что я собираюсь выйти за Азиз-бека? Ни за него, ни за кого другого я замуж не пойду, буду сидеть дома. Пошли передать Ага-Гасану о моем решении.

Зубейда. Ты еще ребенок, своей выгоды не понимаешь. Я не могу сообщить ему, что девушка не соглашается. Я тебя просватала, и ты должна выйти замуж. Разговаривать больше не о чем! (*Встает.*)

Секина-ханум (*взволнованно*). О, боже мой, что она говорит!

Зубейда скрывается за дверь. Азиз-бек появляется из соседней комнаты.

Азиз-бек. Теперь ты убедилась, что я имел основание беспокоиться? Я иду...

Секина-Ханум. Куда?

Азиз-бек. Я должен расправиться с этим негодяем! Больше мне ничего не остается!..

Секина-ханум. Что ты говоришь? Постой, не уходи, еще натворишь чего-нибудь... Сейчас я сама позову этого подлеца сюда и скажу, чтобы он отказался от своих притязаний. Гюльсеба!

Входит Гюльсеба.

Гюльсеба, ступай и потихоньку скажи купцу Ага-Гасану, что по весьма важному делу вызывает его неизвестная женщина. Моего имени не называй.

Гюльсеба выходит.

Ты совсем еще ребенок, Азиз-бек! Посмотри в зеркало — глаза налились кровью. Ну чего ты так огорчаешься? Ведь не возьмет же он меня насильно.

Азиз-бек. Ты права, но что мне делать, если сердце того гляди разорвется.

Слышатся шаги. Азиз-бек уходит в соседнюю комнату. Секина-ханум закрывает лицо. Входят Гюльсеба и Ага-Гасан.

Ага-Гасан. Салам-алейкум!

Секина-ханум (*вполголоса*). Алейкум-салам! Братец Ага-Гасан, ты знаешь кто я?

Ага-Гасан. Нет, ханум, не знаю.

Секина-ханум. Ага-Гасан, я сестра Хаджи-Гафура, Секина.

Ага-Гасан (*удивленно*). Теперь я узнал тебя, ханум! Приказывай я твой слуга, твой раб!

Секина-ханум. Нет, Ага-Гасан, ты мне не слуга и не раб. Будь мне братом до конца жизни, откажись от меня. Это я хотела тебе сказать. Для этого и позвала тебя сюда.

Ага-Гасан (*пораженный*). Ханум, почему ты не хочешь, чтоб я был твоим рабом? В чем я провинился перед тобой?

Секина-ханум. Ни в чем ты передо мной не провинился. Будем откровенны. Ты посылал к моей тетушке сватов и она опрометчиво дала согласие. Но я тебе говорю прямо, что не выйду за тебя. Даже не заикайся об этом.

Ага-Гасан. Но объясни мне, ханум, почему я не удостоен твоего расположения и милости?

Секина-ханум. Это мое дело. Я повторяю: оставь меня в покое!

Ага-Гасан. Но, ханум, какое преступление я совершил, что ты отвергаешь меня?

Секина-ханум. Брат мой, никакого преступления ты не совершил. Но я сама распоряжаюсь собой, и я не желаю быть твоей женой, не люблю тебя. Сердцу ведь не прикажешь.

Ага-Гасан. Ханум, ты можешь очень пожалеть об этих словах. Не говори так.

Секина-ханум. Понимаю, на что ты намекаешь. Поступай, как тебе угодно, угрозами меня не испугаешь.

Ага-Гасан. Как бы ты потом не раскаялась, ханум. Подумай, какие слова ты мне говоришь.

Секина-ханум. Нечего мне думать! Иди и поступай, как знаешь.

Ага-Гасан (*всплиив*). Ну ладно! Я с тобой такую шутку сыграю, что ты до самой смерти будешь помнить! (*Встает.*)

Секина-ханум. Иди, иди! Пусть тебя боится тот, кто хуже тебя. Делай, что хочешь!..

Ага-Гасан уходит. Секина-ханум и Азиз-бек одни.

Давай подумаем, кого бы нам взять адвокатом? Теперь у нас одним врагом стало больше.

Азиз-бек. Таких врагов пусть будет хоть сотня. На сотню ворон достаточно одного камня. Сейчас же я отправлюсь к Шахзаде и подробно расскажу ему обо всем. Он сам примет меры.

Секина-ханум. Но суда-то Шахзаде не отменит, все равно нам надо будет взять адвоката.

Азиз-бек. Суда он не отменит, но пресечет все интриги и козни Ага-Гасана и подобных ему подлецов. Надо сообщить Шахзаде об этом деле. Отец мой долго служил у него. Шахзаде хорошо ко мне относится, он обещал мне дать службу и вернуть деревни моего отца.

Секина-ханум. Прежде всего нам необходимо взять адвоката. А затем уже ты можешь сообщить обо всем Шахзаде, чтобы он помог выяснить истину.

Азиз-бек. Хорошо, но кого мы возьмем в адвокаты?

Входит Гюльсеба.

Гюльсеба. Какой-то мужчина у ворот говорит, что хочет поговорить с Секиной-ханум. Спрашивает, есть ли в доме мужчина, который мог бы быть посредником при разговоре. Говорит, важное дело.

Секина-ханум. Очень кстати, что Азиз-бек здесь. Ступай, позови. Посмотрим, что он хочет.

Гюльсеба уходит.

Азиз-бек. Зачем нужно, чтобы нас с тобой видели вместе?

Секина-ханум. Откуда они знают, кто ты. Могут подумать, что ты близкий мой родственник.

Входит Ага-Керим. Секина-ханум накрывается чадрой.

Ага-Керим. Салам-алейкум!

Азиз-бек. Алейкум-салам! Добро пожаловать! Садитесь, пожалуйста.

Ага-Керим (*садится в стороне и обращается к Азиз-беку*). Будьте любезны назвать ваше благословенное имя!

Азиз-бек. Меня звать Азиз-бек.

Ага-Керим. Прекрасное имя⁶. Азиз-бек, я буду разговаривать с вами, а Секина-ханум пусть слушает.

Азиз-бек. Извольте. Но вы можете разговаривать и с самой Секиной-ханум. Она не такая, как все девушки. Когда нужно, она сама вступает в разговор.

Ага-Керим. И отлично делает, ей-богу! Азиз-бек, меня зовут Ага-Керим, старший маклер. С покойным Хаджи-Гафуром мы были большими друзьями. Только что я был по одному делу у Ага-Мардана Халвачи-оглы, когда пришел к нему купец Ага-Гасан, поздоровался и сказал: Ага-Мардан, я слышал, что ты являешься адвокатом вдовы Хаджи-Гафура, Зейнаб, и пришел предложить тебе свою помощь; мне надо поговорить с тобой без свидетелей. Ну, после таких слов я вынужден был уйти, но сразу сообразил, что они собираются выступить против Секины-ханум. Помня, что мы с Хаджи-Гафуром делили хлеб-соль, я и решил предупредить об этом Секину-ханум.

Секина-ханум. Я очень, очень тебе благодарна, Ага-Керим, за то, что ты не забыл о дружбе и в такое трудное время вспомнил о сестре своего друга.

Ага-Керим. Конечно, ханум. Друзья познаются в тяжелый час. Ведь Ага-Мардан плут, какого свет не видал. Вот почему я счел своим долгом предупредить вас о его кознях. Потом будет поздно, и тогда ничем не поможешь.

Секина-ханум. Ага-Керим, а что может мне сделать Ага-Мардан?

Ага-Керим. Как что? Я слышал, что он адвокат жены вашего брата и будет в суде защищать ее. В подобных делах он большой мастак и справиться с ним очень трудно.

Секина-ханум. Что с того, что он будет защищать ее? У брата не было детей, чтобы наследовать ему, а вдова не может быть его наследницей, потому что она была временной женой. Чем может повредить мне Ага-Мардан или любой другой в таком правом деле?

Ага-Керим. У вас мало опыта в таких делах, ханум. Что бы ни захотел сделать Ага-Мардан, он всего добьется. Поэтому надо быть начеку.

Секина-ханум. А что надо сделать для этого?

Ага-Керим. К примеру, назовите мне вашего адвоката, чтобы я мог предупредить его о некоторых каверзных приемах Ага-Мардана. Он будет подготовлен и не попадет на удочку.

Секина-ханум. Мы еще не знаем, кто будет нашим адвокатом.

Ага-Керим. Как не знаете? Неужели вы еще не выбрали себе адвоката?

Секина-ханум. Нет, не выбрали и не знаем, кого выбрать. Об этом сейчас и думали.

Азиз-бек. И в самом деле, Ага-Керим, не можешь ли ты назвать человека, который бы мог быть нашим адвокатом?

Ага-Керим. Нет, не могу вспомнить ни одного человека, который бы мог справиться с Ага-Марданом. Я думал, что вы уже имеете адвоката.

Азиз-бек. Нет, не имеем и ищем опытного человека, чтобы поручить ему наше дело. Подумай, может, вспомнишь кого-нибудь.

Ага-Керим. Право, ни одного достойного человека не вспомню! Людей много, но все они не чета Ага-Мардану. Пожалуй... Вспомнил я одного человека, если только он согласится, потому что он давно не занимается судебными делами. Разве что он мог бы потягаться с Ага-Марданом.

Секина-ханум. Кто же он?

Ага-Керим. Ага-Салман Алекчи-оглы. Попросите его, если только согласится.

Секина-ханум. Но кому бы повидать его и поговорить с ним?

Ага-Керим. Никого не надо, ханум. Сами позовите его сюда и поговорите с ним. Быть может, вам удастся уговорить этого человека. У женщин особая сила воздействия.

Секина-ханум. А не можешь ли ты прислать его сюда, Ага-Керим?

Ага-Керим. Нет, ханум, пошлите за ним кого-нибудь другого. Я как-то повздорил с Ага-Салманом, и с тех пор мы не разговариваем.

Секина-ханум. Но как же ты его научишь разным хитростям?

Ага-Керим. Будь это кто-нибудь другой, он нуждался бы в моих советах, а Ага-Салману они не нужны. Он способен самому черту башмаки шить. Хотя я и зол на него, но отрицать его достоинств не могу.

Азиз-бек. Сейчас я сам пойду и приведу его сюда.

Секина-ханум. Хорошо, иди за ним.

Азиз-бек и Ага-Керим уходят.

Ага-Керим. Всего хорошего, ханум.

Секина-ханум. Будь здоров, Ага-Керим. Я никогда не забуду твоей услуги.

Азиз-бек и Ага-Керим уходят.

Гюльсеба, постели на пол тюфяк и положи подушку.

Тюльсеба, быстро стелет тюфяк и кладет подушку. Слышатся шаги. Входят Азиз-бек и Ага-Салман. Секина-ханум сидит в глубине сцены. Тюльсеба стоит возле нее.

Ага-Салман. Салам-алейкум!

Секина-ханум. Алейкум-салам, Ага-Салман! Добро пожаловать, очень вам рада. Прошу садиться. *(Указывает ему место на тюфяке.)*

Ага-Салман садится на тюфяк. Пониже садится Азиз-бек.

(Негромко.) Ага-Салман, я сестра Хаджи-Гафура и надеюсь, что вы будете мне отцом родным и не откажете в помощи в тяжелый для меня день.

Ага-Салман. Расскажите, ханум, какое у вас дело?

Секина-ханум. Вам хорошо известно, Ага-Салман, что месяцев шесть-семь тому назад, когда здесь свирепствовала холера, многие бежали из Тебриза. Брат мой, Хаджи-Гафур, был человек благочестивый и, уповав на милость аллаха, объявил, что он никуда с места не сдвинется. Не осторожности ради он все свои наличные деньги в сумме шестьдесят тысяч туманов положил в сундук и при свидетелях вручил казнию с тем, чтобы в случае его смерти деньги были переданы законному наследнику. Приняв эти деньги, казий так же, как и прочие жители города, уехал из Тебриза. Все соседи тоже уехали. В нашем доме осталась мой брат, его временная жена и я. Брат заболел. В городе никого не было, кроме нескольких сербазов, которых правительство оставило здесь, чтобы проверять дома и отвозить покойников на кладбище. В тот день четверо из этих сербазов пришли к нам, и брат им сказал: я умираю и кроме единственной сестры у меня никаких наследников не остается. Когда я умру, похороните меня. Брат скончался. Теперь его вдова, что была ему «мута», и не имеет никаких прав на его наследство, объявила себя наследницей и оспаривает мои права. Адвокатом ее будет Ага-Мардан Халвачи-оглы. Я хочу просить тебя принять на себя труд и быть моим защитником.

Ага-Салман. Секина-ханум, я уже оставил профессию адвоката, и не выступаю в суде.

Секина-ханум. Ага-Салман, это дело долго не затянется и разрешится очень быстро. Если понадобятся свидетели, чтобы подтвердить слова брата, то можно позвать тех сербазов. Прошу тебя, ради меня, не отказывайся от этого дела.

Ага-Салман. А имена и адреса этих сербазов вы знаете?

Секина-ханум. Конечно. Азиз-бек запишет их имена и адреса и вручит тебе.

Ага-Салман. Ну раз вы так просите, я согласен. Надеюсь, дело не затянется, а то времени у меня совсем нет.

Секина-ханум. Думаю, с помощью аллаха дело это за-

кончится в один день. За этот один день труда обещаю тебе пятьсот туманов.

Ага-Салман. Это не важно, ханум. Я берусь за это дело исключительно ради вас, а не из корысти.

Секина-ханум. Верю, Ага-Салман, но эти деньги я дарю твоим детям на карманные расходы.

Ага-Салман. Теперь разрешите мне уйти, ханум. Мне надо повидать сербазов, поговорить с ними, узнать, какие показания будут они давать в суде. А вы составьте доверенность на мое имя и пришлите мне.

Секина-ханум. Хорошо, доверенность я тебе пошлю. Но, Ага-Салман, говорят, Ага-Мардан очень хитрый человек. Смотрите, поосторожнее.

Ага-Салман. Будьте покойны. Его хитрость мне не страшна. Азиз-бек, запиши имена и адреса тех сербазов и пришли мне. Азиз-бек. Хорошо, через час вы все получите.

Ага-Салман уходит. Азиз-бек и Секина-ханум одни.

А я пойду и расскажу все Шахзаде.

Секина-ханум. Пока садись, напиши имена и адреса сербазов и отошли Ага-Салману, а потом можешь идти.

Азиз-бек садится писать.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Происходит в доме Ага-Мардана Халвачи-оглы.

Ага-Мардан *(один)*. Что это Ага-Керим так опаздывает? Может, он задержался из-за дела Ага-Салмана. Если все пойдет, как я задумал, то слава моя в Тебризе вознесется до небес, не говоря уже о том, сколько я заработаю на этом деле. Профессия адвоката — неисчерпаемый источник доходов, если, конечно, постигнуть все ее тонкости. Ну в этом отношении, слава аллаху, я кое-что умею.

Открывается дверь и входит Ага-Керим.

Ага-Керим *(радостно)*. Салам-алейкум! Я все устроил и жду награды!

Ага-Мардан *(ухмыляется)*. В самом деле?

Ага-Керим. Клянусь твоей жизнью, я так расписал тебя вдове Хаджи-Гафура, что, присутствуя ты там лично, подвиглся бы своим достоинством. Я уверил ее, что для казны нет большего авторитета, чем Ага-Мардан, что судья во всем соглашается с ним, что и Шахзаде он хорошо известен, и часто захаживает к правителю для разрешения разных дел, что в мудрости он равен Платону, и надо поступать именно так, как он посоветует, ничего не бояться, ни в чем не сомневаться, потому что,

только следуя его советам, можно завладеть наследством Хаджи-Гафура, ибо она никаких прав на него не имеет. И женщины, и ее брат, Ага-Аббас, во всем со мной согласились. Они вот-вот должны прийти, чтобы выслушать твои наставления и действовать по твоим указаниям.

Ага-Мардан. Прекрасно. А как с Ага-Салманом? Удалось тебе навязать его в адвокаты противной стороне?

Ага-Керим. А как же! Сейчас Ага-Салман находится у Секины-ханум. Оттуда он придет прямо сюда.

Ага-Мардан. Молодец, Ага-Керим! Клянусь аллахом, в твоих речах заключена волшебная сила. Однако скажи, пожалуйста, вдова Хаджи-Гафура красива?

Ага-Керим. А тебе что до этого?

Ага-Мардан. Я не прочь бы жениться на ней. Как ты думаешь, выйдет она за меня?

Ага-Керим. Право, не знаю, выйдет ли. Дело в том, что ты староват для нее. Она молоденькая.

Ага-Мардан. Нет, Ага-Керим, клянусь своей жизнью мне не так-то уж много лет. Мне только что исполнился пятьдесят один год.

Ага-Керим. А мне казалось, что тебе все семьдесят!

Ага-Мардан. Нет, клянусь твоей жизнью! Знаешь, когда я родился? Спустя год после большого тебризского землетрясения.

Ага-Керим. Но ведь ты женат.

Ага-Мардан. Я же не потому хочу жениться что у меня нет жены. Если с помощью аллаха мы вырвем эти деньги из рук сестры Хаджи-Гафура и отдадим этой женщине, то нельзя же допустить, чтобы она вышла замуж за другого. Я сам женюсь на ней, и богатство ее будет моим. Это выгодно и тебе. А какая тебе польза, если она выйдет за другого?

Ага-Керим. Правильно, но в таком случае безразлично, красива она или нет. Пусть будет хоть ведьма! Согласится—женись! Но она слишком хороша собой. Я не думаю, чтобы ты ей понравился.

Ага-Мардан. А каков я, по-твоему?

Ага-Керим. Ты сам знаешь, что физиономия у тебя не очень...

Ага-Мардан. Странно, что на твой взгляд я непривлекателен. Дай-ка посмотрю в зеркало. (*Смотрит в большое зеркало.*) Ради аллаха, Ага-Керим, какие ты видишь недостатки у меня в лице? Если ты насчет того, что зубов у меня нет, так это вовсе не от старости, а от золотухи. А что щеки впали, так это не очень заметно: их закрывает борода.

Ага-Керим. Да ладно, будет тебе! Успокойся, сейчас должна прийти эта женщина.

Ага-Мардан. Тогда надо надеть архалук из кашемировой

шали и суконную накидку. Да бороду причесать. (*Принимается за туалет.*)

Ага-Керим. Ну к чему тебе все это? Лучше садись на место.

Ага-Мардан. О, это все очень важно. Наши женщины сами скрываются от мужчин, но очень любят наблюдать за ними. Если вдова Хаджи-Гафура увидит меня принаряженным, то обязательно заинтересуется мной, и слова мои приобретут в ее глазах больше веса, а может быть, я даже поправлюсь ей.

Ага-Мардан переодевается, расчесывает бороду и садится. Открывается дверь, и входят вдова Хаджи-Гафура, Зейнаб, и ее брат, Ага-Аббас.

Ага-Аббас. Салам-алейкум!

Ага-Мардан. Алейкум-салам! Добро пожаловать! Очень вам рад! Извольте, садитесь!

Закутанная в чадру вдова Хаджи-Гафура и ее брат садятся.

Я буду говорить с тобой, Ага-Аббас, а Зейнаб-ханум пусть слушает и отвечает, когда нужно. После смерти Хаджи-Гафура прошло уже шесть месяцев. Между собой мы должны быть совершенно откровенными. Всем известно, что Зейнаб-ханум не была в постоянном браке с Хаджи-Гафуром и не имеет никаких прав на долю в его наследстве, но я, зная это, послал к вам Ага-Керима сообщить, что если вы будете во всем меня слушаться и следовать моим советам, то я сделаю так, что все богатство достанется Зейнаб-ханум. Сестра Хаджи-Гафура не имеет никакой поддержки, у нее нет сильных родственников. У девушки только жених, молодой человек, который ничего в судебных делах не смыслит. Вы согласились со мной и послали к казнию человека заявить, чтобы он не выдавал оставленных Хаджи-Гафуром денег его сестре, так как вы тоже имеете на них права. Казний задержал деньги и сообщил вам и сестре Хаджи-Гафура, чтобы вы выбрали адвокатов и явились в суд. Я ваш адвокат, и Зейнаб-ханум должна слушаться меня и исполнять мои советы, чтобы выиграть дело.

Ага-Аббас. Разумеется, иначе и быть не может. Мы готовы выслушать ваши советы и предложения.

Ага-Мардан. Прежде всего, Зейнаб-ханум должна дать мне на предварительные расходы пятьсот туманов, которые мы учтем при окончательном расчете. Она призналась Ага-Кериму, что взяла тысячу туманов, которые оставались в сундуке после смерти Хаджи-Гафура и о которых сестра его не знала.

Зейнаб-ханум. Мы согласны. Каковы ваши другие предложения?

Ага-Мардан. Второе предложение заключается в том, что ты должна согласиться на половину денег Хаджи-Гафура, то

есть получить тридцать тысяч туманов из общей суммы в шестьдесят тысяч, а другая половина этой суммы должна поступить нам: мне, Ага-Кериму и другим нашим помощникам.

Зейнаб-ханум. Вай! Как много ты хочешь, Ага-Мардан!

Ага-Мардан. Это совсем не много, ханум! Ведь ты не имеешь никаких прав на это наследство, и эти тридцать тысяч получишь только благодаря моей помощи.

Зейнаб-ханум. Как то есть не имею прав? Годам я жила и трудилась в доме Хаджи-Гафура, ключи от всех сундуков с деньгами находились у меня! Сестра Хаджи-Гафура не смела потратить даже пяти аббасы.⁷ А теперь получается, что я должна отойти в сторонку, а деньги достанутся этой легкомысленной девчонке, и она будет пить, есть, наслаждаться жизнью?

Ага-Мардан. В суде эти доводы не примут во внимание.

Зейнаб-ханум. Почему не примут во внимание? Разве у судей нет совести? Больше десяти лет все это имущество находилось в моих руках. Почему же теперь я должна лишиться его?

Ага-Мардан. Вот именно должна лишиться. Лучше послушайся меня и согласись на половину. Иначе ты не можешь рассчитывать ни на одну монету. Ага-Аббас хорошо понимает, что я говорю правду.

Ага-Аббас. Хорошо, мы согласны. Какие еще предложения ты имеешь?

Ага-Мардан. В-третьих, Зейнаб-ханум должна заявить на суде, что имеет от покойного Хаджи-Гафура семимесячного сына.

Зейнаб-ханум. Ой батюшки! Это очень трудное задание, Ага-Мардан! Как я могу солгать, что у меня семимесячный сын?

Ага-Мардан. Ничего трудного! При жизни Хаджи-Гафура ты была беременна. За месяц до его смерти ты родила сына, и ему теперь семь месяцев. Неужели трудно сказать это?

Зейнаб-ханум. Ты мне как отец, Ага-Мардан, и я не смею ослушаться тебя, но это твое предложение слишком трудное. Я никогда не рожала. Разве не спросят меня, где ребенок?

Ага-Мардан. Об этом не беспокойся. Ребенок есть, и его выносила и родила ты. Имеются свидетели, которые видели ребенка у тебя и у Хаджи-Гафура на руках. На этот счет будь покойна. Тебе надо только заявить об этом, а подтверждать будут другие.

Зейнаб-ханум. Ради аллаха, Ага-Мардан, предложи что-нибудь другое. Как я смогу выговорить такие лживые слова? Клянусь аллахом, у меня не хватит смелости сказать это.

Ага-Мардан. Странные вещи ты говоришь. Почему это у тебя не хватит смелости? И чего стесняешься, не понимаю. Весь мир знает, рожать детей — дело женское. Чего же тут

стесняться? Мало ли что ты не рожала! Любишь рыбу, не бойся холодной воды. Ты обязательно должна сказать о ребенке, иначе нельзя.

Зейнаб-ханум. А для чего тебе надо такое заявление, Ага-Мардан?

Ага-Мардан. Это надо для того, чтобы имущество Хаджи-Гафура досталось тебе. Другого средства нет. Ты не можешь быть наследницей Хаджи-Гафура, а сын твой — его законнейший наследник. Когда будет доказано, что такой сын есть, все имущество достанется ему. Потом я добьюсь того, чтобы меня назначили его опекуном. Пройдет пять-шесть месяцев, и мы объявим, что сын твой скончался. Таким образом все имущество по закону перейдет тебе. Половину возьмешь ты, другую половину возьму я.

Зейнаб-ханум. Скажи, отец, ради аллаха, неужели можно осуществить такой план?

Ага-Мардан. Было бы нельзя, если бы сестра Хаджи-Гафура имела какую-нибудь опору. Но у нее нет никого, кто бы посмел выступить против нас. Вот если бы она согласилась выйти за купца Ага-Гасана, нам было бы трудно выиграть дело. А теперь и Ага-Гасан со всей родней выступает против девушки и добиваются того, чтобы наследство не досталось ей. Девушка осталась одна со своим юным женихом, который ни на что не способен.

Зейнаб-ханум. А где ребенок, о котором ты говорил?

Ага-Мардан. Сейчас увидишь! Ага-Керим, возьми ребенка у кормилицы в той комнате и принеси сюда.

Ага-Керим выходит.

Зейнаб-ханум. Ребенка кормит кормилица?

Ага-Мардан. Нет, кормит-то мать, но она у тебя кормилицей — запомни это.

Ага-Керим возвращается с ребенком на руках. Ага-Мардан берет у него ребенка и передает Зейнаб-ханум.

Вот твой сын, возьми! Посмотри, глаза и брови у него точно такие, как у Хаджи-Гафура.

Зейнаб-ханум. Ей-богу, похож, в самом деле похож. Но я очень боюсь, что на суде у меня язык отнимется и я ничего не сумею выговорить.

Ага-Мардан. Все это оттого, Зейнаб-ханум, что ты сама не веришь в то, что ребенок есть. Прежде всего надо, чтобы ты сама поверила, что это твой сын. Иначе, конечно, во время суда ты можешь растеряться и у тебя отнимется язык. Будь смелее и обещай нам дать именно такое показание.

Зейнаб-ханум. Хорошо, обещаю, если только смогу.

Ага-Мардан. С помощью аллаха сможешь. Ведь не хо-

чешь же ты, чтобы все деньги получила твоя золовка и растратила на своего дармоеда-жениха?

Зейнаб-ханум. Ты прав. Только бы защитник Секины-ханум не уличил меня во лжи.

Ага-Мардан. Ха-ха-ха! Подумайте, кого она боится! Да он ни слова против тебя не скажет. Ну теперь идите, составьте и приготовьте уверенность. Суд завтра начнется и завтра же кончится, а у меня и других дел много. Сейчас сюда должны прийти люди. Возьмите с собой Ага-Керима и пришлите через него пятьдесят туманов.

Ага-Аббас. Деньги при нас. Ага-Керим предупредил.

Ага-Мардан. Тогда оставьте их и идите.

Ага-Аббас кладет перед Ага-Марданом кошелек с деньгами и встает, чтобы уйти. В этот момент входит ферраш Шахзаде Насир.

Насир. Салам-aleyкум, Ага-Мардан! Его высочество приказал передать, чтобы сегодня вечером ты был у него. Он хочет посоветоваться с тобой по какому-то важному делу.

Ага-Мардан. Доложи Шахзаде, что буду.

Ферраш уходит. Появляется слуга казия Асад.

Асад. Салам-aleyкум, Ага-Мардан! Мой господин велел спросить тебя, будешь ли ты сегодня вечером в гостях у Хаджи-Сами. Он хочет встретиться с тобой и поговорить о деле.

Ага-Мардан. Доложи, что буду.

Ага-Аббас с сестрой и слуга Асад уходят.

Ага-Керим. Откуда они взялись?

Ага-Мардан. Я предвидел, что мое предложение испугает женщину, поэтому дал этим людям немного денег и подучил, чтобы они пришли, когда женщина будет у меня, при ней сказали то, что они сейчас сказали. Пусть женщина думает, что я пользуюсь расположением Шахзаде и судьи, это придаст ей смелости. Иначе я боюсь, что во время судебного заседания она растеряется, и мы будем опозорены.

Ага-Керим. Клянусь аллахом, отлично придумано! Хорошо бы во время суда сделать так, чтобы женщина давала показания после свидетелей. Если бы это удалось, она была бы спокойнее.

Ага-Мардан. Ну, теперь ты ступай к Хаджи-Раджабали и скажи ему, чтобы пришел со свидетелями. Обещай ему самому пятьсот туманов, из них пятьдесят сейчас, а остальное потом, после суда. Без участия Хаджи-Раджабали мы не смогли бы провести наше дело. Он бы все нам испортил. Это такой плут, что скрыть от него что-нибудь невозможно.

Ага-Керим. Хорошо, я пойду. *(Встает.)*

Ага-Мардан. Вот что, дорогой, прошу тебя, когда увидишь вдову Хаджи-Гафура, намекини ей, чтобы она не называла

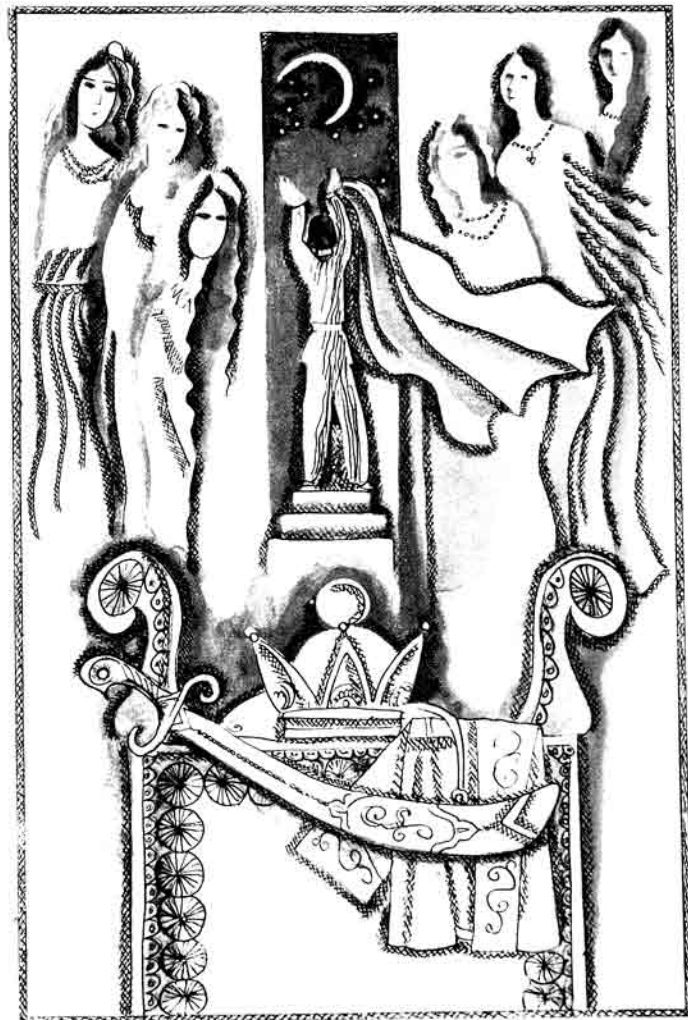

Иллюстрация к повести «Обманутые звезды»

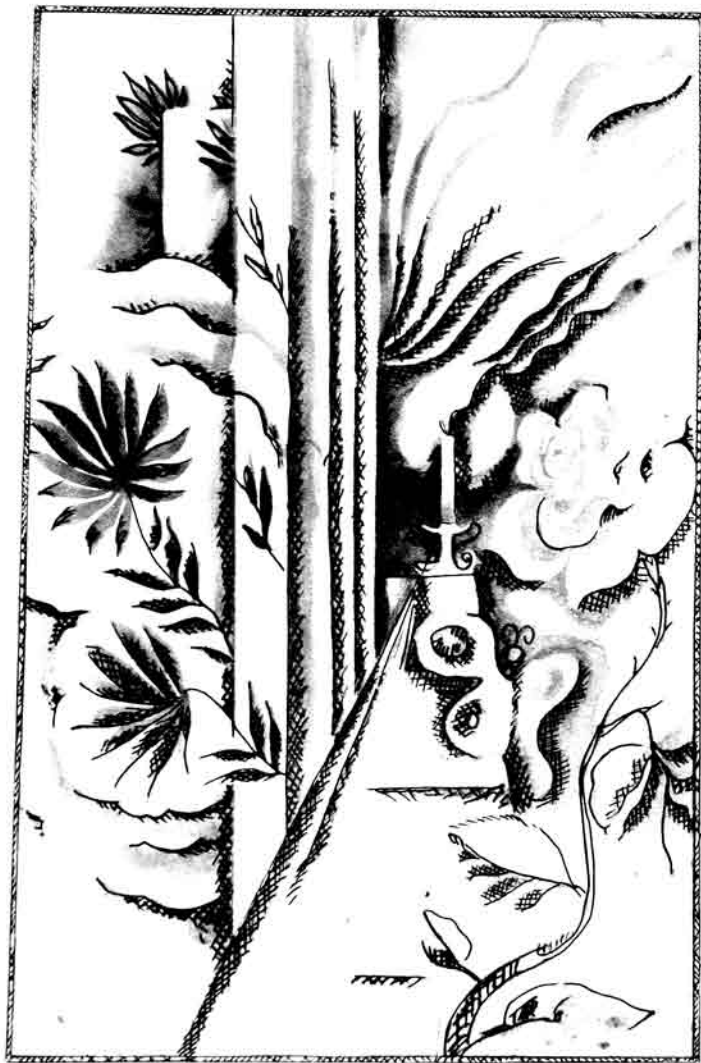

Иллюстрация к стихотворениям

меня отцом. Не подумай чего-нибудь такого... Клянусь твоей жизнью, просто мне не нравится, когда женщина из уважения называет меня отцом. К чему это? Пусть называет по имени.

Ага-Керим. Ладно, ладно, понимаю. Будь покоен, она больше не будет называть тебя отцом.

Ага-Керим уходит. Входит Ага-Салман.

Ага-Салман. Салам-алейкум!

Ага-Мардан. Алейкум-садам! Ну, как дела?

Ага-Салман. Взяли адвокатом. Что делать дальше?

Ага-Мардан. А дальше надо подготовить свидетелей и приступить к судебному разбирательству. Скажи, что они тебе обещали?

Ага-Салман. Мне заявили, что выдадут пятьсот туманов, так как свидетели у них готовы и дело правое. Я согласился.

Ага-Мардан. И хорошо сделал. Теперь ты убедился, что выступать на правой стороне не так-то уж выгодно? Влоза Хаджи-Гафура отказывается от тридцати тысяч туманов, которые достанутся тебе, мне и Ага-Кериму. Ты узнал имена и адреса их свидетелей?

Ага-Салман. Узнал. Это четверо сербазов по имени Бедель, Каграман, Кафар и Назар. Живут они на улице Верджи.

Ага-Мардан. Мне надо позвать их сюда и подучить, чтобы они дали ложные показания. Ты же пойдешь к ним и будешь просить показать все, как было в действительности. Сербазы очень бедны, все равно что нищие. Они обязательно спросят: ага, а что ты нам пожалуешь после суда? Тогда ты им ответишь: милые мои, нехорошо просить награду за правдивые показания, вы должны дать показания во имя аллаха, который и вознаградит вас на том свете.

Ага-Салман. Хорошо.

Ага-Мардан. А ты знаешь, какие показания дадут сербазы?

Ага-Салман. Знаю. Они покажут, что за два часа до смерти Хаджи-Гафура они были у него в доме и тот им сказал: я умираю, на свете у меня нет никого, кроме моей сестры; похороните меня, когда я умру.

Ага-Мардан. Прекрасно! Но сербазам придется изменить это показание и сказать в суде, что у Хаджи-Гафура был месячный сын. Теперь ступай!

Ага-Салман уходит, Ага-Мардан один.

Слава аллаху, все идет, как по маслу. Сейчас Ага-Керим должен привести свидетелей.

Открывается дверь и входят Ага-Керим, Хаджи-Раджабали и четверо мужчин.

Хаджи-Раджабали. Салам-aleyкум!

Ага-Мардан. Алейкум-салам, Хаджи! Ну как, нашел?

Хаджи-Раджабали. Нашел? Будто мы что-то теряли. Странный вопрос задаешь, Ага-Мардан. Видно, ты до сих пор не знаешь меня как следует.

Ага-Мардан. (Ага-Кериму на ухо.) Ступай за Ага-Салманом и приведи ко мне сербазов, которых он назовет. (Затем обращается к Хаджи-Раджабали.) Теперь, Хаджи, расскажи мне, кто они такие?

Хаджи-Раджабали. Этот — Гапо, картежник, прибыл из Ардебиля вчера. Этот — Шейда из Казвина, днем меняла, ночью кутила. Этот — хамаданец Курбанали, на все руки мастер, днем торгует на рынке чулками. А этот — Ганифа из Мараги, днем разносчик, а ночью мой помощник.

Ага-Мардан. Слава аллаху, все они люди приличные, только у Гапо профессия не совсем подходящая, он может вызвать подозрения.

Хаджи-Раджабали. Об этом не беспокойся. Гапо такой жулик, что может принять любое обличье. Хочешь, через два часа он явится сюда таким солидным купцом, что ты и сам начнешь сомневаться, он ли это? Неужели ты не знаешь, что это сын того самого Гейдаркули, который днем был в Огаре, затем прошел двухдневный путь пешком и ночью того же дня похитил у покойного правителя провинции шкатулку с драгоценностями. В ту же ночь он возвратился в Огар, и утром застали его спящим в коридоре караван-сарая. Весь мир был потрясен тогда этим происшествием. Когда дело раскрылось, его не казнили только из-за этого подвига, ему лишь вырезали ступни.

Ага-Мардан. Ах, значит, это сын того самого Гейдаркули? Прекрасно, но придется изменить ему имя. А они знают шарнат?

Хаджи-Раджабали. Будь покоен, все они грамотные люди. Клянусь твоей жизнью, каждый из них способен шить башмаки самому черту. Все они ежедневно совершают намаз в мечети.

Ага-Мардан. Отлично. А знают они, что должны показать в суде?

Хаджи-Раджабали. Не знают. Этому ты должен научиться.

Ага-Мардан. Они должны показать, что за неделю до смерти Хаджи-Гафура они вчетвером шли вечером на поклонение могилам своих родных. Проходя мимо дома Хаджи-Гафура, они увидели в воротах самого Хаджи-Гафура с младенцем на руках. Поздоровавшись с Хаджи-Гафуром, они спросили его, чей это ребенок. Тот ответил, что ребенок его, что родился он три недели назад, и добавил, что у него других детей нет.

Хаджи-Раджабали (обращается к свидетелям). Слышали, ребята?

Гапо. Конечно, слышали.

Ага-Мардан. Сумеете сказать так?

Ганифа. Конечно, сумеем. Что тут мудреного?

Ага-Мардан. Я очень вами доволен, дети мои. Пусть благословит вас аллах.

Шейда. Ага-Мардан, разве может аллах благословить на такое дело?

Ага-Мардан. Почему же нет? Милый мой, если ты узнаешь суть этого дела, сам скажешь, что аллах благословит. Бедная вдова Хаджи-Гафура целых десять лет распорядилась в доме, владела деньгами, и можно ли теперь допустить, чтобы она лишилась всего этого, а богатство досталось взбесившейся девке, которая проест его со здоровым парнем, служителем деспота, за то, что он будет обнимать ее? Благочестивые наши ученые указывают, что служители деспота отвержены аллахом.

Шейда. Да, ты прав.

Хаджи-Раджабали. Ага-Мардан, сообщи ребятам, сколько они получат.

Ага-Мардан. Разве Ага-Керим не сообщил? Каждый получит по тридцать туманов. А твое вознаграждение известно.

Хаджи-Раджабали. Ага-Мардан, половину вознаграждения надо будет выдать ребятам вперед.

Ага-Мардан. Разумеется. Вы идите. Через два часа Ага-Керим доставит тебе пятьдесят туманов, а ребятам половину их вознаграждения.

Хаджи-Раджабали. Ладно. До свидания!

Все уходят. Затем открывается дверь, и появляются четыре сербаза и Ага-Керим.

Сербазы. Салам-aleyкум!

Ага-Мардан. Алейкум-салам! Садитесь, дети мои, садитесь. Добро пожаловать. Вы уж извините, что побеспокоили вас.

Один из сербазов. Что вы, ага! Нам очень приятно было посетить такого почтенного господина, как вы.

Ага-Мардан. Спасибо, сын мой! Воспитанного человека всегда видно. Вы обедали?

Сербаз. Нет, пообедать мы не успели, очень спешили к вам.

Ага-Мардан. Ага-Керим, пошли одного из слуг на базар, пусть принесет четыре двойные порции чилова⁸ и шербет.

Сербаз. Зачем вы беспокоитесь, ага?

Ага-Мардан. Какое беспокойство? Сейчас время обеда. Как же можно допустить, милый, чтобы вы ушли из моего дома голодными?

Сербаз. Чем можем служить вам, ага?

Ага-Мардан. Особенных услуг от вас мне не надо, сынок. Я хочу задать вам лишь один вопрос.

Сербаз. Извольте, ага, задайте хоть два вопроса.
Ага-Мардан. Это вы хоронили покойного Хаджи-Гафура?

Сербаз. Да, ага, мы.

Ага-Мардан. Спасибо вам, дети мои! Ваша самоотверженность достойна высокой похвалы. Вы не только опора ислама, но и спасители людей в их тяжелые дни. Во время эпидемии холеры ни одно живое существо не осталось в Тебризе, но вы, жертвуя собою, остались в городе. Пусть наградит вас по достоинству великий аллах! Скажите, дети мои, вы застали Хаджи-Гафура в живых?

Сербаз. Да, ага, застали в живых.

Ага-Мардан. А не видели вы тогда при нем месячного ребенка?

Сербаз. Нет, ага, не видели.

Ага-Мардан. Может быть, он был на руках у матери?

Сербаз. Нет, ага. Мы даже спросили у Хаджи-Гафура, нет ли у него детей и родных. Он ответил, что кроме сестры у него никого нет.

Ага-Мардан. Очень может быть, что он не принял в расчет месячного сына, но ребенок в то время был и находился на руках у матери. Кроме вас, есть люди, которые видели ребенка на руках у матери. Я думал, может, и вы видели это. Ну ничего. Так как же вы собираетесь показать во время суда? Ведь между наследниками возник спор о наследстве.

Сербаз. Мы будем говорить то, что знаем. Об этом спрашивал нас и правозаступник сестры Хаджи-Гафура. Мы ему ответили то же.

Ага-Мардан. Ах, вот как! Теперь понятно, почему вы так разговариваете. Вас подучил этот негодяй и безбожник, потому вы и отрицаете, что видели ребенка. Наверное, он обещал каждому из вас по двадцать туманов и даже выдал вам вперед половину?

Сербаз. Нет, ага, он не обещал нам ни одного гроша. Более того, мы попросили у него немного денег на харчи, так он ответил, что свидетель должен быть бескорыстным и ожидать награды от аллаха.

Ага-Мардан. Ах, окаянный! Какой же он, оказывается, скряга! Он не хочет, чтобы кроме него самого, еще кому-нибудь была польза. Подумать только заставляет давать ложные показания по делу о шестидесяти тысячах туманов и жалеет выдать таким молодцам, как вы, хотя бы по двадцать, тридцать туманов на расходы. Клянусь аллахом, редко можно встретить такого скупца, накажи его аллах! Ведет неправое дело да еще скупится!..

Сербаз. Как неправое дело, ага?

Ага-Мардан. Вот так и неправое. Он старается отрицать существование семимесячного сына Хаджи-Гафура, чтобы оставшееся ему от родного отца наследство передать сестре по-

койного. Но аллах не допустит этого. Ребенок жив и здоров. Как же можно забывать? Я защищаю права ребенка, и каждому, кто покажет в его пользу, выдам по тридцать туманов. Я очень надеялся на вас, думал, что вы видели ребенка, и заранее отсчитал по тридцать туманов для каждого из вас. Но, к сожалению, вы говорите, что ребенка не помните. А может быть, если вы увидите ребенка, то вспомните? Ага-Керим, возьми, пожалуйста, ребенка у матери его, вдовы Хаджи-Гафура и принеси сюда.

Ага-Керим выходит и приносит из другой комнаты запеленатого семимесячного ребенка.

Подумайте, дети мои, как следует. Не может быть, чтобы вы не заметили тогда этого ребенка. Разве допустит аллах, чтобы деньги, оставшиеся от отца этому сироте, достались другому, чтобы он влачил жалкое существование, скитался по чужим углам? Но, может быть, тогда в спешке вы не обратили внимания на него? Ведь время-то было тогда такое, что человек и себя не помнил. Ага-Керим, возьми в нише отложенные деньги и принеси сюда.

Ага-Керим быстро берет из ниши четыре бумажных свертка с деньгами и кладет перед Ага-Марданом.

Вот, мои дорогие, кроме той награды, которую, несомненно, воздаст вам аллах, этот сирота приготовил для каждого из вас в этих свертках по тридцать туманов. Это не то, что окаянный Эга-Салман, который вынуждает выступать за неправое дело и из скупости ничего не дает.

Один из сербазов (*обращается к своему товарищу*). Каграман, я припоминаю, что когда мы были у Хаджи-Гафура, слышался детский плач.

Каграман. Теперь и я припоминаю, что в углу комнаты сидела какая-то женщина и держала запеленатого ребенка.

Кафар. Постойте, и я вспомнил, как Хаджи-Гафур сказал, что это его жена и что ребенок его родился месяц назад.

Назар. Как мы могли забыть все это, ребята? И в самом деле, в такое время человек и себя не помнит. Неужели вы не помните, как Хаджи-Гафур просил нас позаботиться о его доме, жене и маленьком сыне, чтобы до возвращения людей в город воры и мошенники не причинили им зла?

Бедель и все другие сербазы. Да, да, и в самом деле, он оставил их на наше попечение.

Ага-Мардан. Да благословит вас аллах, дети мои! Я был уверен, что вы вспомните, как обстояло дело. Возьмите же эти деньги и потратьте на свои нужды. С помощью аллаха, когда закончится суд, каждый из вас получит еще по десять туманов. Правда никогда не останется без вознаграждения. Как вы рассказали мне сегодня, дети мои, так же расскажете завтра на суде. Берите деньги!

С дин из сербазов. Ага, но мы ведь обещали Ага-Салману дать показания в его пользу. Теперь должны ли мы предупредить его, что не можем быть его свидетелями?

Ага-Мардан. Нет, ничего ему говорить не надо. Пусть он продолжает думать, что вы дадите показания в его пользу, и возьмет вас в суд. А там вы покажите то, что показали сейчас здесь. Ага-Салман не имеет права требовать от вас что-нибудь. Если спросит, почему вы дали такие показания, вы ответите, что рассказали все, как было на деле. Берите деньги. Чиллов уже принесли. Пройдите в ту комнату, пообедайте и можете идти. Только у меня к вам одна просьба: пусть никто не знает о том, что я вас вызывал к себе. За сохранение всего этого в тайне я лично обещаю каждому из вас по шапке из бухарского каракуля.

Сербазы. На этот счет будьте покойны, ага! *(Берут деньги.)*

Ага-Мардан. Ага-Керим, отведи ребят в ту комнату, пусть они там пообедают, потом проводи.

Ага-Керим уводит сербазов в другую комнату.

(Один.) Пока что все идет хорошо. Теперь пойду к судебным заседателям и предупрежу их, чтобы завтра во время суда как следует виляли хвостом⁹. *(Выходит.)*

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Происходит в помещении суда. На председательском месте сидит казий. Справа от него Ага-Рахим и Ага-Джаббар, слева Ага-Башир и Ага-Саттар — постоянные судебные заседатели. Пониже сидит Ага-Мардан, защитник вдовы Хаджи-Гафура.

Ага-Башир *(обращается к казию)*. Слава вашей прозорливости и мудрости, ага! Вы знаете, что сделала та вчерашняя женщина, приходившая с жалобой? Оказывается, она сама вытащила у мужа из кармана три тумана, избила его, поцарапала себе лицо, вырвала волосы и пришла жаловаться на мужа.

Казий. А разве я не сказал, что эта женщина не внушает мне доверия, что надо проверить ее жалобу?

Ага-Башир. Так я о том и говорю, хвала вашей мудрости! Ей-богу, наблюдательность у вас сказочная. Никто из присутствующих не усомнился в правдивости показаний той женщины, а вы с первого же взгляда все поняли и сказали, что сомневаетесь в правдивости ее жалобы. Так и оказалось.

Казий. Я не раз выносил по таким делам правильные решения.

Ага-Башир. Недаром говорится, что государственный муж должен действовать по вдохновению. Что же это как не вдохновение?

Ага-Рахим. Чему ты удивляешься, Ага-Башир? Когда все-

158

вышний возлюбит кого-нибудь из своих рабов, то наделяет его мудростью, которой нет ни у кого из его сограждан. Всевышний благоволит к достопочтенному аге и одарил его пронизательностью. Ты называй это вдохновением, а я называю милостью божьей.

Ага-Джаббар. Да, ты прав. Можно объяснить и так и этак. Не так ли, Ага-Мардан?

Ага-Мардан. Конечно, конечно!

Ага-Рахим. Ага-Мардан, как поживает сын Хаджи-Гафура?

Ага-Мардан. Слава аллаху, теперь уже узнает всех, тянется, когда зовут.

Ага-Джаббар. Ему теперь должно быть месяцев семь?

Ага-Мардан. Да.

Казий. Как, разве у Хаджи-Гафура остался ребенок? А я слышал, что у него не было детей.

Ага-Башир. Нет, ага, вам сказали неправду. После него остался очаровательный ребенок. Вчера мы возвращались с намаза и видели его на руках у Ага-Мардана. Похож на Хаджи-Гафура, как две капли воды.

Ага-Саттар. Вы помните, ага, глаза и брови покойного Хаджи-Гафура?

Казий. Конечно. Ведь Хаджи-Гафур умер не так давно.

Ага-Саттар. У этого ребенка глаза и брови точно такие, как у Хаджи-Гафура.

Казий. Я этого не знал. Ага-Мардан, если после Хаджи-Гафура остался ребенок, то и судебного разбирательства не нужно. Ясно, что все имущество Хаджи-Гафура должно достаться ребенку и прочие родственники ни на что не могут рассчитывать.

Ага-Мардан *(заискивающе)*. Если обстоятельства дела доложу вам я, то вы можете заподозрить меня в пристрастии. Пусть доложит о деле Ага-Башир.

Ага-Башир. Я вам доложу, ага, все обстоятельства дела. У Хаджи-Гафура осталась сестра по имени Секина-ханум, которая любит молодого человека по имени Азиз-бек, одного из слугителей деспота. Девушка без ума от него, хочет выйти за него замуж, а тот отказывается взять ее без приданого. Вот девушка и лезет из кожи вон, чтобы получить наследство Хаджи-Гафура и выйти замуж за молодого человека. Тетка хотела выдать ее за купца Ага-Гасана, человека почтенного и состоятельного, но девушка не согласилась. Она взяла себе адвоката и подготовила свидетелей, чтобы доказать, что после Хаджи-Гафура детей не осталось и что оставленные покойным шестьдесят тысяч туманов должны принадлежать ей. Представительница слабого умом женского пола, она вообразила что хитростью и ложью можно получить наследство Хаджи-Гафура. Но она ошибается и напрасно себя утруждает!..

К а з и й. Да, по-видимому, дело это несложное и не требует долгого разбирательства. За два часа мы с ним покончим. Придется лишь выслушать показания свидетелей с обеих сторон.

А га - М ар д а н. Да, господин. Сейчас придут свидетели.

А га - С ат т ар (*обращается к казю*). Ага, вчера приводили к вашей милости двух мальчиков-сирот, и вы позволили сказать, что следует найти благочестивого человека, чтобы поручить их его попечению. По моему разумению, можно было бы поручить их попечению Ага-Мардана, который будет относиться к ним, как к родным детям; это благородный и добрый человек.

К а з и й. Прекрасно. Вы согласны, Ага-Мардан?

А га - М ар д а н. С удовольствием, ага. Я буду заботиться о них, как о родных детях.

К а з и й. Пусть вознаградит тебя творец!

Открывается дверь, и входит Ага-Салман с четырьмя сербазами и Азиз-бек. После них появляются Ага-Аббас, вдова Хаджи-Гафура, Зейнаб-ханум, и четверо свидетелей. Зейнаб-ханум, закутанная в чадру, садится в стороне. Ага-Салман, Азиз-бек и Ага-Аббас становятся с другой стороны.

Ага-Салман, говорят, у Хаджи-Гафура остался сын. Есть ли у тебя доказательства, опровергающие это?

А га - С ал м а н. Ага, у меня есть свидетели, которым перед смертью Хаджи-Гафур заявил, что нет у него других наследников, кроме сестры.

К а з и й. Скажи свидетелям, пусть дают показания.

А га - С ал м а н (*обращаясь к сербазам*). Расскажите все господину.

Первый сербаз. Ваша светлость, за день до смерти Хаджи-Гафура я вместе с товарищами зашел проведать его, и мы спросили, имеет ли он детей. Он ответил, что кроме сестры, Секины-ханум, у него нет никого на свете.

К а з и й. Поклянись, что все так и было.

Первый сербаз. Клянусь аллахом, что так и было.

Ага-Мардан бледнеет и смотрит растерянно. Ага-Салман тоже недоумевает.

К а з и й (*обращается к другим сербазам*). А вы что слышали? Говорите по очереди.

Второй сербаз. Клянусь аллахом, и я так слышал.

Третий сербаз. Клянусь аллахом, и я так слышал.

Четвертый сербаз. Клянусь аллахом, что и я так слышал.

А га - М ар д а н (*в крайней тревоге*). А вы не видели тогда ребенка на руках его жены?

Первый сербаз. Нет, ребенка мы видели в другом месте. Если хотите, расскажем.

А га - М ар д а н. Нет, не надо. (*Обращается к казю*.) Ваша светлость, у меня есть свидетели, которые в тот же день, о котором говорят сербазы, видели на руках у Хаджи-Гафура месячного его сына и спросили у него, чей это ребенок, на что тот ответил, что ребенок—его сын. Свидетели, вот они, стоят перед вами. (*Указывает на своих свидетелей*.) Все они люди грамотные, почтенные и набожные.

А га - С ат т ар (*глубокомысленно*). Ага-Мардан, кажется, этот молодой человек—сын Хаджи-Шерифа?

А га - М ар д а н. Да.

А га - С ат т ар. У такого отца, безусловно, и сын должен быть добропорядочным. Хаджи-Шериф был весьма достойным человеком.

К а з и й (*обращаясь к свидетелям*). Расскажите все, что вам известно.

Га по. Рассказать, что нам известно?

К а з и й. Да.

Га по. Ваша светлость, вчера Ага-Мардан позвал меня с моими товарищами к себе домой, выдал каждому из нас по пятнадцать туманов, чтобы сегодня мы пришли сюда и сказали вам, что во время холеры мы видели на руках у Хаджи-Гафура месячного ребенка, его сына. Я люблю картишки, а потому взял деньги и ушел. Деньги были получены за неправое дело, поэтому и проку от них не могло быть. Прошлой ночью я продул все пятнадцать туманов. Партнер мне попался такой, что даже сам знаменитый шулер Лейладж¹⁰ не годился бы ему в подметки. Вот все, что мне известно. Хаджи-Гафура я ни разу не видел и никогда не разговаривал с ним.

У Ага-Мардана пересыхает в горле.

К а з и й (*обращаясь к другим свидетелям*). А вы что скажете?

Другие свидетели (*хором*). Мы готовы повторить то же, что сказал наш товарищ.

К а з и й (*обращаясь к судебным заседателям*). А вы меня уверяли, что Ага-Мардан набожный человек. Это свидетельствует о вашей собственной не порядочности.

А га - Б а ш и р. Нет, ваша светлость, это свидетельствует о нашей доверчивости и наивности. Мы послушали его рассказы и приняли за набожного человека.

А га - Р а х и м (*своему соседу Ага-Саттару, тихо*). Пусть сгорит дом того, кто лжет! Ты подумай, как хитро вывернулся этот подлец Ага-Башир. А судья еще поверит, что мы в самом деле люди правдивые и доверчивые.

В этот момент появляется старший ферраш Шахзаде.

Старший ферраш (*духовному судье*). Ваша светлость! Его высочество спрашивает, убедились ли вы, что сестра Хаджи-Гафура является законной наследницей?

К а з и й. Да, убедился. А его высочеству известно, при каких странных обстоятельствах это произошло?

Старший ферраш. Да. Хаджи-Раджабали угадал замыслы Ага-Мардана и Ага-Салмана и сообщил его высочеству, который и принял надлежащие меры, чтобы расстроить их планы. Теперь их виновность доказана, и мне приказано доставить их обоих к его высочеству.

К а з и й. Неужели и Ага-Салман лгал и лицемерил?

Старший ферраш. Да, он был соучастником.

Старший ферраш уводит Ага-Мардана и Ага-Салмана.

К а з и й. Азиз-бек, ты теперь представляешь интересы сестры Хаджи-Гафура. Сообщи ей, что через два часа я сам привезу оставленные Хаджи-Гафуром деньги и в присутствии свидетелей вручу ей.

А з и з-б е к. Слушаюсь, ваша светлость. Я пойду. (*Выходит.*)

А г а-Б а ш и р. Чтоб ты не увидел детей своих живыми, негодяй! Какую ложь он накрутил здесь! О, всевышний, каких безбожников ты создал. Как бессовестно старался он доказать, что у Хаджи-Гафура был сын! Какое неслыханное нахальство! Ага-Джаббар, скажи же мне, глупцу, до чего надо быть доверчивым и наивным человеком, чтобы поверить во всякую ложь!

А г а-Д ж а б б а р (*в сторону*). Пусть рухнет дом у того, кто лицемерит! (*Громко.*) Ну, пойдем! Его светлость устал. Что пользы от долгих разговоров?

Первым встает казий, он в глубокой задумчивости; за ним поднимаются остальные и выходят.

Занавес

К О Н Е Ц

ПРОЗА

ОБМАНУТЫЕ ЗВЕЗДЫ

(Рассказ о Юсиф-шахе) Повесть

В начале владычества Сефевидов¹ столицей Ирана был Казвин. Мухаммед-шах Сефеви² после ряда разнообразных событий передал бразды правления своему сыну, Шах-Аббасу Первому³. Описываемое нами событие произошло на седьмой год правления Шах-Аббаса Первого.

Было начало весны, прошло три дня после Новруз-байрама, праздника Нового года. В три часа пополудни Шах-Аббас вел неторопливую беседу со своей любимой женой Сальми-хатун, как вдруг вошел главный евнух, Хаджи-Мубарек, и, низко поклонившись, сказал:

— Главный звездочет Мирза-Садреддин хочет удостоиться чести лицезреть его величество, кыблу вселенной, по весьма важному делу.

Шах попросил Сальми-хатун удалиться в покои гарема, и приказал евнуху:

— Впусти Мирза-Садреддина.

Войдя, главный звездочет низко поклонился шаху и, сложив руки на груди по обычаю, прочитал молитву за своего повелителя и восхваление в его честь.

— Что случилось, Мирза?—спросил шах.

— Всемогущий творец да сохранит здоровье и жизнь кыблы вселенной⁴! Недавно по движению светил стало известно, что через пятнадцать дней после Нового года планета Марс пройдет мимо созвездия Скорпиона и при их сближении в восточных землях, а именно в Иране, на особу верховной власти обрушится удар судьбы. Поэтому я, преданный и верный раб высокого престола, счел своим долгом предупредить об этом кыблу вселенной.

Шах был очень молод, ему только минуло двадцать два года⁵. В эти годы жизнь дорога и мила каждому смертному, а особенно тому, кто стоит на высшей ступени благополучия и владеет шахским престолом. Поэтому молодой шах, услышав сообщение главного звездочета, испугался. Он так побледнел, что казался мертвецом. Через минуту, подняв голову, он сказал Мирза-Садреддину:

— Хорошо, ты свободен, иди!

Низко поклонившись, главный звездочет вышел. Шах, оставшись один, надолго задумался; потом он позвал Хаджи-Мубарека и велел ему:

— Пошли стражей, чтоб сейчас же позвали ко мне везира Мирза-Мохсуна, военачальника Заман-хана, казначея Мирза-Яхья и главного моллу Ахунд-Самеда!

Вскоре созданные главным евнухом люди явились и, выполнив обычные церемонии придворного этикета, молча стали перед шахом, готовые выслушать его приказания.

Шах сказал им:

— Я позвал вас для обсуждения важного вопроса, и вы должны найти путь к его разрешению. Так как собрание верховное, я разрешаю вам сесть.

Присутствующие повиновались.

Шах поведал им роковую весть, только что сообщенную ему главным звездочетом, и заключил рассказ вопросом — каково мнение сановников об этом и какие он должен принять меры, чтобы предотвратить удар судьбы, угрожающий его жизни. Неожиданное известие крайне удивило всех и привело их в смятение. После минутного молчания первым заговорил везир Мирза-Мохсун.

— Преданность ничтожнейшего раба высокому престолу ни для кого не составляет секрета. Конечно, кыбла вселенной, наш великий шах шахов, сам хорошо помнит, в каком плачевном состоянии находилась государственная казна в предшествующее царствование, когда благородные предки шаха по безграничной доброте своей назначали на пост везира людей, чрезвычайно ограниченных и крайне недалеконивидных. Но как только ваш покорный раб узнал, что государственная казна пуста, он немедленно приступил к изысканию способов ее пополнения и придумал следующее действенное средство. Было решено, что каждый из слуг двора, получающий назначение на какую-либо должность или в управление ту или иную провинцию, будет вносить в казну плату в виде подарка, соразмерно полученным им должностям или чину. Для той же цели было постановлено еще следующее. Когда кыбла вселенной удостоит какого-нибудь сановника или начальника вниманием и осчастливит его дом своим посещением, то осчастливленный слуга, в благодарность за такое милостивое отношение шаха к нему, обязан также в виде подарка принести повелителю известную сумму денег и устлать порог своего дома драгоценными тканями и коврами, которые тоже поступают в собственность великого гостя. Благодаря этим мерам в настоящее время, когда не прошло еще и полных семи лет со дня восшествия на престол великого шаха шахов, государственная казна — слава и благодарение аллаху! — полным-полна. Успешному ходу государственных дел ничтожнейший раб ваш всегда оказывал большое содействие, и не было

случая, чтобы он оплошал; но, признаюсь чистосердечно, я крайне затрудняюсь найти средство против движения звезд.

После везира Мирза-Мохсуна, начал говорить военачальник Заман-хан.

— Борода вашего покорнейшего и вернейшего слуги посела на службе великому престолу, которую он нес честно и умело. Так, например, десять лет назад семидесятитысячное турецкое войско, предводительствуемое Бекир-пашой Демирчи-оглы, вторглось в Иран. Тогда великий родитель достойнейшего шаха поручил мне главное руководство иранскими войсками. Хотя они по численности несколько не уступали турецким, но я, опасаясь, как бы наши благороднейшие воины не были побиты и уничтожены нечестивым и злодейским племенем турок, распорядился, чтобы начиная от самой турецкой границы по всему Азербайджану посеяв крестьян были истреблены, их скот угнан, дороги испорчены и мосты разрушены. Перейдя нашу границу, Бекир-паша не встретил никакой воинской силы; зато дороги оказались в таком плачевном состоянии, что артиллерия совершенно не могла двигаться; только пехота и легкая конница после больших трудностей и лишений достигли Тебриза. Бекир-паша разослал отряды турецких воинов по окрестным селам, чтобы добыть пропитание для войска, но им не удалось найти ни одного зернышка, ни одного быка или коровы. Изнуренные и голодные турки на третий день забили в барабаны и бежали из Тебриза, осмеянные и поруганные. Таким образом, иранское государство было спасено от чужеземного нашествия. А решение испортить дороги и разрушить мосты оказалось настолько мудрым и полезным, что наше правительство сочло необходимым оставить их в таком состоянии даже после бегства Бекир-пашы, дабы чужеземные племена и впредь не дерзали переходить нашу границу. Так победоносное войско наше всегда находилось в полном благополучии, и не пролилось ни капли крови даже из пальца ни одного воина. В подобных случаях старейший пес высочайшего двора в состоянии пустить в ход всю свою изобретательность, но... придумать что-либо против предсказания звезд мой ум бессильно...

Военачальник умолк. Страх еще сильнее сжал сердце шаха. Очередь дошла до казначея Мирза-Яхья.

— Ничтожный раб ваш, состоящий в родстве с везиром, воспитывавшийся под его руководством и достигший благодаря его содействию настоящего своего сана, проявлял преданность и честность, полностью проникся его замыслами, его благими стремлениями и его образом действия. Известно, что низшие наши служащие и воины получали жалованье из доходов по указу кыблы вселенной, скрепленному моей подписью. Когда выяснилось, что государственная казна, как об этом докладывал везир, пуста и денег нет, я был этим очень огорчен. Хотя я и подписывал тогда все указы на выдачу жалованья и рассылал

их по округам, но все это делалось только для того, чтобы подержать авторитет власти и не уронить ее представителей в глазах населения. Еще до отсылки указов, я направлял каждому правителю округа тайное предписание: не выдавать жалования по указам и ждать моего особого разрешения. Благодаря этим мерам государственная казна за короткий срок переполнилась. Что же касается войска и чиновников, которые лишены были положенного им жалования, то благодаря миру и спокойствию, царившим в стране, и небывалой дешевизне, они не чувствовали особой нужды в жалованье. При затруднительных обстоятельствах, подобных указанным, мой ум достаточно изворотлив и проницателен, но найти средство против небесных светил он не в силах.

Наконец очередь дошла до главного моллы, и он сказал так: — Да сохранит всеблагий творец во имя чистейших и святейших имамов⁶ благородное тело нашего шаха от небесных стихий и земных несчастий! Ваш покорный раб беспрекословно молится за благороднейшую династию Сефевидов, хотя и чувствует свое ничтожество перед величием этой могущественной династии и знает, что, сколько бы он ни восхвалял и ни молил о ее процветании и долголетье, все же не в состоянии исполнить свой долг; это—сверх его сил. Когда великий родитель кыблы вселенной удостоил меня почетным званием главного моллы, половина жителей Ирана, не исключая и престольного города Казвина, была суннитами⁷. Душеспасительными наставлениями и силою убедительных проповедей, с одной стороны, и внушительными угрозами—с другой, я направил всех исповедовавших суннитскую веру на истинный путь двенадцати имамов. Теперь, благодарение аллаху, на иранской земле не найдется и десятка суннитов. Приятным своим долгом считаю отметить с благодарностью также и благодушие самого народа: все бывшие сунниты, по одному моему предложению, отказались от верования своих отцов и дедов и приняли истинное учение. Я хотел обратить в шиитскую веру даже армян и евреев, но мудрые люди отсоветовали, указав на другие государства, в которых армяне и евреи также проживают в незначительном числе и где никто не касается их религии.

Известно, кроме того, что, согласно толкованию вернейших хадисов—изречений святейших имамов, шахи, восседающие на троне и носящие венцы в мусульманских странах, не считаются святыми и достойными поклонения, так как это преимущество составляет исключительное право имама или его преемника—науученейшего муджтахида. Для устранения этого недоразумения я послал всем духовным лицам и проповедникам приказ: объявить народу, что сила вышеупомянутых преданий не распространяется на ныне царствующую династию Сефевидов, как происходящую от потомков пророка и имамов. Очевидно, мудрейшие имамы изволили этими изречениями ограничить власть

и значение других шахов, а не своих потомков. В данное время, когда жизнь кыблы вселенной находится в опасности от неизъяснимых действий небесных светил, сердце покорнейшего раба вашего трепещет от горя и бьется, как рыба, выброшенная на сушу, а ничтожный ум мой подсказывает мне, что этот проклятый звездочет вернее всех нас может найти выход из этого положения. Он—подлый изменник, открывший намерения звезд, но скрывший средства борьбы с ними. Я уверен, что он строит козни: может ли быть, чтобы, указав яд, он не знал противоядия? Наш пророк, да будет благословенно его имя, не напрасно сказал: «Все звездочеты—лжецы». Изречение это, по моему мнению, берет под сомнение именно их поступки, а не знания и ученость, так как в большинстве случаев предсказания проклятых звездочетов, к сожалению, оправдываются, но сами они плуты и пройдохи. Надо бы вызвать самого главного звездочета и приказать ему найти средство против опасности, угрожающей шахиншаху. Если же он станет отнекиваться, велите палачу отрубить ему голову!

Главный молла давно враждовал с главным звездочетом. Теперь обстоятельства складывались благоприятно для того, чтобы «сжечь могилы отцов» всех звездочетов, не исключая и главного. Да и главный звездочет Мирза-Садреддин проявил изрядную несообразительность: чего ему вздумалось сообщить шаху такую страшную весть, свергать его в ужас и к тому же рисковать своей жизнью? Впоследствии эту оплошность многие ставили ему в вину, но тот оправдывался, говоря:

— Я поспешил с этим неприятным сообщением из боязни, как бы другие звездочеты не сделали этого. Тогда шах, несомненно, счел бы меня невежественным ослом, и, наверное, лишил бы должности главного звездочета.

Так или иначе, но после неприятного известия шах всей душой возненавидел главного звездочета, а после слов главного моллы пришел в такую ярость, что, кликнув Хаджи-Мубарека, приказал, не медля ни минуты, послать стражу за главным звездочетом Мирза-Садреддином.

Не прошло и часа, как Мирза-Садреддин предстал перед повелителем. Шах, напоминаясь разъяренного льва, приподнялся на коленях, и гневно закричал:

— Как осмелился ты, собачий сын, грозить мне бедою, скрывающейся в звездах, не сказав о средствах против нее?! Эй, палач!..

В одно мгновение явился палач с мечом за поясом и веревкой в руках. Мертвенно-бледный Мирза-Садреддин дрожал, как лист. Указав на него, шах приказал палачу:

— Уведи этого пса и отруби ему голову!

Военачальник Заман-хан, хотя и был храбрым воином, но сердце имел мягкое и сострадательное. Ему стало жаль главного звездочета, и он начал просить шаха помиловать его:

— Кто нас выручит из беды, если этому псу отрубят голову? Осмеливаюсь просить ваше величество из уважения к моим сединам не торопиться с казнью этого ничтожного раба и велеть ему найти средство против угрожающей нам опасности. Если же он окажется не в силах сделать это, пусть тогда палач расправится с ним.

Шах велел палачу удалиться. Затем, обратившись к главному звездочету, приказал:

— Презренный раб! Немедленно укажи средство, как избавиться от грозящей нам беды!

Бедный звездочет был в крайне затруднительном положении. Он решительно не знал никакого средства против неблагоприятного расположения звезд, но страх заставил его скрыть свое неведение. Дрожа всем телом, он взмолился:

— Я, прах с ваших ног, осмеливаюсь доложить, что беду эту можно предотвратить. Только дайте час срока—заглянуть в «Зиджи-Улуг-бек»⁸ и определить, какие средства названы там против подобных явлений.

Надо заметить, что в «Зиджи-Улуг-беке» не упоминается ни о каких средствах против неблагоприятного расположения звезд. Главный звездочет выдумал это, чтобы оттянуть время и успеть сбежать за советом к своему учителю Мовлана-Джемаледдину, которого считал лучшим знатоком астрологии.

Шах дал согласие, но главный звездочет не успел еще выйти, как вошел Хаджи-Мубарек и доложил шаху о Мовлане-Джемаледдине, желавшем лицезреть шаха. Шах приказал впустить его, а главному звездочету велел пока оставаться во дворце. Вошел Мовлана, низко поклонившись шаху, опустился на указанное ему сиденье и начал так:

— Да продлит всевышний жизнь повелителя мира! Я, покорный раб его, вследствие старческой немощи обречен судьбою проводить остаток жизни в одиночестве. Но неблагоприятное расположение звезд принудило меня пересилить себя и предстать перед вашими светлыми очами. Через пятнадцать дней после праздника Новруз-байрам планета Марс пройдет мимо созвездия Скорпион, и при их сближении разразится величайшая беда над благородной кыблой вселенной. Поэтому ваш покорный слуга счел своим долгом объявить вашему величеству о предстоящей опасности и указать меры для ее предотвращения, так как молодые, неопытные звездочеты могли не разобраться в движении звезд и упустить это важное предзнаменование.

Шах очень обрадовался такому сообщению Джемаледдина.

— Мы сами, Мовлана,— сказал он,— заняты этим вопросом. Событие это нам известно. Посоветуйте, какие принять меры. Мовлана сказал:

— В эти злополучные дни, то есть через пятнадцать дней после Новруза, кыбла вселенной должен отстраниться от государственных дел. Он должен отказаться от власти и престола,

передать их какому-нибудь преступнику, достойному смерти, самому же удалиться и пребывать в неизвестности. Тогда разрушительное действие звезд разразится над головой грешника, который будет в это время полновластным шахом Ирана. Когда же нечестивец, мнимый шах Ирана, погибнет, кыбла вселенной вновь появится, займет свой трон и будет царствовать в полном счастье и здравии, на славу нашего могучего государства. Но такая перемена в жизни его величества должна совершиться в строжайшей тайне, и никто из его подданных не должен знать, что шах, вынужденный обстоятельствами, временно уступает свой престол. Напротив, все подданные должны считать грешного злодея подлинным властителем Ирана. Необходимо также расторгнуть брачные акты всех жен шаха и освободить их от брачных уз. Затем можно предложить им выйти замуж за Аббаса Мухаммед-оглы, отныне уже не шаха Ирана, а простого иранского подданного. С теми из жен, которые будут согласны вторично вступить в брачный союз, следует заключить брачный акт, а с несогласными немедленно учинить развод.

Главный звездочет избавился от опасности. Шах уже не испытывал никакого страха. На его побледневших щеках снова выступил румянец. Члены верховного совета стали хвалить находчивость и прозорливость Мовлана. С сияющим от радости лицом шах обратился к главному молле с вопросом, есть ли у него на примете нечестивец, смерть которого могла бы быть одобрена предписаниями шариата и которому можно было бы предоставить управление государством.

Главный молла ответил:

— Да сохранит творец миров жизнь кыблы вселенной! В нашем городе, Казвине, с недавних пор появился некий бездельник, великий грешник, подобного которому не сыскать во всей вселенной. Имя его—Юсиф, по ремеслу он—седельник; где он жил раньше—неизвестно, но только, поселившись в Казвине, он собрал вокруг себя приверженцев—чернь и подонков общества, и вечно хулит высокопочитаемых ученых и бескорыстных служителей шариата. Проклятый открыто говорит своим последователям, будто высокоуважаемые ученые-богословы обманывают простой народ. По его словам, например, священная война не обязательна, а уплата налога в пользу потомков пророка и духовенства незаконна; будто современные богословы не признают предшествовавших ученых, чтобы не уменьшить своего значения и успешнее морочить простой народ. Он утверждает, что все должностные лица, начиная с сельского старшины и кончая самим венценосцем,—разбойники и тираны. По его мнению, стране и нации нет никакой пользы ни от кого из них; ради удовлетворения своих потребностей они облагают бедный народ всякими податями и ненужными поборами; в своих делах и поступках они не руководствуются законами, нарушают требования справедливости и чести. Так, говорит он, поступают

лишь злодеи, грабители и разбойники. Утверждают также, что этот нечестивец по своим религиозным убеждениям принадлежит к поганой секте, исповедующей переселение душ. Преданный раб победоносной и могущественной державы нашей осмеливается думать, что лучше всего предоставить временное правление этому проклятому мятежнику, чтобы он погиб от разрушительного действия звезд и нашел возмездие в глубинах ада!

Члены совета, одоббив мнение главного моллы, единогласно заявили, что собачий сын, седельник Юсиф, вполне заслуживает наказания неба и достоин смерти.

Довольный шах заявил:

— Я согласен. Пусть он погибнет такой смертью! Намеченные меры провести завтра.

Затем члены верховного совета разошлись.

Может быть, читатели усомнятся в правдивости этой истории и сочтут ее за вымысел автора? В таком случае я рекомендовал бы им открыть книгу «Тарихи Алим-Арам» и почитать там страницы, посвященные седьмому году царствования Шах-Аббаса.

Теперь познакомим читателя с седельником Юсифом.

Юсиф родился в деревне близ Казвина. Отец его, крестьянин, по имени Кербалай-Селим, был человек богобоязненный и благочестивый. Он мечтал сделать своего сына моллой и дать ему возможность войти впоследствии в просветленный круг ученых богословов. С этой целью он привез Юсифа в Казвин и определил в школу. Достигнув совершеннолетия, Юсиф для пополнения и совершенствования богословских знаний отправился сначала в Исфаган, а затем в священный город Кербалу, где слушал проповеди учений богословов.

В продолжение многих лет, изучая мусульманские науки, Юсиф ближе узнал духовенство и ученых. Убедившись в том, что они лицемерны и лживы, он не захотел стать моллой и навсегда сохранил в сердце непреодолимое отвращение к этому званию. Из Кербалы он переселился в Хамадан.

Когда ему было сорок лет, он обучился за год ремеслу седельника. После чего вернулся в Казвин, где можно было заработать больше, чем в других городах. Здесь Юсиф женился и открыл мастерскую. Видя лицемерие молл и гнусные поступки продажных чиновников, этот честный и благородный человек возмущался всей душой, и не в состоянии был удержаться от изобличения их. Правдивость и смелость Юсифа завоевали ему немало искренних и преданных друзей, но в конце концов они же стали причиной его гибели.

На следующий день, за два часа до полудня, по приказанию шаха собрались во дворце министры, вельможи, благороднейшие сановники, достойнейшие ученые, потомки пророка—сеиды—и чиновники, начиная с великого везира и кончая уличным старшиной. Каждый из них, заняв свое место в обширной приемной, стоял молча, с трепетом ожидая появления властителя мира. Вскоре показался шах в полном шахском облачении. На голове у него была сверкающая корона. В руках он держал золотой скипетр, усеянный драгоценными камнями. На поясе висел меч—символ шахского могущества. Пояс, рукавочки и ножны меча, а также нарукавники были украшены самоцветами. Шах сел на трон и обратился к собравшимся со следующими словами:

— Уже седьмой год, о мои верноподданные, как я по воле предвечного творца царствую над вами. Каждому из вас я оказывал по мере сил милость и внимание. Я в свою очередь доволен всеми вами, так как вы по исконной преданности могущественной династии Сефевидов не проявили недостатка в усердии, искренности и любви ко мне. Теперь по некоторым причинам, которые я не считаю нужным открывать вам, я вынужден отречься от верховной власти и предоставить ее лицу, более достойному и опытному в делах правления. Человека этого укажут вам главный молла, военачальник. Заман-хан, везир, казначей, Мовлана-Джемаледдин и главный звездочет. Вы все должны пойти к нему и с подобающими почестями торжественно привести во дворец. Посадив его на этот трон, вы должны признать его полновластным вашим господином и беспрекословно подчиняться его воле. Несчастье падет на голову того, кто нарушит этот мой приказ и осмелится проявить малейшее неповиновение новому шаху.

После этих слов шах, сняв с головы корону, положил ее на трон; снял также богатый свой наряд, отстегнул меч и облачился в простую одежду. Затем он вновь обратился к собравшимся:

— Отныне я один из самых обыкновенных людей, бедняк Аббас Мухаммед-оглы; с этого дня вы не увидите меня. Прощайте, да хранит вас всемогущий создатель!..

Потом он спустился со ступеней трона и направился в гарем.

Участники большого совета были крайне изумлены и не знали, как объяснить все происшедшее...

По повелению шаха все его жены собрались на женской половине и с нетерпением ожидали появления своего властелина. Увидев его в простой одежде, красавицы гарема готовы были расхохотаться, но суровый вид и грозный взгляд шаха заставили их сдерживать смех. Хаджи-Мубареку было приказано привести Молла-Расула с двумя его помощниками. Моллы, заранее предупрежденные, ждали у двери гарема. Когда они вошли и по приказу шаха уселись, он сказал:

— Милые мои жены, с болью в сердце я вынужден сообщить вам о весьма печальном событии. Да будет вам известно, что с этого дня я—уже не повелитель Ирана; у меня нет более ни великолепных дворцов, ни казны, ни других богатств, я не могу вас отныне нарядно одевать и содержать в роскоши. Теперь я—простой житель Ирана, бедный и зависимый. Поэтому я вынужден развестись с вами и предоставить каждой из вас полную свободу в выборе себе мужа.

Потом он приказал молле совершить обряд расторжения брака между ним и его женами. Молла-Расул в присутствии двух свидетелей приступил к своему делу. Жены поняли, что в жизни шаха произошло что-то необычное. Страх и смятение овладели ими. Они ничего не знали о случившемся и стояли растерянные и потрясенные.

По окончании обряда Хаджи-Мубарек, по приказанию шаха, разорвал листы брачных актов.

Затем шах вновь обратился к бывшим женам:

— Если кто-нибудь из вас, презрев бедность и лишения, согласится стать моей женой, то есть женой Аббаса Мухаммед-оглы, то молла вновь совершит брачный акт.

Почти все женщины выразили согласие стать женами шаха, так как он был молод и красив. К тому же они приняли все это за шутку и никак не могли примириться с мыслью, что Шах-Аббас, добровольно и по непонятной им причине отказавшись от престола, превратился в Аббаса Мухаммед-оглы.

Только две красавицы, взятые в шахский гарем против воли, заявили, смущенно потупив глаза, что они во всех отношениях чувствовали себя счастливыми, находясь в брачном союзе с шахом, но теперь, лишившись этого счастья, не согласны вступить в брак с Аббасом Мухаммед-оглы.

Обе красавицы тотчас же получили полную свободу.

Одна из них была грузинкой. Ее прислал шаху в подарок правитель Грузии. Взяв свои драгоценности, богатые наряды и много золота, она на следующий же день со своим двоюродным братом уехала на родину. Там не поверили ее рассказам и решили, что она убежала из Ирана. Хотели даже вернуть ее обратно, но потом как-то забыли о ней. Впоследствии она вышла замуж за молодого грузина и осталась в Грузии.

Другая красавица, дочь богатого казвинского купца, была некогда обручена с красивым молодым человеком. Слуги шаха прознали о ее красоте и донесли его величеству. Ее взяли из отцовского дома и водворили в гарем. Она воспользовалась представившимся счастливым случаем, чтобы вернуться в отчий дом. Впоследствии она вышла замуж за своего бывшего жениха.

Остальные жены вновь вступили в брак с Аббасом Мухаммед-оглы, после чего Хаджи-Мубареку было приказано отвести их пешком в дом, находившийся на окраине шестого квартала города Казвина, а самому вернуться во дворец. Последним из гарема вышел Аббас Мухаммед-оглы и скрылся из виду.

Мастерская седельника Юсифа находилась на восточной стороне площади, у шахской мечети. Прошло два часа после полуденной молитвы. Юсиф, совершив молитву, усердно работал в своей мастерской, дошивая заказанную ему уздечку, которая по просьбе заказчика должна была быть готова в тот же день. Около него сидели двое друзей и внимательно слушали его. Юсиф говорил о дороговизне, разорившей несчастных бедняков в этот тяжелый год: в конце прошлого года из-за длительной засухи и из-за того, что в районе Казвина было очень мало воды, большая часть урожая сгорела. Это и стало причиной дороговизны. Седельник говорил:

— Удивляюсь правительству, которое имеет множество возможностей провести воду в Казвин, но никак не использует их, хотя это очень важно для улучшения положения населения и благоустройства столицы.

В это время с западной стороны площади показалось густое облако пыли. Юсиф, держа в руке иглу, поднял голову и увидел торжественную процессию. Ему, конечно, и в голову не пришло, что она направляется к нему. Впереди шли двенадцать придворных слуг в пестрых костюмах и четырехугольных шапках. За ними двигались двенадцать знаменосцев с разноцветными знаменами в руках. Дальше двигалась толпа придворных слуг: один из них нес на голове большой круглый поднос. Затем следовали вооруженные палками стражи, сопровождавшие главного конюшего, который вел под уздцы красивую лошадь туркменской крови. Дорогое седло и попона на ее спине были усеяны драгоценными камнями, нагрудник расшит золотом, уздечка украшена жемчугами, с шеи лошади свешивалась кисть изумрудов.

За ними шли главный молла Ахунд-Самед, военачальник Заман-хан, везир Мирза-Мохсун, казначей Мирза-Яхья, Мовлана-Джемаледдин, главный звездочет Мирза-Садреддин, почтеннейшие ученые богословы, славнейшие сеиды, достойнейшие вельможи, сановники, чиновники и другие представители шахского двора. За блестящей свитой следовали пешие и конные воинские отряды. Торжественное шествие двигалось спокойно, величественно и остановилось перед мастерской седельника Юсифа.

Главный молла Ахунд-Самед и военачальник Заман-хан выступили вперед, отвесили Юсифу низкие поклоны. Юсиф поднялся на ноги и, недоумевая, ответил им таким же поклоном.

Главный молла заговорил первым:

— По predeterminedению судьбы, ты, мастер Юсиф, с этого дня являешься нашим повелителем. В настоящее время престол иранского государства свободен от Шах-Аббаса. Осчастливь и порадай нас! Пожалуй во дворец, где должен совершиться обряд твоего восшествия на шахский престол.

Седельник Юсиф, ошеломленный услышанным, не находил

объяснений этому происшествию. Перед ним в полном составе стояли представители высшей власти. Слова эти говорил ему не кто иной, как главный молла, считавшийся одним из самых влиятельных людей в Иране. Но вместе с тем все происходящее было до того удивительно и неожиданно, что Юсиф не мог поверить своим глазам и ушам. Наконец, собравшись с духом, он ответил главному молле:

— Высокочтимый молла! Я знаю, что вы один из самых разумных и самых влиятельных людей Ирана, но в данном случае... не знаю... не сошли ли вы с ума, не приняли ли гашиша, что обращаетесь ко мне с такими бессмысленными речами? Я — простой ремесленник, очень далекий от мысли занять престол, между мной и шахом — непроходимая пропасть. Клянусь творцом, я не могу понять, к чему клонятся ваши столь безрассудные речи. Покорно прошу оставить меня в покое и не потешаться надо мной.

Тогда выступил с речью Заман-хан.

— Ты, мастер Юсиф,—сказал он,—являешься в настоящее время кыблой вселенной, а мы все—твой рабы, псы твоего счастливейшего двора. С твоей стороны совершенно неуместно покорно просить нас о чем-либо. Ты можешь повелевать нами. Никто из нас не впал в безумие и не одурманил себя гашишем, все мы в полном сознании и здравом рассудке. Но предопределенное всевышним неотвратимо. С этого дня ты—повелитель всего Ирана. Поэтому, как уже имел счастье просить главный молла, пожалуй во дворец, чтобы без промедления был совершен обряд коронавания.

После этого он обратился к стоявшим тут же четырем придворным слугам и приказал:

— Принесите шахские одежды и оденьте властителя мира!

Держа в руках поднос, на котором находились одежды шаха, придворные слуги вошли в лавку седельника Юсифа. Поставив поднос на пол, они принялись за дело. Сопротивление было бессмысленно, и седельник Юсиф покорно отдал себя в руки слуг. Сняв с Юсифа поношенное платье ремесленника, они одели на него богатое царское одеяние. Затем главный конюший подвел коня, покрытого вышитой золотом и украшенной драгоценными камнями попоною. Седельника Юсифа посадили на коня, и торжественное шествие в прежнем порядке направилось обратно к шахскому дворцу. На улице непрерывно раздавались громкие, повелительные крики усердных шахских стражей:

— Посторонись! Посторонись!

Все жители Қазвина — от мала до велика, мужчины и женщины, прильнули о окнам или, поднявшись на крыши домов, с любопытством смотрели на великолепную процессию. Но никто не знал, в чем дело, все были в большом недоумении.

У шахского дворца слуги помогли седельнику Юсифу сойти с коня. Главный молла и военачальник Заман-хан, подхватив

его под руки, ввели в тронный зал и, соблюдая все гребования этикета, посадили на шахский трон. Все вельможи, ученые, сенды, высшие должностные лица и другие представители блестящего двора стали перед ним, сложив на груди руки, в почтительном ожидании.

Прочитав молитву, главный молла возложил на голову седельника Юсифа шахскую корону, на пояс его повесил меч, укрепил осыпанные бриллиантами нарукавники и вложил в руки скипетр. Затем он произнес еще одну молитву, и, обратившись к присутствующим, предложил принести торжественные поздравления шаху.

Дружные и несмолкаемые крики: «Слава ему!» раздались под сводами и отдались эхом во всех помещениях обширного дворца. Музыка заиграла торжественный гимн, взлетела сигнальная ракета, и за городом раздались раскаты ста десяти пушечных выстрелов.

Хотя после Саади и Хафиза⁹ персидская поэзия пришла в упадок и творения поэтов сводились в большинстве к пустым и бессодержательным сочетаниям слов, но в этот счастливый день нашлось несколько певцов, воспевших в звучных, торжественных одах восшествие Юсиф-шаха на престол Ирана. В одах прославлялись редкие достоинства нового шаха, уподоблявшегося в мудрости Сулейману, в щедрости—Хатему, в храбрости—Рус-тему¹⁰, а могуществом не уступавшего стихии и року. Год его восшествия на престол был отмечен поэтами в следующем двустишии¹¹:

Не царем красавцем был наш Юсиф,
Он был шахом государства иранского.

По окончании обряда коронавания главный молла объявил всем собравшимся, что они свободны, и придворные немедленно удалились. В великолепном зале остались Юсиф-шах на троне да покорно стоявшие перед ним евнух Хаджи-Мубарек с несколькими евнухами, старший слуга Азим-бек со слугами; во дворе перед дворцом находились люди шахской охраны.

Чувствуя себя как бы в мире чудес, Юсиф-шах на несколько минут погрузился в глубокое раздумье. Затем, обратившись к Хаджи-Мубареку, он спросил:

— Кто вы такие?

— Мы—ваши покорнейшие рабы,—ответил Хаджи-Мубарек, евнух шахского гарема; я—старший над евнухами, а это—мои помощники.

Потом Юсиф-шах обратился к слугам:

— А вы кто такие?

Азим-бек, главный слуга, ответил:

— Мы—ничтожнейшие слуги вашего величества: я—их начальник, а это—мои подчиненные.

Далее Юсиф-шах спросил:

— А те, что стоят во дворе, кто они?

— Это отряд придворных стражей,—ответил Азим-бек.—Они всегда стоят наготове в ожидании шахских приказаний.

Юсиф-шах приказал:

— Удалитесь все отсюда, пусть останется только Хаджи-Мубарек.

Когда все вышли, шах подозвал к себе Хаджи-Мубарека и сказал ему:

— По твоему лицу вижу, что ты—хороший человек. Ради бога, Расскажи мне, чем все это объяснить? Не может быть, чтобы ты, постоянно живя в гареме, не знал причины этого события.

Хаджи-Мубарек, действительно, был человек простосердечный и правдивый. Считая недостойным скрывать истину от кыблы вселенной, он решил рассказать ему все. Хаджи-Мубарек всегда стоял за дверьми комнаты Шах-Аббаса, чтобы немедленно, по первому же зову, предстать перед ним. Поэтому он знал все тайны своего повелителя. Он хорошо знал о событиях вчерашнего дня и слышал все, что было сказано на совещании членов верховного совета. Подробно, от начала до конца, рассказал он Юсиф-шаху о случившемся.

— А где Шах-Аббас?—спросил Юсиф-шах.

— Переодевшись простолюдином, он скрылся, и местопребывание его никому не известно,—ответил Хаджи-Мубарек.

Юсиф-шах был человек умный. Звезд он никогда не боялся, и все же такой необычайный поворот в его жизни смущал и пугал его. Однако возведенный на престол придворными и зная, он не имел возможности сложить с себя обязанности шаха. Таким образом, вынужденный обстоятельствами Юсиф-шах принял на себя управление государственными делами Ирана.

Первым делом он потребовал к себе начальника охраны Асад-бека и строго приказал ему:

— Немедленно отправляйся с двенадцатью воинами в город, возьми под стражу главного моллу Ахунд-Самеда, военачальника Заман-хана, везира Мирза-Мохсуна, казначея Мирза-Яхью, главного звездочета Мирза-Садреддина, Мовлана-Джемаледдина и посади всех их в темницу Арика. Исполнив приказание, вернись и доложи мне.

Асад-бек, низко поклонившись шаху, вышел.

Затем Юсиф-шах вызвал к себе главного слугу Азим-бека и приказал:

— Сегодня я ничего не ел, вели приготовить мне ужин!

Главный слуга доложил шаху, что поварам сделано соответствующее распоряжение, и они заняты приготовлением ужина.

Тогда шах пожелала осмотреть дворец, комнаты гарема и свою опочивальню.

Главный слуга Азим-бек и евнух Хаджи-Мубарек, идя впереди, показывали ему залы внутренних покоев.

Первый зал был устлан дорогими узорчатыми коврами. На стенах и на потолке были изображены птицы, цветы и травы. Во втором зале, пол которого также был покрыт дорогими коврами, красовались портреты прежних шахов из династии Сефевидов и отличившихся в каком-либо искусстве царевичей. В третьем зале были собраны картины с изображениями знаменитых царей других династий. Стены четвертого зала были расписаны фресками, на которых были изображены воспетые в книге «Шахнаме» сцены борьбы древних иранских витязей с мазандаранскими дивами с рогами и хвостами. Стены следующего зала рассказывали о походах и битвах с другими народами Шах-Исмаила из династии Сефевидов. Стены всех комнат гарема были украшены изображениями девушек и юношей. Юноши предлагали девушкам букеты цветов, а те протягивали им наполненные вином золотые чаши. В каждой комнате гарема было роскошное ложе.

Юсиф-шах выбрал одну из комнат гарема для своей опочивальни. Затем он спросил Хаджи-Мубарека, где хранятся наряды и украшения бывших обитательниц гарема. Хаджи-Мубарек сказал, что наряды и украшения шахских жен находятся в особой комнате, но она заперта, и ключ от нее—у хранителя сундуков, Ага-Гасана. Хранитель сундуков был немедленно вызван, он и открыл хранилище. У всех четырех стен большой комнаты были расставлены сундуки всевозможных размеров. Юсиф-шаху показали разнообразные роскошные женские наряды, дорогие кашемировые шали, тонкие шелковые ткани, платья из дорогой парчи, золотые филигранные букеты и диадемы из самоцветов, бриллиантовые серьги, дорогие кольца, жемчужные ожерелья и множество других сокровищ.

У Юсиф-шаха было три дочери и два сына. Старшей дочери исполнилось четырнадцать, а двум другим—двенадцать и восемь лет. Одному сыну было шесть лет, другому—четыре года. Для каждой дочери он выбрал букет, кольцо, ожерелье, серьги, тонкую шаль и красивое платье. Для жены он отобрал такую же шаль и платье. Передав Хаджи-Мубареку все эти вещи, он приказал отнести их домой на вторую улицу Казвина и вручить жене. Вместе с тем он велел сказать ей, чтобы она не беспокоилась о его участии и прислала завтра к нему сыновей.

Хаджи-Мубарек ушел в сопровождении двух стражей, которых велено было нести подарки.

Солнце клонилось к закату. По почтительному приглашению главного слуги шах вернулся в первый зал, где в золотых подсвечниках горели свечи и был накрыт стол для шахской трапезы. Совершив омовение и вечернюю, а затем и ночную молитвы, шах сел ужинать. Слуги подавали разнообразные яства. Шах утолил голод. Скатерть была убрана. Принесли шаху таз

с кувшинчиком, и он помыл руки. Подали кофе, после чего принесли кальян, и он стал курить.

В это время вошел военачальник дворцовой охраны Асадбек и доложил, что приказание его величества исполнено. Шах выразил удовлетворение и отпустил его. Вслед за ним явился Хаджи-Мубарек и доложил, что посланные вещи переданы по назначению. Жена и дочери шаха пришли в восторг от присланных подарков. Они не только больше о нем не беспокоятся, но очень рады неожиданному счастью и прыгают от радости.

Затем шах расспросил Хаджи-Мубарека и начальника охраны о некоторых интересовавших его вещах, а когда наступила ночь, пошел в свою опочивальню. Ему приготовили постель. Он приказал начальнику охраны расставить стражу в том же порядке, как это было раньше, лег и вскоре уснул. Главный слуга и внук Хаджи-Мубарек вышли от шаха, и каждый удалился в свою комнату.

На следующий день Юсиф-шах пригласил своих друзей: Молла-Рамазана, Курбан-бека, Мирза-Джалила и Мирза-Заки, которым полностью доверял. Когда они явились, шах отдал должность главного моллы Молла-Рамазану, Курбан-бека назначил военачальником, пожаловав ему вместе с тем ханское звание; везиром назначил Мирза-Джалила, а государственным казначеем—Мирза-Заки, должность же главного звездочета была упрямлена как вредная и народу и государству.

Шах приказал разослать правителям всех провинций строгий указ о том, чтобы они не смели взыскивать с населения неправильные и непредусмотренные законом налоги, чтобы правители ради личной наживы и удовлетворения своих страстей, не налагали на мирных граждан незаконных взысканий, не казнили, не подвергали их наказаниям и пыткам, вроде выкалывания глаз, отсечения ушей и носа. Затем шах назначил в каждый округ надежных чиновников-надзирателей. Им вменялось в обязанность собирать точные сведения о состоянии каждого округа, о нуждах населения и обо всем докладывать лично его величеству.

Шах вызвал этих новых чиновников-надзирателей во дворец и обратился к ним со следующей папугуственной речью:

—Объявите от моего имени правителям провинций, чтобы они боялись бога, судили по справедливости, не разоряли населения лихонством и незаконными поборами. Пусть они твердо помнят, что подобные поступки станут впоследствии причиной их собственного несчастья, а то и гибели. Они не раз были свидетелями того, как люди, нажившие себе богатства неправым способом, в конце концов впадали в ужаснейшую нищету и даже лишались головы. Ни один род в Иране не сохранил богатств, добытых путем несправедливых поборов и грабежей. Где нес-

метные богатства Джафар-хана Дамаганского? Где сокровища Селим-хана Карагезлу? Где имущество Мирза-Наги Ширазского? Каждого сановника, разбогатевшего на государственной службе, иранские повелители под тем или иным предлогом всегда привлекали к ответственности, отбирали у них все нажитое насильем имущество, а самих подвергали казни или обрекали на жалкое существование в нищете. Правители провинций подобны в этом отношении пиявкам, которые раздуваются от высосанной крови, но затем, когда их отрывают, теряют все высосанное; многие из пиявок гибнут, а некоторые делаются хилыми и немощными. Если правители умерят свои желания и смогут удовлетвориться положением им по закону жалованьем, они укрепятся в своем положении, будут любимы населением, получат повышение по службе, увеличат свое благосостояние и прославят свое доброе имя.

После этого он отпустил надзирателей.

По распоряжению шаха были сокращены расходы двора. Он обратил особое внимание на благоустройство путей сообщения; велел отремонтировать все дороги и восстановить мосты, построить между городами и большими селами постоянные дворы и заезжие дома, открыть в каждом округе школы и больницы; там, где ощущается недостаток в воде, прорыть каналы и провести воду; оказывать помощь вдовам, сиротам, калекам, слепым.

Юсиф-шах запретил всяким бездельникам причислять себя к духовенству, а те, кто выражал желание иметь духовный сан, получали особое разрешение главного моллы; еще Юсиф-шах постановил, чтобы повсюду число духовных лиц соответствовало нуждам и потребностям населения. На содержание духовенства шах назначил определенную сумму из государственной казны: этим он ставил духовенство в зависимость от правительства и зажимал рты моллам, которые называли паразитами живущих на жалованье чиновников.

Затем он исключил из ведения ученых богословов судебные дела, входящие в компетенцию государственной власти, и передал их особым правительственным судам. Этим распоряжением он добивался того, чтобы население не чувствовало себя в судебных решениях зависимым от духовных лиц, не обращалось к ним со своими спорами, а шло в государственный орган.

Он приказал также, чтобы пожертвования и другие средства, собираемые в пользу беднейшего населения, поступали в ведение четырех наиболее честных горожан, которые должны были отпускать деньги соразмерно нуждам каждого бедняка и об израсходованных суммах ежегодно представлять отчет в государственную канцелярию; этой мерой он добивался равномерного распределения средств между всеми нуждающимися.

Отменена была выдача пятой части дохода на содержание духовенства и потомков пророка—сеидов, с тем чтобы потомки пророка, да будет благословенно имя его, отрешились наконец от попрошайничества и занялись, как все прочие люди, честным трудом. Авторитетные ученые-богословы отыскиали в священных книгах соответствующие указания, на основании которых и был отменен этот налог.

Шах велел обнародовать по всем провинциям, чтобы отныне никто не смел подносить подарки ни ему, ни высшим представителям власти, ни другим чиновникам, а также не добивался чинов путем подношений и подарков, так как чины должны предоставляться лицам, доказавшим свою честность и способность к государственной деятельности.

Все доходы провинций должны были поступать в государственную казну и храниться по округам у надежных лиц. Расходы государства, заранее определяемые по официальной росписи, должны покрываться из государственной казны по каждому округу отдельно, и к этим расходам ни в коем случае не должны привлекаться население.

Для увеличения государственных доходов Юсиф-шах приказал обложить податями все сословия, не исключая и духовенство; принцы, ханы, беки, купцы, моллы, сенды и другие граждане, проживающие в городах, обязаны были платить казне десятую часть доходов, проживающие же в деревнях—двадцатую часть.

Было сделано строжайшее распоряжение не задерживать выплаты жалованья войскам и чиновникам, так как это явление порочит государственную власть; жалованье должно выдаваться без всякой просрочки из местной казны округов и провинций.

Был установлен определенный порядок купли и продажи имущества, и сделки в этой области были обложены специальным сбором.

Были также отменены заклады и залогов, так как обладатели капиталов, пользуясь ими, притесняли неимущих, вынуждали закладывать свое имущество по низкой цене, в надежде на то, что по наступлении срока платежа закладчики не в состоянии будут выкупить заложенное.

Юсиф-шаху стало известно, что главный конюший, выгоняя летом лошадей, принадлежащих казне, на горные луга, эксплуатирует и обирает местное население; что начальник артиллерии, получая жалованье на всех артиллеристов, не выдает им ни гроша; что управляющий государственным казначейством, пользуясь своим положением, распространяет среди населения фальшивые деньги; что казвинский начальник полиции берет взятки; что сборщики податей обирают беднейшее население,

проявляя в отношении богатеев излишнюю мягкость; что уличные старшины не следят за чистотой улиц...

Особым распоряжением шаха все указанные чиновники были уволены со службы, а на их место назначены честные и добросовестные лица, известные шаху своим безупречным поведением.

Заключенный в темницу главный молла Ахунд-Самед, узнав от тюремщика, что на его место назначен его противник и враг Молла-Рамазан, не вынес удара и умер от разрыва сердца.

Шах повелел расширить улицы Казвина, выровнять на них ямы и рытвины, чтобы прохожие не попадали в них и не калечили себя.

Был установлен порядок приема просителей и жалобщиков высшими правительственными чиновниками.

По особому распоряжению шаха беднейшему населению Казвина, испытывавшему вследствие небывалой засухи большую нужду, была роздана пшеница из государственных зернохранилищ.

Для обеспечения населения водой был организован из опытных землекопов и сведущих лиц специальный совет, которому поручено было разработать и представить на рассмотрение его величества план проведения в Казвин воды.

В эти времена в одной местности, недалеко от Персидского залива, проживали голландцы. В описываемые дни в Казвин прибыл посол со свитой для заключения с иранским правительством договора о торговле. Они были приняты Юсиф-шахом.

Заключив договор, иностранные гости, щедро одаренные шахом, уехали, восхищенные приветливостью, умом, пронцательностью и царственностью повелителя Ирана.

Со дня восшествия Юсиф-шаха на престол прошла неделя. Каждый день был ознаменован для жителей Ирана новыми милостями. В жизни Ирана начался период расцвета, наступили дни счастья и благоденствия. Но, как известно, человек никогда не ценит того, что действительно дорого и полезно для него. Чего, например, недоставало в раю нашим праотцу Адаму и праматери Еве? Но они нарушили божий запрет и за это были изгнаны из рая. Такова уж природа человека!

Жители Казвина уже не видели изрубленных на части и висящих у городских ворот человеческих тел; они не наблюдали более таких картин, когда палачи на Шахской площади казнили и вешали людей, выкалывали глаза, отрезали носы и уши, и это казалось им сомнительным и непонятным.

Сначала говорили:

— Новый шах, должно быть, человек добрый и кроткий!

Потом начали спорить, действительно ли он так уж добр и милостив, или это объясняется отсутствием у него воли и сла-

бостью характера? В конце концов стали находить в нем множество других пороков. Словом, мирная жизнь под владычеством мудрого и человеколюбивого шаха оказалась казвинцам слишком однообразной и скучной.

Бывшие представители власти, отстраненные от занимаемых ими должностей, поняли настроение толпы и, конечно, поспешили воспользоваться удобным случаем. И каждый из них стал вынашивать и обдумывать планы козней и восстания против Юсиф-шаха.

Скоро в Казвине начался большой мятеж.

Зачинщиком мятежа был уволенный новым шахом главный конюший. Встретившись как-то с отстраненным от дел хранителем сокровищ, главный конюший спросил его:

— Скажи, ради аллаха, Мирза-Хабиб, что говорят жители Казвина про нового шаха?

— Казвинцы ненавидят нового шаха и считают его сумасбродом и бездельником,—ответил Мирза-Хабиб.

— Клянусь аллахом, Мирза-Хабиб, простой народ гораздо умнее нас. Скажи, ради аллаха, зачем мы допустили такую великую глупость, добровольно избрав в повелители какого-то невежественного седельника?! Мы сами накликali беду на свои головы. За нашу преданность престолу, за честное и бескорыстное служение государю он лишил нас должности; он унизил нас до того, что во всей казвинской провинции к последней собаке относятся лучше, чем к нам. Клянусь творцом, мы сами опозорили себя на весь мир.

— Да разве мы избрали его шахом? Такова была воля Шах-Аббаса! Что же нам оставалось делать, как не подчиниться его воле?

— Хорошо, но ведь Шах-Аббас тогда был нашим повелителем, и его воля была для нас обязательным законом. Ну, а теперь, когда нет Шах-Аббаса, что может помешать нам свергнуть с престола и уничтожить этого негодяя, проклятого нечестивца, к тому же верующего, по слухам, в переселение душ? Удалив его с престола, мы смело могли бы посадить на его место достойнейшего из благородной династии Сефевидов; такому шаху, благодаря его происхождению, все подчинились бы беспрекословно.

— Ты говоришь сухую правду, и я во всем с тобой согласен, но нас ведь только двое. Что можем мы сделать? Не лучше ли теперь же, не откладывая, отправиться к бывшему начальнику артиллерии и узнать его мнение по этому вопросу? Ведь он, как и мы, недавно уволен.

И они отправились к начальнику артиллерии, который весьма обрадовался их посещению. Внимательно выслушав их, он во всем согласился с ними и выразил полную готовность принять участие в восстании против Юсиф-шаха, но добавил, что

без согласия и участия Багир-хана, начальника конницы, это дело не будет иметь успеха.

— Багир-хан—мой очень близкий друг,—продолжал начальник артиллерии,—поэтому я берусь склонить его к участию в заговоре. Я скажу ему, что в царствование Юсиф-шаха, этого отвязленного нечестивца, нельзя надеяться на шахскую службу, и рано или поздно его постигнет та же участь, какая постигла нас, уволенных; поэтому он должен принять меры к прекращению зла, прежде чем оно успеет разразиться и над его головой. Я уверен, что эти слова подействуют на Багир-хана, тем более что еще вчера на общем приеме шах сделал ему строгий выговор за то, что он, Багир-хан, осмелился в пьяном виде войти в мечеть для совершения молитвы. Раз Багир-хан согласится на это дело, то нет сомнения, что и Фарадж-хан, начальник пеших войск, присоединится к нам. Он—двоюродный брат и зять Багир-хана и не станет ни в чем ему перечить. Отправляйтесь сейчас же к бывшему начальнику полиции города Казвина, заручитесь его согласием и возьмите с него слово, что он будет влиять в том же духе на прежних чинов полиции и уличных старшин, которыми еще недавно он распоряжался.

После этого каждый из заговорщиков пошел выполнять взятое на себя обязательство. Не прошло и трех-четырёх дней, как участники мятежа, собравшись тайно, увидели, что есть полная возможность начать восстание. Заговорщики решили в субботу, рано утром, окружить шахский дворец и, ворвавшись во внутренние покои, убить Юсиф-шаха, а на его место посадить нового шаха из династии Сефевидов.

В день, назначенный для выполнения заговора, рано утром, когда двери шахского дворца еще не были открыты, пешие и конные мятежники, вооруженные до зубов, окружили дворец. Узнав о происходящем, Юсиф-шах приказал не отворять ворот.

Для нового шаха восстание было полной неожиданностью, так как после ареста главного моллы Ахунд-Самеда, военачальника Заман-хана, везира Мирза-Мохсуна, казначея Мирза-Яхьи, главного звездочета и Мовлана-Джемаледдина, которые пользовались влиянием среди населения и были непримиримыми противниками нового шаха, он считал себя в полной безопасности. Но опасность пришла с той стороны, откуда меньше всего ее можно было ожидать, и застала шаха врасплох.

О восстании скоро узнали и доброжелатели Юсиф-шаха. Быстро вооружившись, они двинулись многочисленным отрядом ко дворцу и стали против мятежников. Уговоры, с которыми они обратились к мятежникам, ни к чему не привели. Скоро друзья шаха убедились, что о примирении не может быть и речи, и решили вступить в бой. Началась перестрелка.

С каждой минутой битва все более ожесточалась. Никто из сражавшихся не хотел отступать, и каждый готов был пожертвовать жизнью, лишь бы одержать верх. После недолгой пере-

стрелки противники вступили в рукопашный бой, бросившись с обнаженными мечами друг на друга. Кровь лилась рекой. Жестокая битва продолжалась три с половиной часа. С обеих сторон из строя выбыло около шести тысяч человек.

Наконец ряды сторонников Юсиф-шаха дрогнули. Этому способствовало главным образом то, что неблагоприятная городская чернь присоединилась к мятежникам. В результате, сторонники Юсиф-шаха потерпели поражение и бежали.

Мятежники кинулись во дворец, выбили двери, и, ворвавшись в шахские покои, стали искать Юсиф-шаха. Но его нигде не нашли. Он исчез бесследно. Одни утверждали, что Юсиф-шах во время сражения находился в рядах единомышленников, воодушевляя их своим примером, и что он пал в числе многих. Другие же уверяли, что Юсиф-шаха не видно было среди сражавшихся и что он с самого начала восстания куда-то скрылся. Как бы то ни было, Юсиф исчез; среди убитых его не оказалось, среди живых он также обнаружен не был.

Разграбив дворец шаха, мятежники отправились на базар, где опустошили торговые ряды и постоянные дворы; оттуда они двинулись сначала в армянский, потом в еврейский кварталы, где стали грабить и разорять дома. Они совершили множество недопустимых бесчеловечных деяний.

Солнце зашло. Все разошлись по домам. Восстание закончилось, беспорядки прекратились.

На следующий день главарь восстания отправились в темницу Арик и выпустили на свободу военачальника Заман-хана, везира Мирза-Мохсуна, казначея Мирза-Яхью, Мовлана-Джемаледдина и главного звездочета.

Рассказав им о происшедших событиях, мятежники просили совета: кого из династии Сефевидов они считают достойным престола?

Тогда Мовлана-Джемаледдин обратился к ним с вопросом:

— Скажите, ради создателя, какой сегодня день?

Главный конюший ответил, что после праздника Новруза прошло ровно шестнадцать дней. Сердце Мовлана-Джемаледдина переполнилось радостью. Он торжественно объявил, что угрожавшая опасность миновала и что гроза уже вчера разразилась над Юсиф-шахом.

— Всем известно, что в династии Сефевидов нет достойного принца, которого можно было бы посадить на престол; все они искалечены и лишены зрения. Одних лишил зрения Шах-Исмаил Второй, других ослепил Шах-Аббас; никто из них не может быть правителем, и ясно, что таковым будет опять Шах-Аббас.

На это главный конюший заметил, что все они очень рады иметь такого справедливого повелителя, как Шах-Аббас, при котором всем им жилось хорошо, но, к великому прискорбию,

он исчез бесследно, добровольно отказавшись от престола и короны, и местонахождение его никому не известно.

Мовлана ответил со смехом, что тогда была причина, принудившая шаха на время покинуть престол и корону, но теперь этой причины уже нет, а место, где скрывается Шах-Аббас, им известно. Следует сейчас же пойти за ним и просить его вернуться на престол.

После этого все немедленно отправились к дому, где скрывался Шах-Аббас, и торжественно повели его в шахский дворец. Шах-Аббас опять занял свой трон и по-прежнему стал властителем Ирана. После этого все пошло обычным порядком, будто Юсиф-шаха никогда и не существовало.

Я удивляюсь неразумию звезд: как они не поняли, что иранцы обманывают их, что седельник Юсиф—лжешах, возведенный на престол благодаря хитрости иранцев. Какое простодушие звезд! Как ловко обманули их хитроумные иранцы!

Звезды сделали несчастным бедного, ни в чем не повинного Юсифа, оставив в покое истинного повелителя Ирана Шах-Аббаса, и в течение сорока лет равнодушно взирали на его деспотизм, жестокость и изуверство. Яркий пример бесчеловечности, жестокости Шах-Аббаса—расправа с родными сыновьями: двоих он ослепил, а третьего умертвил¹².

Но, пожалуй, нельзя упрекать и звезды, так как они ничего не имели против самого Шах-Аббаса. Им необходимо было уничтожить человека, который занимал иранский трон на пятнадцатый день после праздника Новруза. А в тот день тронем и короной владел седельник Юсиф, на которого и обрушился гнев небесных светил!

Могли ли звезды предположить, что иранцы обманут их и вместо законного повелителя Ирана подведут под удар подставного шаха?

И до чего же глупы эти англичане, что чуть было не затеяли войну с таким опасным народом!¹³

ПОЭЗИЯ

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА

Я сердцу говорил, глаз не сомкнув в ночи:
—Хранитель тайников, свой жемчуг расточи!

Зачем твой соловей умолк в саду весеннем,
Не разглагольствуют, как прежде, турачи,

Не прогремит поток речений превосходных?
Встань, скороход-мечта, в далекий путь умчи!

Смотри, пришла весна. В полях и на ложбинах
Цветы, как девушки, под солнцем горячи.

Бутоны алых роз пылают сладострастно.
Фиалки ждут любви. Запенились ручьи.

Вселенная полна желаньями до края.
На самоцветы гор ударили лучи.

А в сердце цветника, как падишах венчанный,
Зеленый кипарис торжественно возрос.

И в честь властителя пьют лилии и маки,
Сверкают в чашечках тюльпанных капли рос.

Поля украшены жасмином, и влюбленный
Нарцисс глаза раскрыл, бессонные от грез.

И в клюве соловья для всех гостей подарки,—
Несет он лепестки ему внимавших роз.

Разбухли облака, хотят политься ливнем.
Зефир предутренний мне запах тоав принес.

Все птицы на заре поют, щебечут, свищут:
—Земля, зазеленей! Пришла твоя пора!

Все принесли дары на торжище природы:
У каждого нашлась хоть пригоршня добра.

Тот блещет красотой, другой вздыхает томно.
Повсюду пляски, смех, веселая игра.

Все празднуют весну, блаженствуют, ликуют,—
Так беспечальна жизнь, так молодость щедра.

Или не в силах ты от сна очнуться, сердце,
Лишилось радости, не ценишь красоты.

Не хочешь на земле прославиться стихами,
Желанья погребло, забыло все мечты?

Бывало, в поисках заветных рифм-жемчужин
В бездонные моря ныряло смело ты.

Ты украшало мысль сравненьем драгоценным,
И ожерелья строк низать умело ты.

Откуда же сейчас твой беспросветный траур,
Так онемело, так окаменело ты?

—Мой друг единственный,— мне сердце
отвечало, —
Оставь меня в тоске, не говори со мной!

О, если бы забыть, как мотыльки забыли,
Что зимний ураган не медлит за весной,—

Вручило бы я меч наезднику—поэту,
Благословило в путь за славою земной.

Увы, я знаю всё о вероломстве рока,
Я чувствую конец неотвратимый мой.

Так пташка видит сеть и знает, что погибнет,
И все ж, безумная, несется по прямой.

Что нашей славы гул, что похвалы за доблесть!
Проглочен отзвук их бездонной быстринной.

Не думай о мечтах! С мечтателями круто
Рок расправляется. Он судия дурной.

Ты помнишь Пушкина, забывчивый! Ты слышал,
Что Пушкин всех левцов, всех мастеров глава.

Ты помнишь Пушкина, о чьих могучих строфах
Из края в край неслась стоустая молва.

Ты помнишь Пушкина. Как жаждала бумага,
Чтоб он чертил на ней крылатые слова!

Сверкающий узор той речи переливной
Изменчив, словно крыл павлиньих синева.

Чертог поэзии украсил Ломоносов,
Но только Пушкин в нем господствует один.

Страну волшебных слов завоевал Державин,
Но только Пушкин в ней державный властелин.

Он смело осушал тот драгоценный кубок,
Что наполнял вином познания Карамзин.

Пусть Николай царит от Волги до Китая,
Но покорила весь мир лишь Пушкин-исполин.

Как дорог лунный серп для путников Востока,
Так дорог лик его для северных равнин.

Ни небесам семи, ни четырем стихиям
Такой неведом был необычайный сын.

Но как родившие жестоко поступили
С любимым первенцем,— в отчаяньи внемли!

Смертельною стрелой в избранника прицелясь,
Путь крови огненной нежданно пресекли:

Одною градиной по их приказу туча
Роскошный сбивла плод, и он лежит в пыли.

Подул смертельный вихрь и погасил светильник,
И кости бранные в подземный мрак легли.

Своим кривым ножом садовник старый срезал
Побеги мощные под корень у земли.

И в череп, в дивную сокровищницу мысли,
Как в черное гнездо, ехидны заползли.

Весь соловьиный сад был в розовых бутонах,—
Там иглы-тернии из праха проросли.

И птица вольная из клетки улетела.
Потоки слез из глаз печальных потекли.

Вся русская земля рыдает в скорбной муке,—
Он лютым палачом безжалостно убит.

Он правдой не спасен—заветным талисманом—
От кривды колдовской, от козней и обид.

Он в дальний путь ушел и всех друзей покинул.
Будь милосерд к нему, аллах! Он крепко спит.

Пусть вечно плачущий фонтан Бахчисарая
Благоуханьем слез две розы окропит.

Пусть в бейтах Сабухи Кавказ сереброкудрый
Справляет траур свой, о Пушкине скорбит!

ПИСЬМО ЗАКИРУ

Скажи, Касум-бек, что это значит,
Ты с ханской дочерью дружен стал?¹
Немало и раньше встречал красавиц,
А все им верить не перестал?

Ты с ней за ужином, с ней за обедом,
Всем сердцем предан сладким беседам,
Идешь к изголовью за нею следом.
Совсем другим я тебя почитал.

Стихи ли твои ей прились по нраву,
Но счастье к тебе вернулось по праву,
И сердце твое вкушает отраву,
А мне удивляться черед настал!

Ты так любовью бывал измучен
И к женским прихотям так приучен,
Что стан твой арабскою буквою скрючен².
Зачем же ты имя ее шептал?

Все знают, что ханская дочь прекрасна,
Она, как огонь, светла и опасна.
Сто лет прослужить огню—напрасно,—
Любой из нас ожог испытал.

Молюсь,—исполни, аллах, ее волю.
Хулить ее никому не позволю,
И сам, бывало, с тоской и болью
Об этой женщине я мечтал!

Но прошлых бед вспоминать не смею,
Зачем их список вести перед нею?
Приехал я к ней с добром, но жалею:
Шел к ней—веселился, ушел—страдал.

А стих твой, право, написан завидно.
Хвалить чужое мне не обидно.
Она молода, одинока, видно.
Молюсь, чтоб аллах ей счастья дал.

Нельзя, чтобы сна и пищи лишалась,
Нельзя, чтобы впредь душой сокрушалась.
Молись, чтобы грусть ее разрешалась,—
И я молиться о том не устал.

Признайся, возможно ли это ныне
Такой красавице блекнуть в кручине,
В слезах мечтать о будущем сыне.
Молюсь, чтобы идол твой не рыдал.

Хотя я пред ней провинился раньше,—
Ходатаем будь за меня и дальше.
Скажи ей: не обижайся, ханша,
На жалобы те, что он начертал!

ПОСЛАНИЕ ЗНАМЕНИТОМУ В КАРАБАХЕ ПОЭТУ КАСУМ-БЕКУ ХИНЗИРИСТАНИ¹ (К. ЗАКИРУ)

Хорошие дни пришли, Касум-бек!
Мужам рассудок и жизнь не нужны.
Бойцы на поле брани спешат,
Врагам учинить расправу должны.

Турецкий воробышек², видно, смел.
Он к небу соколом взвиться хотел,
Да крылья сломал, да сам оробел...
Мы славить русскую славу должны.

Явился к туркам помощник-француз³,
Вступает морской великан в союз:⁴
Разбить, мол, русскую силу берусь!
Но русские крикнуть «браво!» должны.

Дождется маленький Наполеон⁵,
Как дядя дождался черных времен⁶.
Британец уйдет домой, посрамлен,—
Рыдать его дети, право, должны.

Указ император сам издает.
Он русское войско двинул вперед.
Идут на Балканы, близок черед,—
Покрыть Дунай переправой должны.

В победу не верит один глупец!
Ведь шел за Балканы Дибич-храбрец⁷,
Паскевич взял Эрзерум⁸, удалец.
Мы помнить прошлое здраво должны.

Полки за полками прошли вчера.
Солдаты-львы побеждать мастера.
Плохая пришла для турок пора,—
Погибнуть в битве кровавой должны.

Игид карабахский ринулся в бой,
Берет он первенство в схватке любой,
С врагами встретится, гордый собой,—
Те сразу выпить отраву должны.

Взмахнул он саблей—резвится конь,
Винтовку вскинул—пошлет огонь.
Трясутся турки—их вопли «не тронь!»
Раздаться слева и справа должны.

Не трусов Кавказ учился рожать.
Мы драться должны, не косить, не жать,
Знамена вражьи тут задержать⁹
И взять в Петербург на забаву должны.

ПИСЬМО ДЖАФАР-КУЛИ ХАНУ

Приветствую тебя, властитель-хан!
Излить на молл досаду сердце хочет.
Ничто для них и догмы и коран:
До Страшного суда срок долгий дан.

В Шуше мой гнев на них достиг вершин,
Средь них разумен не был ни один.
О время, худшее из всех годин!
Был тщетным путь: расчет мой не был точен.

«Зачем нам новый алфавит?—орут:—
Сталь без огня ковать напрасный труд
Когда бывал невзнузданным верблюдо?
Когда бывала грамота без точек?»

Не первыми ль невежд накажет бог?
Они ли в рай перешагнут порог?
Благословенье им ли даст пророк?
Они и сунну и ваджиб порочат!

Иные соглашаются со мной.
Лишь отойдут—смеются за спиной.
Мирза Али идет своей тропой
Один, хоть предрассудок общий прочен.

Не знаю, где мне помощи искать?
Вернуться в Карабах ли мне опять?
Коль хан надежды не захочет дать?
За участь азбуки страшусь я очень.

О МОЛЛЕ АЛИ

Молла Али! С витийством поздравленья
Прими! Скажи: «дано мне откровенье!»¹
Твой сан, святой отмеченный абой
Кяфир, да будет карой над тобой.

Сегодня ты забыл, грехом объятый;
Что не минуешь к господу возврата².
В тебе истоки черной клеветы,
С изгнанником-шайтаном сходен ты.

Меня ты укоряешь перед богом,
Как будто к Мекке сам готов в дорогу.
В Наджафе смерть паши на деле
Не сам ли отрицал на той неделе?³

Не сам ли отрицал, доносчик, чудо,
Что в Шемахе нефть вышла из посуды,
Сама собой, образовав бассейн,
И, обувь сняв свою, Сенд Гусейн
Пошел с толпой босых мюридов в путь,
Чтоб чалмы в ту посуду окунуть.

Скажи, не ты ли, злобою сгорая,
Восстал на лампы в караван-сарая?
Ты говорил народу в гнев яром
«Не выйдет ничего—не тратьтесь даром».

Но почему ж не выйдет? Ведь пророк
Вознеся на небо и свет возжег—
Путь уже в караван-сарай намного,
Чем от земли на небеса дорога.

Но хочешь ты, чтоб темный люд от века
Один лишь ведал путь—дорогу в Мекку.
Дурное и хорошее отстрочь,
Ступай же ты с Ага-Расулом прочь!

* * *

Их подражания науки рвут усты,
Их двести раз проклятье моде той!
Невежество к нам в дом приводит богословов.
О, обходите их дорогою другой,
Опасности и все угрозы в этом мире,
Иранцев острые раздоры меж собой—
От богословов это, и от подражанья.
А мы все терпим на себе тот гнет двойной.
Да будет нам вовек позором подражанье,
Особенно ж глупцам с ослиной головой.

* * *

Любя лишь славу добрую свою,
Я не мечтал о гуриях в раю.

Зачем твердишь: «О, пожени, пророк!»
Едва ль тебе от гурий будет прок.

Душа к молитвам и постам глуха.
Противна ей такая чепуха.

Путь просвещения—справедливый путь.
На том пути о гуриях забудь.

Лишь этот путь заманчив мудрецам.
А гурии заманчивы глупцам.

* * *

Откуда этот шум и крики, о чем галдит вокруг народ?
Как будто два батмана корма молле сейчас недостает.
Он крик тот поднял из-за денег, дошел тот голос до небес
Быстрее, чем трубы Исрафила во славу таинств и чудес.
О господи, он просит деньги? И потому-то—неспроста!—
Повсюду ныне беспорядки, повсюду ныне суета.
Мы с жалобой на эту жадность, не только мы, не мы одни—
Все ангелы теперь в тревоге: о, как печалятся они!
И зной, и засуха, и голод—с одной посмотришь стороны.
Моллой раздутая тревога—с другой посмотришь стороны.
Во всех углах земного шара, в Иране больше, чем везде,
Народы облачились в траур, молла вещает: быть беде!
На свете том однажды страшный свершится суд один лишь раз!
Для нас же суд на этом свете—и каждый год, и каждый час.
Как месяц магеррам подходит—молла виновен—судят нас.

ВАНДА

О жители страны, так верной Магомету,
Зачем твердите вы, что в этом мире нету
Ни таинств, ни чудес, что двери всех небес
Пророк давно закрыл для таинств и чудес?
Поскольку мы живем в столь христианской эре,
Иное доказать готов я на примере.

Век девятнадцатый. Год семьдесят шестой.
Второе солнце нам из Польши светит. Стой,
Скорей взглядишь, народ,—перед тобою чудо.
Два солнца—здесь. Они в Тифлис пришли откуда?

Пою красу его и лучезарный свет.
То солнце Вандой звать, ему—шестнадцать лет.
Краса своих подруг—красой их победила.
Нам дева светлая наш город озарила.
Два солнца есть у нас, но тут добавлю я:
Они различны так, как небо и земля.
Ослепнет, кто взглянуть на солнце вдруг посмеет.

Но кто на красоту посмотрит, тот прозреет,
Бывает: солнца диск закроет туч гряда,
Но кудри этот лик не скроют никогда,
Коперник говорит: не движется светило...
Но красота ее меня раскрепостила.
И среди гурий мне такой не подыскать,
Что знаньем и умом была бы ей под стать.

Кто им наставником, кто гурий обучает?
Кто знает музыку, как наша полька знает?
Кто может так читать чужие письма,—
Знать столько языков, как знает их она?
Секрет ее, увь, откроем мы едва ли.
Такого мастерства мы в музыке не знали.
Зря в Грузии борцы шли рабство отменять—
Их Ванда в плен взяла, они рабы опять.
И Сабухи, что пел свободу кровью сердца,
На старости пленен сей дочерью иноверца.
Творец ее храни от всевозможных бед!
Родителям ее пусть светит счастья свет!

ПОВЕСТЬ О СЕИДЕ АХМЕДЕ САЛЪЯНСКОМ

Жил однажды в Сальяне сеид Алем.
От алема и стал он известен всем.
Каждый год он, в месяц скорбей магеррам,
Ходил по базарам и площадям
И на встречах алем опускал, говоря:
«Мой алем над тобою склонился не зря:
Заплатить обещал ты в положенный срок,—
Так теперь, человек, раскрывай кошелек!»
Ну, а кто без долгов? Обойди хоть весь свет...
И каждый боялся ответить «нет»—
И тут же туман доставал, говоря:
«Вот, на, получай, не болтай только зря!»
Этой данью сеид наполнял суму,
Но, жадному, всё было мало ему.
Ни француз, ни татарин—никто из людей
Не накопит ложью себе грошей.
Каждый день брал сеид займы у купцов,
А потом отрекался от этих долгов.
Скажем, десять туманов купцу задолжал,
А потом, в срок расплаты, ответил: «Не брал».
Вот торговец сеида к судье повел,—
Уж больно он был и обижен и зол!
Пророков святых имена повторив,
Так он начал: «Судья, будь всегда справедлив:
Вот я сделал сеиду Алему добро,
Но назад не несет он мое серебро!
Не брал, говорит, ничего, никогда...
Ни совести нет у него, ни стыда».
И промолвил судья: «Ты слышишь, сеид,
Как в закрытые двери купец стучит?»
А сеид ему: «Сжался, достойный судья!
Разве с кем-нибудь раньше тягался я?»

Справедливый судья был большой весельчак,
Захотев проучить его, начал он так:
«Да, тягался, притом и не раз и не два...»
А сеид: «Непонятны мне эти слова».
«А помнишь, когда разводился с женой,
Не ты ль, господин, здесь стоял предо мной?
Без денег хотел ты оставить жену,
И все же пришлось развязать мошну!»
«Пусть так,—отвечал сеид, не смутясь,
Ну, а после встречал здесь меня ты хоть раз?»
«Много раз, и отлично, ты мне знаком,—
Ведь ты не дитя, чтоб забыть о том:
Приводил тебя в суд и Мирза Рагим,
Знаком я прекрасно с лицом твоим.
О саде решался тогда вопрос,
Но яблок отведашь тебе не пришлось».
«Правда,—молвил сеид,—но тот день уж далек...
А после встречал ты меня хоть разок?»
«Да, тягался ты—память моя хороша—
С рыбаками, бесстыдник, из-за камыша!
Половина лишь года с тех пор прошла,
Подтвердить это может Акпер Молла».
«Ну к чему,—сеид возразил,—этот спор?
Не пора ль о другом завести разговор?
Да, судился я, правда, в былые года.
Но не лгал я, Кораном клянусь, никогда!»
«О сеид,—отвечает судья,—будь скромней!
Постыдись, нечестивец, таких речей.
Не клянись, что правдивости ты образец,
Всем на свете известно, какой ты лжец.
Тот, кто лжет, тот навеки пребудет лжецом,
Будет лгать он в глаза, будет лгать он тайком,
Ты с алемом своим непрестанно лжешь,
Неслыханна в мире такая ложь!
Нечестивец, ты громко вещаешь всем,
Что ведаешь тайнами твоей алем.
Разве это не ложь? Где же совесть твоя?
Так уж лучше молчи», — так сказал судья.
Опустил свою голову тут сеид.
Что ответить—не знает, что знает—таит.
Стало жалко судье, и промолвил он так:
«О купец, погляди, пред тобою бедняк,
Отпусти ему долг, ведь из нашей казны
Помогать мы потомкам пророка должны».
Согласился торговец с решением судьи,
И простил он сеиду туманы свои.
Рад безмерно сеид подобным делам!
А к тому же как раз наступал магеррам,

И тогда, не имея занятий, опять
Без зазрения совести начал он врать.
И ведь каждый сеид у нас либо лжец,
Либо ходит с сумою, как нищий слепец.
Не имеют сеиды у нас ремесла,
Чудеса и гаданье — вот все их дела.
Один говорит: «Я творю чудеса,
И внемяют молитвам моим небеса».
А другой: «Кто придет к моему очагу,
Того исцелить от недуга смогу».
Так во лжи и неправде проходят их дни,
И несчастливы с года хиджрата они.
Чингиз говорил: «Вот шестьсот уже лет,
Как народ мой на горе обрек Мухаммед».
О сеид, дармоедом ты быть перестань,
Не соленым, а сладким для ближнего стань,
Вожатого выбери из мудрецов
И не верь в сочетанье двух разных миров.

Ты—анга, а плоть твоя—клетки тесней,
Достаточно долго томишься ты в ней,
И не думай, что телом ты жалок и мал,—
Ты в теле своем целый мир сочетал!
Над тлением ты вознесись, над людьми,
И взглядом бескрайность небес обними.
Увидишь там море вселенной всей,
Узнаешь, что там Фараон, Моисей—
Лишь капли воды: их в себя высота
Втянула,—внизу их обитель пуста.
На века в облаках им пути суждены.
Но вернутся они в лоно той же волны.

Знай: Али и Омар, Моисей, Фараон—
Каждый в капельку моря того превращен.
В той пучине Али — это капля одна,
И Омару такая же доля дана.
А когда разовьется крученая нить,
Все, кто были уже, будут сызнова жить.

ЛИТЕРАТУРНО- КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

УКАЗАТЕЛЬ К КНИГЕ

В природе человека заложены два главных свойства: одно из них — горе, другое — радость. Слезы — выражение горя, смех — выражение радости. Эти состояния возбуждаются в людях обычно при случае горя или радости, порой же эти состояния вызываются у людей устным рассказом или письменным изображением человеческого горя или радости. Главной воздействующей силой устного рассказа или письменного описания, вызывающих горе или радость, слезы или смех, у человека является способ изложения. Изложенное неудачным способом горе в большинстве случаев не оказывает действия на человека, однако если это горе воспроизведено в рассказе выразительно, тогда оно оказывает сильное действие, как обычно наблюдаем мы оба эти случая, слушая рассказы способного и неспособного марсиехана.

Когда рассказ о горе или радости, правдиво отражая человеческую природу и характеры, хорошо воспринимается и воздействует на чувства слушателя, тогда сочинителя и исполнителя такого рассказа называют выдающимся мастером и знатоком человеческой природы, а умелого рассказчика — мастером слова.

Полезьа рассказа о горе и радости заключается в изображении человеческой природы и характеров с тем, чтобы слушатель радовался и подражал хорошему, страдал и отворачивался от дурного, а также чтобы человек, одолеваемый низменными страстями, получая удовольствие от слушания подобных рассказов, не становился на путь порока.

Во Франции передовые здравомыслящие люди, признав всю пользу этого мероприятия, еще с древних времен построили в каждом большом городе грандиозные здания под названием «театр», в которых показывают путем представления то состояние горя, то состояние радости.

Среди мусульманских народов распространены до сих пор лишь рассказы о страданиях, которые либо читаются, либо представляются¹ и то с большими недостатками и погрешностями, заключающимися в том, что во-первых, зарожде-ние страданий не обосновано ни действительностью, ни приро-

дой человека; во-вторых, исполнители этих рассказов, не получив наглядного примера, занялись этим искусством, не зная ни его условий, ни его требований; в-третьих, среди мусульманских народов не подготовлено никакой почвы для этого высокого искусства, поэтому процесс представления, являющийся одним из приятнейших благ мира, протекает чрезвычайно слабо; например, не нашли средств даже для такой простой вещи, чтобы во время представления чтец не бросался в глаза; вместо того чтобы каждая роль произносилась соответствующим образом наизусть, смотришь, исполнитель держит в руке лист бумаги и читает высокопарным слогом, словно послание. Как может представление подействовать на чувства человека при подобном исполнении?

Передача же радости посредством представления вовсе не получается, и в этой области до сих пор не написано ни одного произведения, несмотря на то что в рассказе о радости заключены замечательные поучения и полезные наставления; однако если эти поучения и наставления не будут представлены в виде радостного и веселого исполнения, то никогда не захватят внимания народа, не получат его сочувствия.

Если внимательно проследить за исполнением веселых представлений, как они проводятся во Франции, то нельзя найти в них ничего такого, что противоречило бы нравственности и приличию.

Его сиятельство князь Воронцов, наместник его императорского величества на Кавказе, построил в 1266 году в городе Тифлисе большое здание названием театр², затратил крупную сумму денег на достижение указанной выше огромной пользы и оказал неизмеримую помощь и покровительство тем, кто содействовал распространению этого полезного дела.

Поэтому и я, желая познакомить мусульман с этим замечательным делом, написал в виде опыта шесть комедий и один рассказ. Представляя теперь их все в одном сборнике просвещенному обществу, я, подобно другим авторам, не прошу закрыть глаза на их достоинства и недостатки, напротив просьба моя заключается в том, чтобы познакомявшись с этой новой наукой, они по мере сил своего воображения приступили к созданию произведений, чтобы их стараниями это замечательное искусство распространилось и среди мусульман.

Мне надлежало показать лишь образец, подать пример и быть зачинателем.

Обращение к переписчику

Так как до сих пор не составлено всеобъемлющих правил по тюркскому правописанию, я в правописании моих комедий принял к руководству произношение. Я придерживаюсь такого убеждения, что если произношение какого-нибудь слова у всех людей, у образованных и неграмотных, имеет общий характер, то в письме лучше всего писать его в соответствии с громким

произношением, не обращая внимания на то, что это слово имеет источником арабский или персидский язык и что оно пишется в указанных языках иначе. Потому что название слова — выражение смысла. И если теперь в твоём языке это слово произносится соответственно этому правописанию и передает свой смысл, то какая необходимость переделывать его соответственно правописанию персидского или арабского языка, когда при чтении оно кажется читателю странным и чуждым. Если ты хочешь показать свою ученость, то написание пятидесяти слов соответственно грамматике не может свидетельствовать об учености. Ученость имеет много условий. Поэтому я прошу тебя писать, как и я³, слово «адм» по-тюркски «адам», «тхм» — «тохум», «джфт» — «джют», «мгид» — «мугаят», «орт» — «арвад», «гаидэ» — «гайда» и так же все остальные слова, которые в произношении образованных и неграмотных имеют общий смысл. Однако слова, свойственные образованным кругам, должны сохранить свое подлинное правописание, если они в речи приносятся по-писаному.

И не вступай в спор: почему я сам не применяю этого правила в своем предисловии. Я делаю это потому, что вначале надо было сделать предупреждение, а после этого все, что бы я ни писал, буду писать так, как мне захочется.

Обращение к чтецу

Мой милый чтец, ты, который будешь читать или, выучив наизусть, будешь исполнять мои комедии! Ты должен знать, что эти комедии состоят исключительно из разъяснений событий, происходящих между несколькими лицами, и из способа их представления. Таким образом, тебе необходимо отличать состояние каждого действующего лица от произносимых им речей⁴ и при чтении или исполнении не путать слушателя. Слова, написанные под именем каждого действующего лица, относятся к его речи и, если некоторые действующие лица во время речи ударяют рукой по колену, или плачут, или смеются, а также в некоторых местах разъясняется состояние сцены, то все подобные места не имеют отношения к речевому исполнению. Все это не должно читаться в виде разговора.

Затем не следует читать мои комедии по вошедшему в обычай старому методу. Их надо читать как разговор; где требуется удивление — удивляйся, где имеется вопрос — спрашивай, где надо выразить страх — бойся, где изумление — изумляйся, где спокойствие — будь спокоен, где смех — смейся, где плач — плачь, где гнев — сердись, где доброта — будь милостив, где ужас — ужасайся, где ирония — будь насмешлив, где крик — кричи, тихие речи произноси тихо, речи старика произноси, как старик, в речах армян соблюдай их произношение с армянским акцентом.

Все остальное зависит от твоих способностей.

О ПОЭЗИИ

Обыкновенно устная и письменная речь в каждом языке имеют форму прозы. Но иногда, чтобы усилить эстетическое воздействие произведения, как устная, так и письменная речь облекаются в стихотворную форму.

Стихотворение должно воздействовать на эстетические чувства читателя, а если в нем говорится о горе или радости, то оно должно оставлять сильное впечатление, возбуждая эмоции. Если стихотворение не в состоянии сделать этого — тогда оно не что иное как простое стихоплетство. Стихотворение становится эмоциональным, впечатляющим и воздействует на эстетические чувства читателя, когда оно сложено в словах и выражениях, близких к природе и законам речи. Отсюда огромное значение имеют изящество слова, сравнения, уподобления, ясность изложения и другие достоинства поэтической речи. Если стихотворение не отвечает этим требованиям, оно не оказывает на слушателя абсолютно никакого воздействия. Именно по этой причине многие газеллы не вызывают у человека никаких эмоций. Из сказанного становится ясным, что хоть каждое стихотворение и рифмованно, но все же не каждое рифмованное произведение есть стихотворение. Например, чтобы легче запомнить и лучше передать некоторые суждения, их иногда излагают в стихотворной форме. Конечно, называть такие произведения стихотворениями, а их творца поэтом было бы большой ошибкой.

Начиная с эры хиджры¹ и по сей день никто из исповедующих религию ислам не пытался уяснить себе разницы между стихотворением и просто рифмованным текстом, и поэтому, вопреки истине, каждого рифмоплета называли поэтом. Способность к поэтическому творчеству — это исключительный дар божий, и поэтическое умение — это врожденный талант. Воспитание, образование, эрудиция являются лишь украшением поэта и его творений.

Но таланты рождаются редко. Из персидских поэтов яркими талантами можно считать только Фирдоуси, Низами, Джами, Саади, Моллайи-Руми и Хафиза². Лишь их можно считать поэтами. Недостатком их творений является то, что они порой для показа своей эрудиции прибегали к вычурным выражениям, которые нельзя называть стихами, но их можно считать приемлемыми, как творения истинных мастеров художественного слова, чего нельзя сказать в отношении других, не имеющих поэтического таланта. Последние являются лишь ремесленниками. Орудия словами, они рифмуют их, но в рифмах нет глубокого содержания, и они эстетического наслаждения не дают. Наоборот, у многих из этих рифмоплетов нельзя даже найти правдоподобного содержания, и это рифмоплетство до того несложно, что большинство персов, окончивших школу, после некоторой тренировки приучается рифмовать слова. Ко-

нечно, таких людей назвать поэтами по меньшей мере грешно. А среди тюрков, с древних времен до наших дней, во всяком случае не было поэтов³. Физиули не поэт, и его творения не имеют никакого воздействия⁴.

Во время своего путешествия я нашел в Карабахе ряд творений Молла-Панаха Вагифа. Отмеченные мною поэтические требования некоторым образом сказались в его творчестве. Я имел еще встречу с Касим-беком Саруджалинским Дживанширом⁵. Его стихотворения, написанные на тюркском языке (азерб. — *Сост.*), поистине вызвали во мне удивление и восторг, потому что все необходимые поэтические требования в достаточной степени отражены в его творчестве. По моему мнению, со дня летосчисления хиджры и до настоящего времени среди тюрков если и можно говорить об истинных поэтах, то лишь только об этих двух. Кроме них, был еще Масих⁶, но из его произведений очень мало что сохранилось.

Разница же между этими двумя поэтами заключается в том, что если Молла-Панах Вагиф и появился на свет раньше Касим-бека и, следовательно, может считаться в этой области предшественником, то произведения Касим-бека все же оказывают больше воздействия на эстетические чувства слушателя и обладают большей стихотворной красотой. Касим-бек в своих стихотворениях так красиво, так одухотворенно говорит о своей возлюбленной, так искренне беседует с ней, что читатель просто диву дается. События, моменты, дух современности, нюансы молодого чувства он передает так живо, так образно и так красочно, что читатель невольно приходит в восторг и экстаз. Его творчество бесподобно. Только когда читаешь его стихотворения, убеждаешься в том, что стихотворение действительно может быть предметом духовного наслаждения.

Таким образом, для того чтобы разъяснить исповедующим ислам разницу между поэзией и прозой и познакомить их с этими двумя поэтами, я собрал, насколько это было возможно, их стихотворения и издаю в одном томе. Я хочу, чтобы данная книга в будущем послужила руководством для поэтов, обладающих талантом, а с другой стороны, чтобы после ознакомления со стихотворениями названных поэтов некоторые возмнившие себя поэтами рифмоплеты поняли бы что они вовсе не поэты, и в дальнейшем не утруждали бы себя зря и не тратили попусту время на рифмование бессодержательных стихов.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Рассказ об осаде Гурьяна во время похода покойного хагана Мухаммед-шаха Каджара¹ на Герат

«Как только пользующийся славой Искендера² его величество хаган отдал приказ об осаде и занятии Гурьяна, десятого

шабанул-муаззама³, войско, приводящее весь мир в содрогание, двинулось для боевых действий, и от этого горам и пустыням стало тесно. Разбиты были разноцветные шатры и кибитки. Внешняя часть Гуряна стала более благоустроенною, чем внутренняя часть Гуряна и Газнейна. Некоторые смельчаки взобрались на крепостные стены, но под градом снарядов, способных сокрушать крепости и разрушать башни, спустились обратно. Окрестности Гуряна были распределены между эмирами и стважными полководцами, которые должны были занять город. Исполняющий обязанности командующего мощной артиллерией, сын Али-Гулихана — Габбулла-хан Шахсеванский, расположился в порученной ему северной части Гуряна. Южная часть города была поручена Гаджи-хану из Карабаха, известному под именем Бахадур-джанг, сартибу⁴, командующему двумя объединенными отрядами шагагинцев. Западная сторона была поручена Вели-хану Гилянскому из Тунгабина, Мухаммед-Гусейн-хану Арджуманди из Фирузкуха, соединением Савядкуха и Бендалея и военачальникам Мазандарана. Восточная сторона была доверена Эмир-Туман Мухаммед-хану Эриванскому и его людям. Со всех сторон начали вести подкопы. В крепости осажденные возлагали свои надежды на ее неприступность и на помощь гератского властителя. Они даже и не подозревали, что их твердыня вскоре разлетится в пух и прах. Саперные работы и подкоп были завершены в течение десяти дней. Славный, небесной высоты шахишах огласил приказ взять крепость приступом.

Соединения и отряды, словно волны океана, пришли в движение.

Барабанная дробь, звон литавр и звуки труб, отразившись от скал, лишенных слуха, подняли грохот, а гром пушек осаждающих крепость, привел землю в содрогание. Подкопы, сделанные под башнями, заполнили порохом и дровами, которые облили нефтью, чтобы взорвать башни; рвы, выпустив из них воду, заполнили землей, чтобы по ней могли пройти наступающие воины.

Под непрерывными ударами дробящих гранит пушечных снарядов башни и крепостные стены содрогнулись и дали трещины. От силы удара ядер, взрывающихся камни, ни одна из стен башен не уцелела...»⁵

Ф а т а л и. Риза-Кули-хан, ради аллаха, убери свои стихи, не мешай, дай узнать как берут штурмом крепость. Не время и не место читать твои стихи. Я их прочту в другое время.

Риза-Кули-хан. Удивительный у тебя характер! Почему ты не хочешь читать мои стихи?

Ф а т а л и. Дорогой, я ведь читаю не сборник стихов. Меня больше занимает история. Дай дочитать до конца. Ради бога, оставь меня в покое. Не забывай мне голову своими стихами. Я уже потерял основную нить из-за твоих стихов.

Риза-Кули-хан. Как?! Ты отрицаешь, что стихи развивают в человеке чувство прекрасного? Ты придерживаешься мнения, что стихи вообще притупляют чувства?

Ф а т а л и. Послушай, друг! Откуда ты взял, будто я придерживаюсь того мнения, что стихи везде и всегда притупляют чувства? Я только считаю, что сейчас не время читать стихи. Повсюду войска перешли в наступление. Вот-вот должна пасть крепость. От волнения даже сердце бьется учащенно, а ты стоишь с дубинкой над головой и требуешь: прочти раньше мои стихи, а потом уже следи за действиями войск, штурмующих крепость!

Это же своего рода насилие, Риза-Кули-хан! Клянусь, я дал себе слово после этого прочесть весь сборник твоих стихов. Разве я не знаю, что ты поэт и в то же время историк? А пока что дай посмотреть, что будет дальше.

Риза-Кули-хан. Не дам! Ты должен прочитать все! Я трудился, написал стихи. Я их включил в историю. Так как же ты не прочтешь их?

Ф а т а л и. Риза-Кули-хан. Кто же просил тебя сочинять стихи и включать их в историю? В книге по истории нет никакой надобности в стихах. Клянусь, ты ошибаешься.

Риза-Кули-хан. Ты сам ошибаешься. Не рассуждай так много. Читай, и все!

Ф а т а л и. Ну что ты хватаешь меня за горло? Оставь меня в покое, я прочту их. Клянусь, аллахом, я прочту твои стихи!

Риза-Кули-хан. Ты говоришь неправду, ты не хочешь их читать. По твоим глазам я вижу, что ты игнорируешь мои стихи. Ты просто хочешь поскорей узнать, что будет дальше.

Ф а т а л и. Клянусь, я не вру. Раз обещал, придется читать. Все равно, пока я не прочту, ты же не отстанешь от меня. Но я надеюсь, что содержание твоих стихов по крайней мере будет близко к теме. Надо полагать, что ты в своих стихах описываешь наступление войск на такую-то башню, или то, как конница вторглась в крепость через такие-то крепостные ворота. Ну вот, читаю.

«Как будто диск звезды Меррих постепенно поднялся к небесам». Что это значит? Что такое Меррих? А где же о крепости? Помилуй, Риза-Кули-хан! Ты меня прости, но у меня нет терпения читать остальные твои бейгты. Хочешь, убей меня, дело твое, но теперь страдать придется тебе.

Риза-Кули-хан. Отчего же я буду страдать?

Ф а т а л и. Вот отчего: я не лишен ума. Мало или много, но у меня он есть. Я здоров, и у меня физических недостатков нет. Если ты заставишь меня читать твои стихи, то я наверняка заболую, и тогда сказанное тобою относительно понятия «Мюльк-эгим» для меня останется непонятным. Разве это не значит, что ты понесешь ущерб?

Риза-Кули-хан. А где я сказал это слово?

Фатали. Ты забыл? Говоря о втором или третьем годе после вступления на престол хагана Фатали-шаха, ты писал так: «Одним из событий этой эпохи является восстание брата Великолепного — Джемшида падишаха — господина принца Хусейн-Кули-хана Второго. В этом случае я исходил из того, что значение слова «Мюльки-эгим», по мнению здравомыслящих людей, сводится к «ясности и определенности».

Риза-Кули-хан. В данном случае я не имел в виду содержания. Целью моей являлось соблюдение рифмы. Вообще и не здравомыслящие тоже поймут значение слов «Мюльки-эгим» (недолговечное владычество). Даже ты, будучи больным, обладая умом большим или малым, все же поймешь смысл этих слов.

Фатали. Выходит, что ты так пишешь ради рифмы? Теперь я понял. Хорошо, Риза-Кули-хан, но что тебя заставляет, совершенно игнорируя содержание, только ради рифмы употреблять столько лишних и непонятных слов?

Риза-Кули-хан. А где еще, кроме этого места, я в ущерб содержанию, только ради рифмы, употреблял лишние слова?

Фатали. А вот, например, описывая восстание Мухаммед-хана, сына Азам-хана Афгани в Нармашире и Баме, ты пишешь:

«Когда до Мухаммед-хана дошло известие о приближении каджарского сардара, он очистил Бам. Со стенаниями низкими. Он занял дорогу нармаширскую».

Риза-Кули-хан. Ты не понял. Это сказано не без смысла. Стенания могут быть низкого и высокого тона. Вот в данном случае Мухаммед-хан бежал из Бама с низкими стенаниями. Это сделано для того, чтобы получилась рифма с Нармаширом. С другой стороны, не следует скрывать, что низкий тон здесь более подходит.

Фатали. Молодец, Риза-Кули-хан, я действительно не имел представления об этих тонкостях. Это суждение не лишено и других связей, ибо слово «низ» порою означает и «зад...»⁶.

Известно, в каком положении был Мухаммед-хан во время бегства. Прости, тут я действительно ошибся. Человеку свойственно ошибаться. А что ты скажешь на то, что в другом месте ты пишешь:

«Описание войны иранской армии с серахскими туркменами с помощью шахзаде Мухаммед-Вели-мирзы. Разъяснение этих слов и различие этих выражений заключается в том, что...»

«Разъяснение этих слов» — это понятно, но «различение этих выражений» — если не является тут излишним и не употреблено для рифмы — так что же это тогда?

Ваш духовный наставник Мирза-Мехти-хан Астрабадский⁷ в таких случаях пишет только «разъяснение этого слова», тогда как он мог бы сказать: разъяснение этого слова и шлифовка этого черепка.

Риза-Кули-хан. Ха! Ха! Ха!.. Какой же ты неграмотный! «Шлифовка этого черепка» — что это такое?..

Фатали. Риза-Кули-хан! Почему ты смеешься? Что я сказал такого, что вызвало у тебя смех? Моя вина заключается в том, что и я допустил одно рифмованное выражение. Почему же другим так дозволяется говорить?

Риза-Кули-хан. Не в этом дело.

Фатали. А в чем же тогда дело? Разве «софал» («чепепок») не может быть рифмой для «магал» («слово»)?

Риза-Кули-хан. Рифмой-то служить может, но смысла тут не видно.

Фатали. Риза-Кули-хан! Если слово «шлифовка» подходит к фразам, то к слову «софал» оно подойдет еще больше. Почему же в таком случае не видно смысла? Ты имеешь право привлечь для разрешения нашего спора третье лицо. Если третье лицо найдет, что ты прав, тогда побежденным буду я. Если же наш арбитр найдет, что прав я, тогда побежденным окажешься ты, Риза-Кули-хан! Поверь, что рифма в прозе просто лишает фразу стройности, делает ее сырой. Эту манеру мы унаследовали у арабов. Вот уже около восьмисот лет в Иране она является общепринятой. Но это несомненная ошибка. Пришла наконец пора отказаться от этой манеры, ибо ради рифмы приходится употреблять ненужные слова, и в результате получается бессмыслица. Ясность речи теряется, люди чувствуют к словам отвращение, и произведение не может стать популярным. Такая участь постигла «Тарихи-Вассаф» и «Дурре».

В конце своей книги ты говоришь, что некто пишет историю государств рифмованной прозой. Скажи ему, что его труды пропадут даром. Никто не станет читать его книгу. По-моему, и ты во многих местах своей истории пишешь рифмованной прозой.

Риза-Кули-хан. Зачем ты клеветешь? Где это я прибегаю к рифмованной прозе?

Фатали. Нет, я не зря говорю. Ты по поводу восстания Хусейн-Кули-хана Второго пишешь, что: «Хусейн-Кули-хан горжественно и победоносно направился в область Фарс и землю Джемшида. И эмиры и вся знать явились к нему с изъявленным покорности. Двигаясь дальше, он постепенно покорил и подчинил своей власти всю страну»⁸.

Разве такое изложение не есть рифмованная проза, спрашиваю тебя? Ибо я сам не совсем сведущ в подобных вещах.

Риза-Кули-хан. Некоторое сходство тут есть. Но кое-что ты, Мирза-Фатали, добавляешь от себя. У меня этого не так уж много, и, кроме того, слова у тебя тоже не связаны.

Фатали. Связать их не трудно. Ты говоришь, что некоторые вещи я добавляю от себя. Но я это сделал, конечно, не без умысла.

Риза-Кули-хан. Но какое, например, значение имеют и «Юз-пошт» и «Горг-мошт» и почему ты это пишешь?

Фатали. Я тут имел в виду не содержание, а соразмерность и рифму. Соразмерность между «горг» и «мошт» имеется. И кроме того, с другой стороны, «мошт» и «пошт» рифмованы тоже. И рифма тут довольно удачная.

Риза-Кули-хан. Но нет никакой надобности в тех добавлениях, которые ты сделал.

Фатали. В таком случае ты написал лишнее. Как и в других местах, ты тут написал ряд очень трудных, лишних фраз, не имеющих ничего общего с историей. Этим самым ты, несомненно, обременяешь и читателя и переписчика.

Риза-Кули-хан. Что ты говоришь? Где это я написал лишние и трудно понимаемые фразы?

Фатали. Например, там, где жизнь Надир-Мирзы приходит к концу, ты пишешь...⁹

Затем, ты очень хорошо сделал, что, жалея нас, читателей, занялся нанизыванием на нитку объяснений некоторых тонкостей изычного изложения. Если, не дай бог, ты на эту сторону вопроса не обратил бы внимания, тогда мы, несчастные, встретили бы невероятные затруднения в уяснении себе твоих писаний. С какой бы это не было целью в истории не дозволяется поднимать такие вопросы. В особенности, если изложение не соответствует истине, историк должен ограничиться изложением самих событий. В других местах ты иногда не обращаешь внимания на правдоподобность содержания. Например, повествуя о ректоре университета, ты говоришь:

«Согласно светлomu, как солнце, мнению шахиншаха, не следует судьбу молодежи вручать молодым людям. Это дело нужно поручать старцу, закаленному большим жизненным опытом. Необходимо, чтобы старец этот был известен прекрасным поведением, был честным, безукоризненным во всем, верующим, чтобы он не был алчным, а был бы милосердным и сердобольным, не был бы пьяницей и чуждался бы всяких подлых дел. Такой именно старец сможет по-отцовски, как своих родных детей, воспитывать молодых людей благородного происхождения. Он сумеет внушить им нормы морали, отвратить их от грязных деяний и привить им отвращение к непристойным вещам. Недавно я, раб божий, после путешествия в далекий Хорезм, длившегося восемь месяцев, с чувством восторга вернулся, чтобы облобызать пороги его величества шахиншаха. И несмотря на то, что я не обладаю ни одним из вышеуказанных качеств, его величество, шахиншах Ирана, преисполненный высокого желания оказать милость и честь, призвал меня, недостойного старика, к себе и предложил мне этот высокий пост — пост ректора университета».

Ты осознаешь, что, по совести говоря, не обладаешь ни одним из вышеперечисленных качеств? Человек не может не иметь

одно из двух качеств: или он обладает наилучшими чертами характера, или он ими не обладает. Ты не обладаешь хорошими чертами характера, положительных качеств у тебя нет, и все же университет поручают тебе. Если так, то откуда же видно, что его величество шахиншах имел благое намерение поручить руководство университетом человеку, обладающему высокими моральными качествами? Ты мне скажешь, что ты, мол, все это говорил из скромности. Но, голубчик, слышал ли ты, чтобы кто-нибудь когда-нибудь из скромности сам обозвал себя «предателем» и «неверующим»? Твое рассуждение неправдоподобно, подумай об этом.

Посылая эти беседы в редакцию тегеранской газеты, сообщая, что так принято в Европе, и в этом заключается огромная польза. Например, предположим, что кто-нибудь написал книгу. Другой человек пишет на эту книгу критическую статью, показывает положительные и отрицательные стороны этой книги. Конечно, в этой критической статье не должно быть ни одного оскорбительного слова в адрес автора книги, не должно быть абсолютно никаких выпадов. Все в этой критике должно быть написано в рамках исключительной вежливости. Вот такое писание называется критикой, от французского слова «критик».

Автор может ответить на такую критику. После ответа автора может выступить третье лицо, которое может стать в этом вопросе на позицию автора или же подтвердить мысли критика.

Результатом такой критики явилось то, что на языках народов Европы поэзия и проза все более и более отшлифовывались и сейчас очищаются от ненужного балласта, лишней фразеологии. Критика дает авторам и поэтам возможность еще лучше понять свою высокую миссию, поработать над собой и своим стилем.

Если при посредстве тегеранской газеты такая литературная форма привьется в Иране, то это окажет значительную помощь будущему поколению Ирана в усвоении восточных языков. Если критика, как литературная форма, найдет применение в Иране, тогда газеллы и касыды, ныне широко развитые в Иране и в то же время бесполезные, начнут отмирать, и появятся повести и стихи, отображающие действительную жизнь разных народов, стихи, написанные в стиле месневи, подобные «Шахнаме» Фирдоуси и «Бустану» Шейха-Саади. Кроме того, такие нежелательные и смехотворные явления, как рифмоплетство в прозе и детские наивные гиперболы, а также глупые сравнения больше не будут иметь места в литературе. Наши писатели и поэты с развитием критики будут искать себе жизненные сюжеты, не оторванные от действительности и не отвлеченные. Сюжеты, фабулы должны быть взяты из действительности и настолько насыщены, чтобы читатель получил подлинное наслаждение от литературы и чтобы слушатель приходил в восторг. Только такие произведения способны поднять престиж автора и принести ему

славу. Если произведение будет полноценное, содержательное, его не только не раскритикуют, а, наоборот, автор получит от своих читателей лестные отзывы и благодарственные письма. Умение отыскать красивый, привлекательный сюжет—это дар божий, это доказательство исключительной одаренности автора. Но рифмолетство—вещь неестественная, надуманная и совершенно лишняя. То же можно сказать и о других видах искусства.

Теперь пусть Риза-Кули-хан даст ответ на мое послание на страницах газеты и пусть какое-нибудь третье лицо будет судьей в нашем споре.

КРИТИКА. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «МИЛЛЕТ» ВЫСОКОГО ИРАНА

Уважаемый брат мой!

Иранская газета «Миллет» от четырнадцатого Рабиал-Аввала 1283 г.¹ (пятница) была получена в городе Тифлисе. Она мне представилась приблизительно такой, какой я опишу ниже.

Первым долгом бросилось мне в глаза следующее:

«Приказано высочайшим и светлейшим шахиншахом, да следет бог его землю и царствование вечным, чтобы газета «Миллет» печаталась, следуя по пути свободы, так, чтобы и знать, и простой народ извлекли бы из нее пользу».

Эта фраза, по существу, показывает, что обо всем том, что полезно для иранского народа, каждый может писать так, как он думает, без боязни и без опаски.

Хотя я и гражданин Кавказа, но все же я брат иранцам, ибо все мы исповедуем одну веру, все мы приверженцы ислама. Коль скоро это так, значит, я могу, основываясь на вышеприведенной фразе, смело изложить тебе свои мысли.

Первое. Как символ иранского народа, ты поместил в своей газете изображение мечети. Я придерживаюсь такого мнения, что это совершенно неуместно. Если ты, употребляя слово «народ», имеешь в виду в данном случае только иранский народ, то помни, что мечеть вовсе не есть эмблема только иранского народа. Все народы, исповедующие ислам, имеют мечети, у каждого из них есть свои мечети.

В доисламский период эмблемами иранского народа служили престол Джемшида, крепость Истахр² и другие памятники древних иранских шахов. После внедрения ислама в Иране самым знаменитым периодом был период царствования шахов из династии Сефевидов. Они-то и содействовали распространению шиитства в Иране. При Сефевидях разрозненные племена Ирана были объединены в единый народ. Таким образом, честь создания единого самостоятельного Иранского государства принадлежит Сефевидам.

Поэтому, чтобы популяризировать иранскую нацию, тебе необходимо в своей газете изобразить другую эмблему, например, двенадцатигранную корону Сефевидов на красном сукне. Такая эмблема, с одной стороны, будет относиться к древним фарсидским шахам, а с другой—она будет напоминать сефевидских падишахов.

Второе. Прочитав газету, я заметил, что две страницы и даже больше посвящены родословной и биографии некоего поэта, носящего псевдоним Суруш и имеющего прозвище Шамс-аш-Шуара.³ Там же помещены его касыда и газела.

Дорогой брат! Ты сам же пишешь, что и знать и простонародье должны извлекать пользу из твоей газеты «Миллет». Просто, по совести, спрашиваю тебя, что даст твоему читателю знание родословной и биографии поэта, имеющего псевдоним Суруш, да еще прозвище Шамс-аш-Шуара? Какая польза народу, если ты его заставляешь обязательно знать это?

Если бы этот Суруш был человеком образованным и хорошим поэтом, тогда ты был бы совершенно прав, говоря, что народ от его философских стихотворений получает духовное, нравственное удовлетворение. Конечно, ты был бы прав, утверждая, что народ должен знать этого человека. Но касыда Суруша показывает, что поэт он заурядный. У него нет ни призвания, ни даже умения писать стихи. И напрасно он себе выбрал псевдонимом имя ангела небесного, а название великого светила небесного превратил в свое прозвище. Наверно он полагал, что свет его яркого таланта, подобно солнцу, способен озарять весь небосклон.

Очевидно, без убедительных доказательств никто не будет считаться с твоими мнениями и притязаниями. Я опровергаю талант Суруша и утверждаю, что он бездарен. И чтобы доказать свою правоту, я должен привести конкретные примеры. Эти примеры и доказательства приведу попозже, а в первую очередь скажу несколько слов относительно родословной этого «солнца поэтов».

Дорогой мой брат редактор! По дружески прошу тебя, собери у себя в Тегеране группу людей. В эту группу пригласи двенадцать человек со вкусом, людей тонких, понимающих, и в их присутствии спроси у «солнца поэтов»:

— Эй ты, господин, с какой же целью ты свою родословную связываешь с Наджми-Санни⁴?

И если он тебе ответит, что целью его является черпать от него славу себе и гордиться его именем, тогда ты ему на это скажи так:

— Господин хороший! Это удивительно, что ты сам, будучи солнцем, в звезде, да еще в потухшей звезде, нищешь свет, избираешь ее источником своей славы. Планеты—это Юпитер, Сатурн, Марс, Меркурий, Венера и др. В толковании Чекмени⁵ написано, что все эти планеты темные, они получают свет от

солнца. Коль скоро ты сам себя именуешь солнцем, освещающим вселенную, тогда по какому закону астрономии ты, будучи солнцем, от планеты хочешь получить свет?

И если он ответит, что такое солнце, которое не дает ни света, ни сияния⁶ и само стремится вобрать в себя свет, ищет его у Наджми-Сани, то ты скажи ему:

— Господин! Не трудись напрасно. Ищи себе другого прадеда среди таких светил, как Низам-уль-Мулк⁷—везир Меликшаха сельджукского, Хадже-Насир Туси⁸—везир Хулагу-хана или Амир-Алишер⁹—везир Султан-Хусейна Байкары, которые были передовыми учеными своего времени, и тогда ты достигнешь своей цели. Только из-за того, что ты земляк с Наджми-Сани, не выдавай его за прадеда своего! И знай, что Наджми-Сани, подобно тебе, не отличался никаким талантом. У него тоже не было никаких личных достоинств, и напрасно он узурпировал себе прозвище Наджми-Сани. Если ты своего прадеда не знаешь, так мы познакомим тебя с ним.

При определении достоинств людей былых времен мы опираемся на свидетельства истории. В «Хабибуссияре»¹⁰ написано так:

«После смерти Амир-Наджми-Заргяра¹¹, человека справедливого, отважного, государь благонамеренный, то есть Шах-Исмаил, осчастливил Амир-Ярахмеда Исфаганского тем, что возвел его в сан советника. Он назвал его Наджми-Сани и поднял до небес. Он приказал всем везирам, эмирам и другим представителям высшей власти подчиняться Наджми-Сани».

Мы видим, что Наджми-Сани действительно достиг высокого сана, но историк не называет никаких его достоинств, какие видел у Наджми-Аввала¹². Таким образом, становится понятным, что возвеличение Наджми-Сани не явилось результатом его личных качеств. Это было только следствием радения и благорасположения к нему Шах-Исмаила. Согласно мнению ученых и философов, согласно убедительным доводам, приведенным в философском произведении современного нам писателя (да продлит аллах жизнь его), в котором дано толкование значения и смысл слов и положений пророка нашего (да будет на нем мир), а также согласно мнению почтенного Рухуль-Гудса¹³, давшего разъяснение в своей книге «Разговор везира со своим другом», человека, не имеющего личных достоинств, высокой сан не возвышает, а напротив, позорит и унижает.

Итак, по свидетельству историков, Наджми-Сани достиг своего высокого сана и почетного положения вовсе не своими знаниями и ученостью. Известно, что некоторые люди, вышедшие из простого народа, благодаря своему природному уму, нравственным качествам и личному обаянию, делают себе карьеру и достигают высокого сана. Может быть и Наджми-Сани благодаря своему природному уму и нравственным качествам снискал себе почет и уважение?

По этому поводу мы тоже обратимся к истории и посмотрим, насколько был остер природный ум и ярок талант Наджми-Сани. И в какой степени он был наделен обаянием.

«Хабибуссияре» говорит так:

«После того, как плот религии, шах, то есть Шах-Исмаил, сделал Наджми-Сани всесильным и облек его неограниченными правами, резиденция Наджми-Сани—надежды и упования народов—сделалась местом поклонения правителей адамовых чад—знати, высокопоставленных лиц вселенной. Сан, популярность, внимание, которым был он окружен, огромное богатство, знатность, которые ему сопутствовали, высокое положение и значимость его личной персоны в государстве, наконец, то огромное влияние, которое он имел, и его указы сделали его куда сильнее и влиятельнее любого султана того времени. Количество его личных слуг достигло пяти тысяч. Его личная казна и имущество до того увеличилось, что самые маститые экономисты и бухгалтеры не в состоянии были вести им учет. Ежедневно для его пышного, многолюдного стола закалывалось до ста баранов. Количество потребляемой в его дворце птицы, риса, приправ для плова, количество масла было в полном соответствии с потребляемой бараниной. Во время своего туркестанского похода, хотя через встретившуюся им реку нельзя было переправить всю утварь, в его кухне ежедневно ставились на огонь для приготовления пищи тринадцать котлов из чистого серебра. И эти разнообразные кушанья в золотой, серебряной, хрустальной и фарфоровой посуде постоянно демонстрировали перед населением. От одного уважаемого правдолюбца дошел рассказ, что на той стороне реки во время пиршества присутствовал в лагере этого эмира посторонний человек, который с удивлением спросил того, кто ведал снабжением: «В чужой стране, откуда ты достаем столько видов продовольствия?» Тот на это ответил: «Божьей милостью, баранов, птиц, сахара, леденцов, муки, рису и другого, потребного для плова, мы имеем при себе в достаточном количестве. Однако помимо всего этого необходимо еще иметь ежедневно десять батманов инбиря, корицы, шафрана и других приправ. Вот с доставкой их я испытываю трудности».

Мы не думаем, чтобы отец Наджми-Сани был настолько богат, что оставил сыну в наследство такое огромное, достойное властителя богатство. Таким образом, если Наджми-Сани производит такие большие расходы из своих законных средств, тогда он расточитель. Не говоря уже о том, что у богослов имеется определенное мнение насчет изготовления котлов из серебра и употребления серебряной посуды—что ими запрещено; помимо всего этого, такая расточительность доходит до глупости. Если же он делал такие расходы за счет невольных, чужих средств, тогда он является злодеем. Везир, стремящийся показать себя не благими деяниями, а обилием украшения, рос-

кошью, может быть только тем везиром, о котором говорится в упомянутой книге Рухуль-Гудса.

Но образ везира знающего, достойного уважения и авторитетного Рухуль-Гудс рисует так:

«Пусть в Иране величие и пышная жизнь будут уделом того везира, который смело может сказать: «Это я привел дороги Ирана в должный порядок, для того, чтобы арбы могли свободно проезжать. Это я в разных пунктах Ирана открыл шахолы. Это я распорядился употребить полностью доходы от вакуфа¹⁴ на нужды учащихся. Развитие и прогресс торговли и сельского хозяйства целиком обязаны мне. Это я пустил в ход рудники Ирана. Безводным пустыням дал жизнь, я вырыл там артезианские колоды, а казну Ирана я довел до 50 куруров».

Смысл и нравственное удовлетворение везира от занимаемого им поста заключаются именно в этих деяниях, а не в глупом самоудовольстве, не в бесшабашной расточительности.

Опять-таки автор «Хабибуссияре» пишет:

«Когда роскошь и пышность этого незаменимого, бесподобного везира (в смысле потребления в громадном количестве шафрана, корицы, нинбиря) дошли до высокой степени, то он, возгордившийся немомверной пышностью, не получив разрешения и распоряжения от знающего, толкового шаха-победителя, решил сам покорить Маверан-нахр¹⁵. Взяв на себя ведение войны с узбекскими войсками, он счел это опасное дело пустым и легким. Перейдя Аму-Дарью, он встретился с его величеством Бабур-шахом, а затем двинул войско на крепость Хазар. Правитель области Агполат-Султан, сознавая, что он слаб для того, чтобы противостать крупным полководцам, вместе со своими приверженцами и должностными лицами изъявил желание заключить мир и, получив надлежащие заверения и обещания, открыл крепостные ворота. Наджми-Сани велел заковать его в кандалы, перебил узбекское население в Готурузбеке и начал чинить насилие над населением».

Хорошо. Если бы Агполат-Султан не сдался на милость победителя, тогда Наджми-Сани имел бы право чинить над ним какую угодно расправу. Но коль скоро Агполат-Султан и узбеки сдались, а Наджми-Сани дал им обещание неприкосновенности и уверил их в этом, тогда по какому закону справедливости и мужества он, пренебрегая божьим велением, нарушил данное узбекам обещание неприкосновенности, заковав Агполат-Султана в цепи и убив других узбеков?^{*}

Пусть скажут свое мнение присутствующие в собрании, по-

* Относительно нарушения данного обещания я вспомнил следующие строки из Корана. Первый: «О вы, принявшие веру ислама, исполняйте свое обещание». Второй: «Люди, которые заверили, а потом вероломно нарушили свое обещание, подобны тем, кто нарушил волю божью и сеют на земле смуту и раздор. Да будут прокляты они, да будут корчиться они в огне ада». Третий: «Дав слово, свято выполняйте его. Уверив людей, не нарушайте своего обещания. Бог ручается за вас!» (Прим. автора.)

нимающие и толковые господа: на каком уровне должны быть ум и нравственные устои такого человека, который вначале из тщеславия и по глупости своей, вопреки желанию своего повелителя, без его ведома взял на себя право покорения Мавераннахра, а потом, в нарушение божьего веления, нарушил свое слово? Разве умный и благородный человек может захотеть иметь своим предком такого человека?

И дальше автор «Хабибуссияре» пишет:

«Наджми-Сани оттуда повернул на Гарши и повел наступление. Правитель той области Шыхым-Мирза показал образец твердости при обороне своих позиций. Наджми-Сани распределил окрестности города между эмирами. Каждый в назначенном пункте сошел с коня. Воины пустили в ход стрелы и ружья. Башни и стены крепости от ударов камней пришли в сотрясение. В течение двух-трех дней с огромными трудностями они покорили город. Шыхым-Мирза со своими людьми попал к жестокому победителю. Дано было распоряжение начать поголовное истребление населения. Хотя Эмир Гиясетдин-Мухаммед и кое-кто из знати просили у Наджми-Сани пощадить и не проливать кровь некоторых невинных людей в городе, он все же остался неумолим и не отступил от своего решения. До пятнадцати тысяч воинов и вольных граждан были истреблены».

В приложении к «Тарихи-Ровзатусафа»¹⁶ написано:

«По зову Наджми-Сани пришедший из крепости на помощь кызылбашским войнам Бабур-Мирза просил у Наджми-Сани пощадить некоторых жителей Гарши, которые были его сородичами—джагатайцами. Однако Наджми-Сани был неумолим и наотрез отказался исполнить просьбу Бабур-Мирзы, тем самым обидев последнего».

Автор «Хабибуссияре» дальше пишет:

«После занятия Гарши Наджми-Сани двинул свои войска на Бухару, ибо Джанибек-султан и Убейдуллахан засели там с крупными силами узбеков и твердо решили удержать врага и оказать ему упорное сопротивление».

Когда Наджми-Сани находился в двух фарсах¹⁷ от Бухары, ему сообщили, что с целью грабежа выступил в поход отряд самакандских войск Мухаммед-Теймура-султана и Абусанд-султана. Наджми-Сани, остановившись, двинул против них большой отряд, составленный из прославленных воинов во главе с Байрам-беком Карамани.

Оба упомянутых султана, узнав о выступлении против них отряда Байрам-бека, заперлись в крепости Гадживан.¹⁸ Байрам-бек сообщил об этом Наджми-Сани, который со всем своим войском подступил к Гадживану. Мухаммед-Теймур-султан и Абусанд-султан укрепили крепость со всех сторон и ежедневно посылали по одному отряду из отчаянных храбрецов узбеков

на борьбу с врагом. Им навстречу выступали отряды из войска Наджми-Сани. Происходили схватки с переменным успехом. То та, то другая сторона выходила победительницей. Через несколько дней войска Наджми-Сани стали испытывать недостаток в продовольствии. Осведомленный о положении войска и о состоянии военных сил узбекских султанов, и о том, что взять эту крепость приступом невозможно, Ходжа-Кемаледдин-Махмуд обратился к Наджми-Сани:

«В зимнюю пору осады крепости Гадживан не дает никаких результатов. Крепость эта известна обилием продовольственных запасов и огромным количеством оружия. Два султана укрепились там с большим отрядом отборных, смелых воинов. Наши победоносные войска начнут испытывать острую нужду в продовольствии, если пробудут здесь еще несколько дней. Будет более целесообразно для государства, если вы прикажете дать войскам сигнал барабанным боем о выступлении из этого лагеря. Лучше мы проведем зиму близ Гарши и Хазара, где множество купцов и рыночных торговцев будут привозить из Балха и его округи зерно и другое продовольствие для нашего победоносного войска. Когда зима будет на исходе и продовольствие у узбеков начнет иссякать, а для четвероногих на полях появятся корма, мы начнем наступление на крепости и города».

Наджми-Сани, не имевший никакого понятия о правилах ведения войны, о руководстве войсками, никогда в жизни не читавший ни одной книги по истории войн, не обладавший ни умом, ни здравым смыслом, ни способностью разбираться в надлежащем образом в происходящих событиях, Наджми-Сани ум и мудрость которого проявлялись в количестве потребляемого в его кухне продовольствия: баранины, птиц, гусей и моркови, — и в количестве людей, обслуживающих в походах его особу, в ответ на это разумное предложение, по свидетельству «Хабибуссияре», заметил:

«Если мы уйдем из-под Гадживана по направлению к реке, узбеки сделают вывод, что мы отступили, как побежденные, гонимые страхом, а это их сильно воодушевит и сделает более смелыми».

Еще беседа эта не была окончена, как к Наджми-Сани подошел Бабур-шах и в точности повторил совет Ходжа-Кемаледдин-Махмуда. Он настаивал на снятии осадки и отправлении к Гарши и Хазару. Хотя Наджми-Сани внешне будто бы согласился с Бабуrom, но в душе сомневался в целесообразности этого предложения. С другой стороны, в Бухаре Джанибек-султан и Убейдуллахан-султан получили сведения о том, что под Гадживаном дела Наджми-Сани продвигаются вперед. Они узнали о том, что за недостатком продовольствия и корма для скота войска Наджми-Сани приходит в расстройство и воины его стали бродить по округе и даже разбегаются. Узнав об этом, они решили сразиться с Наджми-Сани. Их войска, и конные

и пешие, с обнаженными мечами и в панцирях устремились к Гадживану. Когда они дошли до этого округа, оба султана, находившиеся в крепости, присоединились к ним и ринулись в бой.

Увидев создавшееся положение, Наджми-Сани решил принять бой.

Укрепив правое и левое крыло влиятельными эмирами, он сам стал в центре, а Бабур-шаху приказал со своим отборным войском отделиться и наблюдать за ходом сражения. И если какое-нибудь крыло будет сильно нуждаться в подкреплении, поспешить ему на помощь.

Когда узбекские войска построили свои ряды, то от них отделилась конница в двести человек и налетела на войска Наджми-Сани с левой стороны. Находившийся в той стороне Байрам-бек кинулся было на них, чтобы предотвратить их удар, но в это время его сразила стрела, и он рухнул на землю. Это событие еще больше воодушевило узбекские войска. Они налетели на иракские и азербайджанские части.

Грубое, бездушное обращение с людьми, жажда власти и тупость Наджми-Сани до того надоели полководцам, что они чувствовали к нему полное отвращение и ненависть. При создавшейся обстановке они, даже не коснувшись рукоятки своего оружия, обратились в бегство. Войска Наджми-Сани потерпело поражение, и Бабур-шах с оставшимися воинами направился в крепость. Эмир Гиясетдин-Мухаммед и Ходжа-Кемаледдин-Махмуд следовали за войском его высокочтимости, Гусейн-бек Лала и Ахмед-бек Софи-оглу направились в селение Керки.

Зажгорелся ярким светом полумесяц на знаменах узбекских султанов и над горизонтом победы. Войска Маверан-нахра начали грабить и убивать. Один из отрядов Убейдуллахана настиг Наджми-Сани на поле битвы, и его высокочтимость попал в руки победителей. Они доставили его живым к своему повелителю.

В написанной на джагатайском языке (староузбекский.— *Сост.*) истории узбекских султанов, современников Сефевидов, сказано, что, когда воины доставили Наджми-Сани к повелителю, тот сказал:

— Ты был полководцем кызылбашских войск?

Наджми-Сани ответил:

— Да!

Убейдуллахан тогда сказал:

— После того как ты обещал узбекам крепости Хазар неприкосновенность, обещал сохранить им жизнь и они сдались, зачем ты нарушил обещание и приказал их поголовно и беспощадно истребить? Почему после покорения Гарши ты распоря-

дился истребить все его население, тогда как большинство его состояло из бедных и беспомощных людей, не имеющих отношения к войне и не поднявших руку на тебя? В каком законе и где сказано, что после того, как ты обещал сохранить врагу жизнь и он сдался, ты все же проявил акт вражды и уничтожил мирное население? Имеется ли такой закон, и если имеется, то как же теперь с тобой должен обойтись враг и в чем может заключаться просьба твоя к нему? И человек с таким умом и подобными взглядами хотел покорить чужую страну? Никакой вероломный нечестивец, никакой злодей не решился бы истребить невинное население Гарши и не убивал бы бедных, беспомощных людей, достойных только жалости. Допустим, что люди данной страны, согласно вашему убеждению, являются гяурами, вероотступниками. Наш всевышний аллах убийство таковых считает недопустимым; разве только в исключительных случаях. Знаешь ли ты смысл этого славного стиха из Корана или нет?¹⁹

Наджми-Сани молчал. Убейдуллахан задал ему еще вопрос:

— Почему молчишь, может, по-арабски не знаешь?

Наджми-Сани ответил:

— Арабским языком я не владею.

— Я поражаюсь шаху кызылбашей. Он избрал везиром, да еще главным военачальником, человека, у которого нет знаний, нет ума, и, кроме того, нет ни капли милосердия!

Затем он приказал своим воинам:

— Уведите и отрубите ему голову!

Наджми-Сани дрожащим голосом с мольбой сказал Убейдуллахану:

— Пощади меня! Я дам тебе пятьдесят тысяч динаров. Кроме того, у своего падишаха я получу письменное обязательство, в котором будет сказано, что страна Маверан-нахр до границы Хорасана отныне будет принадлежать тебе и потомкам твоим и что войска кызылбашей больше не посягнут на твою страну и скот твой.

Убейдуллахан на это ответил:

— Нет у меня никакой потребности и желания брать у тебя деньги, и обязательство твоего шаха мне не нужно. Страну Маверан-нахр я отстою от посягательств с помощью аллаха и меча своего. Убив тебя, я тем самым отомщу за пролитую кровь невинных людей, ибо такого изверга оставлять в живых — значит подвергать опасности жизнь людей, созданных всевышним. Если ты останешься в живых, ты можешь и в дальнейшем стать причиной пролитой крови невинных людей.

После того как он окончил свою речь, Наджми-Сани увели и отрубили ему голову.

Дорогой мой друг, редактор!

Ты теперь спроси у мудрых людей, тобою приглашенных: может ли этот человек называться святым мучеником? Удивительно, что «Солнце поэтов», вместо того чтобы чувствовать к такому человеку отвращение, называет его, да еще с явным удовольствием, своим прадедом.

Господин «Солнце поэтов» приписывает Наджми-Сани еще один поступок, от которого последний становится, в его воображении, более привлекательным. Он рассказывает, что Наджми-Сани уплатил некоему поэту по имени Умиди вознаграждение в десять тысяч динаров за хвалебную оду, начинающуюся стихами:

Когда ты сидишь на коне, лицо твоё
Сверкает, как метеор в небе...²⁰

«Солнце поэтов» хочет, чтобы наши современники, эмиры, знали, какую надо назначать цену за ложь и лицемерие. Если они не дадут больше, то во всяком случае, чтобы не платили меньше.

Достоин ли и эта черта хвалебных од, или ее надо осудить? Для выяснения опять-таки обратимся к истории.

В «Хабибуссияре» написано:

«Во времена халифства почитаемого Омара (да будет аллах доволен им!), вследствие доблести Халид-ибни-Валида и отваги исламского войска, Абу-Убейда-ибни-Джаррах одержал вблизи Хаммаза победу над сотысячным войском императора ромеев. Один из арабских поэтов Аш'ас-ибни-Гейс Канди написал оду, в которой восхвалял доблесть и отвагу Халида, и преподнес ее последнему. Халид подарил Аш'асу десять тысяч дирхемов. Молва об этом дошла до почтенного Омара, и вызвала у него недовольство. Он написал Абу-Убейда следующе:

«Позови к себе Халида и прикажи, чтобы, сняв с его головы повязку и повязав ее на его шею, спросили: откуда ты взял десять тысяч дирхемов, которые подарил Аш'асу? Если он ответит: «эти деньги я взял из государственной казны», тогда это будет показывать его явное предательство. Если же он скажет: «эту сумму я отдал из собственных средств», тогда обнаружится его расточительность».

По приказанию халифа Абу-Убейда позвал к себе Халида и спросил:

— Десять тысяч дирхемов, которые ты дал Аш'асу, взяты из государственной казны или это твои собственные деньги?

Халид ответил не сразу. Билал Абу-Убейда, затянув потуже повязку на шее Халида, сообщил ему:

— Распоряжение эмира правоверных таково: пока ты не ответишь, держать тебя в таком положении.

Халид ответил:

— Этот подарок — мои собственные деньги!

Абу-Убеида отослал Халида в Медину».

Если такого человека, как Халид-ибни-Валид, мечом которого укрепилась религия ислам, осудили за выдачу награды в десять тысяч дирхемов, можно ли не осудить Наджми-Сани за выдачу десяти тысяч динаров за одну хвалебную оду? А ведь Аш'ас хвалил Халида за беспримерный в истории подвиг, и было за что хвалить! Скажите на милость, а какую отвагу проявил и какой подвиг совершил Наджми-Сани, что ему посвятили хвалебную оду?

Таких лживых и льстивых поэтов, как Умиди, в Иране много. За что же умный человек должен давать лжецам столь крупные вознаграждения? Такая щедрость ни о чем другом, как о большой глупости не говорит, ибо ложь всегда нравится только глупцам. Спрашивается, а не лучше ли было эти десять тысяч динаров потратить на благие деяния? Например, можно было бы на эти деньги открыть школы для детей мусульма. Можно было бы открыть больницы для призрения бездомных и лечения больных, не имеющих близких родственников. Можно было такое сделать? Да, можно. Именно такую память оставили о себе потомкам Низам-уль-Мульк и Амир-Алишер. Почему же отнятые у бедных десять тысяч динаров из-за тщеславия и необузданной прихоти должны были попасть лжецам и льстецам? Почему одни должны находиться под гнетом, а другие незаслуженно обладать несметным богатством?

Мы познакомимся с покойным прадедом «Солнца поэтов». А теперь, как мы обещали в начале критических заметок, приведем доводы в доказательство бездарности поэта.

Поэзию характеризуют два основных элемента: изящество изложения и глубина содержания. Если в поэтическом произведении есть глубокий смысл, но отсутствует изящество изложения (как, например, «Месневи» Моллайи-Руми), такие стихи приемлемы, правда, стихосложение страдает недостатком.

Если же стихи обладают достаточным изяществом изложения, но лишены красоты содержания, подобно стихотворениям тегеранца Гаани²¹, то такие стихи являются слабыми, наводящими тоску, но все-таки они являются поэтическим произведением, результатом определенного мастерства.

Поэзия, где имеется полная гармония, где наряду с художественным изяществом изложения имеется и красота содержания, вроде «Шах-наме» Фирдоуси, «Хамсе» Низами и «Дивана» Хафиза, такая поэзия способна вызвать в читателе восторг, она может волновать читателя, она нравится всем. Таких поэтов можно уподобить пророкам, ибо они стоят выше человеческого рода, обладают философским воображением и пылким вдохновением.

Относительно таких поэтов сказано:

Когда в божественном мире строятся ряды,
Вслед за пророками следуют поэты²².

В касыде «Солнца поэтов» нет изящного изложения, нет также красоты и глубины содержания. Кроме этих двух недостатков, некоторые его стихи имеют изъяны и в отношении ритма. Таким образом, назвать стихами подобный сумбур, а их творца поэтом никак нельзя.

Содержание касыды Шамс-аш-Шуара от начала до конца основано на некоторых убеждениях шейхидов.

Правильны или ошибочны подобные убеждения, мы этого вопроса затрагивать не будем. Это мы относим к компетенции богословов, ибо вмешиваться в религиозные убеждения—это не наша обязанность. Мы лишь можем сказать, что подобные убеждения абсолютно не представляют никакой оригинальности, в них нет ничего нового. Об этом тысячу раз на все лады, в разной форме, в прозаической и стихотворной, писали многие.

В таком случае содержание, не блещущее новизной и не вносящее ничего нового, в особенности в стихе, никогда не может вызвать ни интереса, ни восторга. Наоборот, такое произведение скорее похоже на книгу о скучном и отвратительном образе омовения новоявленного богослова.

У Шамс-аш-Шуара в касыде имеется ряд очень слабых слов и редко употребляемых выражений²³. Употребление подобных слов и выражений можно допустить в прозе, а в поэзии никак нельзя. Например, выражение «азза ве джалла» употребляется проповедниками с высоты кафедр мечети. «Алейкумуссалават» употребляется чавушами²⁴, когда паломники отправляются в Кербелу или в Хорасан на богомолье. Чавуш идет впереди паломников и произносит: «алейкумуссалават». В касыде есть слова, которые совершенно ничего не значат, просто бессмыслица.

Примеры двустиший «Солнца поэтов», в которых с точки зрения размера имеются недостатки²⁵.

Если «Солнце поэтов» скажет, что тяжесть и легкость в стихе есть своего рода перебой и что если он применяется удачно, то поэты его одобряют, так скажите ему, что подобные поэты глубоко ошибаются. По нашему мнению, перебой, применяемый где бы то ни было, может просто действовать на нервы, и демонстрирует лишь беспомощность поэта.

Если подобные перебои допускались некоторыми поэтами при династиях Газневидов и Сельджукидов, то постепенно этот стиль изжил себя, и поэты последних лет от него совершенно отказались. Если теперь и встречается в стихе перебой, то он невольный, значит, поэт не мог избежать этого. К тому же перебои допускаются не в размере «муджтес», которым написана касыда «Солнца поэтов», а в особых размерах, и то лишь раз или два, а часто к ним прибегать нельзя. Если мы и допустим

применение перебора, то во всяком случае в стихах, которые с точки зрения размера являются легкими. Тяжелые стихи также ни в коем случае нельзя считать правильными, ибо их тяжело-весность сама по себе уже является крупным недостатком.

Суруш, восхвали пророков и его родных,
Чтобы этим смыть свои грехи²⁶.

У этого стиха с точки зрения размера недостатков нет, но содержание его совершенно бессмысленно. «Солнце поэтов» хочет обмануть и посланцев бога. Он хочет, чтобы в награду за такую дребедень они отпустили ему грехи на том свете.

Нет, милейший, извините! У посланцев бога ум вовсе не похож на ум редактора газеты, которого так мошеннически обманули, что он целый номер своей газеты предоставил для печатания подобной бессмыслицы.

Нет, «Солнце поэтов», грехи тебе не могут быть отпущены. Ты этого не жди. Если ты хочешь, чтобы посланец бога остался доволен тобою, тогда ты свято выполняй его заповеди и не причиняй вреда единоверцам. Мусульманин — человек, который делом и словом приносит пользу мусульманам.

Смысл этой неясной фразы таков: как-то я сидел дома и читал на русском языке биографию Христофора Колумба и историю открытия Америки. Вдруг послышался стук в ворота. Слуга пошел к воротам и принес мне письмо. Оно было написано первым преподавателем восточных языков в Германии, немецким путешественником генералом Фишером, приславшим его со своим слугой. Содержание письма было следующее:

«Друг мой! Ты знаешь, какое мы испытываем удовольствие от встреч с тобой, а за столько дней нашего пребывания в Тифлисе мы с тобой встретились лишь два раза. Ты нас окончательно забыл. С приезжими гостями так не поступают. Прошу завтра в два часа дня зайти к нам в номер, чтобы пообедать вместе и доставить нам удовольствие твоей милой беседой».

Твой друг *Фишер*»

На другой день в назначенное время я пошел к генералу Фишеру. Из знатных людей города в этом обществе было еще пять человек. Сели за стол, пообедали, потом стали беседовать. Во время беседы генерал Фишер спросил меня:

— Что означает на арабском языке слово «хашарат»?

Я ответил:

— Как пишет автор словаря, оно означает — мошки, насекомые, а по богословским книгам: к хашарату относятся змеи, крысы, полевые мыши, жуки и прочие мелкие животные. В переносном же смысле оно относится к глупым, бестолковым, непросвещенным людям, к варварам.

Он заметил:

— Ты хорошо сказал. Теперь во имя дружбы скажи мне правду: в Коране или в изречениях Мухаммеда имеется хоть намек на то, что тот, кто не исповедует ислам, является «хашаратом»?

Я ответил:

— Боже упаси, ни в Коране, ни в изречениях Мухаммеда на это не имеется даже намека. Но в Коране порой можно встретить слово «ан'ам». Но это не объясняет понятия «хашарат», потому что имеется специальная сура о превосходстве рода человеческого: «мы были благосклонны к роду человеческому, оберегая его и на суше и на море, даровали ему наилучшие яства и отдавали ему предпочтение перед всеми прочими нашими созданиями». По моему мнению, этот стих касается вас, ибо сегодня и на море и суша покорены вам. Вы пользуетесь всякими дарами божьими. По-настоящему, с точки зрения могущества, вы стоите выше других народов мира. Как же можно назвать вас этим словом «хашарат»? Но мы тех, кто не исповедует нашу веру, считаем отступниками, гурами и полагаем, что они будут мучатся в аду на том свете.

На это генерал ответил:

— Это особого значения не имеет. Пусть после смерти уделом нашим будет ад. Мы этого не боимся, и такое ваше убеждение несколько нас не задевает. С другой стороны, мы ведь тоже считаем заблуждающимися тех, кто отрицает нашу веру. Никто не скажет, что его пахтанье кислое. Чего мы хотим? Мы хотим, чтобы на этом свете нас не считали пресмыкающимися.

Я сказал ему:

— Сударь! Когда это мы вас называли пресмыкающимися? Как можно, чтобы мы говорили о вас: пресмыкающиеся, когда мы так нуждаемся в вас, учимся у вас наукам и искусствам, перенимаем у вас ремесла, пользуемся вашими изобретениями, употребляем ваши товары, мануфактуру. Клянусь, мы так расположены к вам, что если бы это зависело от нас, то после вашей смерти не допустили бы, чтобы вы корчились в муках ада. Что же нам делать, когда это не в наших силах? Я надеюсь, что эту нашу слабость вы нам простите и не будете это считать нашим неуважением и неблагодарностью.

Фишер долго смеялся и затем ответил:

— Я тебе охотно верю, но что ты скажешь на такое двустороннее?

Все, кто следуют за ним и его родней,
Считаются людьми, а прочие — пресмыкающимися.

Таким образом, выходит, что повинующиеся вашему про- року — люди, а мы — пресмыкающиеся?

Я ему на это ответил:

— Где же вы вычитали это двустиише? До сих пор ни в одном сборнике стихов я не встречал ничего подобного.

Фишер ответил:

— Пожалуйста, вот в этой касыде,—и протянул мне газету. Это на меня так подействовало, что кровь ударила мне в лицо. От стыда я опустил голову. Меня охватило какое-то оцепенение.

После некоторого молчания, как бы очнувшись, я извинился и сказал, что этот поэт не больше не меньше как сумасшедший и не стоит обращать внимания на его касыду. По касыде легко можно судить, что поэтическим даром автор ее не обладает и у него нет поэтического чутья.

Фишер ответил:

— То есть как не обладает поэтическим даром, когда в наш век он именуется Шамс-аш-Шуара? Из чего ясно, что он является главой всех поэтов.

Я ответил:

— Нет, не думайте так. Это у нас такой обычай. Мы выбираем себе псевдоним, но над смыслом этого псевдонима мы не задумываемся, мы не думаем над тем, чтобы он соответствовал нашим поступкам.

Фишер ответил:

— Как это так? Допустим, что у вас так водится. Но другие не могут оправдать ваши обычаи. Поэтому представители нынешнего иранского народа, других иноземных народов, будут вкладывать соответствующее значение в этот псевдоним и скажут, что государственные люди Ирана в наш век настолько неискушены в стихотворном искусстве, что подобного человека называют Шамс-аш-Шуара. Будущие поколения иранского народа станут более образованными, более культурными, приобщатся к науке. И когда они в истории литературы нашей эпохи прочтут стихи такого бездарного поэта, они пожалуют о том, что их отцы считали его главой всех поэтов того времени и даже согласились с его прозвищем, которого достойны лишь Фирдоуси, Низами и Хафиз. Если и в самом деле этот поэт, как ты говоришь, сумасшедший, так он в своем помешательстве не одинок. По моему убеждению, редактор газеты такой же сумасшедший, ибо чем иначе объяснить, что такую дребедень и бессмыслицу он поместил в газете и распространяет не только в своей стране, но даже за ее пределами?

В настоящее время газета иранской нации рассылается во все государства Европы. Ее читают во всех столицах европейского континента.

Скажите на милость, обзывая нас хашаратами (насекомами), какую пользу для иранского народа этот поэт хочет извлечь из подобного оскорбления? Ясно, что вы не имеете в виду прямое значение слова, потому что мы не мыши и не ящерицы. Вы имеете в виду переносное значение этого слова. Вы

ходит, что в вашем представлении мы безумные, бестолковые, дикие варвары, недоросли, недотепы. Вот кто мы в вашем представлении. Скажите, по совести, мыслимо ли, чтобы Вольтер, Монтескье, Руссо, Дюма, Гумбольдт, Луврие, Уатт, Фенелон, Бокль, Шекспир, Вольней, Байрон и подобные им философы, ученые, писатели, поэты, историки и изобретатели Европы считались насекомыми? Таких великих людей за людей не считать, а бестолковых, бесполезных, подобных Сурушу людей считать людьми высшей категории? Можно ли с этим смириться? Такая характеристика в устах поэта вашего народа, вовсе не унижает нашего достоинства. Скорее она унижает ваше собственное достоинство, ибо мы всюду на вас будем смотреть как на людей чванливых, мы будем на вас смотреть свысока, будем считать ваш ум неразвившимся, детским и будем смеяться над вами.

На это я ему ответил:

— Вы правы, редактор газеты не должен был печатать такую чушь, бессмыслицу. Но вы особенно не ругайте редактора. Этот горе-поэт просто обманул, подвел его и вынудил напечатать такую белиберду и нелепость. Может быть, редактор не понял смысла этого двустиишия, но он на это пошел под определенным давлением. Ведь общеизвестно, что тегеранские редакторы боятся придворных поэтов и не считаются с ними не могут. С помощью аллаха, я уверен, что со стороны редактора таких упущений не будет допущено в дальнейшем.

На этом наша встреча закончилась, и когда я вышел из номера генерала Фишера, я всю дорогу твердил себе:

— Эх ты, Суруш, Суруш, что ты наделал, в какое неудобное положение ты нас ставишь! Как ты срамишь нас! Чтоб тебе ни дна ни покрышки! Какая тебе польза от таких нелепых, бестолковых рассуждений? Как ты не понимаешь, что ставишь в глупое положение своих единоверцев, делаешь их мишенью для упреков! Из-за твоей глупости мы должны слышать оскорбительные слова в наш адрес. Почему? Какая польза в том, что ты множишь число наших врагов? Такие как ты просто наш позор, не меньше. С одной стороны, ты на страницах своей газеты, изрекая проклятия, поноса халифов²⁷, распространяешь их в Афганистане, Индии, Туркестане, Руме (Турция) и на Кавказе и тем самым нашу кровь, наше имущество делаешь для народов этих стран и жителей Дагестана дозволенными шариадом к уничтожению. С другой же стороны, называя все народы мира поганными насекомыми, вероотступниками, общение с которыми не дозволено шариадом, считая запрещенным есть с ними из общего котла или приготовленную ими пищу, ты прививаешь нам неприязненное отношение к ним, пренебрежение. Слушая тебя, так весь мир — это шиповник, кругом только шипы, и лишь ты один — букет махровых роз.

Даже не знаешь, куда от тебя бежать, куда спрятаться. Последствием такого отношения к другим народам будет то, что мы изолируем себя от всех народов мира и они вынуждены будут думать, что мы исчезли из этого мира...

Когда я пришел домой после посещения генерала Фишера, я начал писать эту статью, и я был так душевно подавлен, что даже не знаю, что вышло из-под моего пера.

Мой дорогой брат редактор! Чтобы другие извлекли отсюда назидательный урок, тебе надо эту мою статью поместить в нескольких номерах своей газеты и распространить внутри страны. Но ни в коем случае ни один из этих номеров не посылать за пределы страны. Сурушу же скажешь, чтобы в дальнейшем не занимался такими вещами.

Пусть страшится он моего отточенного пера
И острого меча, что проливает кровь²⁸.

Кроме этого, тебе надо понять назначение и цель газеты «Миллет». Например, в газете «Миллет» первым делом ты должен освещать вопросы внешней политики.

Второе. Ты должен в своей газете освещать все мероприятия иранских государственных деятелей, касающиеся порядка и дисциплины в стране и пользы народа и иранского государства.

Третье. Некоторые телеграфные сообщения ты должен помещать четким шрифтом.

Четвертое. Ты должен освещать вопросы внутреннего порядка и события местного значения. Например, на страницах твоей газеты должно быть сообщение, какие размеры приняла холера в Тебризе, чем объясняют врачи причину возникновения холеры. Содействуют ли ее прекращению принятые меры. Дает ли лечение ощутимые результаты. Надо уточнить и написать, сколько погибло людей от холеры и сколько выздоровело из числа зараженных этой болезнью. Ты должен на страницах своей газеты разоблачать, стыдить всех тех должностных и высокопоставленных лиц, которые при возникновении этой болезни раньше всех покинули свои места и тем самым вызвали панику и смутение среди населения.

Разоблачать тех, кто в трудные для страны минуты думал лишь о благополучии своей особы, бичевать их за то, что, получая громадное жалование, они оставили без присмотра подданных государства. И, наоборот, ты в своей газете должен возносить благодарность тем, кто в опасное время воодушевлял народ: ты должен писать с благодарностью о тех должностных и высокопоставленных лицах, которые в трудные минуты не покинули края, проявляли заботу о народе и его благополучие предпочли собственному. Например, нужно написать с благодарностью о самоотверженности таких людей, как Мирза Аб-

дулвахабхан Наибульвузар²⁹, который, будучи молодым, в трудную минуту не побоялся больных и, не подумав о своем благополучии, показал образцы подлинного героизма: с самого начала холеры и до ее исчезновения он не покинул своего поста и исполнил святой долг перед родиной и народом.

Пятое (самое главное и основное). Ты должен печатать свое мнение и свои взгляды, а также мнения, предложения, советы других, касающиеся прогресса и развития торговли и земледелия Ирана, вопросы, связанные с выявлением и эксплуатацией его несметных ископаемых богатств, вопросы организации орошения до сих пор не орошаемых пустынь, сообщения, касающиеся науки, знаний и промышленности, в особенности открытия школ и воспитания детей,—словом, все это освещать в своей газете.

Согласно утверждению Катиба Челяби³⁰, европейские народы, опираясь на науки (на самые основные из них—математику и географию), захватили все части света, и во всех уголках земного шара они проявляют предприимчивость и являются хозяевами положения. Вот в связи с этим вопросом, чтобы заинтересовать читателя, а самое главное, чтобы вызвать живой интерес у молодежи к наукам, надо в своей газете отвести место для изображения жизни виднейших ученых, философов, врачей, поэтов и полководцев. Ты можешь опубликовать в своей газете их сочинения, писать об их взглядах, доблести, успехах, воспроизвести отдельные эпизоды из их жизни, поместить критические статьи, написанные вами или другими лицами, в которых высмеиваются деяния и поступки государственных чиновников, правителей областей и провинций, ибо газете дано право свободно выражать свои мысли. Твоя газета по мере возможности должна освещать даже действия и поступки представителей верховной власти, военачальников и всех тех, кто занимает высшие посты в государственном аппарате, а также ученых-богословов. Например, в Мазандаране совершаются убийства подданных шаха, людей еврейского происхождения. Твоя газета должна изобличать всех тех, кто поддерживал этот произвол*. Пусть такие люди узнают, что их подстрекательства и бесчинства не останутся тайной, а сделаются предметом общественной гласности. Пусть они в дальнейшем будут бояться общественного мнения, бояться быть опороченными. Пусть они при исполнении своих обязанностей не выходят за рамки законов своего государя, не делают ничего, противоречащего воле и желанию своего шаха, своего прямого начальства. Пусть

* Чтобы раздобыть эти новости и сведения о событиях, происходивших в стране, ты должен во всех областях и городах иметь платных работников. Они, по твоему поручению должны собирать из всех областей и районов страны сведения и еженедельно все это отсылать тебе. Таких людей по-французски называют корреспондентами. Ты должен выпросить у правительства разрешение, чтобы почтовые отделения посылали все письма на твое имя бесплатно. (Прим. автора.)

они свои действия и поступки сочетают с истинным патриотизмом. Они не должны выходить за рамки справедливости, а делать все по совести.

Кроме этого, в дальнейшем необходимо, чтобы твоя газета печаталась не литографским способом и разными почерками, как сейчас, а в типографии, подобно тому, как Манучехр-хан в той же типографии отпечатал несколько книг. Литографский способ печатания — это ерунда, никуда не годное дело. Не говоря уже о том, что при литографском способе печатания получается множество ошибок, отметим беду еще худшего порядка: зачастую слова выходят не ясно, и, после того как отпечатаешь тысячу или более экземпляров, буквы на камне стираются, и текст приходит в негодность.

Итак, если ты будешь выпускать свою газету так, как мы советуем, то со временем количество твоих читателей возрастет до десятков тысяч, а может быть, и больше. Тогда и ты из этого будешь извлекать большую выгоду, и народу послужишь огромную службу.

Да хранит тебя аллах!

ПИСЬМО МИРЗА МУХАММЕД ДЖАФАРУ ГАРАДАЖАГЕ

Мой дорогой и любимый брат Мирза Мухаммед Джафар! Ваше приятное письмо я получил; оно обрадовало меня.

Прежде всего я хочу просить Вас об одной любезности. Мой величественный повелитель, господин Мирза Юсиф-хан¹, в последнем письме вкратце сообщил о том, что свободолюбивый принц Джелаледдин Мирза в настоящий момент болен. Это известие меня очень опечалило. Прошу Вас незамедлительно сообщить мне, в чем заключается болезнь Его Превосходительства, чтобы я больше не беспокоился и не тревожился.

Мое несчастье, что, найдя было единственного во всем Иране единомышленника, я теряю его из-за его болезни в самом начале нашей дружбы.

Во-вторых же, хвала Вашему благоуханному перу за то, что Вы так близко к оригиналу и прекрасно перевели комедию «Молла Ибрагим Халил». Перевод абсолютно выдержан в рамках оригинала. Ведь основное требование, предъявляемое к переводу, заключается именно в том, чтобы в нем не было ничего лишнего и ничего недостающего. Лучше перевода быть не может. Постарайтесь обязательно напечатать этот перевод.

Посылаю Вам с этим письмом свою фотокарточку. Если представится возможность поместить в начале каждого произведения отдельные гравюры с изображением действующих лиц, то это в самом деле явилось бы невиданным доселе сурпризом и книги приобрели бы особое изящество.

Теперь уже нет необходимости посылать мне в Тифлис Ваши переводы других моих произведений. Не теряйте времени, напечатайте сразу все! У меня большое доверие к вашему перу². После выхода из печати высылайте на мое имя 3—4 экземпляра!

Вы спрашивали о значении слов «Георг Клиффорд». Должен Вам сказать, что оба эти слова являются именем некоего Эмира, то есть они значат: Георг—сын Клиффорда. Подобно тому как у арабов принято вместо Са'д бин-Ваккас, Омар бин-Са'д, Амр бин-Ас писать Са'д Ваккас, Омар Са'д, Амр Ас. Смысл предложения заключается в следующем: «Тогда слава моя в этой области затмит славу Георга, сына Клиффорда—покровителя господина Линнея».

Что же касается слова «гыгылджым», то по-азербайджански оно означает «мельчайшие искры огня». По-персидски оно называется «абиза», «хадра», «ситарача».

Какой же Вы карадагец, если не знаете значения этого слова? Я сам услышал это слово, будучи в Карадаге. С семи до двенадцати лет я жил в Карадаге в селе Хоранд, затем в деревне Велибейли среди жителей Энкут. За год до начала войны между Паскевичем и Набуссалтаном³ я переехал на эту сторону реки Аракс—на русскую землю.

«Чуллу хаким»⁴ же вовсе не значит пустынный («биябани»). «Чул» по-азербайджански означает попону. По преданию, 90 лет назад некий странствующий медик (хаким) с целью путешествия приехал из Ирана в Нуху и некоторое время пробыл в этом городе. У него якобы были основательные познания в области медицины и в ряде других чудесных наук. Его имя прославлено в этом городе и в его окрестностях. Вследствие того, что он всегда закутывался в попону, то и стал известен как «Чуллу-хаким», то есть врач, одетый в попону или войлочный плащ. Нухинские жители и по сей день продолжают считать этого врача человеком, осведомленным в тайнах химии.

В-третьих, дорогой мой брат, относительно «Писем Кемал-уд-Довле» Вы заметили, что до сих пор не читали их. Так откуда же Вы знаете, что они написаны со злым умыслом? Здесь нет никакого злого умысла, а есть только критика и ирония. А в этом очень большая разница. Для разъяснения этого вопроса придется прибегнуть к длинным рассуждениям. Конечно, они не влезут в это письмо. И поэтому я вкратце напишу Вам, чтобы Вы были осведомлены относительно критики и могли разобраться в этом вопросе.

Без иронии, сарказма, насмешки невозможно написать критическое произведение. «Письма Кемал-уд-Довле»—это не повесть и не наставление, а критика.

Раз людям стали свойственны дурные поступки, то нельзя ожидать, что на их человеческую природу подействуют произ-

ведения, написанные не в духе критики, а в духе отеческой любви, проповеди и наставления.

Люди испытывают отвращение при чтении и слушании проповедей и наставлений, тогда как они всегда с большой охотой читают произведения, написанные в критическом стиле.

Опыт европейских философов и целый ряд неопровержимых жизненных доводов подтвердили тот факт, что, кроме иронии и смеха, никакими другими средствами нельзя искоренить дурные и отвратительные поступки из человеческой природы. Если наставления и проповеди оказывали бы влияние на людей, то население Ирана, которое вот уже более шестисот лет читает произведения Шейха Саади «Гюлистан» и «Бустан» придавало бы большое значение содержащимся в них проповедям и наставлениям—ведь в них все от начала до конца является сплошным поучением! И в конце концов угнетение и деспотизм, скорее, изо дня в день увеличиваются, нежели уменьшаются.

Одним словом, мы не должны вступать в полемику по этому поводу. Если мы начнем спорить, то несомненно Вы окажетесь побежденным. Критический метод до сих пор не применялся в исламской литературе. Именно поэтому Вы в подобных вопросах быстро оказываетесь во власти страха. Наконец, не может быть никакого более полезного средства для воспитания народа, облагораживания и улучшения поведения наших единоверцев, упорядочения государственных дел и увеличения силы воздействия государственных указов и запретов, чем критика.

Кемал-уд-Довле не проповедник и не наставник, он критик. Если бы он был проповедником и наставником, то на него смотрели бы так же, как на Молла Мухаммед Рафи Ванз Казвини⁵. И его произведения получились бы такими же безвкусными, банальными и бледными, как и «Аббаб-уль-джинан» («Райские врата»). Можно ли найти такого человека, который читал бы «Аббаб-уль-джинан» по собственному желанию и без скуки? От одного лишь названия книги испытываешь отвращение.

Однако если письма Кемал-уд-Довле попадут в чьи-либо руки, то это лицо, отказавшись от еды и сна, подобно человеку, испытывающему жажду и очутившемуся возле родника, постарается прочесть и понять их смысл, взять с них пример и почерпнуть из них знания. По прочтении волей-неволей он придет к выводу, что нужно быть подальше от любого поступка, порицаемого критиком, и обязательно совершать поступки, поощряемые им.

Теперь сами посудите, насколько велика разница между критикой и наставлением. В чем же причина такого превосходства критики над проповедью и наставлением? Откуда простекает столь сильная жажда чтения критического произведения? Причина этого превосходства заключается в том, что критическое произведение создают, используя иронию и смех. И поэтому столь велик интерес к чтению критики. Эту тайну разгадали

европейские ученые. Мой народ до сих пор не постиг эту тайну. Если письма Кемал-уд-Довле будут опубликованы, то и мой народ сможет вступить на путь воспитания и образования.

Я должен сказать, что природный талант моего народа не меньше, а значительно больше природного таланта всех европейских народов.

Ярчайший пример, свидетельствующий о превосходстве критики над проповедью и наставлением, перед Вами. Незачем идти далеко! Допустим, что некий проповедник, написав книгу в духе отеческой любви, пожелал втолковать народу, что химия не является химерой.

Но появилась другая личность, которая даже и не заикается о том, что «ест химия, или что надо верить в науку химию». Он лишь критически, с иронией написал произведение «Молла Ибрагим Халил»⁹ и распространил его среди народа.

Теперь скажите сами, какое из этих двух произведений окажет большее и очевидное влияние на людей? Безусловно, «Молла Ибрагим Халил», ибо это произведение написано с юмором.

Есть и другое различие между критикой и наставлением, которое состоит в том, что в улучшении поведения и воспитания современников и будущих поколений наставление не имеет никакой силы. Напротив, критика, оказывая влияние на улучшение и совершенствование поведения и воспитания современников, в то же время полностью воздействует на улучшение и совершенствование поведения и воспитания грядущих поколений.

В этом отношении она способна давать желаемый результат. И это обстоятельство нуждается в более тщательном рассмотрении. Европейские ученые высказали целый ряд мыслей и написали произведения, подтверждающие справедливость этих слов.

Европейские государства потратили также миллионы на строительство великолепных зданий в больших городах, носящих название «театр», чтобы женщины и мужчины, собираясь в них, слушали произведения об их соотечественниках, написанные с иронией и сарказмом, и, видя положенные высмеиваемых, извлекали для себя урок. Европейцы поняли, что проповеди и наставления, кроме бесполезной траты времени и кроме вреда, ничего полезного для человеческой природы не приносят.

Вы и не надеетесь услышать от Кемал-уд-Довле отеческих наставлений. Знайте раз и навсегда, что наставления и проповеди не могут оказать никакого воздействия на человеческую природу независимо от того, будут ли они произнесены с отеческой любовью или с угрозой.

Всевозможные воры, разбойники, убийцы, угнетатели, деспоты, мошенники неоднократно слышали и о жизни в аду, слышали они и проповеди, наставления. Однако, несмотря на это, они все-таки не изменили своих дурных поступков и наклонностей.

Но критика, ирония, насмешка, разоблачающие их перед соотечественниками, знакомыми и друзьями, заставят их отказаться от дурных дел. Если кто-нибудь, вступив с вами в спор, утверждает противоположное, то вы сообщите мне его аргументы, чтобы я, опираясь на произведения самых знаменитых европейских философов, дал ему такой основательный и убедительный ответ, чтобы все его утверждения потерпели крах.

Почему же мы должны обижаться на критику Кемал-уд-Довле? Кемал-уд-Довле не чужой, он наш единоверец⁶, соотечественник. Он сын нашего народа, он является нашим братом, который высмеивает, иронизирует поведение и поступки своих родных братьев.

В-четвертых, Вы запросили копию нового алфавита⁷. Должен сообщить, что еще задолго до этого я составил проект нового алфавита в такой форме, что все точки выпадали и гласные буквы соединялись с согласными. Затем господин Рухуль-гудс⁸ составил другой проект, на основании которого устраняется слитное написание букв в составе слов и слова пишутся раздельно, без сливания букв. Все точки отбрасываются и все гласные, как и в алфавитах европейских народов, включаются в алфавит наряду с согласными. И действительно, алфавит Рухуль-гудса намного легче алфавита, составленного мною. И поэтому я с его согласия и по его совету после некоторых изменений в составленном им проекте послал образцы букв в министерство просвещения и написал, чтобы они либо приняли алфавит Рухуль-гудса, либо, используя его, создали другой алфавит с включением одобренных ими изображений, и применяли его. И таким образом, у меня не осталось копии алфавита Рухуль-гудса, чтобы я мог переписать и выслать Вам. Не осталось и копии алфавита, прежде составленного мною. Если хотите, то можете обратиться в министерство просвещения и получить копии как моего прежнего алфавита, так и алфавита, составленного Рухуль-гудсом.

Прошу Вас взять у уважаемого Мирзы Юсиф-хана и прочесть книжку господина Рухуль-гудса о новом алфавите и о его необходимости. Вот тогда Вы поймете, почему среди пятнадцатимиллионного иранского народа нет даже и полмиллиона грамотных людей...

Прошу Вас изредка писать мне письма. Я также буду писать об интересующих Вас вопросах и присылать Вам различные сведения.

И еще в своем письме Вы выражали большую обиду на господина Рухуль-гудса за то, что он пишет свои сочинения гневно и язвительно. Вам хотелось бы, чтобы он писал очень мягко, то есть как проповедник и наставник. Правда, все сочинения господина Рухуль-гудса, как и письма Кемал-уд-Довле, написаны в иронической форме, именно поэтому все грамотные лю-

ди читают их с неопишуемым наслаждением и интересом. Вы хотите, чтобы Рухуль-гудс писал для вас сладкие проповеди и отеческие наставления без критики и насмешки, чтобы вы могли швырнуть их в угол, и не обратить на них никакого внимания, попадись они случайно вам в руки. И таким образом, листы истлели бы, а содержание никто так и не узнал бы, не так ли? Ну и хорошо! Удивительным же вкусом и прилежанием Вы обладаете!.. Нет, не так. Я не думаю, чтобы Вы обладали прилежанием и вкусом, если предпочитаете проповедь и наставление критике.

В общем Рухуль-гудс и Кемал-уд-Довле — оба прекрасно знают, как следует писать свои произведения.

Времена Саади и Молла Рафи Ваиз Казвини прошли. Наш век — это уже другой век. Не думайте, как это Вы пишете в письме, что, услышав наставление и проповедь, Вы станете следовать им. Кемал-уд-Довле и Рухуль-гудс — оба прекрасно знают, что после того, как человеческое общество, миновав младенческий возраст, достигло зрелости, подобные средства уже не действительны, они противоречат человеческой природе.

КРИТИКА ПЬЕС МИРЗА-АГИ

Дорогой брат мой, Мирза-ага! Да продлит вам бог жизнь вашу!

Я получил ваше любезное письмо. Полностью прочел ваше произведение и воздал вам тысячу похвал. Я в восторге от него. Меня волнуют ваше рвение, ваш вкус и стиль. Я надеюсь, что вы всегда будете посвящать ваш досуг этому благословенному искусству, которое у европейских народов называется драматургией. Надеюсь также, что вы в дальнейшем достигнете еще больших высот и станете путеводной звездой для ваших соотечественников, друзей и единомышленников.

Но дело в том, что это только начало вашего литературного пути, и мне следует указать на некоторые недостатки вашего произведения для того, чтобы в последующих ваших произведениях они не встречались больше. Я считаю это необходимым для того, чтобы в дальнейшем не было изъянов в ваших произведениях, чтобы никто не смог указывать на недостатки в них и чтобы они нравились и знатным господам и простому люду.

Прежде чем говорить о недостатках, надо уяснить себе, что такое театр¹.

Театр — это высокий и обширный зал, внутри которого на двух боковых и задней стенах внизу и наверху расположены ложи для зрителей, обращенные к четвертой стене. Население страны, мужчины и женщины, представители различных классов, начиная от знати и купцов и кончая ремесленниками, желая посетить театр, платят за вход и располагаются в этих

ложах, а также в креслах, расставленных в партере, и созерцают сцену. Иногда и правитель страны со своей женой и детьми тоже приходит в театр и располагается в отведенной для его особы ложе. Мастера сцены, которых, по терминологии европейцев, называют актерами, выходят на сцену в различных костюмах и дают заранее придуманные представления. Зрители же слушают их разговоры, которые они ведут между собой.

Поэтому в содержании пьесы нецензурных слов, неприличных выражений, а равно и непристойных движений не должно быть вовсе. Таким образом, в пьесе «Ашраф-хан» такие выражения, как отхожее место, кал и т. д., не должны иметь места, а потому эти выражения должны быть заменены.

Теперь перейдем к недостаткам.

Первый недостаток. Условия искусства драматургии требуют, чтобы из разговора каждого действующего лица можно было вынести ясное и определенное представление о его действиях.

Например, если автор задался целью показать действие какого-нибудь из действующих лиц драмы, так его имя не надо проставлять отдельно над строкой, а следует поместить рядом со строкой, где говорится о делах данного лица. Когда же передается разговор одного из действующих лиц, тогда его имя должно быть помещено отдельно, над строкой.

Второй. Имя каждого участвующего в пьесе лица, если оно действует или говорит, должно быть упомянуто в начале пьесы.

Например, в вашей пьесе имя матери Сары, Шарафинсы, вначале не значится², также не упоминается там и имя Фармерз-бека, по которым можно было бы составить себе представление о том, кто такая Туту-ханум (тетя).

В пьесе «Ашраф-хан» также не упомянуты в начале имена некоторых действующих в пьесе слуг.

Третий. В драматургическом искусстве существует порядок, согласно которому, если это представляется возможным, все участники пьесы концентрируются в конце представления в одном месте, и если всех их не представляется возможным собрать вместе, то необходимо собрать вместе по крайней мере две трети всего состава действующих лиц, чтобы они смогли довести до конца свои мысли и закончить пьесу.

В ваших же пьесах в конце представления действующие лица вместе не собираются.

Четвертый. Целью драматургического искусства является облагораживание нравов людей, показ поучительных примеров зрителю или читателю. Если это так, то крайне необходимо, чтобы при Ашраф-хане Аравии находился советник³, который заставлял Ашраф-хана давать деньги, напоминая бы ему о его обождении с подданными Аравии.

Например, в начале вашего произведения вы пишете, что

Ахунд-Мохсун является советником Ашраф-хана и учителем его сына и что Ашраф-хан его взял с собой в столицу.

Когда Ашраф-хан сетует на гнет и произвол первого государственного сановника и мустоуфи Террар-хана⁴, Ахунд-Мохсун говорит ему:

— Хан! Не говорил ли я вам неоднократно, чтобы вы не обходились так жестоко с подданными из такой-то местности и не брали на душу греха. Плач и стенания этих несчастных не останутся без возмездия.

Пользуясь любой возможностью, необходимо такими средствами в разнообразных выражениях раскрывать перед зрителями деяния Ашраф-хана в Аравии. Ашраф-хан же в ответ на назидания и наставления Молла-Мохсуна всячески должен показывать, что глубоко раскаивается в содеянном им зле в Аравии.

Кроме этого, надо построить пьесу так, чтобы Ашраф-хан лишился всех средств, даже чтобы он залез в долги, чтобы он начал испытывать нужду. Надо показать, что он от всей души, искренне раскаивается во всем том, что он сотворил в Аравии, что мысль о допущенном им произволе сдает все его существо, что он испытывает угрызения совести. Надо показать, что он больше не хочет облачаться в одежду властителя. Надо построить пьесу так, что будто бы Ашраф-хан отказывается снова стать повелителем, отказывается от власти, которая приводит к горечи, тяжелым переживаниям и раскаивается в своих действиях.

Пусть он в вашей пьесе даст обет богу, что если он переживет эту катастрофу, то удалится в свое наследственное имение. Пусть он обещает богу, что с отвращением будет смотреть на славу, титул, великолепие и пышность двора, столь беспорядочного и не пользующегося у населения доверием, и что он, почувствовав ко всему этому презрение, будет вести до конца своих дней жизнь отшельника, предаваясь раскаянию. После этого как-нибудь освободите его.

Из этой пьесы нужно выкинуть повествование о Секиней-Каши⁵. Ашраф-хана надо представить человеком приличным и умным. Представитель старшины пусть требует у него денег по другим мотивам.

С другой стороны, сделайте в вашей пьесе так, чтобы шах разгневался по какому-нибудь поводу на первого государственного сановника и на Террар-хана. Пусть шах велит отнять у них все имущество, все земли и уголья, пусть он обесчестит их, сделает нищими.

Пусть они будут лишены благ мира сего и потустороннего, как это мы неоднократно наблюдали.

Кто не знает о печальном конце Мирза Ибрагим-хана Ширази, Мирза Абулькасима Фарагани, Мирза Таги-хана, Мирза Ага-хана и других⁶?

Таким образом, ваше произведение станет первым по значимости во всем Иране, будет полноценной пьесой, откуда извлекут урок как читатели, так и зрители при представлениях.

Пятый. Друг ваш, который напомнил вам рассказ Шейха-Саади о лице, прав⁷. Писать такие вещи о современниках и распространять их—дело опасное. В особенности это неуместно в такой стране, как Иран, где совершенно отсутствует свобода в обнародовании произведений лучших мыслителей страны. А что же тогда делать? Это очень важный и сугубо актуальный вопрос. Писать об этом как раз и надо...

С этим легко справиться. Перенесем во времени это событие на период правления Шах-Султан-Гусейна Сефевидского, в царствование которого не было ни порядка, ни справедливости. Мы это представим так, как будто в его царствование Ашраф-хан приезжает из Аравии и с ним происходит эта катастрофа. Тогда никто к вам придаться не сможет, а современники ваши сделают себя соответствующий вывод.

Предположим, что случайно вокруг этого завяжется дискуссия, найдутся, положим, люди, которые скажут, что Шах-Султан-Гусейн был очень сдержанный, невозмутимый человек и не мог бы разгневаться на первого государственного сановника и Террар-хана, тогда им можно ответить, что несмотря на свою сдержанность, Шах-Султан-Гусейн сделал своего первого сановника несчастным и умертвил многих из знати.

Гнев не всегда является результатом или следствием злости. Его иногда порождают апатичность, вялость и отсутствие порядка и дисциплины. Однако, если упоминание Шах-Султан-Гусейна сможет вызвать гнев, тогда вместо него назовите другого шаха, но только не Шах-Аббаса, ибо в его царствование были дисциплина и порядок.

Если имя Ашраф-хана известно среди его современников, тогда замените его другим. Например, назовите Гейдар-ханом или Рустам-ханом. Что же касается столицы, пусть это будет Исфаган.

В вашей пьесе не должен быть забыт еще один момент: ночная беседа Ашраф-хана со своим слугой.

Тут надо показать и рассвет, и наступление дня для того, чтобы Ашраф-хан мог пойти в канцелярию. Ведь не ночью же он пошел в канцелярию!

Кроме того, всюду и всегда необходимо описывать место и положение действующих лиц в пьесе. Например, Ашраф-хан намеревается отправиться в канцелярию первого государственного сановника. Тут вы должны дать описание канцелярии, чтобы мастера драматического искусства, то есть актеры, которые на сцене воспроизводят событие, могли бы произвести на сцене изменения, согласно вашему описанию. Надо, чтобы актеры моментально превратили сцену, показывающую апартаменты Ашраф-хана, в канцелярию первого сановника.

Шестой. Из всех ваших пьес хорошо и очень занимательно повествование о Кевкеб и десятнике Касиме⁸. Вы лучше назовите эту пьесу «Приключения десятника Касима и Кевкеб», ибо в этой пьесе роль Заман-хана не такая уж большая. Потом сделайте так, чтобы Хаджи-Раджаб раскаялся в своих деяниях, чтобы он совершенно оставил распутство и пьянство. Кроме того, вы покажите его более молодым!

Далее. Известно, что внимание читателя приковано к Кевкеб. Поэтому вы еще сильнее и выразительнее подчеркните ее красоту, сделайте ее более привлекательной. Покажите с большей убедительностью, как она, заподозрив Хаджи-Раджаба в увлечении Тавус, перестала с ним встречаться. Хаджи-Раджаб не по своей воле отказался от Кевкеб, на самом деле он не увлекся Тавус. Он переживает, тоскует по Кевкеб, он места себе не находит без нее. В конце концов сделайте так, чтоб Кевкеб, плененная добротой и храбростью Хаджи-Раджаба, почувствовала стыд и раскаялась в том, что мучила его, что делала вид, будто притренировалась и отдалась от него, обиженная.

Перестройте свою пьесу так, чтобы Кевкеб, видя произвол и злодеяния этих оголтелых, беззастенчивых тунейдцев, заботящихся только о благополучии своей собственной особы, в отчаянии сказала Хаджи-Раджабу:

— Какие эти правители изверги! Какие они низкие и бесчестные! Вместо того, чтобы содействовать процветанию и развитию торговли, сельского хозяйства, благоустройству сельских местностей, самим извлечь из этого пользу и другим приносить пользу, они изощряются в своих прихотях и наживаются за счет народа, за счет нас, несчастных.

После этого пусть Кевкеб обратится к Хаджи-Раджабу с просьбой взять ее в прислуги, оформить свой брак с ней кябином⁹—не отказать ей в куске хлеба и выволнить ее из пут этих низких сластолюбцев, тунейдцев, ибо тем самым Хаджи-Раджаб избавит ее от позора, мук и терзаний в аду. Покажите, будто Хаджи-Раджаб этого только и ожидал, что восторгом его нет конца и он соглашается с большим удовольствием. На этом пусть пьеса и кончается.

Все это должно быть изложено занимательно, надо подобрать убедительные слова, чтобы воздействовать на читателя и зрителя. Надеюсь увидеть силу вашего пера в подборе таких слов. Но Кевкеб не должна открывать Хаджи-Раджабу, что она притворялась ревнивой и пустила в ход хитрость, иначе любовь перейдет в ненависть.

Если я послужил причиной новых хлопот для вас, не отчаивайтесь и не стремитесь к тому, чтобы быстрее отделаться и скомкать свое произведение. Это ведь большой труд. Он веками будет жить после вас. Литературное произведение должно быть сделано четко и стройно, оно должно быть свободно от

недостатков. Оно должно быть привлекательным и по форме и по содержанию.

Кроме этого, нужно одновременно иметь в виду и житейские моменты—выгоду этого дела. Если ваше произведение будет иметь успех, привлекать содержательностью, художественностью, если оно остановит на себе внимание общественности, то оно разоидется в тысячах экземпляров. Какое же другое ваше занятие может быть лучше и выгоднее?

Разврат, как явление в обществе позорное и низкое, не может быть представлен на сцене, этика драматургии этого не позволяет, но читать об этом — не такое большое зло, ибо зачастую источником гнусных поступков правителей вашей страны служат именно подобные омерзительные явления, а описать эти явления и события сугубо важно.

С другой стороны, нельзя себе представить, чтобы эту пьесу можно было поставить в Иране, ибо театр там еще не создан. Повествование о Кевкеб в особенности написано занимательно и хорошо. С точки зрения хитрости и принятия мер против этой хитрости оно вполне соответствует драматическому искусству, за исключением одного момента.

По указанной мною причине приключение Кевкеб нельзя представить на театральной сцене, но так как это ее приключение также написано в виде драмы, то и его необходимо передать в полном и обязательном соответствии со всеми требованиями, какие нам предъявляет драматургия. Избегать и игнорировать эти требования никак не представляется возможным. Читатель не должен прийти к мысли, что автор не имеет представления о драматическом искусстве.

В чем выражается ваше упущение в изложении приключений Кевкеб?

Я это вам сейчас скажу.

Кевкеб пишет письмо Хаджи-Раджабу, но не читает его Агабаджи. Хаджи-Раджаб же это письмо читает в караван-сараях, причем читает про себя, чтобы не расслышали Езданбахш и прочие люди, находящиеся там. Таким образом, сидящие в зале зрители не слышат и не знают, о чем пишет Кевкеб Хаджи-Раджабу. С другой стороны, и Хаджи-Раджаб пишет письмо Кевкеб и не может прочесть его Агабаджи в караван-сараях. Агабаджи приносит и передает Кевкеб ответ Хаджи-Раджаба. Но Кевкеб тоже не читает Агабаджи ответа Хаджи-Раджаба. Таким образом, для зрителей опять-таки остается тайной, что же ответил Хаджи-Раджаб Кевкеб.

Надо внести следующее исправление:

После того как Кевкеб кончила писать письмо, она обращается к Агабаджи:

— Послушай, Агабаджи, что я написала Хаджи-Раджабу.

Она читает написанное ею письмо. Потом Агабаджи удаляется. После ее ухода сцена меняется, согласно вашему опи-

санию, и теперь изображает караван-сарай и комнату Хаджи-Раджаба.

Когда Агабаджи приносит ответ Хаджи-Раджаба, Кевкеб опять обращается к ней:

— Послушай, какой мне ответ написал Хаджи-Раджаб!

Кевкеб читает ответ Хаджи-Раджаба. Здесь также обстановка на сцене должна быть изменена. Зритель видит уже жилище Кевкеб. Таким образом, присутствующие в театре имеют полное представление о том, что писала Кевкеб и что ответил Хаджи-Раджаб. Содержание письма Хаджи-Раджаба нет необходимости читать в караван-сараях. Достаточно лишь показать, что Хаджи-Раджаб, написав письмо, передает его Агабаджи, содержание же этого письма становится известным, когда Кевкеб читает его.

Обращаю ваше внимание на то, что слова Агабаджи: «Будь проклят родитель хитрых и коварных женщин», произнесенные ею по дороге, до зрителя не доходят. Этот недостаток можно устранить так.

Например, пусть Агабаджи эти слова произносит не по дороге. Пусть она входит в комнату Кевкеб, которая в это время находится или во дворе, или на кухне, и в ее отсутствие произносит: «Будь проклят родитель хитрых и коварных женщин», и проч.

Таким образом, сидящие в зрительном зале слышат слова Агабаджи, а вслед за этим в комнату входит Кевкеб.

Вы всегда должны помнить о таких моментах. Вы все время должны помнить о зрителе в театральной зале. Например, когда Ашраф-хан поднимается и произносит: «Бисмиллах», а потом добавляет: «Боже милосердный, избавь ты меня от этих кровожадных волков», сидящие в зале должны слышать эти слова.

Таким образом, его действие—появление в судилище первого сановника—надо дать отдельно от его диалога.

Кроме всего этого, отметьте в начале, что, хотя приключение Кевкеб и написано в форме драмы, оно рассчитано на читателя, а не для театральной постановки, ибо по некоторым его свойствам оно не подходит для театрального представления.

Это нужно, по моему мнению, для того, чтобы ваш читатель понял, что вы знаете требования драматургии и вам хорошо известно, что проституция и разврат—явления аморальные.

Хочу обратить ваше внимание еще на одно обстоятельство, а именно: в тот момент, когда Кевкеб у себя в комнате пишет письмо Хаджи-Раджабу, а также когда Хаджи-Раджаб в караван-сараях в своей комнате пишет письмо Кевкеб, на сцене не должно царить молчания. Когда Кевкеб пишет письмо Хаджи-Раджабу, Агабаджи должна вести беседу со служанкой до тех пор, пока Кевкеб не закончит своего письма.

Точно так же, пока Хаджи-Раджаб не кончит писать свое письмо Кевкеб, вы займите Езданбахша и Агабаджи, пусть между ними завяжется разговор.

Это обстоятельство вы должны учесть. Другими словами, пока занавес не опущен, зритель не должен видеть сцены, где царит молчание. Зритель постоянно на чеку, он прислушивается ко всем разговорам, а потому молчание и тишина на сцене не могут иметь места ни при каких условиях.

Седьмой. В пьесе «Ага-Хашим» выставляете его бедным, нищим. Сделайте так, чтобы он у вас по крайней мере был умным, грамотным и самолюбивым, ибо и читатель и зритель настроены благосклонно к нему. Они хотят видеть его счастливым. Показывать его подвергающимся телесному наказанию, как свихнувшегося, не следует. Не посылайте его возлюбленную к роднику за водой. Устройте их встречу в таком месте, чтобы это не было оскорбительно ни для ее достоинства, ни для его.

Помню того, Сара кажется девушкой развязной и вульгарной, как сумзанийцы, и даже хуже их.

Такая характеристика противоречит самой женской природе и не отвечает требованиям драматургии. Сделайте так, чтобы Сара казалась застенчивой, скромной. В соответствии с этим измените тон и характер ее обращения со своей матерью и окружающими. Вычеркните то место в вашей пьесе, где она курит опиум, вырывает у себя клочок волос и целует ноги Гюльндамбаджи. Это слишком все грубо для молодой девушки. Сара может говорить свободно только с Ага-Хашимом, и говорить то, что велит ей ее сердце.

Дорогой брат мой, Мирза-ага!

Крупная ошибка ваша, противоречащая правилам драматургии, заключается в словах и выражениях Хаджи Пиргули, обращенных к Ага-Хашиму. Он говорит:

— Я сам женюсь на своей дочери Саре и ни за кого ее не выдам!

Какой ужас!.. Может ли на сцене европейского театра отец так говорить о своей родной дочери? Обязательно измените это выражение!

Кроме всего сказанного, надо придумать что-то для Ага-Хашима! Сделайте так, чтобы он перестал быть нищим.

Например, пусть состоится его свадьба, соберутся его знакомые и друзья и во время свадебного пиршества пусть явится фараш от губернатора и скажет:

— Ага-Хашим! Поздравляю тебя! Твой дядя, проживающий в Астрахани, где у него имелось торговое предприятие, скончался, и так как у него не было наследников, то все свое богатство, состоящее из пятидесяти тысяч туманов, он завещал тебе. Все это переведено на имя русского консула в Реште. Тебе надлежит явиться туда и получить у него состояние твоего покойного дяди.

Раздаются радостные возгласы сидящих на пиршестве друзей и знакомых, и пьеса на этом заканчивается.

Восьмой. Пьеса ваша «Приключения Шах-Гули-Мирзы» с начала и до конца неудачна. Лучше всего бросьте ее в камин. Человеку мыслящему и умному вовсе не подобает писать такие вещи. Иредж-Мирза поступил гадко и опозорил своего дядю. Вот и все.

Подобные вещи не представляют собой характерного явления в человеческом обществе. Это просто неуместная и неостроумная выходка и как таковая противоречит основам драматургического искусства, а потому никак не может удовлетворить эстетические потребности зрителя. К тому же содержание пьесы сильно шокирует одного из членов царствующей династии, а потому появление ее сопряжено с неприятностью.

Льшу себя надеждой, что согласно моим замечаниям вы внесете исправления в ваши произведения, напечатаете и распространите их среди населения, тем самым сослужив службу своему народу, и в дальнейшем также займетесь написанием подобных произведений. И привлеките еще молодых и способных людей из подрастающего поколения к тому, чтобы они на ваших произведениях научились писать сами и могли познаться с драматургией. Пусть молодые драматурги будущего создадут в области драматического искусства, считающегося у европейцев самым почетным из искусств, нечто новое. Пусть они усовершенствуют это искусство. Может быть, в результате вашего благого начинания это прекрасное дело, эта новая форма творчества станет популярной в народе и народ полюбит драматическое искусство.

В Европе служители этого благородного искусства благодаря своему дарованию стали знаменитостями. Их имена увиты ореолом всеобщего почета, и они стали близки ко двору властелина. Эти драматурги почитаемы своим народом, который после их смерти в благодарности за их творчество воздвигает на их могилах памятники.

Среди таких любимых и почитаемых народом людей—бесмертные имена Мольера, Шекспира и др. Нет надобности перечислять всех.

Времена «Гулистана» и «Зиннат-уль-меджалиса» канули в вечность¹⁰. Сегодня такие произведения не могут уже принести народу пользу. Ныне полезными, отвечающими вкусу читателя и интересам нации произведениями являются драма и роман. Роман, в свою очередь, является частью драматического искусства, всестороннее объяснение которого требует времени. По этому поводу вы обратитесь к европейцам, в посольствах которых вы состоите на службе. Они вам об этом расскажут подробнее.

Сообщите мне, дошли ли мои письма до вас, и в дальнейшем не откажите в любезности писать мне. Клянусь дорогой жизнью

вашей, вы так мне дороги, я до того проникся к вам любовью, что на расстоянии целую ваши глаза.

КРИТИКА «ЕК КЕЛЬМЕ» («ОДНО СЛОВО»)

Дорогой мой!

А теперь поговорим немного о «Ек кельме».

«Ек кельме» я прочитал с начала до конца. Незаменная книга, хороший сувенир, полезные наставления, но написано для вымершей нации. Разве кто-нибудь в Иране прислушивается к наставлениям? Раньше и в Европе предполагали наставлять угнетателя для предотвращения его тирании, но пришли к заключению, что нотация не оказывает никакого действия на характер угнетателя. Поэтому сама нация, путем преодоления тормоза религии, начала развиваться в науках, осознала пользу единодушия и, сплотившись воедино, обратилась к угнетателю со словами: «Удались из сферы государства и правительства!» Затем сама нация создала для всеобщего управления и отправления правосудия конституцию, о которой говорится в вашей книге.

А разве ваша нация способна сказать тирану: «Удались из сферы государства и правительства!»?

Никогда!

Далее, вы, касаясь вопроса справедливого правления, опираетесь на положение шариа. Очень хорошо. Посмотрим, представляет ли собою сам шариа источник справедливости, или нет? Если шариа действительно является источником справедливости, то он в судебных делах должен соблюдать главную основу конституции — равноправие прав. Разве равноправие право имеют лишь мужской пол? На каком основании шариа, опираясь на стих Корана о «хиджабе»¹, осуждает женский пол на вечное угнетение; делает женщин несчастными на всю жизнь и лишает их жизненных благ?

По повелению этого стиха Корана, служение лиц мужского пола в гаремах не допускается. Поэтому зажиточные владетели вынуждены покупать для своих гаремов евнухов. А этим пользуются разные злодеи, которые ради своих пошлых мирских интересов, оскорпляют невинных детей и продают их в мусульманские страны. Не будь стиха о хиджабе, эти злодеи никогда не совершали бы такого гнусного поступка, ибо ничего от этого они не получали бы.

Далее, один иноверец предъявляет мусульманину иск в десять туманов. Ответчик не признает иска. Оба они являются к казию для разбирательства дела. Казий требует у иноверца свидетелей. Тот приводит четырех почтенных свидетелей-иноверцев из известных купцов. Однако казий не принимает свидетелей-иноверцев и требует от истца свидетелей из мусульман.

Иноверец не может выполнить это требование, и на этом основании он лишается своего законного права. С воплем и рыданиями он выходит из суда, возглашая: «Боже, что это за закон, что это за суд!»

Разве таким бывает равенство при разбирательстве дел?

Если шариа является источником справедливости, то он должен соблюдать третью заповедь конституции, заключающуюся в свободе личности.

В таком случае почему же шариа допускает куплю и продажу невольников и невольниц из язычников и политеистов и говорит, что Моисей считает допустимым, даже обязательным, куплю и продажу язычников и политеистов. Но англичане, подняв голову, сказали, что Моисей не понимал того, что язычники и политеисты в человечестве являются также нашими братьями. По различию убеждений нельзя лишать род человеческий прав свободы. Поэтому они строго запретили куплю и продажу невольников и невольниц во всех уголках Старого и Нового Света. Даже недавно первым условием соглашения, заключенного с Россией, с узбеками в Хиве, является прекращение купли и продажи невольников и запрещение смертной казни.

Если шариа является источником справедливости, то он должен соблюдать четвертую заповедь конституции. В таком случае, что означает стих из Корана о наказании прелюбодея и прелюбодейки сотней ударов розгами? Предположим, что один свободный мужчина и одна свободная женщина, не связанные брачными узами, с обоюдного согласия имели между собою плотскую связь. Спрашивается, по какому праву шариа наказывает каждого из них ста ударами розог? Разве это не противоречит полной неприкосновенности личности и не противно принципам справедливости? Если шариа руководствуется этим стихом из Корана в целях обеспечения чести, то это изречение, скорее, может относиться к профессиональному прелюбодеянию. Применение этого закона к свободному мужчине и женщине есть тирания. Если означенные мужчина и женщина опорочены их поступком, то об этом должны думать они сами; вмешательство же шариа, с целью охраны чести, лишает их прав свободы и неприкосновенности личности.

Если же шариа желает, чтобы наказание их было примером и уроком для остальных людей и способствовало охране чести, то почему же в Коране дано разрешение на временный брак (мутэ)? Разве обоюдное согласие сторон не есть временный брак? Почему же в этом случае наказывать людей? Если шариа скажет, что мутэ требует выполнения известной обрядности, а сближение означенных мужчины и женщины произошло не по предписанной форме, то будьте справедливы — по одному лишь отсутствию соблюдения какой-то формальности очень трудно и тяжело вынести наказание в сто ударов розгами, и

это большое тиранство. После этого—что за слова о свободе и неприкосновенности личности?

Далее, во всех богословских книгах в отношении пророка написано, что если взоры последнего останавливаются на женщине и она ему понравится, то мужу необходимо выдать ее ему во временный или даже постоянный брак. Разве это не есть посягательство на чужую честь? Неужели источник справедливости сам первым должен нарушать справедливость?

Далее, предположим, что я в поте лица с трудом заработал пять туманов. Почему же шарият повелевает мне выдать одну пятую часть этой суммы дармодедам? Или же допустим, что я заработал сто туманов. Почему же шарият повелевает мне, взяв эти деньги, отправиться в поломничество (хадж) и тратить таковые на нужды очерствелых и разбойных арабов?

Разве все эти законы шарията не нарушают полную неприкосновенность собственности людей? Разве все это не есть присвоение имущества людей? Требуя выдачу «хумс»² и совершение паломничества, сам шарият допускает посягательство на имущество людей, так как выгода от этого не идет в пользу самой нации, между тем как доходы от зякята³, «фитры» и «садага»⁴ поступают в общее пользование нации. Однако во имя защиты имущества отдельных лиц, шарият применяет закон: «Отрубите руку у вора, и воровки», даже за кражу из-за своей неспособности к добыванию средств существования. С отрубленной рукой он становится еще более неспособным к приобретению жизненных средств и в этом случае он вынужден либо вторично взяться за воровство, либо умереть с голоду. Итак, отрезание руки, в сущности, представляет из себя некоторый вид убийства личности. Если же в наказание за кражу четверти динара не отрубят у вора руки или его не накажут каким-либо другим способом, то, быть может, он раскается, как-то приспособится к зарабатыванию средства на пропитание и воспользуется своей жизнью. На свете нет блага, равного жизни, и она не должна быть отнята во имя какой бы то ни было справедливости, а тем более по мелочным поводам.

Если шарият есть источник справедливости, то изречение: «Не убивай никого, ибо это не дозволено богом»—очень верное. Что же означает заключительная часть его: «кроме случаев по праву»⁵? Предположим, что я победил одного язычника. Согласно требованию этого стиха Корана: «Убивайте язычников везде, где их найдете», я должен убить его «по праву». Разве это не есть тиранство и не противоречит ли это четвертой заповеди конституции относительно неприкосновенности личности?

Если вероотступничество язычника противно богу, то пусть он придет своего архангела Азраила и тот отнимет душу грешника, зачем же возлагать на меня гнусную роль палача и моей рукой проливать кровь невинного человека?

Словом, лишение жизни, отрезание частей тела и наказание розгами—есть обычаи варваров и дикарей, не подобающие достоинству божества.

Для наказания преступников и обеспечения спокойствия людей в Европе практикуются совершенно иные меры, ибо исследованиями английских философов доказано, что лишение жизни в наказание за убийство не только не прекращает подобного рода преступлений, но даже не уменьшает таковых. Таким образом, убийство второго, то есть преступника, является совершенно лишним, ненужным и не достигающим цели. Философы не думают, что это наказание может служить для успокоения людей и способствовать прекращению или уменьшению подобного рода преступлений; поэтому в Европе очень редко встречается осуждение виновного на смертную казнь.

Неужели на Востоке нет возможности для отмены этих стихов Корана?

Если шарият есть источник справедливости, то он должен соблюдать семнадцатую заповедь конституции. Я не соблюдаю поста и не совершаю намаза. За это меня может покарать сам бог. Почему же шарият берется наказывать меня, допуская при этом разные истязания и даже смертную казнь?

Во всяком случае, дело не уладится наставлением, проповедью и советами: необходимо всецело и в корне изменить самую суть вещей.

Вместе с тем ваша книга заслуживает одобрения. По крайней мере мало-мальски разумный читатель узнает, что вы поняли вопрос и что ваша скорбь происходит от ревностного отношения, любви к народу и патриотизма.

Вам кажется, что с помощью шарията можно будет изменить и на Востоке французскую конституцию, то есть прекратить угнетение.

Никогда!

Это трудно и невозможно. Омеяды и Аббасиды⁶ были близки к эпохе возникновения шарията, но они же первыми положили начало угнетению и деспотизму в исламе. Почему же предписания шарията не удержали их от этой тирании и деспотизма и с того времени по сей день гнет продолжает существовать среди мусульманских народов рядом с этими же предписаниями шарията?

Соблюдение справедливости и прекращение тирании возможны только при упомянутых мною выше условиях, то есть сама нация должна быть пронизательной и благоразумной, сама должна создавать условия союза и единодушия и затем уже, обратясь к угнетателю, сказать ему: «Удались из сферы государства и правительства!»; после этого сам народ должен издавать законы соответственно положению и требованию эпохи, выработать конституцию и следовать ей. Лишь тогда народ найдет новую жизнь, и Восток станет подобен раю!

А впрочем, какое мне дело до этого?

Ни на верблюде не сижу, ни подобно ослу под поклажей не нахожусь,
Не являюсь ни господином рабов, ни рабов властелином.

Клянусь аллахом, я жалею, что написал все это. Что мне делать, увидел «Ек кельме», и взыграла кровь, потерял рассудок и стал бредить; каюсь, молю господа бога о прощении, и каюсь!

О МОЛЛАЙИ-РУМИ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИИ

Уважаемый мною господин Шейх-уль-Ислам!

Я прочел «Месневи» с начала до конца. Поэтому, придерживаясь метода европейских писателей, я высказываю о Моллайи-Руми и его сочинении свое мнение. Такого рода высказывания не приняты у народа, исповедующего ислам, но в Европе не выйдет никакого сочинения, о котором и об авторе которого не высказывались бы должная хвала, или порицание, или то и другое вместе.

Действительно, такое внимание—очень хорошая манера, которая предоставляет возможность читателю относиться вполне прозорливо и пронципательно к появившемуся сочинению и к его автору.

Так как в этом крае, среди народа, исповедующего ислам, я никого, кроме вас, как человека со вкусом не знаю, то поэтому сообщая вам о таком способе выражения мнения, дабы вы были осведомлены о нем и в случае надобности познакомились с ним других людей, обладающих таким же вкусом, как вы. Теперь перейдем к делу.

Моллайи-Руми—непревзойденный ученый и мудрец, владеющий в совершенстве фарсидским и арабским языками, досконально знающий стихи Корана и предания о пророке; убеждения его сходны с убеждениями индийских философов, то есть он верит в пантеизм, он признает вселенную, исходящую от единого света. Этот свет он предполагает в виде моря, в сравнении с которым все мироздание и все видимое представляют из себя лишь капли и волны.

Это море будто есть «целое бытие», а все прочие творения и все видимое составляют лишь частицы этого целого, которые, отделяясь на некоторое время от этого моря в виде капель и волн, вновь возвращаются к этому морю и соединяются с этим «целым бытием».

Но ошибка его заключается в том, что он приписывает этому «целому» волю и желания. Вот один из аргументов его по этому поводу: «не падет ни одного листка, чтобы он того не знал». Будто это «целое бытие» по своему желанию и воле наделило частицы количеством и назначением. Итак, эти частицы должны заботиться о том, чтобы после некоторого странствования опять вернуться к этому «целому» и слиться с ним, и будто

основным средством этого соединения является фенá¹, то есть уничтожение, ибо вечное существование будет происходить через это уничтожение.

Другая его ошибка заключается в признании фенá—уничтожения. Это—одно лишь слово, без всякого смысла. Ни философы Индии, ни философы ислама не смогли дойти до смысла этого слова: но все, кто слышал о нем, претендовал на понимание якобы его смысла.

Говорят,* будто это убеждение впервые было распространено Буддой, который считал фенá средством к соединению с «целым бытием». Но какова должна быть эта тленность, возможна ли она и что она собой представляет,—на эти вопросы никто не в состоянии дать ясный, исчерпывающий ответ.

Точно так же и почтенный пророк говорит, согласно верования индийских философов: «Умирайте прежде, чем умрете». Быть может, сам пророк знает смысл этих слов, но остальным людям непостижимо их понять, особенно если оставить оба слова «смерть» и в данном предложении в их прямом смысле.

После того как Англия завладела Индустаном, европейские философы усиленно старались выяснить настоящий смысл слова фенá, «тленности», но это оказалось невозможным. Однако они вполне отчетливо разъяснили прославление этого убеждения и желанный от него результат. Это разъяснение я выписал в подробности из одной русской книги; при свидании я покажу вам эту выписку.

Еще одна ошибка Моллайи-Руми в том, что он верит в душу в том смысле, будто душа после разлуки с телом вечна и будет сливаться с «целым бытием».

Но европейские философы не признают душу самостоятельной существующей; убеждение их таково, что душа—одна из функций тела и существует вместе с телом, подобно тому как телеграфическая сила появляется от соединения некоторых химических составов и исчезает при их разъединении.

То же самое и душа—появляется при формировании тела и исчезает с его расстройством, но никто не может знать, что такое душа или что такое телеграфическая сила.

Эти ошибки, которые я приписываю Моллайи-Руми, не суть мое собственное убеждение, а есть убеждение европейских философов.

Моллайи-Руми не признает также рая, ада и дня воскресения мертвых. Раем он считает слияние с «целым бытием», а адом—период разлуки с ним. Но при развитии этих трех идей он поднимает такой шум и крик вокруг согласования с доводами шарията, что человек буквально поражается и стесняется сказать ему: «Слушай, оказывается, ты—неверующий, атенст».

* Это говорит один из европейских философов. (Прим. автора.)

Также он не признает пророчества и имамата, как это видно из его слов в нижеприведенном рассказе его об ответе жителей города Себа посланным к ним пророкам.

Народ сказал им (пророкам): «Эй, вы, претендующие на исключительность! Где ваши доказательства относительно полезности науки медицины? Связанные с потребностями еды и сна, вы состоите, подобно нам, в числе проживающих в селе. Покуда вы находитесь в сети этой воды и грязи, каким образом вы сможете стать охотниками за Симуртом сердца? Выдавая себя за пророков, вы, по существу, стремитесь к власти и величю. Мы не можем слушать вашу ложь и хвастовство и подвергать себя мучениям».

Они сказали еще: «Назначение со стороны бога своими заместителями на земле Зейда и Бекра является сущим лицемерием и коварством. Посланник шаха должен быть из его рода. Какое может быть соотношение между водою, грязью и создателем небес? Неужели и мы, подобно вам, наелись ослиного мозга, чтобы считать муху закадычным другом Симурга? Какое может быть соотношение между мухой и Симуртом, между грязью и богом, между атомом и небесным солнцем? Что это за соотношение и зависимость, которые не могут быть признаны разумом? Какое может быть соотношение между нами и таким пустословием?.. Что это за лицемерие и обман: какое соотношение между небом и веревкой?»

Наш разум не признает подобной басни; во всяком случае, у нас хватит ума, чтобы отличить лук-порей от моркови. Это похоже на то, что как-то раз заяц объявил себя посланником луны и равным ей»² и т. д.

Конечно, всякому известно, что Себа есть город в Йемене, население которого по сей день не вышло из состояния дикости и невежества. Откуда же жители этого города могли взять эти философские слова, которые были сказаны пророками?

Если спросить Моллайи-Руми, такого ли убеждения придерживается он сам относительно пророков, — то, отрицая это, он скажет: «Упаси боже, таково было убеждение жителей города Себа».

Но благоразумный, проникательный человек поймет, что именно свои убеждения он вкладывает в уста жителей города Себа. Нет сомнения в том, что многие читатели, а может быть, и большинство комментаторов не поняли этой хитрости, тем более, что Моллайи-Руми, открыв сокровенные тайны своего сердца, сопротивляясь жителям города Себа, воюет с ними с большим шумом, всякими вздорными суждениями подтверждает мысли пророков, а жителей города Себа считает неверными, атеистами. Хотя и нет доказательств правоты пророков и эти аргументы очень слабы, но для невежественных и неискушенных эти «доказательства» имеют глубокий смысл.

Для самого Моллайи-Руми все это важно. Цель его заключалась в том, чтобы разоблачить лживость пророков и вместе с тем остаться целым и невредимым, уберечься от различных посягательств и покушений со стороны невежественной толпы своего опасного века.

Словом, убеждения его целиком противоречат священному шариату. Но свои убеждения он так ловко скрывает за сказками и баснями о лисицах и шакалах, что догадаться о них трудно.

Так, например, он начинает рассказывать какую-нибудь небылицу, но вдруг в середине рассказа по какому-нибудь случаю прекращает его и начинает умничать и рассуждать. Этим он перепутывает главный смысл и запутывает мысли читателя. А потом опять неожиданно приступает к изложению оставленного на половине рассказа, и простой читатель этому радуется, думая, что наконец-то нашлась нить неоконченного повествования и он спасся от непонятных умствований его и рассуждений. Но он не понимает того, что и Моллайи-Руми тоже достиг своей цели, так как главный смысл вопроса стал ясным искушенному читателю. Далее, Моллайи-Руми начинает вуалировать свои убеждения и высокомерно трактует проблемы, молитвы аскетизма, начинает приводить глупые доводы, необыкновенные свидетельства для доказательства откровения, чуда, вроде «Истории Асхаб Кэxf»³, сказок о Хизре⁴; приводит стихи и предания к доказательству пророков и святых. Для этого он прибегает к всевозможным ухищрениям, собирая вместе всех кошек и собак, создает кашу из всех нелепостей и чуши и делает вид, что читает проповедь и дает наставления. Этим он до крайности утомляет простого читателя и ставит его в тупик. Бедный читатель думает, что Моллайи-Руми в действительности является настоящим правверным, и, таким образом, доктрина Моллайи-Руми остается скрытой от взора простого читателя.

Невозможно уличить его в ереси с точки зрения шариата. Видимо, его эпоха была очень опасной эпохой. С наслаждением и увлечением он хотел высказаться. Я не виню Моллайи-Руми, нельзя не сказать то, что знаешь⁵... Но он боялся за свою жизнь и потому прибегал к этим уловкам. Хотя эти уловки и не по вкусу европейским писателям, но со стороны Моллайи-Руми это — мастерство, которое недоступно другим.

Не находишь слов против гибкости ума, проникательности разума и вкуса его. Но он так жуликоват и до такой степени вертопрах, что в сравнении с ним мы можем считаться серьезными и степенными людьми. В жульничестве и легкомыслии он очень напоминает покойного бакинского моллу Ахунд-Молла-Абдуллу, который до такой степени неутомим и многословен, что надоедает читателю. Большинство предложений его, за исключением философских мыслей и юмористических легенд, составляют старые, скучные, а может быть, и бессмысленные слова,

изложенные им с докучливыми повторениями. Перевод таких вещей на другие языки невозможен, так как выводы в них неопределенные и состоят из несообразных слов, повторяющихся под различными фразами. Если слова, предложения невозможно перевести на другой язык, это значит, что они не содержат мысль, но, напротив, если перевести произведения Рухуль-гудса и Фирдоуси даже на китайский язык, то и тогда смысл каждого слова, предложения их произведений будет ясен читателям.

Для наглядного ознакомления вас с Моллаи-Руми я посылаю вам три басни (сказки), изложенные мною в стихах на тюркском языке; но я не мог скрыть, подобно ему, суть вопроса.

Действительно, в утаивании сути вопроса Моллаи-Руми является совершенным мастером и бесподобным знатоком своего дела.

Такт стихов в моих баснях на одну альфу меньше такта «Месневи», так как полный такт «Месневи» на тюркском языке не практикуется.

В Коджорах от нечего делать в течение нескольких дней я занимался разбором произведений Моллаи-Руми.

Прочтите эту рецензию и Молла-Алекберу. Если в имеющихся у вас комментариях «Месневи» окажутся свободные листы в начале или в конце книги, то дайте переписать на них эту рецензию для будущего, чтобы она осталась в памяти веков, и пришлите мне краткий ответ с вашим мнением по поводу этой рецензии.

ОБ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ «ЭКИНЧИ»

В настоящем году в Баку выйдет в свет газета «Экинчи» («Пахарь») на азербайджанском наречии татарского языка.

Мусульманский Восток делает большой шаг вперед! Известно, что в «стране роз» — благословенной Персии¹, издается одна газета — «Иран»². Газета эта имеет официальный характер.

И вот, на почве бывшего бакинского ханства, появляется частное мусульманское издание. Редактор «Экинчи» г. Гасанбек Меликов летом прошлого года ездил в Константинополь для приобретения шрифта, печатание которым доступно пониманию местного населения.

Объяснимся:

Мусульманский Восток читает очень мало и преимущественно по шрифту, вводимому на месте высшими духовными лицами. В Персии, например, нет типографии. Гений Гуттенберга исламом не признается. Двести лет тому назад печатание чего бы то ни было парализовано было на Востоке³. Мотивом к подобному запрещению послужило убеждение, что красота почерка теряется и умалывается деревянными и свинцовыми буквами гяуров. Газета благословенной Персии — «Иран» не

печатается, а литографируется. Кстати, несколько слов о современной персидской литературе.

Современная литература «страны роз» заключается в газете «Иран» и ежегодно издаваемом календаре. Изящная сторона литографированного слова заключается в воспеании различных религиозных обрядов.

Например: омовение должно быть совершено так, а не иначе; молитву творить так-то: если во время молитвы родится в душе сомнение о числе поклонов, то нужно поступать таким-то образом; по окончании месяца голодания (поста) подавание должно быть раздаваемо в таком-то размере; известная часть земных произведений должна быть отдаваема в пользу духовенства и пр., и пр.³

О поэзии персияне имеют весьма оригинальное понятие.

Всякая рифмованная чушь считается у персиян за изящную поэзию.

Вот, например, как современный тегеранский поэт воспевает красавиц:

Солнца луч без туч
Жгуч!
Светлый образ твой
Мой!
Две звезды небес
Бес!
Двух огонь очей
В ней!
Сахар, мед из уст
Густ!
Капли не пролей
Пей!

Так сочиняет тегеранский поэт, подписывающийся псевдонимом Каани⁴!

Кто из читателей почтет настоящий рассказ за вымысел, тот может явиться в редакцию, взять номер газеты «Иран» и прочесть самолично. Неверующий тогда, повторяем, самолично убедится в справедливости слухов о судьбе детей Абубекра и Омара.

Далее перейдем к древней персидской литературе, которая служит основным камнем поэтического настроения давней старины.

Отцом литературы персиян считается Фирдоуси, одним из замечательнейших творений которого можно назвать поэму, написанную по случаю падения Сасанидской династии⁵. Вот маленькая выдержка из письма Рустема к Саади-Ваккасу⁶, на писанного на белой шелковой материи:

1. С чувством полного страха и небольшой надежды пишу.
2. Пишу Саади-Ваккасу, исполненному благоразумия, знания и важности.

3. Скажи мне: кто твой повелитель, кто ты сам и какое солнце освещает вас?

4. От кого ты получил власть ехать во главе армии, которая гола?

5. О аллах! Ты, Саади-Ваккас, можешь быть сыт одним хлебом! Какой же ты полководец, когда не имеешь ни слонов, ни шатров, ни жирного пилава!

6. О аллах! Араб, питающийся верблюжьим молоком и ящерицами, дошел до того...

7. ...что он теперь мечтает быть повелителем Киянидов! Тыфу на превратность судьбы, еще раз тыфу.

8. У вас, арабов, нет стыда, нет страха, нет срама.

9. И с таким бесстыдством вы думаете быть повелителями Киянидов... и пр.

На это письмо Рустема Саади-Ваккас отправил с посланцем Мягире ответ, написанный на белой шелковой материи. Вот текст Фирдоуси:

1. Саади-Ваккасу, преважному, было доложено о приезде в его стан Рустемова посланца Фируза с письмом, и он принял его перед армией, многочисленную, как песок.

2. Фируз представил письмо Рустема, и, кроме того, изустно передал данное ему поручение.

3. Письмо было прочитано на пехлевинском наречии и переведено по-арабски.

4. На это письмо Рустема Саади-Ваккас отвечал по-арабски.

5. Письмо начиналось именем Аллаха и Магомета, его пророка, ведущего человека к познанию истины.

6. Затем говорилось о людях, духах и изречениях пророков.

7. Напоминалось о единстве Аллаха, алкоране, Страшном суде, райских гуриях и о новой религии и новых обрядах.

8. Об адских муках и райском блаженстве, о дегте, который гяуры будут пить в аду, о винной и молочной реках, текущих в раю для утоления жажды правоверных.

9. О мускусе и камфоре, о чистой воде мюин, о райском дереве, вине и меде.

10. Письмо оканчивалось уверением, что если шах Ездигерд примет ислам, то все перечисленные здесь райские блаженства обещаются ему и его подданным, и он будет царствовать не только в этой, но и в будущей жизни.

11. Сияние будет украшать его чело и на том свете, где он в объятиях гурий будет наслаждаться вечной весной и благоуханьем.

12. Всякий его грех простится ради Магомета, и от его тела будет изливаться благоухание, подобное розовой воде, и т. д., и т. д., и т. д.⁷

И так, не вдаваясь в дальнейшее заимствование цветов красноречия у персидских ораторов старой и новой школы, мы скажем одно, что героическая поэзия времен Сасанидов разме-

нялась при Каджарах на эпистолы, оды, элегии и вообще сладенские песни. Литературы, обуславливающей нравы текущей жизни, у персиян нет. Цивилизованный мусульманин пьет хорошее западное вино, но не имеет привычки переводить на свой язык хорошие западные книги. Идея миссии для Востока еще не созрела. Глубокие суеверия и предрассудки, гаремная жизнь и отсутствие хороших примеров гражданского строя держат Восток на уровне первобытных форм его существования.

Одной из слабых, говоря сравнительно, попыток проведения человеческих идей и вообще гражданского строя может называться предприятие создать на рубеже Персии независимый мусульманский орган. Придавая изданию «Экинчи» форму слабой попытки, мы тем не менее полагаем, что листки этой газеты, разбрасываемые в смежные нам мусульманские провинции, принесут некоторую пользу как своему, так и чужому населению.

Полагаем, что не ошибемся?!

Энергичный мусульманин — редактор, вступает в борьбу с предрассудками, тяготевшими над массой в течение многих веков, и если Гасан беку не удастся что-либо сделать, то во всяком случае авторитет, то есть неприкосновенность старины, будет обусловлена, как это мы видим в настоящее время в Турции, где мусульманская печать заметно распространяется.

Известно, что в турецких газетах появляются статьи даже женщин-турчанок, робко прикрывающихся псевдонимами, но смело ратующих за свое гаремное освобождение.

Читатели наши могут усмотреть из всего приведенного выше, что мы сочувственно встречаем появление новой татарской газеты не оригинальности ради, а ради убеждения, что «Экинчи» в среде фанатиков должна произвести известного рода впечатление, так как в первом пункте программы ее значится следующее:

Отдел 1. Передовые статьи о местных нуждах и потребностях с указанием резких недостатков быта семейного, религиозного, образовательного и пр. и других причин застоя в гражданском развитии мусульманского населения края, с выяснением средств к их устранению, избегая всего того, что могло бы пробудить или поддержать местную рознь с другими народностями государственного строя. (Весь этот абзац набран курсивом.)

Помещая затем дальнейшие отделы программы газеты ниже, в выноске⁸, мы желаем теперь сказать читателям несколько заключительных слов.

Служение человеческим интересам массы для каждого из нас не обязательно — это есть нравственный долг. Известное развитие отдельной человеческой личности указывает степень участия в деле общего служения интересам минуты и вызывающих потребностей. Великий Гуттенберг и суровый Бертольд Шварц

В одинаковой мере работали для человечества, одинаково служили ему, одинаково любили его. Разрешение, наконец, вопросов будущего в одинаковой степени интересовало и первого, и второго. История человеческого прогресса не забудет имен этих тружеников, доколе будет живо на земле человеческое слово, ибо труд и энергия суть неотъемлемые принадлежности каждого мыслящего существа.

Не для морали, а в виде простого напоминания печатаем эти строки: жизнь наша слишком коротка, а потому спешить работой надо — для ближнего, для себя, для настоящего и будущего.

Русский народный поэт Алексей Васильевич Кольцов, прозорливо заглядывая в будущее, говорил:

Жизнь есть тайна бога,
Бог есть тайна жизни.
Целая природа
В душе человека.

* * *

Мы только что получили первый номер издаваемой в Баку на азербайджанском наречии газеты «Экинчи» («Пахарь»).

Издание у нас газеты на татарском языке можно назвать делом в высшей степени трудным, так как по ту сторону Каспийского моря, на весь Среднеазиатский мусульманский мир имеется единственная издаваемая в Тегеране газета «Шахнаме-Иран». Невежественные и часто полуграмотные моллы умышленно мешают распространению грамотности в народе, а потому всякой редакции татарской газеты прежде всего предстоит бороться со своими «грамотными людьми», чтобы добиться распространения печатного слова в народе. Мусульман прежде всего надобно будет приучить к мысли, что газета издается не во имя личных целей редактора, а во имя общей пользы; таково, в сущности, положение редакции «Экинчи» и такими нерадостными указаниями мы встречаем вполне отрадливый факт появления первой мусульманской газеты в России.

Желаем г. Гасану Меликову полного успеха и получения нами еще нескольких номеров «Экинчи», мы же не замедлим познакомить публику с содержанием этой газеты.

* * *

Со второй половины прошлого 1875 года у нас, на Кавказе, появилась новая газета на татарском языке, издаваемая в г. Баку и носящая название «Экинчи» («Пахарь»). Польза этой газеты очевидна, особенно для мусульманского населения, которое до сих пор или ничего, кроме Корана, не читало, или забавлялось стишками о Лейли и Меджнуне (вроде Ромео и Джульеты), да остротами и прибаутками моллы или Ходжа

Насреддина. Считаю безынтересным познакомить читателей с формой и содержанием этой газеты.

Она выходит два раза в месяц (1-го и 15-го числа), на комментарном полулисте, перегнутом пополам, и называется двухнедельной газетой; каждая страница состоит из двух столбцов; начинается, как подобает, от правой руки к левой. В середине верхней половины первой страницы красуется в отдельной рамке слово «Экинчи», а по бокам: с правой стороны—первый год, число, месяц и год мусульманского летосчисления (1292) и объявление, что за напечатание объявлений платится по 2 коп. за каждое слово и затем день выхода газеты (по-татарски); по левой стороне—число, месяц и год христианского летосчисления (1875), цена газеты (за год 3 руб., за полгода 1 руб. 50 коп.), сообщение, что почтовые расходы—за счет редакции. Затем следует извещение, что газета издается—Кавказского наместничества в гор. Баку (Бадкубе); желающие печатать объявления и корреспонденции должны обращаться в редакцию, а деньги за получение газеты высылать на имя редактора, учителя Бакинской гимназии Гасан Мелик-заде Зардаби (Гасан Меликов Зардобский); в конце газеты значится, что она печатается в типографии губернского правления и потом по-русски—с дозволения цензуры.

«Экинчи» имеет отделы: внутренние известия, о хозяйстве вообще, корреспонденции, ученые известия, новые известия и стишки местного произведения. В течение полугода (12 номеров) газета знакомила своих читателей с разными отраслями сельского хозяйства, с машинами и другими улучшениями, говорила о хлебопашестве, удобрении земли, о лошадях, ишаках и рогатом скоте, овцеводстве, о разных физических явлениях, полезных или вредных для здоровья, о предохранении от пожаров, о страховании зданий, о современной дороговизне и проч. Газета имеет своих корреспондентов. Все это печатается в восточном духе, с неизбежным нравоучением. Для полного ознакомления с манерой изложения приведем содержание статьи об учебных заведениях, напечатанной в № 8.

В России, говорится там, из 80 миллионов жителей—грамотных один миллион, а это не много, т. е. из восьмидесяти—один, между тем как в Америке один на пятнадцать, но в настоящее время желающих учиться до того много, что все учебные заведения переполнены, и из подающих просьбы принимается в заведение только пятый и что по этому случаю в России, независимо от казенных училищ, открывается много частных школ. Затем говорится о Бакинской гимназии, в которую в прошлом году по неимению мест из 100 желающих принято только 50. После этого следует вопрос—кто эти учащиеся? Если в Бакинской губернии, говорит газета, 100 000 жителей, то в их числе армян не более 10 000, русских и того меньше, остальные, следовательно, все мусульмане (о евреях не упоминается); всех

учащихся 500; из них 250 русских, 150 армян и 100 мусульман, из которых 33 воспитываются в пансионе за счет казны, остальные — за свой счет; из этих последних 30 человек — городские жители. Немногие продолжают учение далее первого класса, а выучившись по-русски, идут каждый заниматься своим делом. В конце статьи воззвание: «О мусульмане! Хорошо ли это, что весь свет, вместе с соседями нашими (дагестанцами), старается образоваться, а нам скажут «дураки» (в тексте слово напечатано мусульманскими буквами).

Корреспонденции большей частью из Эривани, потом из уездов Бакинской губернии, а также из Табасарани, Москвы и даже Петербурга. Под каждой корреспонденцией значится ее автор.

В корреспонденции из Эривани, напечатанной в № 6 (автор Мухаммед бек Велиев), говорится, что в Эриванском уезде появился зверь, который по ночам таскал из домов детей и пожирал их. Одни говорят, что зверь этот похож на собаку и цвета красного, другие — что черного цвета. Зверь этот съел таким образом 13 детей.

Новые известия перепечатываются из русских газет, хотя часто и не упоминается, из каких именно, что, по нашему мнению, необходимо и даже обязательно; необходимо также, чтобы места и страны, о которых сообщают известия, были указаны — что они и где находятся, а то читающая публика может положить палец удивления в рот любознательности, не зная, что такое Герцеговина, с последними событиями которой знакомят их; так точно не мешало бы пояснить, что такое Европа, Миср (Египет), Триест, Ташкент, Коканд, Одесса, Туркестан, Суэцкий канал, Алмания (встречается и слово лемсе — немец). В числе новых известий помещено, что общества Бакинского уезда желают устроить русские школы в своих деревнях, по поводу чего газета говорит: дай бог, чтобы это полезное дело пришло в голову и чтобы нашелся хороший мусульманский учитель (молла) для таких школ.

Отдел ученых сведений говорит преимущественно по части сельского хозяйства.

Что касается языка, то, к сожалению, он понятен только для закавказских мусульман; кавказские же мусульмане его не поймут; не мешало бы и для закавказских мусульман писать языком более народным, разговорным, а то неграмотному придется объяснить много слов, особенно арабских и персидских. Редакция допустила и нововведения; так, после слова «дурак» поставила восклицательный знак (!), и потом далее многоточие (...), между тем как у мусульман нет знаков препинания, хотя поэты иногда отделяют стихи фигуркой наподобие звездочки; кроме того, в мусульманском письме, при исчислении предметов обыкновенно пишут словами — первый, второй и т. д., подчеркивая эти слова, или ставят цифры — 1, 2 и т. д.; газета после

мусульманских цифр ввела скобки, как 1), 2) и т. д.; только вместо одной — две скобки.

Честь и слава редактору и основателю первой у нас, на Кавказе, газеты на мусульманском языке, который, как видно, с любовью занимается газетным делом, хотя он один — единственный работник по изданию газеты: сам редактор, сам корректор, сам наборщик...

КОМЕДИИ

В начале 50-х годов прошлого века М. Ф. Ахундов, создав одну за другой шесть оригинальных комедий, заложил основы драматического искусства в Азербайджане, а также в странах Ближнего Востока. В те же годы сам автор перевел свои комедии на русский язык и опубликовал их в газете «Кавказ»*. В 1853 году в Тифлисе в типографии наместника Кавказа был издан на русском языке сборник «Комедии Мирзы-Фет-Али Ахундова». Сюда были включены все его комедии за исключением последней — «Адвокаты города Тебриза», которая была написана в 1856 году. На титульном листе сборника имеется следующая запись: «Печатано по приказанию его светлости наместника Кавказского», а дальше — посвящение: «Его светлости Михаилу Семеновичу Воронцову почтительно посвящает Мирза-Фет-Али Ахундов».

В 1853 году Ахундов подготовил к печати сборник своих комедий на азербайджанском языке, чтобы издать его он 4 мая 1853 года обращается за содействием и материальной помощью к директору канцелярии наместника Кавказа барону Александру Петровичу Николаи. Однако только спустя несколько лет, точнее, в 1859 году, М. Ф. Ахундову удается издать все свои комедии и повесть «Обманутые звезды», написанную в 1857 году, сопроводив сборник небольшим предисловием (предисловие включено в настоящий однотомник. — *Сост.*), в одной книге под названием «Темсилат» («Басни»). Кроме этих двух книг до революции в нашей стране не было выпущено сборников с художественными произведениями М. Ф. Ахундова.

Только после установления Советской власти в Азербайджане наряду с книгами на азербайджанском языке неоднократно и большими тиражами издавались сборники художественных произведений М. Ф. Ахундова на русском языке¹.

* Комедии М. Ф. Ахундова в газете «Кавказ» были опубликованы в следующем порядке и под такими названиями: «Мусье Жордан, ботаник и дервиш Масталишах, знаменитый колдун», 1851, 23, 27 февраля и 2 марта (№№ 15, 16, 17). «Молла-Ибрагим-Халил, обладатель философского камня», 1851, 12 и 15 июня (№№ 44, 45). «Медведь, победитель разбойника», 1851, 30 октября, 2, 9, 27 и 30 ноября (№№ 83, 84, 86, 90 и 91). «Везир Серабского ханства», 1853, 28, 31 января и 4 февраля (№№ 7, 8, 9). «Приключенские скитания», 1853, 15, 18, 25, 29 апреля и 2 мая (№№ 28, 29, 30, 31, 32) и «Восточные адвокаты», 1856, 25, 29 ноября, 2 и 6 октября (№№ 93, 94, 95, 96).

¹ См.: Ахундов М. Ф. в русской печати 1837—1962 гг. Библиография сост. А. К. Лерман). Баку, 1962, с. 24—26.

Первая комедия М. Ф. Ахундова — «Молла-Ибрагим-Халил, алхимик». С нее начинается история азербайджанской драматургии.

В рукописях своих комедий, хранящихся в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве писателя, а также в азербайджанском сборнике «Комедии и повесть «Обманутые звезды» («Темсилат», 1859) М. Ф. Ахундов указывает, что комедии «Молла-Ибрагим-Халил, алхимик», «Мусье Жордан и дервиш Масталишах» и «Везир Ленкоранского ханства» написаны им в 1267 году (хиджры), что соответствует 1850 или 1851 годам. Большая часть азербайджанских ахундоведов, без какой-либо аргументации относят написание этих трех комедий к 1850 году, а ряд ученых считает, что они написаны в 1851 году.

То обстоятельство, что сборник «Комедии», выпущенный в 1853 году на русском языке, и «Темсилат» начинаются с комедии «Молла-Ибрагим-Халил, алхимик», а также появление русского перевода «Мусье Жордан и дервиш Масталишах» в самом начале 1851 года, наводит на мысль, что обе пьесы были написаны М. Ф. Ахундовым в 1850 г. Что же касается пьесы «Везир Ленкоранского ханства», то она была помещена в вышеуказанный сборник вслед за комедией «Медведь, победитель разбойника», датой завершения которой помечен 1851 год (подробнее об этом см. в комментарии к этой комедии. — *Сост.*). Это указывает на то, что комедия «Везир Ленкоранского ханства» также написана в 1851 году.

Комедия «Молла-Ибрагим-Халил, алхимик» впервые в переводе автора на русский язык была опубликована в 1851 году под названием «Молла-Ибрагим-Халил, обладатель философского камня».

В основу сюжета комедии положены реальные события, происходившие в 30-е годы в Нухе — родном городе М. Ф. Ахундова. Главный герой комедии Молла-Ибрагим-Халил — также реальное лицо. Об этом подробно писал в своих воспоминаниях писатель-просветитель Рашидбек Эфендиев (1863—1943).

После присоединения Закавказья к России и победы, одержанной в войне с Ираном (1826—1828) и Турцией (1828—1829), царское правительство приступило к освоению этого края, рассматривая его как источник сырья и рынок сбыта своих товаров. Сюда были направлены русские специалисты — инженеры, экономисты, статистики, этнографы, журналисты, которые должны были изучить природные богатства края, ознакомиться с экономическим состоянием, этнографией, бытом и культурой населяющих его народов. Впоследствии на основе материалов, собранных этими исследователями, было написано «Обозрение Российских владений на Кавказом», в 4-х томах (СПб., 1826).

По воспоминаниям Рашидбека Эфендиева, в эти годы в Нухинском уезде проживал некто Молла-Ибрагим-Халил, золотых дел мастер, ловкий пройдоха и авантюрист, занимавшийся алхимией, которому удалось одурочить не только невежественных представителей местного населения, но и местных царских чиновников.

Этот Молла-Ибрагим-Халил представил в канцелярию наместника Кавказа искусно изготовленный им сплав серебра с песком, заявив, что это образец руды, обнаруженной им в Хачмазских горах, и что для разработки месторождения ему необходимы субсидии правительства. Образец руды был отправлен в Петербург и анализ показал, что в нем содержится пятьдесят процентов чистого серебра.

После этого Молла-Ибрагим-Халилу было дано разрешение заняться разработкой месторождения, а также выделена ссуда в размере четырехсот рублей. Молла-Ибрагим-Халил, получив официальное разрешение, отбыл в Хачмазские горы, где разбил палатку. Он через одного дервиша распустил слух, что при помощи найденного им эликсира превращает медь в серебро. К нему начали из окрестных сел стекаться невежественные и алчные купцы

с задатком за будущее серебро. Собрав за короткое время изрядную сумму, мошенник бежал в Персию!

Известный азербайджанский писатель А. Ахвердов в своем очерке «Жизнь и творчество М. Ф. Ахундова» подтверждает правдивость этого сообщения: «Я должен сказать, что типы в комедиях Ахундова не вымышлены, они взяты прямо из жизни. Выведенные в комедии лица существовали на самом деле. Внуки Хаджи-Кары и по сей день живут в селении Агджебеди Агдамского уезда; с внуком Молла-Ибрагим-Халила, алхимика, мне пришлось познакомиться в Тифлисе. Он был артистом-любителем»².

М. Рафили в монографии, посвященной М. Ф. Ахундову, подвергает сомнению истинность сообщения Р. Эфендиева. Он пишет: «Мы вынуждены признать, что не относимся с особым доверием к приведенному рассказу. Эфендиев родился намного позднее тридцати годов и о подобном забавном одаурчавании царских чиновников он мог слышать значительно позднее того времени, когда Ахундов создал свою комедию. Очень легко литературный эпизод мог быть воспринят как реально совершившийся факт»³.

Однако сравнительно недавно обнаруженные нами архивные материалы подтверждают сообщение Эфендиева. Так, в одном документе, хранящемся в Государственном архиве Грузинской ССР, приводится подробное описание проделок Молла-Ибрагим-Халила.

О проделках Молла-Ибрагим-Халила говорится и в статье, опубликованной в газете «Кавказ» в 1850 году. Эта статья посвящена итогам изыскательских работ, проведенных русскими специалистами в начале 30-х годов XIX века на Кавказе. В статье написано: «Во время горно-изыскательских работ русских специалистов несколько местных жителей... (названы их имена. — Сост. Н. М.), обратившись в канцелярию главнокомандующего, сообщили, что ими найдены серебряные залежи»⁴. В числе этих людей был назван и Ибрагим-Халил.

Приведенные выше сведения убедительно доказывают, что сюжет комедии «Молла-Ибрагим-Халил, алхимик» действительно основан на реальных событиях. М. Ф. Ахундов на основе этого забавного, почти анекдотического события создал в высшей степени содержательную, подлинно социальную комедию, правдиво и глубоко отражающую азербайджанскую действительность 30-х годов XIX века со всеми присущими ей характерными особенностями.

1. *Шейх Салах*. В русском издании сборника своих комедий М. Ф. Ахундов дает следующее примечание к имени Шейх Салаха: «шейхами большей частью назывались святоши».

2. ... в 1248 году во втором месяце весны. Эта дата по новому стилю соответствует 1832 г. М. Ф. Ахундов в русском издании комедий эту дату указывал как май 1832 года.

3. ... заработал бритвой и рождом приличное состояние... При лечении больных циррозыники обычно пользовались рождом, которым отсасывали кровь.

4. *Карун*. В древнем Израиле — человек, обладающий несметным богатством. В восточной литературе имя Карун употребляли как символ богатства. Сам М. Ф. Ахундов в русском издании своего сборника «Комедии» дал следующие комментарии к слову Карун: «одни из еврейских богачей, живший во времена Моисея».

5. ... В эти три дня он не может ни видется, ни разговаривать с кем

¹ См. М. Ф. Ахундов. Сборник статей на азербайджанском языке. Б., «Элм», 1962, с. 311.

² «Известия восточного факультета Азерб. госуниверситета». Т. II, 1928, с. 12.

³ Рафили М. М. Ф. Ахундов. Жизнь и творчество. Б., Азернешр, 1957, с. 139.

⁴ ЦГА Груз. ССР, ф. 2. М., 1, д. № 2633, с. 1831—1832.

бы то ни было... В русском издании своего сборника «Комедии» М. Ф. Ахундов дал такое примечание к этим словам Молла-Ибрагим-Халила: «этот обряд, называемый этикет, существует в исламе и исполняется людьми, особенно небожными».

6. ...«Я—ху, я—хагг!». Обычные заклинания дервишей.

7. Саади. Саади-шейх Муслихиддин (1184—1291)—видный классик персидской литературы, автор известных на Востоке поэмы «Бустан» и нравоучительных притч «Гулистан».

8. Отрывок из газели Саади дается в переводе Павла Антокольского.

9. *Чуллу-хаким*—реальная личность. М. Ф. Ахундов в письме от 25 марта 1871 г., переводчику своих пьес и повести «Обманутые звезды» на персидский язык Мирзе Мухаммед-Джафару, дал пояснение этому слову. Письмо включено в настоящий однотомник.

МУСЬЕ ЖОРДАН, УЧЕНЫЙ БОТАНИК, И ДЕРВИШ МАСТАЛИШАХ, ЗНАМЕНЫЙ КОЛДУН (с. 33)

Во всех рукописных экземплярах этой комедии, находящихся в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве писателя, а также в «Темсилате» датой написания ее указан 1267 год (хиджры). Эта дата соответствует 1850 или 1851 году. Однако, как уже отмечалось выше, появление перевода комедии «Мусье Жордан и дервиш Мاستалишах» на русский язык в газете «Кавказ» в начале 1851 года показывает, что она была написана в 1850 году.

Комедия «Мусье Жордан и дервиш Масталишах» является первой пьесой М. Ф. Ахундова, поставленной на сцене. Ее сыграли в начале 1852 г. в Петербурге в одном из домашних театров артисты-любители. О подготовке и постановке комедии имеется очень подробное сообщение в одной статье русского востоковеда и критика О. И. Сенковского. Высоко оценивая ту «милую, живую, грациозную и оригинальную пьесу», критик писал: «...Несколько недель тому назад, когда я хлопотал о приобретении какой-нибудь пьесы, поновее и помялее, для одного из домашних спектаклей, один из моих добрых приятелей, только что вернувшийся из странствования по Кавказу, выручил меня из затруднения, передав мне три фельетона газеты «Кавказ», заключавшие в себя комедию господина Фет-Али Ахундова».

Комитет спектакля, прочитав ее, остался в полном восторге; артисты, узнавши, что в ней действуют карабахцы, начали с нетерпением ожидать репетиций; мужчины запаслись черкесками и кинжалами, дамы принялись примерять перед зеркалом горские шапочки и бешметы: пьеса признана была бесподобной, и я надеюсь, что читатели, познакомившись с ее содержанием, хотя отчасти согласятся с мнением артистов-любителей»¹.

Об успешной постановке комедии «Мусье Жордан и дервиш Масталишах» сообщил и другой известный русский критик—А. В. Дружинин в своей статье «Письмо иногороднего подписчика», посвященной первым трем комедиям М. Ф. Ахундова. Он писал: «лучшая из них «Ботаник мусье Жордан и дервиш Масталишах» на днях была сыграна в Петербурге, в одном из домашних спектаклей и несказанно понравилась как зрителям, так и любителям-артистам»².

1. *Мусье Жордан* не вымышленный образ. Прототипом его послужил известный французский ученый естествоиспытатель Алексис Жордан (1814—1897), в те годы приехавший в Закавказье для научных занятий и изучения, в частности, флоры Карабаха. Можно предположить, что Ахундов был лично знаком с французским ученым и нередко беседовал с ним. Это помогло ему в создании колоритного обобщенного образа европейских ученых.

¹ Библиотека для чтения, 1851, т. 110, отд. VI, с. 16.

² Там же, 1852, т. 112, с. 214.

2. В 1263 году (хиджры). Эта дата соответствует 1847 или 1848 году. М. Ф. Ахундов в русском издании «Комедии» эту дату указывает как 1848 год, что надо считать более верным. Ибо «разрушение» Парижа колдуну Масталишахом в пьесе должно соответствовать дате февральской революции во Франции — 1848 году.

3. ...*господа Линней, Турнефор и Бертрам*... — знаменитые естествоиспытатели и ботаники.

4. *Георг Клиффорд* — английский посланник в Голландии, покровительствовавший Карлу Линнею.

5. Этой речью мусье Жордана Ахундов дает довольно правильное представление о научной деятельности французского ученого и о вносимых им поправках в классификацию растений. Научные взгляды А. Жордана в области ботаники одно время пользовались популярностью во всех европейских странах. Теория А. Жордана, за которой в науке закрепилось название «жорданизм», впоследствии была подвергнута критике представителями материалистического естествознания как идеалистическая.

Этими словами мусье Жордана М. Ф. Ахундов высоко оценивает достижения европейской науки и просвещения. Устами французского ученого он также утверждает, что земля и природа родного Азербайджана щедря и богата целебными травами и источниками, полезными ископаемыми. Однако все эти богатства в силу экономической и научной отсталости народа еще не изучены, лежат под спудом и поэтому не приносят пока никакой пользы ему и стране.

6. *Звезда Меррих* — планета Марс. В древней мифологии звезда Марс означала «богиню войны». Сам Ахундов в русском издании своего сборника «Комедии» дает следующие пояснения к слову «звезда Меррих»; «Звезда эта известна на Востоке под изображением человека, державшего в руках обнаженный кинжал. Колдуньи часто приписывают ей исполнение страшных своих замыслов».

7. *Хаджи Мирза-Агаси* — реальная историческая личность. Выходец из Еревана, он был священнослужителем. Хитрый и ловкий Мирза-Агаси в Тебризе знакомится с молодым принцем Мухаммед-ханом, наследником престола Ирана, отличавшимся своей крайней религиозностью, и вскоре становится его учителем и воспитателем. Как только Мухаммед-хан становится правителем Ирана (1834—1848), он назначает своего воспитателя главным везиром — премьер-министром Ирана. Хаджи Мирза-Агаси известен в истории Ирана как невежественный, ограниченный, реакционный и жадный правитель, причинивший стране и народам Ирана неисчислимые бедствия. После смерти Мухаммед-шаха он был устранен от власти и сбежал в город Аббас-Абад.

8. Отрывок из стихотворения суфийского поэта, пропагандирующий религиозно-мистические идеи. Автора стихотворения не удалось установить.

9. Намек на острый политический и военный конфликт за Герат, находящийся на пути торговли западных европейских стран, который возник в 30—40-х годах прошлого столетия между Ираном и Афганистаном и его союзником Англией. Говоря о большом стратегическом значении Герата, Ф. Энгельс в своей работе «Перспектива англо-персидской войны» писал: «Герат является стратегическим центром всей области, лежащей между Персидским заливом, Каспийским морем и рекой Яксартом на западе и севере, и рекой Индом на востоке... Герат — это пункт, который в руках сильной державы может быть использован для господства и над Ираном и над Туркестаном, то есть и над Персией и над территориями по ту сторону Оксуса. Обладатель Герата в полной мере получает все преимущества центральной позиции, с которой можно предпринимать наступление по радиусам во всех направлениях с гораздо большей легкостью и большими шансами на успех, чем из какого-либо другого города Ирана или Туркестана»¹.

10. Отрывок со строки «Мы рабы этого Али-шаха» до предложения «В смелости полководца есть множество секретов» был сокращен царской цензурой в русском переводе комедии «Мусье Жордан и деревня Масталишах». Причиной этого явилось то, что здесь автор намекал на поражение Ирана в войне с Англией за Герат в 1836—1837 годах. Этот большой отрывок не был включен ни в один сборник художественных произведений М. Ф. Ахундова, выпущенных на русском языке в годы советской власти. Мы в настоящем издании перевод этого отрывка даем с азербайджанского оригинала. Перевод составителя.

11. *Шигаби-сакибы* — летучая звезда, метеор. Сам Ахундов в русском издании своего сборника комедий дает такое примечание об этом метеоре: «Шигаби-сакибами называются летучие звезды, которые, по верованию мусульман, падением своим истребляют чертей и дьяволов, вставших против божьей воли».

12. *Созвездие Скорпион*. По восточной астрологии солнечная система делится на двенадцать частей, скопление звезд. Созвездие Скорпион — одно из этих скоплений. По высказываниям восточных астрологов, если созвездие Скорпиона приблизится к какой-нибудь части земного шара, там непременно должно возникнуть какое-нибудь бедствие, разрушение. Этими словами деревниша М. Ф. Ахундов намекает на революцию, возникшие во Франции в конце XVIII и первой половине XIX веков. Это ясно показывает, что еще в начале 50-х годов азербайджанский писатель был хорошо знаком с историей Франции, в частности с историей французских революций.

13. В слова Ханпери М. Ф. Ахундов вкладывает намек на влияние французской революции 1848 года на другие страны.

МЕДВЕДЬ, ПОБЕДИТЕЛЬ РАЗБОЙНИКА (с. 55)

Комедия впервые была опубликована в переводе автора на русский язык в 1851 году в газете «Кавказ», а затем в сборнике комедий (1853), где перед ней было дано небольшое сообщение о том, что она была передана для сцены русским писателем В. А. Соллогубом, бывшим в те годы директором Тифлиского русского театра. В заметке газеты «Кавказ», опубликованной в связи с предстоящей постановкой «Медведя победителя разбойника» в Тифлиском русском театре, также упоминалось об обработке комедии писателем В. А. Соллогубом¹.

На азербайджанском языке комедия «Медведь, победитель разбойника» впервые была опубликована в «Темсилате» (1859).

Во всех рукописях комедии «Медведь, победитель разбойника», находящихся в Институте Рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве писателя и в «Темсилате», указано, что она написана в 1269 году (хиджры), по новому стилю — в начале 1852 года. Опираясь на эту дату азербайджанские ученые включили комедию «Медведь, победитель разбойника» во все три издания первого тома трехтомного собрания сочинения М. Ф. Ахундова (1938, 1949, 1958), а также сборников его художественных произведений, выпущенных в различные годы на азербайджанском и русском языках после комедии «Везир Ленкоранского ханства». Хотя в прижизненных изданиях своих сборников комедий Ахундов поместил ее третьей.

Долгие годы, вплоть до 1957 г., никто из исследователей жизни и творчества М. Ф. Ахундова, за исключением видного азербайджанского ахундоведа М. Рафили, не проявлял интереса к тому, какие изменения были внесены в комедию русским писателем В. А. Соллогубом при участии автора. М. Рафили же, касаясь этого вопроса, отмечал, что пьеса «была передана для сцены графом Соллогубом и Ахундов учел в своем окончательном варианте внесенные поправки. Все это сильно мешает выяснению настоя-

¹ Кавказ, 1852, № 7.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 12, с. 126—127.

щих идейных позиций Ахундова, ибо Соллогуб внес в комедию, в особенности в ее концовку, неуклюжую проповедь верноподданнических чувств¹.

Впервые мы в 1957 г., списав текст комедии «Медведь, победитель разбойника», опубликованной в газете «Кавказ», с ее текстами, включенными в сборник «Комедии» (1855) и «Темсилат» (1859), установили, что первый текст коренным образом отличается от последующих двух текстов, а последующие два текста комедии идентичны, имеются лишь незначительные расхождения. Мы установили, что текст комедии, напечатанный в газете «Кавказ», является первым вариантом комедии «Медведь, победитель разбойника» и он больше никогда не издавался ни при жизни Ахундова, ни после его смерти. Известно, что рукописи всех комедий, а также других художественных, философских, общественно-политических и литературно-критических произведений М. Ф. Ахундова сохранились и ныне находятся в Институте Рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве писателя. Однако среди них нет ни на азербайджанском, ни на русском языке рукописи первого варианта комедии «Медведь, победитель разбойника». Второй же, переделанный, вариант был переведен автором на азербайджанский язык и включен в «Темсилат». В Институте Рукописей АН Азербайджанской ССР имеется несколько рукописей этого варианта комедии на азербайджанском языке. Все последующие издания комедии как на азербайджанском и русском, так и на иностранных языках включали второй вариант пьесы.

Первое сообщение о первом варианте комедии и основных расхождениях его со вторым вариантом было опубликовано нами в 1957 г.¹

Учитывая то, что первый вариант комедии не известен до сих пор широким кругам читателей и что он представляет важное значение в изучении идейно-художественных особенностей, мы здесь кратко указываем на основные расхождения между двумя вариантами.

В первом варианте комедии одним из ведущих персонажей является образ Молла Шабана. В нем обобщены типические черты мусульманского духовенства. Он представлен как образец невежества, религиозного фанатизма и косности. Образ Молла Шабана стоит в одном ряду с яркими сатирическими типами, созданными М. Ф. Ахундовым в комедиях. Во втором варианте комедии образ Молла Шабана вовсе отсутствует, а часть его реплик передана автором другим персонажам. Это, разумеется, значительно ослабило в нем критику пороков духовенства, религиозного фанатизма и суеверий.

В сюжете обеих вариантов комедии важное место занимают образы молодых лирических героев — Байрама, Парзада и Тарверди. Но характер и психологию их в двух вариантах изображены совершенно различно.

В начальных действиях и первого и второго вариантов комедии Байрам изображается автором как смелый, отчаянный молодой человек, прославившийся в среде своих односельчан разбойничеством. Он горячо любит сельскую красавицу Парзад, которая отвечает ему взаимностью. Но дядя и опекун молодой девушки Мешади-Курбан стремится выдать ее за своего сына. Завязка комедии построена на основе этой любовной интриги. Однако в первом варианте Байрам почти не принимает никакого участия в дальнейшем ходе событий, в результате чего образ молодого удалца не получил дальнейшего развития. И судьба Байрама завершается весьма печально. Байрама как опасного разбойника арестовывают и его ждет наказание. Во втором варианте комедии Байрам активно вовлекается автором в дальнейшее развитие событий и развязку. В этом варианте образ Байрама обогащается новыми положительными чертами и комедия завершается его победой.

¹ Рафили М. М. Ф. Ахундов. Жизнь и творчество. — Б.: Азернешр, 1957, с. 77.

¹ См.: Мамадов Н. О двух вариантах комедии «Медведь, победитель разбойника». «Докл. АН Азербайджанской ССР», т. XIII, 1957, № 5. Впоследствии это сообщение вошло и в нашу монографию «Художественное творчество М. Ф. Ахундова». — Б.: «Элм», 1962, с. 57—60.

В завязке обеих вариантов комедии Парзад предстает как милая, простодушная, искренняя молодая девушка, лишенная элементарных человеческих прав и целиком зависящая от воли дяди. Но в первом варианте Парзад не принимает никакого участия в дальнейшем развитии событий. Здесь образ молодой девушки только намечен и схематичен. Во втором варианте автор очень умело вовлекает и Парзад в дальнейшее развитие комедии, значительно углубляет ее характер и психологию, благодаря чему образ молодой героини получился живым, привлекательным, ярким.

Образ Тарверди является одним из ведущих персонажей и первого и второго вариантов комедии. В первых действиях обеих вариантов пьесы его образ очерчен комическими красками. Но дальнейшая характеристика образа Тарверди в вариантах резко различается. В первом варианте характер его обрисован в драматическом плане, трагически завершается судьба его в развязке: он сходит с ума. Во втором варианте же Тарверди изображен более подробно. Ставя Тарверди в ряд новых смешных ситуаций, драматург глубже раскрывает комическую сущность своего молодого героя. Однако в этом варианте образ Тарверди несколько напоминает традиционные образы глупцов, присущие развлекательным водевилям.

В обеих вариантах комедии существенную роль в ходе развития событий занимает образ местного царского правителя — уездного заседателя. Однако в первом варианте его образ дан более живым и убедительным, чем во втором варианте, где образ уездного начальника несколько идеализирован. И критика бюрократизма, взяточничества, беззакония царских чиновников и их пренебрежительное отношение к местному населению в первом варианте показаны более открыто, сильно, чем во втором варианте. Здесь критические выпады автора против царских чиновников значительно сокращены и заглушены.

Серьезные расхождения между вариантами имеются и в характере развития сюжетной линии. В первом варианте нет сцены разбоя Тарверди с сообщниками. Здесь молодые крестьяне лишь рассказывают о своих злоключениях во время якобы «прогулки» на почтовой дороге. Ко второму же варианту комедии была добавлена специальная сцена, показывающая нападение горе-разбойников на обоз, столкновение Тарверди с содержателем передвижного зверинца, его отчаянный поединок с медведем. Эта сцена выдержана в традициях развлекательных водевилей, широко ставящихся в Тифлисском русском театре. Весьма показательны, что русский критик Гильфиндин в своей статье, посвященной сборнику комедий М. Ф. Ахундова (1853), опубликованной в журнале «Отечественные записки», указывал, что водевильные элементы в комедию были введены именно В. С. Соллогубом. «Мирза Ахундов, — пишет критик, — очень редко позволяет себе впадать в натянутый фарс или карикатуру. Его единственная комедия, комизм которой отчасти основан на фарсе, «Медведь, победитель разбойника», напечатана в том виде, как была переделана для сцены одним из известных русских литераторов, и потому мы не можем приписывать Ахундову его недостатков¹.

Существенно различаются развязки вариантов комедии. В первом варианте действие завершается поздней ночью в доме Мешади-Гурбана, отца Тарверди. На второй день после неудачного разбоя Тарверди снятся «черти», со страха он сходит с ума и стремится убежать. Вскоре соседи собираются у него. Среди них и Молла Шабан. Приходит тайно и Байрам и прячется во дворе. Узнав от старосты, что одним из участников разбоя был Тарверди, заседатель приказывает казакам окружить дом Мешади-Курбана и, он, с несколькими казаками войдя в него, видит, что Тарверди находится в невменяемом состоянии. Русский врач, случайно оказавшийся в свите заседателя, подтверждает болезнь Тарверди. В это время есаулы обнаруживают спрятавшегося Байрама и приводят его к заседателю. Тот арестовывает

¹ «Отечественные записки», 1854, т. XCIII, № 3, с. 26.

Байрама как опасного разбойника. Неожиданно четверо вооруженных крестьян, братья Байрама, нападают на царских чиновников, но, встретив решительный отпор, убегают. Заподозрив, что Залха сообщила об аресте Байрама его братьям, заседатель приказывает есаулам найти ее и вместе с мужем Намазом арестовать.

Второй вариант же комедии завершает счастливая развязка.

Само собой разумеется, что все эти изменения во втором варианте были введены автором при непосредственном участии или по совету Соллоуба.

1. *Таты*. Одна из народностей иранской языковой группы. Они проживали во многих районах и городах Северного Азербайджана и занимались в основном торговлей и ремеслами. Здесь слово «тат» употреблено не в прямом смысле, а в переносном, в качестве ругательства, как пришелец, трус, никчемный, неспособный.

2. *Керем* — легендарный герой азербайджанского народного любовного сказания — принц и ашуг (поэт и певец импровизатор). Он питал пламенную любовь к дочери армянского священника Асли, но отец девушки препятствовал этой любви и увозил свою дочь в различные уголки страны. После долгих странствий и поисков наконец Керем находит свою возлюбленную и, воспевая в стихах свою горячую любовь, переживания и мятарства, сгорает в пламени любви. Видя, что ее возлюбленный охвачен огнем, Асли бросается в объятия Керема и сгорает вместе с ним.

3. *Мешади* — человек, совершивший паломничество в город Мешед в Иране, к священной гробнице девятого имама Рзы. Лица, получившие священное прозвище «мешади», пользовались большим уважением среди населения.

4. *...в ущелье Шамшиадинского участка*. Западные районы Северного Азербайджана, расположенные вблизи границы Грузии, — Казах, Тавуз, Шамхор.

5. *...русское правительство охраняет вас от лезгин и разбойников...* Имеется в виду нападение горских народов Дагестана с целью грабежа на различные районы Азербайджана в первой половине XIX века.

6. *Один агач*. Агач — мера длины. В русском издании сборника «Комедии» М. Ф. Ахундов пояснил это слово: три версты.

7. *«Бисмиллах»*. Начало арабского изречения из Корана, славившее бога. По мусульманским поверьям, если правоверный где-нибудь встретится с чертом он должен произнести «бисмиллах», тогда черти исчезают, убегают.

ВЕЗИР ЛЕНКОРАНСКОГО ХАНСТВА (с. 81)

Комедия написана в 1267 году (хиджры). Это соответствует 1850 или 1851 году. Однако включение ее автором после комедии «Медведь, победитель разбойника» в русское издание сборника «Комедии» (1853) и «Темсилат» (1859) свидетельствует о том, что она написана в 1851 году.

Первоначальное название «Везирь Серабского ханства». Все экземпляры рукописей этой комедии, находившиеся в Институте Рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве Ахундова, носят это название.

Впервые название комедии было изменено в издании в Тегеране в 1874 году сборнике художественных произведений М. Ф. Ахундова, включившем его пьесы и повесть «Обманутые звезды», переведенные на персидский язык Мирзой Мухаммед-Джафаром Караджадаги. В связи с этим в западноевропейской ориенталистике утвердилось мнение, что название комедии было изменено персидским переводчиком. Этого мнения долгое время придерживались и азербайджанские ахундоведы. Однако факты ясно указывают на то, что Мирза Мухаммед-Джафар Караджадаги изменил слово «Сераб» на «Ленкорань» не по своему желанию, а по настоянию самого М. Ф. Ахундова. Дело в том, что события в комедии разворачиваются в од-

ном из приморских городков, а Сераб находится далеко от моря. Обнаружив это несоответствие, М. Ф. Ахундов сам решил внести в название своей комедии соответствующее изменение. Это видно из письма писателя к своему другу, видному персидскому общественному деятелю Мирзе Юсуф-хану, датированного 17 декабря 1873 г. В нем говорится: «Скажите любезнейшему переводчику (имеется в виду М. М. Караджадаги. — Сост.), что вместо «Приключения везира Серабского ханства» следует написать «Приключение везира Ленкоранского ханства», ... ибо без моего ведома слово Ленкорань в типографии заменили словом Сераб. Сераб — явная ошибка, следует писать Ленкорань, ибо Сераб не расположен у моря». Эта просьба автора, была учтена переводчиком!

Однако, справедливости ради, необходимо отметить, что объяснение М. Ф. Ахундова насчет изменения названия комедии, якобы сделанного типографией, не соответствует истине. Как уже говорилось выше, во всех авторских рукописях комедия названа «Везир Серабского ханства». Следовательно, мысль о необходимости уточнить название пришла М. Ф. Ахундову позднее.

Комедия «Везир Ленкоранского ханства» еще в сезон 1852—1853 гг. с успехом была поставлена в русском театре в Тифлисе в бенефис суфлера театра Покровского². Она явилась первой комедией, поставленной на азербайджанской сцене, была сыграна 10 (22) марта 1873 г. артистами-любителями в зале Бакинском благотворного собрания под руководством Гасан-бека Зардаби при активном участии Наджаф-бека Везирова и Аскераги Адигезалова³. Постановкой именно этой пьесы начинается история азербайджанского театра.

О постановке комедии «Везир Ленкоранского ханства» в Баку было сообщено автору в Тифлисе. В своем ответе М. Ф. Ахундов писал постановщикам спектакля: «Я стар и ждал близкой своей кончины, но это известие продлило мою жизнь на десять лет».

1. *Происходит пятьдесят лет назад* — то есть примерно в 1800—1801 годах, до присоединения Северного Азербайджана к России. В эти годы страна была раздроблена на мелкие государства — ханства.

2. *Нимтене*. М. Ф. Ахундов в русском издании сборника «Комедии» дал следующий перевод: нимтене — женская курточка, веста.

3. Автором этого стихотворения является известный азербайджанский поэт-лирик Молла Панах Вагиф, публикуется в переводе Л. Длигача.

4. *Да принеси палки и фалаку*. Фалака — шест со специально приспособленными ремнями (веревками). Ноги провинившегося привязываются этими ремнями к шесту, который держат с обонх концов два человека, а третий бьет палкой по пяткам.

5. *Зуб за зуб, око за око, рана за рану*. В азербайджанском тексте комедии эта фраза приведена по-арабски.

6. *...султан Махмуд Газневи* — один из правителей династии Газневидов в Иране в конце IX и начале X века.

7. *Семена* — особое блюдо, приготовляемое из специально выращиваемой пшеничной рассады к празднику Новруз-байрам — Новому году (22 марта во многих странах мусульманского Востока).

ПРИКЛЮЧЕНИЕ СКРЯГИ (ХАДЖИ КАРА) (с. 102)

Комедия «Приключение скряги» написана в 1269 году (хиджры) что соответствует 1852 году. Комедия «Приключение скряги» приобрела боль-

¹ Ахундов М. Ф. Собр. соч. в трех томах (на азерб. языке), т. II. Б.: Азернешр, 1962, с. 220.

² См. Театр в Ташкенте 1851—1856 годов. Тифлис, 1888, с. 78.

³ См. «Кавказ», 1873, 25 марта.

шую популярность в азербайджанской литературе по имени главного героя Хаджи-Кары.

Эта комедия является второй пьесой, поставленной вслед за «Везирем Ленкоранского ханства» на азербайджанской сцене. Она была сыграна 17 апреля 1873 года (до последнего времени ошибочно считалось, что она была поставлена в июне. — *Сост.*) под руководством Г. Зардаби и с участием Н. Везирова и А. Адигезалова¹.

Сюжет «Приключения скряги» взят драматургом из реальной жизни. Из архивных документов видно, что в 1852 году М. Ф. Ахундов входил в качестве переводчика в группу полковника Мейера, которая вела на иранской границе борьбу с разного рода разбойниками и контрабандистами, занимавшимися незаконным ввозом в Азербайджан западноевропейской мануфактуры. Несомненно, М. Ф. Ахундов был очевидцем происшествий, которые впоследствии были использованы в его новом произведении. Писатель А. Ахвердов указал, что главный сатирический герой комедии купец Хаджи-Кара был реальным лицом, проживавшим в те годы в Агджабедах. Очень возможно, что и второй ведущий герой комедии — помещик Гейдарбек также имел реального прототипа.

1. *Нет войны ни с Ираном, ни с Турцией...* Имеются в виду войны России с Ираном (1826—1828). В этих войнах в составе русских войск активное участие приняли и добровольные азербайджанские полки.

2. *И если захочешь повоювать, то только с лезгинами.* Имеется в виду война царской России с горскими народами Дагестана во главе с Шейх-Шамилем.

3. *Куда девались войны с кызылбашами и османами.* Имеются в виду опять войны России с Ираном (1826—1828), исповедующим шинтские течения религии ислама и Турцией (1828—1829), названной здесь по имени основоположника турецкой империи в Малой Азии Султана Османа.

4. *Асландузский лагерь.* Асландузская степь находится вблизи Гянджи (ныне Кировобад). В 1826 году русская армия нанесла сокрушительный удар основным силам иранской армии, расположенным лагерем в этой степи.

5. *Джеваншири* — потомственные беки, принадлежавшие к древнему тюркскому племени азербайджанского народа.

6. *...Русские запретили здесь французские ситцы...* В этой реплике своего героя Гейдарбека и репликах других своих персонажей М. Ф. Ахундов раскрывает очень важную сторону социально-экономической жизни Азербайджана, в частности купечества. Известно, что в середине XIX века мануфактурная промышленность в центральной России интенсивно развивалась, однако продукция ее по своим качествам значительно уступала европейским образцам и не выдерживала конкуренции с ними. Ее с трудом сбывали не только в центральной России, но и на ее окраинах. Трудности со сбытом собственной продукции вынуждали царское правительство налагать запрет на ввоз в страну иностранных товаров. Это мероприятие царизма, естественно, ущемляло интересы местного купечества. Поэтому, стремясь найти какой-то выход из создавшегося положения, купцы на свой страх и риск вступали в связь с контрабандистами, получая с их помощью европейские товары. Представители же царской власти вели на местах борьбу против контрабандистов, орудовавших, в частности, на русско-персидской границе.

7. *В наше время, любезнейший, лучше иметь полный карман денег, чем быть храбрым.* В диалоге Хаджи-Кары М. Ф. Ахундов выявляет новую особенность жизни Азербайджана 40—50-х годов. К середине прошлого столетия азербайджанское купечество освободилось из-под опеки и социально-политической зависимости феодально-помещичьей верхушки и начала осознавать себя самостоятельной силой, играющей важную роль в жизни общества. Хаджи-Кара ясно понимает, что теперь люди пользуются почетом и уважением в обществе главным образом не в связи с происхождением и личными качествами, а благодаря туго набитому кошельку. Купцы,

подобные Хаджи-Каре, уже не находят нужным пресмыкаться перед феодалами, более того, они даже осмеливаются смотреть на них свысока.

8. *Шахсеване* — древние кочевья тюркских племен, проживающих по берегам Аракса и занимавшихся в основном скотоводством.

9. *Крепость.* Имеется в виду город Шуша, который являлся административным центром Карабахского уезда.

АДВОКАТЫ ГОРОДА ТЕБРИЗА (с. 137)

«Адвокаты города Тебриза» — последняя комедия М. Ф. Ахундова. Сам автор в рукописных экземплярах этой комедии указывал, что она написана в 1272 году (хиджры), по новому стилю в 1855 году.

В конце 20-х годов прошлого века после русско-иранских войн Азербайджан по Туркманчайскому мирному договору был разделен на две части, северная часть была присоединена к России, а южная часть оставалась под властью Ирана. В последней своей комедии М. Ф. Ахундов описывает жизнь южноазербайджанского народа. Действие в комедии происходит в городе Тебризе, столице Южного Азербайджана, где находилась резиденция принца Шахзаде — наместника Ирана. Автор подвергает острой критике мошеничество, произвол, взяточничество судебных чиновников, все системы феодального правосудия Ирана. Известно, что эти пороки были присущи правосудию не только Ирана, но и царской России. Примечательно, что острая критика представителей царской власти и правосудия явилась одной из ведущих тем творчества азербайджанских поэтов-сатириков первой половины XIX века — Касумбека Закира, Бабабека Шакира и Мирза Бахши Надима. Перенеся события своей последней комедии в Южный Азербайджан, Ахундов наносит удар и иранскому и царскому правосудию.

1. *Сербазы.* Так назывались в Иране солдаты.

2. *Казий.* Духовное лицо. В Иране и других мусульманских странах на протяжении многих веков правосудие находилось в руках духовенства.

3. *Служитель деспота.* Идеологи и защитники шинтского направления мусульманской религии, являющегося господствующим направлением в Иране на протяжении многих веков, считали, что все представители власти вплоть до шаха незаконно узурпировали власть и являются угнетателями, притеснителями народа. Они утверждали, что вся власть в стране должна принадлежать представителям шинтов — истинных друзей и защитников трудящихся. Поэтому народные массы, изнывающие под невыносимым гнетом произвола и эксплуатации иранских правителей, находились под большим влиянием духовенства.

4. *...она не была законной женой брата.* Мусульманская религия разрешала правоверным иметь кроме законной жены одну или несколько временных жен («сийге», «мутэ»). По шариату, право наследования после смерти мужа имеет только законная жена покойного, с которой заключен письменный акт («кябин»), совершаемый духовным лицом. Временные жены совершенно были лишены всех прав на наследство после смерти мужа.

5. *Аршинник* — купец. Представители иранской аристократии и власти свысока смотрели на купечество, третировали его. Такими словами Азизбека, принадлежавшего к аристократии, Ахундов намекает на это.

6. *Прекрасное имя.* Азиз означает: милый, любезный, дорогой.

7. *Абасы* — двадцать копеек.

8. *Чилос* — плов.

9. *...завтра во время суда как следует виляли хвостами...* В русском издании своей комедии М. Ф. Ахундов дал следующие объяснения этим словам Ага Мардана: «Так выражаются о людях, действующих за взятки; они напоминают собаку, виляющую хвостом, ластящуюся к тебе, когда бросаешь ей что-либо».

10. *Лейладж.* На мусульманском Востоке легендарный шахматист, игрок в нарды. Здесь имя нарицательное — ловкий игрок, шулер.

¹ См.: «Кавказ», 1873, 25 апреля.

ОБМАНУТЫЕ ЗВЕЗДЫ

(Рассказ о Юсиф-шахе) Повесть (с. 165)

В 1857 г. М. Ф. Ахундов написал повесть «Обманутые звезды», которая заняла важное место как в его литературном творчестве, так и в истории азербайджанской прозы. Вскоре он с целью опубликования своей повести в газете «Кавказ» перевел ее на русский язык. В рукописи перевода «Обманутых звезд», находившейся в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве писателя, указана точная дата его завершения—17 июля 1857 года. Однако только спустя несколько лет писатель смог осуществить свое намерение. Она была опубликована в 1864 г. в газете «Кавказ» (29 марта, 5 и 26 апреля, №№ 25, 27, 30, 31).

Повесть «Обманутые звезды», как уже говорилось, впервые на азербайджанском языке была напечатана в 1859 г. в «Темсилате». Известный азербайджанский литературовед Фиридунбек Кочарлинский в 1901 году перевел ее на русский язык и в том же году опубликовал в сборнике «Кавказский вестник» (май № 5).

В годы Советской власти повесть «Обманутые звезды» неоднократно печаталась на азербайджанском и русском языках.

Сюжет повести М. Ф. Ахундов позаимствовал из книги иранского историка Искендербека Мунши «Тарихи-алем-арайн-Аббаси», посвященной периоду правления в Иране Шах-Аббаса I (1587—1629). В повести есть указание на это самого писателя: «Может быть читатели усомнятся в правдивости этой истории и сочтут ее за вымысел автора? На этот случай я рекомендую бы им открыть историю и почитать там страницы, посвященные седьмому году царствования Шах-Аббаса».

В исторической хронике Искендербека Мунши содержится следующее сообщение, легшее в основу сюжета «Обманутых звезд»: в седьмой год правления Шах-Аббаса видные астрологи Ирана сообщают ему, что надвигающееся сближение двух высоких и низких звезд приведет к гибели одного из правителей стран Востока, и скорее всего этим правителем будет шах Ирана. Один из самых авторитетных и влиятельных астрологов двора Мовлана Джамалэд-дин Мухаммед Мунаджим-Безди советует шаху во имя спасения своей жизни отречься от власти хотя бы на три дня, когда сближение светил будет максимальным, передав на это время свою корону какому-нибудь бездельнику, заслуживающему смертной казни. Все приближенные шаха единодушно одобряют этот совет астролога. Остается только подобрать кандидатуру временного «шаха». По жребию выбор падает на изготовителя колчанов (таркешдузу) Юсифа, считающегося одним из самых отвязанных безбожников-смутьянов. Шах-Аббас временно оставляет свой трон, и Юсифа объявляют правителем Ирана.

Спустя три дня Юсиф-шаха убивают и правителем Ирана вновь становится Шах-Аббас.

Само собой разумеется, что повесть М. Ф. Ахундова не является простым изложением вышеприведенного исторического события. Оно стало основой лишь внешней фабулы «Обманутых звезд». Исходя из исторических свидетельств, носящих несколько неправдоподобный и анекдотический характер, однако вполне соответствующих духу господствовавших нравов средневекового Ирана, М. Ф. Ахундов создал замечательную, оригинальную философско-публицистическую повесть, наделив ее глубоким общественно-политическим содержанием. Сам М. Ф. Ахундов в одном из своих писем Мирзе Юсиф-хану, написанном в 1871 г., говоря об авторском отношении к историчности «Обманутых звезд», писал: «Когда переводчик «Джамиджам» принц Фархад Мирза проездом на паломничество в Мекку остановился в Гифлисе, он спросил меня: «Мирза Фатали, почему ты так растянул небольшой рассказ о Юсифе-Саррадже, ведь в «Тарихи-алем-арайн-Аббаси» он не так уже подробен?» Я ответил: «Принц, разве я написал историю затем, чтобы сохранить все точно так, как было? Я воспользо-

вался маленьким сообщением, преобразил своей фантазией для того, чтобы выразить свои мысли».

Хотя сюжет повести «Обманутые звезды» взят из исторической хронике, ее нельзя считать в подлинном смысле слова историческим художественным произведением. Ибо в ней не найдено достаточно точного и глубокого отражения жизни Ирана конца XVI и начала XVII веков. Основная цель Ахундова заключалась в изображении социальной действительности иранского общества середины XIX века. В повести он подверг острой критике современный ему иранский феодально-деспотический строй, создал яркие сатирические образы иранских феодальных правителей—Насреддин-шаха, его министров, и выразил идеи просвещения. (Подробно об этом см.: *Надир Мамедов*. Реализм М. Ф. Ахундова. Б., «Маариф», 1982, с. 231—242).

1. В начале владычества Сефевидов. Шахская династия, родоначальником которой являющийся выдающийся государственный деятель и поэт Шах-Исмаил Хатан (1502 г.), господствовала в Иране до 1722 года.

2. Мухаммед-шах Сефевид. Правитель Ирана с 1579 по 1587 год. Во время его царствования Иран переживал глубокий экономический и политический кризис. В 1587 г. он отрекся от власти и поручает правление государством своему сыну Аббасу.

3. Шах-Аббас Первый (1557—1629) — был правителем Ирана с 1587 по 1629 год.

4. Кыбла вселенной, т. е. святая, свет вселенной. Обычное обращение к повелителям в мусульманских странах, особенно в Иране. Кыбла — сторона, к которой обращаются лицом мусульмане при молитве.

5. Шах был очень молод, ему только минуло двадцать два года. М. Ф. Ахундов ошибается. Шах-Аббас пришел к власти в возрасте 30 лет. Таким образом, когда происходят события, описываемые в повести, ему было 36—37 лет.

6. Имамы — ближайшие родственники и потомки Мухаммеда, основателя и родоначальника религии ислама и мусульманского государства в Аравии, имеется в виду один из первых последователей Мухаммеда, его двоюродный брат и зять, четвертый халиф — правитель Али (656—661) и его потомки. Сторонники шиитского направления религии ислама считают Али и его потомков имамами — законными духовными руководителями мусульман и претендентами на верховную власть.

7. Сунниты — одно из ведущих направлений в религии ислама, считающееся «ортодоксальным» или правозерным. Они враждебно относились к шиитскому течению, не признавали законность притязаний его сторонников на верховную власть.

8. «Зиджи-Улуг-бек». Имеется в виду книга «Зиджи джедиди Гурагани» («Новые астрономические таблицы») выдающегося узбекского астронома и математика Улугбека Мухаммеда Таргата (1394—1449).

9. Хотя после Саади и Хафиза... Выдающиеся представители персидской литературы: автор известной дидактической поэмы «Бустан» и сборника притч «Гулистан» («Розовый сад») Муслихиддин Саади (1184—1291) и гениальный поэт-лирик — Хафиз Ширази (1300—1389).

10. ...удобляющегося в мудрости Сулейману, в щедрости — Хатему, в храбрости — Рустему. Имеются в виду библейский пророк и царь Соломон, прозванный Мудрым, герой арабской легенды, щедрый богач Хатем, а Рустем — легендарный герой эпохи Фирдоуси (934—ок. 1020) «Шахнамэ».

11. Год его восшествия на престол был отмечен поэтами в следующем двустии. Каждая буква арабской азбуки соответствует определенному числу. Сумма чисел, обозначающих каждой буквой приведенного двустия, составляет год восшествия Юсиф-шаха на престол. В двустии имеется намек на библейского Юсифа Прекрасного.

12. Яркий пример бесчеловечности, жестокости Шах-Аббаса — расправа с родными сыновьями: двоих он ослепил, а третьего умертвил. Действительно, Шах-Аббас, подозревая сына Сафи Мирза в покушении на свою жизнь, убил его, а двух других сыновей ослепил.

19. И до чего же глупы англичане, что чуть было не затеяли войну с таким опасным народом. Здесь имеется в виду острый политический и военный конфликт за Герат, возникший между Ираном и Англией в 50-х годах прошлого века, в результате которого Иран попадает под угрозу оккупации. Только тревожное положение в Индии, где усилилось освободительное движение индийского народа против английских колонизаторов, а также осложнившиеся взаимоотношения с Францией и Россией вынудили английское правительство заключить 4 марта 1857 года мирный договор с Ираном. Иран избежал оккупации, но ему пришлось пойти на значительные уступки Англии, в том числе согласиться на то, чтобы Герат снова перешел в руки англичан. Вышеприведенными заключительными словами своей повести «Обманутые звезды» Ахундов иносказательно высмеивал иранское правительство, осмелившееся на войну с Англией.

ПОЭЗИЯ

В богатом и многогранном наследии М. Ф. Ахундова поэзия занимает очень скромное место. Ахундов обладал подлинным поэтическим талантом и еще в молодости глубоко изучал творчество видных представителей азербайджанской и персидской поэзии и народной ашугской поэзии. Однако он на протяжении более сорока лет (первое дошедшее до нас стихотворение М. Ф. Ахундова «Жалоба на время» написано приблизительно в 1833 г.) написал лишь около тридцати стихотворений.

Свои поэтические произведения М. Ф. Ахундов писал на азербайджанском и персидском языках, в различных жанрах классической и народной ашугской поэзии — поэмы, гошмы, мухаммасы (пятистишие), стихотворные послания, газели, оды, жаджвы. При жизни писателя в подстрочном переводе на русский язык были опубликованы лишь два его стихотворения: «На смерть Пушкина» и «Послание знаменитому в Карабахе поэту Касум-беку Хинзиристани» (они включены в настоящий однотомник), на азербайджанском языке — только последнее. Некоторые его стихотворения, написанные на родном языке, до революции были опубликованы видным азербайджанским литературоведом Фирдинеком Кочарлинским. Остальные поэтические произведения М. Ф. Ахундова обнаружены и опубликованы только при Советской власти. На русский язык до сих пор переведена только часть его стихотворений, они и включены в настоящий однотомник.

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА (с. 191)

Поэма «На смерть Пушкина» является вторым дошедшим до нас поэтическим произведением М. Ф. Ахундова. Как наглядно явствует из содержания поэмы, она написана в 1837 году в начале весны (приблизительно в начале марта) под впечатлением трагической гибели великого русского поэта А. С. Пушкина, к которому молодой азербайджанский поэт питал большую, пламенную любовь. Как и первое свое стихотворение «Жалоба на время», поэму на «На смерть Пушкина» М. Ф. Ахундов написал на персидском языке и в традициях восточной классической поэзии. Вскоре он осуществил подстрочный перевод своей поэмы на русский язык и показал его русскому поэту И. И. Клементьеву, служившему в те годы вместе с ним в Тифлисе. Прочитав подстрочный перевод поэмы молодого азербайджанского поэта, И. И. Клементьев пришел в восторг, и по-видимому, сделав некоторую стилистическую правку, послал его в редакцию журнала «Московский наблюдатель», сопроводив кратким письмом. Поэма была напечатана в XI (мартовской) книге журнала за 1837 г. (с. 227—304), с небольшим примечанием. В примечании говорилось: «Вполне разделяя чувства г. Клементьева и благодаря его искренне за доставленный нам прекрасный цветок, брошенный рукой персидского поэта на могилу Пушкина (как и И. И. Клементьев

редакция журнала считала М. Ф. Ахундова персидским поэтом. — Сост.), мы от души желаем успехов замечательному таланту, тем более, что видим в нем такое сочувствие к образованности русской».

Спустя некоторое время, с подстрочным переводом поэмы М. Ф. Ахундова познакомился видный русский писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, находящийся в ссылке на Кавказе, и провел значительную стилистическую работу над ним. Этот новый вариант подстрочного перевода долгие годы оставался в архиве М. Ф. Ахундова и лишь в 1874 году по инициативе близкого его друга, известного русского востоковеда Адольфа Берже, был напечатан в сентябрьском номере журнала «Русская старина» (с. 76—79). Вот так описывает А. Берже в своем письме, опубликованном в журнале «Русская старина», историю создания нового варианта подстрочного перевода на русский язык поэмы М. Ф. Ахундова: в апреле 1837 года А. А. Бестужев-Марлинский и М. Ф. Ахундов находились в свите Главноуправляющего Кавказа барона Розена во время его экспедиции по побережью Черного моря. За три дня до отплытия в море Бестужев в числе других обедал у барона Розена, который между прочим спросил, читал ли он поэму Мирза Фет-Али, присутствовавшего тут же, и когда получил отрицательный ответ, то попросил его переложить поэму на русский язык при содействии автора.

Вслед за журналом «Русская старина» новый подстрочный перевод поэмы был опубликован в газете «Кавказ» (1874, 22 ноября 1874, № 137). Этот перевод неоднократно печатался в дореволюционной русской периодической печати. Особенно широкого распространение подстрочный перевод поэмы, сделанный А. А. Бестужевым-Марлинским, получил в годы Советской власти. (Подробно об этом см.: М. Ф. Ахундов в русской печати 1837—1962 г. Библиография, сост. А. Н. Лерман. — Баку. 1962, с. 26—30).

Стихотворный перевод поэмы на русский язык впервые был сделан А. А. Соколовым в 1880 году и в том же году поэма была напечатана в газете «Петербургский листок» (25 мая, № 99). В годы Советской власти стихотворный перевод поэмы был осуществлен поэтами Георгием Строгановым (журнал «Литературный Азербайджан», 1938, № 2, с. 40—41) и газетой «Бакинский рабочий», 1938, 24 октября, № 247) и Павлом Антокольским. Во всех русских изданиях сборников художественных произведений М. Ф. Ахундова, выпущенных в 1950, 1956 и 1963, 1973 годах, публиковался стихотворный перевод П. Антокольского. В настоящем однотомнике дается перевод П. Антокольского.

ПИСЬМО ЗАКИРУ (с. 194)

Это стихотворение М. Ф. Ахундов написал на 319—320 страницах рукописи «Диван» — сборника стихотворений известного азербайджанского поэта Касум-бека Закира (1784—1857), друга писателя. Этот сборник вместе со стихами другого видного азербайджанского поэта Молла Панаха Вагифа (1717—1795) М. Ф. Ахундов в начале 50-х годов прошлого века намеревался издать в Тифлисе одной книжкой. Он написал даже небольшое предисловие к ней. (Это предисловие под названием «О поэзии» включено в настоящий однотомник. — Сост.). Однако свое намерение М. Ф. Ахундов не смог осуществить. М. Ф. Ахундов свое «Письмо Закиру» сопроводил следующим кратким разъяснением: «Это стихотворение написано Мирзой Фатали по мусульманскому летосчислению в начале месяца мухаррама в 1271 г. (1854) Касум-беку Закиру. В нем он воспевает дочь Мехтикули-хана Карабахского Хуршудбану. Мехтикули-хан был последним правителем Карабахского ханства, его дочь, Хуршудбану Натаван (1837—1897) — известная поэтесса, с которой М. Ф. Ахундов был близко знаком.

Подготовленный М. Ф. Ахундовым «Диван» К. Закира и М. П. Вагифа ныне находится в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР. Стихотворение еще до революции было опубликовано известным азербайджанским

литературоведом Фирюндбеком Кочарлинским в его критико-биографическом очерке «Мирза Фатали Ахундов», изданном в 1911 году в Тифлисе к столетию со дня рождения писателя. В годы советской власти оно было опубликовано в 1938 году в первом томе трехтомного собрания сочинений М. Ф. Ахундова. В том же году был впервые осуществлен стихотворный перевод на русский язык бакинским поэтом Павлом Панченко и оно было напечатано в журнале «Литературный Азербайджан» (№ 12) и в сборнике «Антология азербайджанской поэзии» (1938). Вторично стихотворение было переведено на русский язык в 1956 году Павлом Антокольским, которое было включено в сборник: М. Ф. Ахундов. Избранное. М., Гослитиздат, 1956. Здесь оно приводится по этому изданию.

1. *Ты с ханской дочерью дружен стал.* Имеется в виду поэтесса Хуршидбану Натаван.

2. *Что стан твой арабской буквою скрючен...* Буквально: твой стан подобный алфу, превратился в дал. Алиф и дал— (арабские буквы, алиф (буква «а») изображается прямой вертикальной чертой, а дал (буква «д») — в виде кривой, дугообразной линии. Обычные в восточной поэзии сравнения.

ПОСЛАНИЕ ЗНАМИТОМУ В КАРАБАХЕ ПОЭТУ

КАСУМ-БЕКУ ХИНЗИРИСТАНИ (К. ЗАКИРУ) (с. 195)

Во время русско-турецкой войны 1853—1855 годам М. Ф. Ахундов находился в Крыму в составе русской армии и под впечатлением войны написал на азербайджанском языке стихотворное письмо — «Послание знаменитому в Карабахе поэту Касум-беку Хинзиристану», сын и племянник которого находились в карабахских добровольных батальонах, участвовавших в этой войне. Вместе с подстрочным переводом на русский язык оно было напечатано в газете «Кавказ» в фельетоне — статье близкого друга М. Ф. Ахундова, критика и журналиста Н. Бердзенова (1854, 10 мая, № 29). Говоря о стихотворении и о его подстрочном переводе, автор статьи писал: «Нужно ли объяснять, что подстрочный, прозаический перевод не передает и десятой части достоинств рифмованного мерного татарского (азербайджанского. — *Сост.*) стиха».

Вскоре и К. Закир написал стихотворное письмо, адресованное М. Ф. Ахундову. Это стихотворение также вместе с подстрочным переводом на русский язык было напечатано в газете «Кавказ» (1854, 30 июня, № 50). Очевидно, переводчиком обоих стихотворений был сам М. Ф. Ахундов. В годы Советской власти стихотворение впервые на азербайджанском языке под условным названием «Второе письмо Закиру» было напечатано в 1938 году в первом томе собрания сочинений М. Ф. Ахундова.

Стихотворный перевод на русский язык впервые был осуществлен П. Антокольским и напечатан под тем же заглавием — «Второе письмо Закиру», в книге М. Ф. Ахундов. Избранное, М., Гослитиздат, 1956. Мы считали возможным стихотворение опубликовать под заглавием, данным ему самим автором.

1. *Хинзиристан* (точнее Хындырстан) — селение в Агдамском районе Азербайджанской ССР. Здесь находилось имение К. Закира, где он провел большую часть своей жизни.

2. *Турецкий воробийшек.* Имеется в виду турецкое государство.

3. *Явился к туркам помощник — француз.* Имеется в виду Франция, которая была союзницей Турции в войне с Россией в 1853—1855 годах.

4. *Вступает морской великан в союз.* Имеется в виду Англия, которая также была союзницей Турции в этой войне.

5. *Дождется маленький Наполеон...* Наполеон III, Луи Наполеон Бонапарт, племянник Наполеона Бонапарта. После февральской буржуазной революции 1848 г. он захватил власть во Франции и стал императором Франции.

6. *Как дядя дождался, черных времен.* Имеется в виду Наполеон Бонапарт I (1769—1820). М. Ф. Ахундов намекает здесь на поражение Наполеона (1812 г.) в войне с Россией и свержение его с престола.

7. *Ведь шел за Балканы Дибич-храбрец.* Имеется в виду известный русский генерал 20-х годов XIX века, Дибич Забалканский, который во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов с двадцатитысячной армией, перейдя Балканские страны, захватил город Адрианополь.

8. *Паскевич взял Эрзерум.* Имеется в виду генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич, который участвовал в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. В 1826 году был Главноуправляющим Кавказа и главнокомандующим Кавказского корпуса русской армии. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов русская армия во главе с Паскевичем захватила турецкий город Эрзерум. В своем стихотворении М. Ф. Ахундов намекает на это.

9. *Знамена вражьи тут задержать. И взять в Петербург на забаву должны.* Редакция газеты «Кавказ» в подстрочном переводе этого стихотворения, дала следующие примечание к этим строкам: «Известно, что в 1829 году один карабахский бек был отправлен в Петербург со знаменем, отбитым карабахцами у турок».

ПИСЬМО ДЖАФАРКУЛИ-ХАНУ (с. 196)

Это стихотворное письмо М. Ф. Ахундов написал на азербайджанском языке в Шуше (тогда административный центр Карабахского уезда) известному карабахскому аристократу и общественному деятелю Джафаркули-хану. Он был внуком основоположника Карабахского ханства Панах-хана и племянником последнего правителя ханства Ибрагим-хана. Джафаркули-хан владел большим богатством, именами и деревнями и находился на царской службе в Шуше. Ему было присвоено вначале звание полковника, а затем генерала. М. Ф. Ахундов был близко знаком с Джафаркули-ханом и вел с ним стихотворную переписку. Это стихотворение — одно из стихотворных писем Ахундова. В письме он подверг острой критике шушинских молл — за их враждебное отношение к новому алфавиту, подготовленному М. Ф. Ахундовым.

Рукопись стихотворения находится в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве писателя. Перед стихотворением имеется разъяснение автора, написанное на персидском языке: «Стихотворное письмо Мирзы Фатали к генералу Джафаркули-хану, написанное им в начале января 1859 г. в крепости Шуше». В конце рукописи приводится стихотворный ответ Джафаркули-хана М. Ф. Ахундову.

«Письмо Джафаркули-хану» впервые на азербайджанском языке было напечатано в 1938 году в первом томе собрания сочинений М. Ф. Ахундова. В том же году бакинским поэтом Вл. Гурвичем оно было переведено на русский язык и опубликовано в журнале «Литературный Азербайджан» (1938, № 12). Стихотворное письмо Джафаркули-хану после этого не было включено ни в один сборник избранных художественных произведений М. Ф. Ахундова, а также ни в один сборник или антологию азербайджанской поэзии, выпущенных на русском языке. В настоящем одномомнике оно воспроизведено по журналу «Литературный Азербайджан».

О МОЛЛЕ АЛИ (с. 197)

Стихотворение написано на азербайджанском языке. Рукопись его находится в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве писателя. В ней дата написания стихотворения не указана. Можно предположить, что оно было написано во второй половине 60-х годов XIX века.

В стихотворении подвергается резкой критике невежество, двуличие, лицемерие духовных лиц.

Стихотворение впервые было напечатано в 1938 году в первом томе собрания сочинений М. Ф. Ахундова. В том же году оно было переведено на русский язык Вл. Гурвичем и опубликовано в журнале «Литературный Азербайджан» (1938, № 12). Оно также после этого не было включено ни в один сборник и ни в одну антологию азербайджанской поэзии, выпущенных на русском языке. В настоящем однотомнике воспроизводится по журналу «Литературный Азербайджан».

1. Строки из Корана.

2. Строки из Корана.

3. В городе Наджафе похоронены прах Али—четвертого халифа, первого имама шиитов, к которому совершается паломничество; по преданию, некий паша явился к гробнице без подобающего смирения, и два пальца, показавшиеся из могилы, отсекали голову высокомерному.

«...ИХ ПОДРАЖАНИЯ НАУКИ РВУТ УСТОЙ» (с. 198)

Стихотворение написано на персидском языке. Рукопись его находится в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве писателя. Дата написания стихотворения не указана. Однако, исходя из содержания стихотворения, можно предположить, что оно было написано во второй половине 60-х годов XIX века.

Впервые подстрочный перевод стихотворения вместе с оригиналом были напечатаны в 1938 году в первом томе собрания сочинений М. Ф. Ахундова. В том же году бакинским поэтом И. Оратовским оно было переведено на русский язык и напечатано в журнале «Литературный Азербайджан» (1938, № 12). И это стихотворение не включалось более ни в один сборник избранных художественных произведений М. Ф. Ахундова, а также ни в одну антологию азербайджанской поэзии, выпущенных на русском языке. В настоящем однотомнике воспроизводится по журналу «Литературный Азербайджан».

«...ЛЮБЯ ЛИШЬ СЛАВУ ДОБРУЮ СВОЮ» (с. 198)

Стихотворение написано на персидском языке. Дата написания не указана, однако, исходя из содержания стихотворения, можно предположить, что оно также написано во второй половине 60-х годов XIX века, когда М. Ф. Ахундов неутомимо вел энергичную борьбу за просвещение, свободу и счастье своего народа и народов Ближнего Востока, в частности Ирана. Рукопись стихотворения в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве писателя. Стихотворение в переводе на русский язык П. Антокольского впервые было опубликовано в сборнике «Избранное» М. Ф. Ахундова, изданном Гослитиздатом в 1956 году. Это стихотворение вторично было переведено на русский язык советской поэтессой В. Давиденко (См.: «Поэты Азербайджана», «Советский писатель». Лен. отд., 1970).

В настоящем однотомнике воспроизводится в переводе П. Антокольского.

«...ОТКУДА ЭТОТ ШУМ И КРИК...» (с. 199)

Рукопись этого стихотворения—газели, написанного М. Ф. Ахундовым на персидском языке, также находится в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве писателя. В рукописи не указана дата его написания, однако, исходя из содержания, можно предположить, что оно написано во второй половине 60-х годов XIX века. Стихотворение впервые на азербайджанском языке было опубликовано в 1938 году в первом томе собра-

ния сочинений М. Ф. Ахундова. На русском языке в переводе русского советского поэта Л. Озерова в книге: «Антология азербайджанской поэзии», в трех томах, т. II.—М., Гослитиздат, 1960, а затем в книге «Поэты Азербайджана», «Советский писатель». Лен. отд., 1970. В настоящем однотомнике оно воспроизводится по книге «Поэты Азербайджана».

ВАНДА (с. 199)

В рукописи стихотворения, находившейся в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве писателя, сам М. Ф. Ахундов дал такое сообщение о дате и причине написания стихотворения «Ванда». «Эту оду полковник Мирза Фатали Ахунзаде сочинил по просьбе своего обожаемого друга генерала А. П. Берже в 1876 г. Она посвящена красавице-полячке, прибывшей в 1876 году из Варшавы в Тифлис». Стихотворение написано на персидском языке.

Стихотворение впервые на азербайджанском языке, в переводе известного азербайджанского поэта Османа Сарывелли, было напечатано в 1938 году в первом томе сочинений М. Ф. Ахундова. На русский язык оно было переведено в 1938 году бакинским поэтом Ю. Фидлером и напечатано в том же году в журнале «Литературный Азербайджан» (№ 12). Вторично стихотворение «Ванда» было переведено на русский язык Л. Озеровым и уже в его переводе напечатано в книге «Антология азербайджанской поэзии», в трех томах, т. II (1960), а затем в книге «Поэты Азербайджана». В настоящем однотомнике оно воспроизводится по книге «Поэты Азербайджана».

ПОВЕСТЬ О СЕИДЕ АХМЕДЕ САЛЪЯНСКОМ (с. 200)

Летом 1876 года во время отдыха на своей даче в Коджори, вблизи Тифлиса, М. Ф. Ахундов снова изучает известную дидактическую поэму «Месневи» видного персидского поэта Джелаладдина Руми и в стиле Руми написал на азербайджанском языке ряд сатирических стихотворений, а также литературно-философскую статью «О Моллаи-Руми и его произведении». «Стихотворная повесть о сеиде Ахмеде Салъянском» является одним из этих сатирических стихотворений. Свои стихотворения и статью М. Ф. Ахундов послал с небольшим письмом к Шейх-Исламу (Молла Ахмеду Гусейнзаде, главе сторонников шиитского направления религии ислама Закавказья), с которым у него были дружеские отношения. В письме писатель писал: «Для наглядного ознакомления вас с творчеством Моллаи-Руми, я написал на тюркском (азербайджанском.—Сост.) языке три стихотворения, которые посылаю вам, однако я не смог, как Руми, утаить свою цель. Поистине, Моллаи-Руми в деле утаивания своих мыслей крупный мастер и бесконечный хитрец».

«Стихотворная повесть о сеиде Ахмеде Салъянском» впервые на азербайджанском языке была напечатана в 1938 году в первом томе собрания сочинений М. Ф. Ахундова. На русском языке—в книге «Поэты Азербайджана» в переводе В. Давиденко. В настоящем однотомнике оно воспроизводится по этой книге.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

В 50—70-х годах прошлого века, написав целый ряд литературно-критических статей, М. Ф. Ахундов стал родоначальником критики в Азербайджане и в странах Ближнего Востока. В своих литературно-критических статьях, а также в знаменитом философском трактате «Письма Кемалуд-Довле» и в ряде писем к современникам, Ахундов выразил свои художественные, теоретические и эстетические взгляды. Для того, чтобы познать широкие круги читателей с литературно-критическими и эстетическими

взглядами великого азербайджанского писателя и мыслителя, в настоящий одноклассник включены его литературно-критические статьи.

Литературно-критические статьи М. Ф. Ахундова впервые на азербайджанском языке были напечатаны во втором и третьем томах трехтомного собрания сочинений писателя, выпущенного в 1938 году в Баку. На русском языке — в книге «Избранные философские произведения» М. Ф. Ахундова, изданной в 1953 году в Баку Институтом истории и философии АН Азербайджанской ССР, под редакцией Мохбали Касумова.

УКАЗАТЕЛЬ К КНИГЕ (с. 205)

Это одна из первых литературно-критических и теоретических статей М. Ф. Ахундова. Она была написана на азербайджанском языке приблизительно в 1852 году и в качестве предисловия была напечатана в «Темсилате» (1859).

На русском языке статья впервые была напечатана в книге: М. Ф. Ахундов. Избранное, Москва, ГИХЛ, 1956.

1. ... *рассказы о страданиях, которые либо читаются, либо представляются*. Имеются в виду те же рассказы о мучениях имамов, исполняемые шиитским духовенством во время месяца магеррама мусульманского летоисчисления. В 680 г. 10-го числа этого месяца в борьбе за власть были трагически убиты близ Кербелы сын четвертого халифа Али Гусейн — третий имам шиитов и его сподвижники. По этому случаю шииты в месяце магеррама каждого года носили траур. Этот обряд соблюдается до сих пор шиитами во многих мусульманских странах, в особенности в Иране.

2. ... *построил в 1266 году в городе Тифлисе большое здание под названием театр*. 1266 год соответствует 1849 или 1850 году. Закладка русского театра состоялась в Тифлисе 15 апреля 1847 года, официальное открытие же театра состоялось 12 апреля 1851 года.

3. *Поэтому я прошу тебя писать, как и я...* В арабском алфавите отсутствует целый ряд гласных, что сильно мешает правильному чтению слов. М. Ф. Ахундов говорит об этой трудности.

4. ... *тебе необходимо отличать состояние каждого действующего лица от произносимых ими речей...* — М. Ф. Ахундов имеет в виду авторские ремарки и реплики действующих лиц. Надо сказать, что в середине XIX века драматические произведения совершенно не были известны азербайджанскому читателю. Поэтому М. Ф. Ахундов считал необходимым дать общие сведения о драме и театре.

О ПОЭЗИИ (с. 208)

Как мы уже отметили в комментарии к стихотворению «Письмо Закира», М. Ф. Ахундов в начале 50-х годов прошлого века намеревался издать в одном сборнике стихотворения своих близких предшественников — М. П. Вагифа и К. Закира. Как видно из содержания статьи, она была предназначена в виде предисловия к этому сборнику. Рукопись статьи находится в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве писателя. Статья впервые на азербайджанском языке была опубликована во втором томе трехтомного собрания сочинений М. Ф. Ахундова, выпущенного в 1938 году. На русском языке — в сборнике «Избранные философские произведения» М. Ф. Ахундова (1953 г.).

Необходимо отметить, что эта литературно-критическая статья М. Ф. Ахундова до сих пор и в азербайджанском и в русском изданиях была озаглавлена «О поэзии и прозе». Это название нам представляется ошибочным, ибо в данную речь идет только о поэзии. Поэтому в настоящем однокласснике она дана под заглавием «О поэзии».

1. *Начиная с эры хиджры...* Эра мусульманского летоисчисления начинается со дня бегства основоположника мусульманской религии Мухаммеда

из города Мекки в город Медину (Аравия) в 622 году европейского летоисчисления.

2. *Из персидских поэтов яркими талантами можно считать только Фирдоуси, Низами, Джами, Саади, Моллаи-Руми и Хафиза*. Фирдоуси (934—1025), Джами (1414—1492), Саади (1184—1292), Моллаи-Руми (Джелалдин Руми, 1207—1272) и Хафиз (1300—1389) — выдающиеся представители классической персидской литературы, Низами (1141—1209) — гениальный азербайджанский поэт. По тогдашнему представлению востоковедческой науки, Низами ошибочно считался персидским поэтом.

3. *А среди тюрков (азербайджанцев... Сост.), с древних времен до наших дней, во всяком случае, не было поэтов*. Это суждение М. Ф. Ахундова глубоко ошибочно. В середине века после выдающихся поэтов Хагани и Низами в Азербайджане жила и творила целая плеяда замечательных поэтов, таких как Насими, Физули, Ахвади, Хатаи, Саиб, Говси и др., писавших свои произведения и на азербайджанском и на персидском языках. Это мнение М. Ф. Ахундова указывает, что он не был хорошо знаком с историей азербайджанской литературы.

4. *Физули не поэт, и его творения не имеют никакого воздействия*. И это суждение писателя глубоко ошибочно. Подвергая резкой критике эпико-формалистическую поэзию, получившую широкое развитие в современных ему азербайджанской и персидской литературах, М. Ф. Ахундов порою впадал в крайность. Высказанное М. Ф. Ахундовым критическое суждение о поэзии Физули является одним из этих крайних проявлений в его литературно-критических статьях.

5. *Я имела еще встречу с Касим-беком Саруджалинским Джеванишжом*. М. Ф. Ахундов здесь имеет в виду своего близкого друга, выдающегося азербайджанского поэта-лирика и сатирика Касум-бека Закира.

6. ... *был еще Масих...* Имеется в виду азербайджанский поэт XVIII века Ага-Масих Ширвани.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ (с. 209)

Статья написана на персидском языке. Рукопись ее находится в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве М. Ф. Ахундова. В начале статьи имеется небольшое сообщение автора о дате написания статьи и о его цели. «В 1862 году, в летний сезон, три месяца я жил в дачной местности Коджоры близ Тифлиса. В свободные от служебных обязанностей часы иногда занимался чтением «Ровзатуссафайи Насирийе» Риза-Кули-хана, известного под псевдонимом Гидаят. В связи с этим я прошу редакцию тегеранской газеты «Дарульхифе» напечатать спор, возникший между мною и Риза-Кули-ханом, с условием, не перепутать высказывания каждого из нас в нашем диалоге».

Подвергая резкой критике историческую книгу своего современника, известного иранского историка и государственного деятеля XIX века Риза-Кули-хана Гидаята, М. Ф. Ахундов в своей статье излагает мысли о литературе, исторической книге, литературной критике.

Статья «Критические заметки» на азербайджанском языке вместе с персидским оригиналом впервые была опубликована в 1938 году во втором томе трехтомного собрания сочинений М. Ф. Ахундова. На русском языке — в книге «Избранные философские произведения» М. Ф. Ахундова, изданной в 1953 году в Баку.

1. ... *покойного хасана Мухаммеда — шаха Каджара*. Мухаммед-шах Каджар был правителем Ирана с 1834 по 1848 годы. Описанное М. Ф. Ахундовым сражение между Ираном и Гератским ханством происходило в 1837—1838 годах.

2. *Как только пользующийся славой Искендер*. Имеется в виду выдающийся государственный деятель и полководец древней Греции Александр Македонский (356—323 до н. э.).

3. *Шабанул-муаззам* — восьмой месяц лунного арабского года.
4. *Сартиб* (персидское) — генерал.
5. ...*Ни одна из стен башен не уцелела*. После этих слов автор книги переходит к стихотворному восхвалению шаха. Стихи опущены во всех русских изданиях статьи.
6. ...*слово «низ» порою означает и «зад»*... После этих слов в подлиннике имеется ссылка на Саади и приводится его четверостишие, в русском переводе оно пропущено.
7. *Ваш духовный наставник Мирза Мехти-хан Астрабадский*... Имеется в виду видный государственный деятель Ирана при правителе Надир-шахе Афшаре (1736—1747), главный его секретарь, а затем везир. Автор популярной исторической книги на Востоке «Тарихи-Навир» («История Надирова»).
8. ...*и подчинил своей власти всю страну*. После этих слов приводится в подлиннике большой отрывок, представляющий собой бессмысленный набор рифмованных слов. В русском переводе он пропущен.
9. ...*ты пишешь*... После этих слов в подлиннике приводится небольшой отрывок, затем дается ответ Риза-Кули-хана, после чего начинаются возражения Фатали. Весь этот отрывок, составляющий приблизительно страницу, опущен в русском переводе.

КРИТИКА. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «МИЛЛЕТ» ВЫСОКОГО ИРАНА (с. 216)

Статья написана М. Ф. Ахундовым 27 июля 1866 года на персидском языке. Рукопись автографа хранится в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве М. Ф. Ахундова.

Свою статью М. Ф. Ахундов послал издателю газеты «Миллет» («Нация») в Иране Алигулу Мирзе Этизадуссалтане для напечатания. Однако она не была опубликована в газете.

Персидский оригинал статьи вместе с азербайджанским переводом впервые был опубликован в 1938 году во втором томе собрания сочинений М. Ф. Ахундова. На русском языке—в книге «Избранные философские произведения» М. Ф. Ахундова (1953).

1. *Иранская газета («Миллет») от четырнадцатого Рабиа-Аввала 1283 года*. Дата соответствует 27 июля 1866 г. Слово «Миллет» означает по-русски «Нация».

2. ...*престол Джемшида*—крепость Истахр. *Джемшид*—полулегендарный основатель государства древнего Ирана, воспетый Фирдоуси в поэме «Шахнаме». Истахр—Персеполь.

3. ...*поэта, носящего псевдоним Суруш и имеющего прозвище Шам-аш-Шуара*. Суруш ангел-вестник, эпитет архангела Гавриила, псевдоним одного из персидских придворных поэтов XIX века Мухаммеда Али (умер в 1868 году). «Шам-аш-Шуара» означает «солнце поэтов».

4. *Наджми-Сани* — буквально: *наджм* — звезда, *сани* — второй — Вторая звезда. Титул Амира Ярахмеда Исфганского, советника Шах-Исмаила Сефеви. Уставовал в войне Шах-Исмаила против узбекских ханов. В 1512 году был взят в плен узбекским ханом и умерщвлен.

5. *В толковании Чекмени*. Чекмени — один из древних восточных астрономов.

6. ...*ни света, ни сияния*... Далее в оригинале приведен арабский стих, который буквально означает: подобно арузу (система арабского стихосложения) имеет бахр (бахр означает и стихотворный размер, и море), но лишен воды.

7. *Низам-уль-Мулак* (1017—1092)—выдающийся ученый, поэт и государственный деятель, автор знаменитого трактата «Сийасетнаме», переведенного на русский язык; был везиром сельджукских правителей Али-Арслана (1063—1072) и Мелик-шаха (1072—1092).

8. *Хадже Насер Туси*. Туси Насреддин Хадже (1200—1277), знаменитый ученый Востока, астроном, философ, математик и государственный деятель. Долгие годы был везиром одного из внуков знаменитого монгольского пол-

ководца и государственного деятеля Чингис-хана Хулаки-хана (1217—1265).

9. *Амир Алишер* — Алишер Навои (1441—1501)—великий узбекский поэт, мыслитель и государственный деятель, был везиром правителя узбекского государства Султана-Хусейна Байкары (ум. в 1506 г.).

10. *В «Хабибуссияре» написано так...* «Хабибуссияр» — трехтомный труд гератского историка Мирхонда, составленный в 1516 году.

11. *Амир Наджми-Заргар* — везир Шах-Исмаила Сефеви.

12. *Наджми-Аввал* (буквально: *наджм* — звезда, *аввал* — первый). Первая звезда. Так называли Али Наджми-Заргара, т. е. противопоставляя ей Наджми-Сани, второй звезде.

13. *Рухуль-удд* (буквально: святая душа) — псевдоним Мирза Мелкум-хана (1833—1908), близкого друга и соратника М. Ф. Ахундова, видного государственного деятеля и просветителя Ирана.

14. ...*доходы от вакуфа*... — доходы от различных имуществ и земель, принадлежавших мечети, а также от пожертвования.

15. ...*решил сам покорить Мавераннахр*. Мавераннахр (араб.) означает «Заречье», территория между реками Сыр-Дарья и Амур-дарья, междууречье.

16. *«Тарихи-Ровзатуссафа»* — труд гератского историка Хандемира, продолженный иранским историком и государственным деятелем XIX века Риза-Кули-ханом Гидаятом.

17. *Фарсах* (араб.) — мера длины, равная 6—7 км.

18. *В крепости Гадживан*. Древняя крепость в Средней Азии.

19. *Знаешь ли ты смысл этого слазного стиха из Корана или нет?*

В персидском оригинале далее приводятся следующие стихи на арабском языке из Корана: «Во имя аллаха войюйте с теми, кто войюте с вами, не допускайте несправедливости, ибо аллах не любит несправедливости».

20. ...*как метеор в небе*... Двустиише дается в подстрочном переводе с персидского.

21. *Гаани* — Каани Мирза Хабиб Ширази (1807—1859), известный придворный поэт Ирана, автор сборника лирических стихов и прозаического произведения «Перишан».

22. ...*следуют поэты*. Двустиише дается в подстрочном переводе с персидского.

М. Ф. Ахундов на последних страницах подготовленной им рукописи сборника стихотворений Вагифа и Закира приводит отрывок из своей статьи «Критика. Редактору газеты «Миллет» Высокого Ирана» от слов: «В поэзии имеются два основных элемента» и до слов «Вслед за пророками следуют поэты» и добавил к своему суждению о содержании и форме художественного произведения следующую мысль на персидском языке:

«Красота стихотворения заключается в повествовании или критике пороков. Однако повествование и критика пороков в нем должны соответствовать истине, его содержание не должно иметь ничего противоречащего правде жизни, наоборот, все изображенное в нем должно соответствовать нравам, природе, поступкам человека или животного, состоянию растительного, неодушевленного мира, или стран. Таким образом, если в содержании какого-нибудь стихотворения не будут соблюдаться эти условия, то есть содержание будет противоречить правде жизни, тогда оно не подлинное стихотворение, его нельзя считать подлинным образцом поэзии. Арабские и персидские поэты не были знакомы с этими условиями поэзии. Эти условия были соблюдены только в «Шахнаме» Фирдоуси, «Сокровищнице тайн» и «Семи красавицах» Низами.

Правда, Фирдоуси в своей поэме сталкивает Рустема с дьявами, говорит о птице Симурге, Низами рассказывает в своем произведении (имеется в виду поэма Низами «Семь красавиц». — *Сост.*) о «гаракойнаках» (полуфантастические люди, облаченные в черные рубашки. — *Сост.*). Однако это не противоречит замыслам этих писателей, ибо они в своих произведениях жизнь и поступки этих фантастических существ изображали подобно людским. И В. Шекспир также в своих пьесах в образах ведьм, чертей и дьяволов изображал поступки и нравы живых людей». Этот отрывок был выявлен

лишь в 1961 г. и напечатан в комментарии к статье «Критика. Редактору газеты «Миллет» Высокого Ирана» во втором томе собрания сочинений М. Ф. Ахундова. На русском языке приводится впервые.

23. *...И редко употребляемых выражений.* — После этих слов в оригинале статьи приводится до двух десятков примеров таких слов и выражений. В русском переводе статьи они сокращены.

24. *Чавуш* — проводник богомольцев по святым местам.

25. *...с точки зрения размера имеются недостатки.* После этих слов Ахундов в своей статье приводит в качестве примера двенадцать двустиший из стихотворений Суруша и отмечает среди них легкие и тяжелые стихи. В русском переводе статьи они сокращены.

26. *...свои грехи.* Двустишие дается в подстрочном переводе с персидского.

27. *...носятся халифов...* М. Ф. Ахундов имеет в виду трех после Мухаммеда правителей-халифов в Аравии—Абубекра (632—634), Омара (634—644) и Османа (644—656), которых не признают сторонники шиитского направления религии ислама, считая их узурпаторами власти, но которых глубоко чтут сторонники суннитского направления ислама, населяющие те страны, которые перечисляются М. Ф. Ахундовым далее.

28. *...проливается кровь.* Двустишие дается в подстрочном переводе с персидского языка.

29. *Набульвузар* (араб.) — заместитель везира.

30. *Катиб Челяби* — известный турецкий ученый, библиограф XVII века.

ПИСЬМО МИРЗА МУХАММЕДУ ДЖАФАРУ ГАРАДАЖАГЕ (с. 234)

Это письмо написано М. Ф. Ахундовым на персидском языке 29 марта 1871 года переводчику его художественных произведений—комедий и повести «Обманутые звезды» на персидский язык—Мирза Мухаммед Джафару Гарадажаге. Он был секретарем близкого друга М. Ф. Ахундова, видного иранского переводого общественного деятеля, автора трехтомной истории Ирана «Наме-и-Хосрован» Джелаледдина Мирзы. В 1870 году М. Ф. Ахундов послал ему свою книгу «Комедии и повесть «Обманутые звезды» («Темсилат», 1859). Прочитав художественные произведения М. Ф. Ахундова и придя от них в восторг, Джелаледдин Мирза поручает своему секретарю, Гарадажаге перевести их на персидский язык. Мирза Мухаммед Джафар вскоре переводит первую комедию Ахундова «Алхимик» и для ознакомления посылает перевод с письмом автору. Включенное в настоящий однотомник «Письмо Мирза Мухаммед Джафару Гарадажаги» является ответом М. Ф. Ахундова персидскому переводчику...

Автограф письма находится в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве М. Ф. Ахундова. В оригинале имеется следующая небольшая приписка: «Жителю Тегерана Мирза Мухаммеду Джафар-хану, переведшему на персидский язык мои комедии». Письмо впервые было напечатано в 1938 году на азербайджанском языке вместе с оригиналом в третьем томе собрания сочинений М. Ф. Ахундова. На русском языке (перевод Вагифа Асланова) — в книге «Избранные философские произведения» (М., 1962). Статья в настоящем однотомнике воспроизводится по этому изданию.

1. *Мой величественный повелитель господин Мирза Юсиф-хан.* Мирза Юсиф-хан — видный просветитель, переводой общественный деятель и писатель Ирана XIX века, близкий друг и сподвижник М. Ф. Ахундова. В 1875 году М. Ф. Ахундов написал свою знаменитую критическую статью о его философско-публицистическом труде «Ек кельме», которая включена в настоящий однотомник.

2. *У меня большое доверие к Вашему перу.* Перевод всех комедий М. Ф. Ахундова с азербайджанского языка на персидский осуществлен Мирза Мухаммед Джафаром Гарадажаги очень добросовестно, с большим

мастерством. Заслуга переводчика высоко оценена европейскими востоковедами и иранскими филологами.

3. *За год до начала войны между Паскевичем и набуссалтаном.* Генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич, Главноуправляющий Кавказа с 1825 по 1833 год и иранский принц Аббас Мирза (1783—1833), сын Фатали-шаха Каджара, наместник Южного Азербайджана первой трети XIX века. Война между Паскевичем и набуссалтаном — то есть России с Ираном происходила в 1826—1828 годах.

4. *Чуду-хаким* — эти слова М. Ф. Ахундова встречаем в первой комедии «Молла-Ибрагим-Халил, алхимик» (см.).

5. *Молла Мухаммед Рафи Ваиз Казвини* — шиитский богослов XIX века, автор религиозно-мистического произведения «Аббас-уль-Джинани» («Райские ворота»).

6. *Кемал-уд-Довле не чужой, он наш единоведец, соотечественник.* Имеется в виду один из персонажей философско-публицистического трактата «Письма Кемал-уд-Довле». Чтобы избежать нападок и преследований реакционных сил Ирана М. Ф. Ахундов, посылая копию рукописи своего философского труда даже к своим близким знакомым и друзьям, вынужден был скрывать, что автором его является он. Порой Ахундов даже выдавал себя за переписчика.

7. *...Вы запросили копию нового алфавита.* М. Ф. Ахундов в 1857 году составил проект нового алфавита и вел большую, неустанную борьбу за претворение его в жизнь.

8. *Затем господин Рухуль-гудс составила другой проект.* Имеется в виду видный просветитель и государственный деятель Ирана Мирза Мелкум-хан, который вслед за М. Ф. Ахундовым также на основе арабского алфавита составил проект нового алфавита.

КРИТИКА ПЬЕС МИРЗЫ-АГИ (с. 239)

В начале 70-х годов прошлого века южноазербайджанский писатель Мирза-ага Тебризи (точная дата рождения и смерти до сих пор не установлены), познакомившись со сборником М. Ф. Ахундова «Комедии и повесть «Обманутые звезды» (1859), написал под его влиянием на персидском языке четыре комедии: «Приключение Ашраф-хана, губернатора Аравии» (южная провинция Ирана в то время называлась Аравией.—*Сост.*), «Методы управления Заман-хана, губернатора Белуджи», «Любовные злоключения Ага Хашима Халхали» и «Приключение Шахгулу-Мирзы в Кирманшахе». В предисловии к этим комедиям он писал: «Однажды в доме одного из моих друзей мы оживленно вели беседу. Разговор шел об искусстве слова, об умении тонко пользоваться иносказаниями и намеками. В это время хозяин дома встал и принес нам написанную на азербайджанском языке многоважжаемым писателем Мирза Фатали Ахундовым театральную книгу (имеется в виду вышеназванный сборник.—*Сост.*). Его изумительные простые и красочные слова... стали сергами наших ушей (в смысле «поразили нас».—*Сост.*). Так как такие произведения помогают воспитанию и прогрессу народа, улучшению его нравов и поступков, я, несмотря на то, что не обладал особым талантом, вслед за Ахундовым, подражая его манерам, написал на персидском языке четыре пьесы, по четыре действия в каждой из них».

Копию рукописей своих комедий с предисловием и письмом Мирза-Ага посылает М. Ф. Ахундову, чтобы тот сообщил ему свое мнение о них. В письме он дает такие сведения о себе: «Меня зовут Мирза-Ага и я житель Тебриза. В детстве проявил интерес к изучению французского и русского языков. По-французски хорошо говорю, пишу и перевожу. И немножко знаю русский язык. Несколько лет был преподавателем в государственной школе,

¹ См.: М. Ф. Ахундов. Сб. статей (на азерб. яз.). — Б., 1962, с. 295 (сост. Н. Мамедов).

а затем служил в Багдаде и Стамбуле в качестве чиновника, награжден Первым, Вторым и Третьим орденами, назначаемыми преподавателями, и орденом Меджидийей... Теперь вот уже около семи лет по согласию высших иранских правителей служу в Тегеране в посольстве Франции». В своем письме он еще раз подчеркивает, что свои комедии сочинил под непосредственным влиянием М. Ф. Ахундова.

Прочитав комедии южноазербайджанского драматурга и прйдя от них в восторг, М. Ф. Ахундов немедленно пишет статью, в которой подробно разбирает каждую комедию. Копия статьи, пришитая к рукописям комедии Мирза-Аги Тебризи, находится в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР. Здесь указано, что она написана 28 июня 1871 года. Впервые статья на азербайджанском языке вместе с персидским оригиналом была опубликована в 1938 году в третьем томе собрания сочинения М. Ф. Ахундова. В русском переводе — в книге «Избранные философские произведения» М. Ф. Ахундова, изданной в 1953 году в Баку. И на азербайджанском и на русском языках статья Ахундова напечатана под условным названием «Критика пьес Мирза Мелькум-хана». Ибо долгие годы европейские востоковеды и вслед за ними и азербайджанские и русские советские ученые автором этих комедий считали Мирза Мелькум-хана. Впервые азербайджанские исследователи А. Ибрагимов и Г. Мамедзаде в статье «О настоящем авторе пьес Мирза Мелькум-хана» убедительно доказали, что эти комедии написаны не Мирзой Мелькум-ханом, а южноазербайджанским писателем Мирзой-Агой Тебризи¹. Это мнение единогласно было принято азербайджанскими литературоведами и иранскими филологами. Начиная с этого времени, статья М. Ф. Ахундова условно озаглавлена «Критика пьес Мирзы-Аги». В сборнике М. Ф. Ахундов, «Обманутые звезды», Избранное (М., Гослитиздат, 1963 г.) она озаглавлена «Копия письма М. Ф. Ахундова». В настоящем издании эта статья воспроизводится по книге М. Ф. Ахундов, Избранные философские произведения. — Б.: Азернешр, 1982.

1. *Прежде чем начать о недостатках, надо уяснить себе, что такое театр...* Постановки драматических произведений строго были запрещены религией ислама. Поэтому как в Иране, так и во всех странах мусульманского Востока до середины XIX века не было театров и не были распространены драматические жанры. Пьесы Мирзы-Аги наглядно показывают, что он не имел ясного представления о театре и не был знаком со спецификой, идейно-художественной структурой жанров драматургии. Как уже отметили, он писал свои пьесы только под непосредственным влиянием комедий М. Ф. Ахундова. Вследствие этого в его комедиях с точки зрения и законов театра и идейно-художественной структуры все имелись серьезные пробелы и недостатки. Поэтому М. Ф. Ахундов счел необходимым в своей статье указать Мирза-аге на эти недостатки.

2. *... в вашей пьесе имя матери Сары — Шафранисы вначале не значится...* Персонаж комедии «Любовные приключения Ага-Хашима Халхали».

3. *... при Ашраф-хане Аравих находил советник...*—В середине XIX века южная часть Ирана называлась Аравией. Мирза-Ага под словом «Аравия» имел в виду именно южную провинцию Ирана.

4. *Когда Ашраф-хан сетует на знет и произвол первого государственного сановника и мустофи Террар-хана...* Главные отрицательные герои комедии «Приключение Ашраф-хана».

5. *... нужно выкинуть повествование о Сакиней-Каше.* В комедии «Приключение Ашраф-хана» имеется такая небольшая сцена. В Тегеране Ашраф-хан одну ночь проводит с Сакиней-Каше — женщиной легкого поведения. Один из сторожей дома, в котором остановился Ашраф-хан, нагло разговаривая с ним, просит у него деньги за то, что он в ту ночь оберегал его покой.

6. *Мирза Ибрагим-хан Ширази, Мирза Абулькасим Фарагани, Мирза Таги-хан, Мирза Ага-хан* были главными везирами во время правления

¹ См.: «Тр. Ин-та литературы и языка им. Низами АН Азерб. ССР», т. IX, 1956, с. 161—169.

Гаджарских шахов — правителей Ирана. Все они впоследствии были устранены от власти и убиты иранскими правителями-деспотами.

7. *Друг Ваи, который напомнил Вам рассказ Шейха-Саади о лице, прав.* Говоря так, М. Ф. Ахундов имел в виду следующее: в послесловии сборника рукописей своих комедий Мирза-Ага передает спор, возникший между ним и его близким другом о цели и задачах драматических произведений. Он говорит своему другу о том, что, высмеивая в драматических произведениях пороки современного общества, он преследовал благую цель — повлиять на их нравы и предостеречь от дурных поступков. В ответ друг ему говорит, что за это современники будут питать к нему недобрые чувства и в доказательство своих слов приводит следующий небольшой рассказ (притчу) выдающегося иранского поэта Саади: «Лиса в большом смятении бежала. Спросили ее, почему она в таком смятении? Лиса ответила: «Хотят поймать тигра и послать его на бойню». Ей сказали: «Тебе что? Ты же не тигр!» — ... Лиса ответила: «Пока докажешь им, что ты не тигр, сдерут с тебя кожу».

8. *Из всех ваших пьес хорошо и занимательно повествование о Кевке и десятнике Касиме.* Имеются в виду лирические герои комедии «Методы управления Заман-хана».

9. *Кебин — брачный договор.*

10. *Времена «Гулистана» и Зинат-уль-меджалиса канули в вечность.* «Гулистан» — известное дидактическое произведение Саади. «Зинат-уль-меджалис» — религиозно-художественное произведение Меджидина Гусейна. Подвергая резкой критике дидактические произведения и настоятельно выдвигая принципы критического изображения действительности в художественной литературе, М. Ф. Ахундов порой впадал в крайность.

КРИТИКА «ЕК КЕЛЬМЕ» (с. 248)

Эта критическая статья М. Ф. Ахундова написана на персидском языке 8 ноября 1875 года и посвящена философско-публицистическому труду «Ек кельме» («Одно слово») известного иранского просветителя, передового государственного деятеля Мирза Юсиф-хана Мустафар-уд-Довле, с которым он имел очень тесные дружеские отношения и на протяжении многих лет вел переписку. Копии многих писем М. Ф. Ахундова к Мирза Юсиф-хану и ответов на них последнего ныне находятся в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР, они опубликованы в третьем томе собрания сочинений М. Ф. Ахундова.

В своей книге «Ек кельме» («Одно слово»), изданной в 1871 году в Париже, Мирза Юсиф-хан подвергал критике современной ему феодально-деспотической строй Ирана и выдвигал идеи мирного претворения в стране конституция. Однако, подготавливая на опыте европейских стран конституцию для Ирана, он одновременно опирался и на шариат — свод мусульманских религиозных законов, за что великий азербайджанский просветитель — демократ и атеист Ахундов в своей статье резко критикует автора «Ек кельме». Он показывает, что догмы и законы шариата несоместимы с идеями и требованиями подлинной конституции, они коленным образом противоречат идеям свободы личности, равноправия, справедливости, гуманности, насущным нуждам и требованиям нации, чарода. В своей статье Ахундов также выступает против концепции автора о мирном претворении конституции в Иране и выдвигает насильственное, революционное свержение феодально-деспотического строя и создание в стране подлинно демократической, народной власти.

Автограф «Критика «Ек кельме» хранится в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве М. Ф. Ахундова. Она впервые на азербайджанском языке вместе с персидским оригиналом была опубликована в 1938 году в третьем томе собрания сочинений писателя. В настоящем издании она воспроизводится по книге: М. Ф. Ахундов, Избр. филос. произв., Б., 1982.

1. ...на стих из Корана о «хиджабе» (араб.) буквально: покрывало. Имеется в виду стих из Корана, в котором высказываются мысли о необходимости затворничества женщин.

2. *Хумс* — одна пятая доля годового дохода мусульманина, которую он должен отдавать по шарияту потомкам пророка.

3. *Зякят* — одна десятая доля годового дохода мусульманина, которую он должен отдавать по шарияту нищим мусульманам.

4. *Фитра и садак*. По законам шарията более или менее состоятельные люди из мусульман должны добровольно оказывать своим единоверцам материальную помощь.

5. ...«кроме случаев по праву». Имеется в виду по шарияту, то есть по своду мусульманских религиозных законов.

6. *Омеяды и Аббасиды* — династии мусульманских правителей в Аравии.

О МОЛЛАЙИ-РУМИ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИИ (с. 252)

Как мы уже отметили в комментарии к стихотворению «Повесть о сенде Ахмеди сальманском», М. Ф. Ахундов летом 1876 года под влиянием дидактической поэмы видного персидского поэта Джелаладдина Руми написал на азербайджанском языке несколько сатирических стихотворений, а также литературно-философскую статью. И стихи, и статью он направил к Шейхуль-исламу, главе сторонников шиитского направления религии ислама Закавказья — Молла Ахмеду Гусейнзаде, который отличался острым умом, обширными знаниями.

Автограф этой статьи, датированный 8 июля 1876 года, находится в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР, в архиве писателя. Она под названием «О Моллайи-Руми и его произведении» впервые была опубликована в третьем томе собрания сочинений М. Ф. Ахундова, на русском языке в книге: «Философско-политические произведения» М. Ф. Ахундова (1940). В настоящей одиотомнике она воспроизводится по книге: М. Ф. Ахундов. Изв. филос. произв. Б., 1982.

1. *Феня* (араб.) — означает уничтожение, седьмая, восьмая ступень духовного совершенства в учении суфиев.

2. ... и равным ей. — Со слов «Народ сказал им...» и до этих слов текст изложен в стихах на персидском языке. Далее до слов — «своего опасного века» — в прозе на персидском.

3. «История Асхаб кэхф». Известная легенда из Корана.

4. ...сказок о Хизре. Имеется в виду бессмертие пророка Хизра. В своем философском трактате «Письма Кемал-уд-Довле» М. Ф. Ахундов едко высмеивает утверждение мусульманских богословов о бессмертии пророка Хизра.

5. Я не вино Моллайи-Руми, нельзя не сказать то, что знаешь... Эти слова, как и пропущенные в книге продолжение: «Пускай Ахунд-Алекпер читает тысячу наставлений», в персидском подлиннике статьи даются в сноске.

ОБ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ «ЭКИНЧИ» (с. 256)

В газете «Кавказ» от 25 февраля (5 марта) 1875 года № 22, от 6 (18) августа 1875 года № 90 и 11 (23) января 1876 года № 5 были напечатаны три статьи, посвященные изданию первой азербайджанской газеты «Экинчи» («Пахарь»), инициатором, руководителем и редактором которой являлся видный азербайджанский просветитель и общественный деятель Гасан-бек Меликов Зардаби (1842—1906). Все эти три статьи в газете были без указания автора, анонимными, но их содержание явно показывает, что они принадлежат перу одного автора.

Видный азербайджанский литературовед Азиз Шариф в 1970 году, изучив эти статьи из газеты «Кавказ», высказал мнение, что некоторые суждения автора в первой статье сходны, порой даже идентичны, высказываниям

М. Ф. Ахундова из известного философского трактата «Письма Кемал-уд-Довле» в русском переводе, сделанном им в 1875 году при активном участии своего друга, видного русского востоковеда Ад. Берге. На основе этого Азиз Шариф заключил, что эти статьи написаны М. Ф. Ахундовым (подробно об этом см. журн. «Литературный Азербайджан», 1970, № 10).

Нам кажется, что мнение Азиза Шарифа можно считать убедительным (свое мнение мы подробно высказали в статье, опубликованной в газете «Эдебийат ве индженет» от 9 января 1971 года, № 2). Поэтому составитель счел необходимым включить все эти три статьи в настоящий одиотомник М. Ф. Ахундова. Статьи печатаются без изменений, так, как писал сам М. Ф. Ахундов, по книге «Современники о Г. Зардаби» (Б., «Элм», 1985).

1. *Известно, что в «стране роз» — благословенной Персии...* Здесь слова «страна роз», «благословенной» употребляются в переносном смысле, имеют иносказательное значение. Иран во второй половине XIX века находился в тяжелом политическом, экономическом и культурном состоянии. М. Ф. Ахундов в своем философском трактате «Письма Кемал-уд-Довле» и других статьях, а также в письмах к современникам подвергал острой, беспощадной критике иранское общество того времени.

2. ...газета — «Иран». В статье «Редактору газеты «Миллет» Высокого Ирана», включенной в настоящий одиотомник, М. Ф. Ахундов подвергал эту газету серьезной критике.

3. *Двести лет тому назад печатание чего бы то ни было парализовано было на Востоке.* Мотивом к подобному запрещению послужило убеждение, что красота почерка подрывается и умалется деревянными и свинцовыми буквами гуяров. Эта мысль была высказана М. Ф. Ахундовом впервые в своем философском трактате «Письма Кемал-уд-Довле» См.: М. Ф. Ахундов. Избр. филос. произв. Б., Азернешр, 1982, с. 43.

4. Такое мнение о современной персидской литературе М. Ф. Ахундов высказал в «Письмах Кемал-уд-Довле». Там же, с. 43—44.

5. Эта мысль также изложена в философском трактате «Письма Кемал-уд-Довле» М. Ф. Ахундова. Там же, с. 44.

6. *Саади-Ваккас* — предводитель арабского войска, посланного халифом Омаром для покорения Ирана и распространения среди его населения религии ислама.

7. Эти отрывки из поэмы «Шахнамэ» Фирдоуси приведены и в «Письмах Кемал-уд-Довле» М. Ф. Ахундова. Расхождения в основном заключаются в том, что в его философском трактате эти отрывки даны несколько более расширено. Там же, с. 38—41.

8. В сноске статьи в газете «Кавказ» программа газеты «Экинчи» («Пахарь») изложена так:

Отдел II сельскохозяйственный. Статьи сельскохозяйственного содержания, оригинальные или почерпнутые из других сочинений.

Отдел III научный. Статьи научные, частью оригинальные, частью переводные, касающиеся исключительно экономических и ближайших гражданских условий быта населения.

Отдел IV, смесь: 1) важнейшие правительственные распоряжения, преимущественно касающиеся туземцев; 2) биржевые, политические и позамышление сих последних из «Правительственного вестника» и других официальных периодических изданий и другие известия; 3) переводы замечательных решений и 4) распоряжения местные. Будет выходить в две недели раз в объеме одного печатного листа и печататься в имеющейся открыться типографии Меликова, в Баку. Подписная цена с доставкой и пересылкою — два рубля в год.

СОДЕРЖАНИЕ

Большой азербайджанский писатель и мыслитель (Вступительная статья Надиры Мамедова).	5
<i>Комедии</i>	
Молла-Ибрагим-Халил, алхимик.	21
Мусье Жордан, ученый ботаник, и дервиш Масталишах, знаменитый колдун.	33
Медведь, победитель разбойника.	55
Везир Ленкоранского ханства.	81
Приключенные скряги (Хаджи-Кара).	102
Адвокаты города Тебриза.	137
<i>Проза</i>	
Обманутые звезды. Повесть.	165
<i>Поэзия</i>	
На смерть Пушкина.	191
Письмо Закиру.	194
Послание знаменитому в Карабахе поэту Касум-беку Хянзиристани	195
Письмо Джафар-Кули-хану.	196
О Молле Али.	197
«Их подражания науки рвут устоя...»	198
«Любя лишь славу добрую свою...»	198
«Откуда этот шум и крик...»	199
Ванда.	199
Повесть о сенде Ахмеди Сальянском.	200
<i>Литературно-критические статьи</i>	
Указатель к книге.	205
О поэзии.	208
Критические заметки.	209
Критика. Редактору газеты «Миллет» Высокого Ирана.	216
Письмо Мирза Мухаммед Джафару Гарадажаге	234
Критика пьес Мирзы-Аги.	239
Критика «Ек кельме» («Одно слово»).	248
О Моллаи-Руми и его произведении.	252
Об издании газеты «Экинчи» («Пахарь»).	256
Комментарии.	263

Мирза Фатали Ахундов

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Баку - Азернешр - 1987

Мирза Фатэли Ахундов

СЕЧИЛМИШ ЭСЭРЛЭРИ

Редактор *Татьяна Рашевская*
Художники *В. Мартынов, Э. Мамедов*
Художественный редактор *Б. Хананьев*
Технический редактор *М. Балакишиев*
Корректоры *Ш. Ажорова, И. Кадымова*

ИБ № 4591

Сдано в набор 23.06.87. Подписано к печати 29.10.87.
Формат 60×90^{1/16}. Бум. типографская № 1. Печать
высокая. Гарнитура литературная. Услов. п. л. 19,1.
Усл. кр.-отт. 20,32. Учетн.-изд. л. 20,0.
Тираж 30 000. Заказ 651. Цена 2 руб. 10 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР
по делам издательства, полиграфии и
книжной торговли.

Азербайджанское ордена Дружбы народов
государственное издательство „Азернешр“.
Баку—370005, ул. Гуси Гаджиева, 4.

Производственное промышленное объединение
по печати.

Типография „Красный Восток“.
Баку, ул. Ази Асланова, 80.

2010K

2

675248